Престон Дуглас, Чайлд Линкольн

Танец на кладбище

* * *

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу дочери Веронике, Дуглас Престон – Карен Коплэнд

Глава 1

– Билл, ты думаешь, у меня получится? Я что-то сомневаюсь. Уже полдня прошло, а я все никак не могу поверить.

– Не сомневайся, милая. – Спустив с дивана длинные худые ноги, Уильям Смитбек потянулся и обнял жену за плечи. – Налей-ка мне еще.

Нора наполнила его стакан. Смитбек поднял его к свету, любуясь гранатовой жидкостью. За этот портвейн он выложил сотню баксов, но вино того стоило. Смитбек отпил глоток и громко выдохнул.

– Ты – восходящая музейная звезда. Вот погоди, лет через пять вообще станешь у них главной.

– Не говори глупости.

– Нора, бюджет урезают уже третий год подряд, а они вдруг дают твоей экспедиции зеленый свет. Этот ваш новый босс явно не дурак.

Смитбек уткнулся носом в Норины волосы. Его всегда волновал их запах – сейчас от них слегка веяло корицей и можжевельником.

– Ты только представь: летом мы вместе поедем в Юту на раскопки. Если, конечно, тебя отпустят с работы.

– У меня четыре недели отпуска. «Таймс», как водится, будет по мне безумно скучать, но ничего – как-нибудь обойдутся.

Он сделал еще один глоток и подержал вино во рту.

– Нора Келли, экспедиция номер три. Отличный подарок к нашей годовщине, лучше не придумаешь.

Нора бросила на него иронический взгляд:

– А разве сегодняшний ужин не был подарком?

– Именно так и было задумано.

– Все было здорово. Спасибо.

Смитбек только подмигнул в ответ. Он пригласил Нору в свое любимое «Кафе художников» на Шестьдесят седьмой улице. Идеальное место для романтического свидания. Мягкий интимный свет, уютные банкетки, приятно возбуждающие картины Говарда Чендлера Кристи и ко всему этому совершенно потрясающая еда.

Смитбек почувствовал на себе взгляд жены. Ее глаза и лукавая улыбка сулили еще один подарок. Он поцеловал ее в щеку и прижал к себе.

– Они дали мне все, о чем я просила, – со вздохом сказала Нора.

Смитбек что-то пробормотал в ответ. Уютно устроившись рядом с женой, он мысленно справлял поминки по только что поглощенной еде. В качестве аперитива он позволил себе парочку коктейлей с мартини, за которыми последовали всякие мясные деликатесы. Основное блюдо было представлено стейком по-беарнски с жареным картофелем и шпинатом под сметанным соусом. Ну и, конечно, ему досталась изрядная доля оленины, заказанной Норой…

– Ты понимаешь, что это значит? Я смогу закончить свою работу о распространении культа качина[1] на юго-западе страны.

– Это потрясающе.

На десерт им подали шоколадное фондю и тарелку с дивно пахнущими французскими сырами. Смитбек легонько погладил себя по животу.

Нора замолчала, и они какое-то время лежали неподвижно, наслаждаясь взаимной близостью. Смитбек украдкой посмотрел на жену, и чувство удовольствия накрыло его, словно одеяло. Он не был религиозен в прямом смысле этого слова, что не мешало ему чувствовать прямо-таки неземное блаженство от пребывания в великолепной квартире, находящейся в величайшем городе мира, где ему повезло получить работу, о которой он всегда мечтал. Нора была прекрасным спутником жизни. Им многое пришлось пережить вместе, но опасности и невзгоды только сблизили их. Она была красива, стройна, увлечена интересной работой, за которую к тому же хорошо платили, незлобива, чутка и умна – а главное, это была, что называется, родная душа. Смитбек невольно улыбнулся. Слишком хороша для этого мира. Такого просто не бывает.

– Рано еще расслабляться, – произнесла Нора, поднимаясь с дивана.

– Почему?

Она пошла на кухню, чтобы взять кошелек.

– У меня еще есть дело.

– Так поздно? – удивился Смитбек.

– Вернусь через десять минут.

Подойдя к дивану, Нора пригладила мужу волосы и нежно поцеловала его.

– Никуда не уходи, мой мальчик, – промурлыкала она.

– Ты что, смеешься? Меня с места не сдвинешь, как мыс Гибралтар.

Улыбнувшись, она снова провела рукой по его волосам и направилась к двери.

– Будь осторожна, – напутствовал ее Смитбек. – Не забывай о странных посылках, которые мы получаем.

– Не волнуйся. Я уже большая девочка.

Через мгновение хлопнула дверь, и послышался звук закрываемого замка.

Положив руки под голову, Смитбек со вздохом вытянулся на диване. Он слышал, как Нора прошла по коридору и вошла в лифт. Потом все стихло, кроме невнятного городского шума за окном.

Смитбек догадался, куда пошла его жена, – в кондитерскую за углом. Она была открыта до полуночи, и там делали замечательные торты, которые он так любил. Особенно ему нравилось генуэзское пралине со сливочным кремом и кальвадосом. Если повезет, Нора принесет именно его.

Он лежал в полумраке, прислушиваясь к дыханию Манхэттена. От выпитых коктейлей течение времени несколько замедлилось. Он вспомнил строчку из рассказа Тербера: «Все так приятно расплывается, все навевает сладкий сон». Он всегда чувствовал какую-то безотчетную симпатию ко всему, что писал его коллега по работе журналист Джеймс Тербер. А также ко всему, что выходило из-под пера автора дешевых романов Роберта Э. Говарда. Хотя, как ему казалось, один из них слишком уж старался, а другой, наоборот, откровенно халтурил.

Потом ему почему-то вспомнился тот летний день, когда он впервые встретил Нору. И сразу нахлынули воспоминания – Аризона, озеро Пауэлл, раскаленная от жары парковочная площадка, большой лимузин, на котором он приехал. Смитбек покачал головой и тихо рассмеялся. Нора Келли была типичной стервой на колесах: ну как же, свежеиспеченный доктор философии, готова бросить вызов всему миру. Он, правда, тоже произвел не лучшее впечатление, вел себя как последний осел. Это было четыре года назад. Или пять? Господи, как летит время.

За входной дверью послышался какой-то шорох, потом в замке звякнул ключ. Неужели Нора уже вернулась?

Смитбек подождал, пока откроется дверь, но вместо этого в замке опять что-то лязгнуло, словно Нора никак не могла открыть дверь. Может быть, ей мешает коробка с тортом? Он стал подниматься, чтобы помочь ей, но тут послышался скрип двери и шаги в коридоре.

– Я все еще здесь, как обещал, – объявил Смитбек. – Мистер Гибралтар собственной персоной. Но вы можете звать меня просто Гибби.

Опять послышались шаги, но это была не ее походка: слишком медленная и тяжелая, как будто кто-то волочил ноги, не решаясь войти.

Смитбек приподнялся с дивана. В дверном проеме показалась фигура, освещенная светом, падающим из коридора. Это была явно не Нора. Слишком уж большой рост и широкие плечи.

– Кто вы, черт побери? – спросил Смитбек, включая настольную лампу.

При свете он сразу же узнал вошедшего. Или ему показалось, что узнал, – в лице мужчины было что-то странное. Оно было пепельно-серым, одутловатым, почти распухшим. Словно человек был серьезно болен… или еще того хуже.

– Колин? Это вы? Что, черт возьми, вы делаете в моей квартире?

И тут он увидел нож.

Смитбек вскочил с дивана. Человек шагнул в комнату, отрезав Смитбеку путь к отступлению. На мгновение оба застыли. А потом нож вспорол воздух в том месте, где Смитбек находился секунду назад.

– Какого дьявола? – завопил Смитбек.

Человек снова замахнулся, и Смитбек, пытаясь увернуться, налетел на кофейный столик, который с грохотом опрокинулся на пол. Вскочив на ноги, Смитбек повернулся к нападавшему и, пригнувшись, расставил руки, угрожающе растопырив пальцы. Глаза его бегали по комнате в надежде обнаружить какое-нибудь орудие защиты. Ничего подходящего. Путь на кухню перекрыт. Надо прорываться и искать там нож, а с ним надежду на спасение.

Наклонив голову, Смитбек выставил вперед локоть и бросился напролом. Человек отшатнулся, но в последний момент все же успел нанести своей жертве удар, располосовав Смитбеку руку от плеча до локтя. Тот дернулся, вскрикнув от боли, и сразу же почувствовал ни с чем не сравнимый холод стали, вонзившейся ему в спину.

Казалось, она бесконечно долго вторгалась в его тело, раздирая все внутри и пронзая его острой болью, которую в прошлом ему пришлось пережить лишь однажды. Судорожно глотнув воздух, Смитбек попытался вырваться, но пошатнулся и упал на пол. Он почувствовал, что нож вышел из его тела, чтобы сразу вонзиться опять. По спине что-то потекло, словно кто-то облил его теплой водой.

Собрав последние силы, Смитбек поднялся на ноги и пошел врукопашную. Человек стал отбиваться ножом, изрезав Смитбеку все руки, но тот уже не чувствовал боли. Град ожесточенных ударов поверг нападавшего на пол. Воспользовавшись этим, Смитбек повернулся, чтобы ретироваться на кухню. Пол под его ногами раскачивался во все стороны, а при каждом вздохе в груди что-то булькало. Задыхаясь и пошатываясь, он добрался до кухни и липкими пальцами выдвинул ящик, где лежали ножи. Но тут на стол упала тень, и он почувствовал страшный удар между лопатками. Смитбек дернулся в сторону, но нож все поднимался и опускался, пока его окровавленное лезвие не исчезло перед помутневшим взором жертвы…

Праздник окончен, погасли огни,

На погребальном костре вновь зажгутся они…

Двери лифта открылись, и Нора вышла на площадку. Она не зря потратила время. Билл, вероятно, все еще лежит на диване с романом Теккерея, о котором он с таким восторгом говорил всю неделю. Осторожно держа коробку с тортом, она вынула ключ. Муж, конечно, догадался, куда она пошла; но какие могут быть сюрпризы через год после свадьбы?

Что-то было не так. Поглощенная своими мыслями, она не сразу заметила, что дверь в их квартиру распахнута настежь.

Пока Нора смотрела на дверь, из квартиры вышел человек. Она сразу узнала его. В руке он держал огромный нож, а вся его одежда была залита кровью. Человек стоял и смотрел на нее, а с ножа капала кровь.

Повинуясь какому-то необъяснимому инстинкту, Нора бросила торт и кинулась к этой зловещей фигуре. Из квартир стали выходить соседи. Их испуганные крики гулко разносились по коридору. Человек поднял нож, но Нора, отбросив его руку, успела ударить нападавшего в солнечное сплетение. Он ударил ее в ответ, и она отлетела к противоположной стене, разбив голову о стену. Сползая на пол, она увидела, как он тяжелой походкой приближается к ней, высоко подняв нож. Она резко отшатнулась, и он промахнулся. Тогда он пнул ее ногой в голову и снова занес нож. Подъезд огласился криками. Но Нора уже не слышала их. Мир погрузился в тишину, и только невнятные образы все еще стояли у нее перед глазами. Потом исчезли и они.

Глава 2

Лейтенант Винсент д’Агоста стоял на заполненной людьми площадке у двери в трехкомнатную квартиру. Он пошевелил плечами, чтобы взмокшая синтетическая рубашка под коричневым пиджаком хоть немного отлипла от тела. Он был очень зол, а злиться ему было нельзя. Злость отвлекает внимание и мешает сосредоточиться.

Он попытался снять напряжение, для чего глубоко вздохнул, чтобы злость вышла из него вместе с воздухом.

Дверь квартиры открылась, и на пороге появился худой сутулый мужчина с хохолком волос на голове. Одной рукой он толкал алюминиевый ящик, пристегнутый ремнями к тележке, а в другой нес какие-то инструменты.

– Мы закончили, лейтенант.

Он расписался в журнале, который ему протянул один из полицейских. То же самое сделал его напарник.

Д’Агоста посмотрел на часы. Три часа ночи. Осмотр места преступления занял много времени. Это было проделано весьма тщательно. Полицейским было известно, что они со Смитбеком давние друзья. Д’Агоста с раздражением смотрел, как сослуживцы ходят мимо него, опустив головы и бросая косые взгляды, словно оценивая, как он ко всему этому относится. И к тому же наверняка гадают, будет ли он заниматься расследованием этого дела. При таком раскладе не многие бы согласились на это. Хотя бы потому, что в суде придется отвечать на кучу вопросов. Не очень-то приятно детективу быть в шкуре свидетеля. «Убитый был вашим другом? Вам не кажется, что это довольно странное совпадение?» Судьям совершенно ни к чему дополнительные сложности. Окружные прокуроры терпеть не могут подобные случаи.

Однако д’Агоста не собирался отказываться от расследования. Ни за что на свете. К тому же дело было довольно простым. Преступник, без сомнения, будет признан виновным, все улики налицо. Остается только найти эту сволочь.

Следственная бригада покинула квартиру и отбыла, оставив д’Агосту наедине с его мыслями. Он еще немного постоял на пустой площадке, чтобы успокоиться. Потом натянул латексные перчатки, надел на лысеющую голову сетку и вошел в квартиру. Его слегка подташнивало. Тело уже увезли, но больше ничего не трогали. Из прихожей была видна часть комнаты с лужей крови на полу и красными следами ног. По светло-желтой стене тоже была размазана кровь.

Он осторожно переступил через лужу и вошел в комнату. Кожаный диван, пара кресел, перевернутый кофейный столик, пятна крови на

персидском ковре. Сыщик медленно прошел в центр комнаты, осторожно переступая ботинками на каучуковой подошве. Потом остановился и огляделся вокруг, стараясь представить, как произошло преступление.

Д’Агоста попросил следственную бригаду взять как можно больше образцов крови из лужи на полу, пятен на ковре, следов ног и отпечатков на стене. Смитбек сопротивлялся как бешеный. Вряд ли преступнику удалось скрыться, не оставив в квартире свою ДНК.

На первый взгляд все было предельно ясно. Спонтанное беспорядочное убийство. Преступник проник в квартиру с помощью ключа. Смитбек находился в гостиной. Убийца ударил его ножом, а потом завязалась борьба, которая продолжилась на кухне. Смитбек попытался вооружиться – ящик с ножами был выдвинут, на его ручке и на кухонном столе остались следы крови. Но достать он ничего не успел. Его ударили ножом в спину. Снова началась драка. Смитбек был уже серьезно ранен – весь пол залит кровью, повсюду следы босых ног. Д’Агоста был уверен, что к этому времени и преступник не остался невредимым. Наверняка здесь есть его кровь, волосы, частицы кожи. В пылу борьбы он, конечно, тяжело дышал и хрипел, так что не исключены брызги слюны и мокроты. Д’Агоста не сомневался, что следственная бригада все это обнаружила. Они даже вырезали и забрали образцы половых досок, включая те, где были отметины от ножа. Взяли куски штукатурки со стен, собрали все волоконца, пушинки и песчинки, которые смогли найти.

Взгляд сыщика скользил по кухне, в мозгу прокручивалась сцена убийства. В конце концов ослабевший от потери крови Смитбек уже не мог сопротивляться, и убийца нанес роковой удар. По словам судмедэксперта, нож прошел через сердце и вышел наружу, воткнувшись на полдюйма в пол. Чтобы его извлечь, преступнику пришлось с силой раскачивать ручку, еще больше расщепляя дерево. Представив эту картину, д’Агоста почувствовал, как его снова охватывает гнев. Часть доски со следом ножа тоже была изъята.

Конечно, все эти подробности особого значения не имели – они уже знали, кто совершил преступление. Но с уликами всегда лучше перестраховаться. Никогда не знаешь, каких присяжных наберут в этом сумасшедшем городе.

Преступник оставил в квартире какие-то загадочные предметы. Растрепанный пучок перьев, перевязанный зеленым шнурком. Обрывок ткани с яркими блестками. Крошечный пергаментный пакетик с землей, на котором изображены какие-то таинственные знаки. Он опустил их в лужу крови, как некие жертвенные символы. Разумеется, ребята из

следственной бригады забрали их с собой, но д'Агоста все время мысленно возвращался к ним.

Однако кое-что они не смогли забрать: торопливо набросанный рисунок на стене, изображавший двух змей, обвившихся вокруг странного колючего растения со звездами, стрелками и замысловатыми линиями. Там же виднелось слово, похожее на «ДАМБАЛА». Оно было написано кровью Смитбека.

Д'Агоста прошел в спальню и стал осматривать обстановку: кровать, бюро, зеркало, ковер, стены, потолок и окно, выходящее на Уэст-Энд-авеню. В дальнем конце спальни находилась ванная комната, дверь в которую была закрыта. Странно. Когда он в прошлый раз заглядывал сюда, она была распахнута.

Из ванной послышался какой-то звук, словно включили и сразу же выключили воду. Возможно, там задержался кто-то из следственной бригады. Подойдя к ванной, д'Агоста дернул ручку, но дверь оказалась заперта.

– Эй, кто там? Какого черта вы там закрылись?

– Одну минуточку, – послышалось из-за двери.

Д'Агоста разозлился. Этот идиот пошел в сортир. На месте преступления. Совсем спятил.

– Немедленно открой дверь, парень.

Дверь распахнулась – на пороге стоял специальный агент А. К. Л. Пендергаст. В одной руке он держал штатив с пробирками, в другой – пинцет, а на голове у него красовалась лупа, которой обычно пользуются ювелиры.

– Винсент, – произнес знакомый масленый голос. – Сожалею, что мы опять встречаемся при печальных обстоятельствах.

Д'Агоста с изумлением уставился на него:

– Я не знал, что вы вернулись, Пендергаст.

Пендергаст проворно опустил пинцет в карман и сунул штатив с пробирками в кожаный саквояж. Туда же перекочевала и лупа.

– Убийца не заходил ни сюда, ни в спальню. Это очевидно, но я все-таки решил подстраховаться.

– А что, этим делом занялось ФБР? – спросил д’Агоста, следуя за Пендергастом, который направился в гостиную.

– Не совсем.

– Так вы здесь по собственной инициативе? Опять играете в свободного художника?

– Можно сказать и так. Я буду вам очень признателен, если мое вторжение пока останется между нами, – произнес агент, поворачиваясь к д’Агосте. – Вы меня поняли, Винсент?

Д’Агоста начал рассказывать, как, по его мнению, произошло преступление. Пендергаст одобрительно кивал.

– Вообще-то, все это не столь уж важно, – подвел итог лейтенант. – Мы уже знаем, кто этот подонок. Осталось его найти.

Пендергаст вопросительно поднял брови.

– Он живет в этом доме. У нас есть два свидетеля, которые видели, как убийца вошел в квартиру, и двое других, которые видели, как он вышел оттуда весь в крови и с ножом в руках. Выйдя из квартиры, он напал на Нору Келли, но на шум вышли соседи, и он убежал. Они его хорошо разглядели, я имею в виду соседей. Нора сейчас в больнице. У нее небольшое сотрясение мозга, в остальном она в безопасности. За исключением одного обстоятельства.

Пендергаст опять слегка кивнул.

– Этого типа зовут Феринг. Колин Феринг. Безработный английский актер. Живет в квартире двести четырнадцать. Пару раз пытался пристать к Норе в подъезде. Похоже, это было неудавшееся изнасилование. Возможно, он надеялся застать Нору в квартире одну, а вместо этого напоролся на Смитбека. Очень может быть, что он похитил ключ из ящика портье. Мы это проверим.

На этот раз никаких одобрительных кивков не последовало. Только знакомый непроницаемый взгляд бездонных серебристо-серых глаз.

– Так или иначе, дело это довольно простое, – сказал д’Агоста, словно оправдываясь. – Кроме Норы, есть еще свидетели. Камеры его тоже засекли. Получилось отличное кино, прямо хоть «Оскара» давай. Видно, как он входит, а потом выходит весь в крови, с ножом в руке, тащит свою проклятую задницу через вестибюль, угрожает портье, а потом смывается. Присяжным будет на что посмотреть.

– Вы говорите, дело простое?

Д’Агоста уловил в голосе Пендергаста нотку сомнения.

– Да, – твердо ответил он. – Все ясно как божий день. – И посмотрел на часы. – Меня ждут внизу. Там ребята уже опросили портье. Он будет главным свидетелем. Очень надежный, порядочный, семейный человек. Знал преступника много лет. Хотите задать ему парочку вопросов, прежде чем мы отпустим его домой?

– Буду рад. Но до того, как мы спустимся вниз…

Не закончив фразу, агент запустил руку в нагрудный карман черного костюма. В длинных тонких пальцах, в которых было что-то паучье, оказался сложенный листок бумаги. Театральным жестом он протянул его д’Агосте.

– Что это?

Развернув листок, д’Агоста увидел красный штамп нотариуса, официальную печать Нью-Йорка, изящные вензеля и несколько подписей.

– Это свидетельство о смерти Колина Феринга, выданное десять дней назад.

Глава 3

Д’Агоста вошел в закуток портье, работавшего в доме № 666 по Уэст-Энд-авеню. За ним следовала призрачная фигура Пендергаста. Портье, толстый доминиканец по имени Энрико Москеа, сидел на металлическом стуле, широко расставив похожие на окорока ноги. У него были тонкие черные усики и завитые волосы. При виде детективов он вскочил с удивительной для такой комплекции живостью.

– Поймайте этого сукина сына, – страстно произнес он. – Вы уж не упустите его. Смитбек такой хороший человек был. Говорю вам…

Д’Агоста мягко прикоснулся к аккуратной коричневой униформе портье:

– Это спецагент Пендергаст из ФБР. Он будет нам помогать.

Портье посмотрел на Пендергаста:

– Это хорошо. Просто отлично.

Д’Агоста глубоко вздохнул. Он еще не до конца осознал все значение продемонстрированного Пендергастом документа. Возможно, они имеют дело с близнецами. А может быть, существуют два Колина Феринга. Нью-Йорк большой город, и чуть не половину англичан здесь зовут Колин. И медики тоже могли ошибиться.

– Я знаю, что вам уже пришлось ответить на кучу вопросов, мистер Москеа, – продолжал д’Агоста. – Но агент Пендергаст хочет задать вам еще парочку.

– Нет проблем. Я готов ответить хоть на сотню, если это поможет поймать этого гада.

Д’Агоста вытащил блокнот. Пусть Пендергаст послушает, что говорит портье. Такой свидетель заслуживает доверия.

– Мистер Москеа, расскажите, что вы видели. С самого начала, – мягко попросил Пендергаст.

– Этот парень, Феринг, пришел, когда я сажал одного из жильцов в такси. Я видел, как он вошел. Выглядел он неважно, как будто только что с кем-то подрался. Лицо распухшее, глаз вроде как подбит, кожа какого-то странного цвета, слишком уж бледная. И шел он как-то не так. Слишком медленно.

– Когда вы его видели в последний раз до этого?

– Недели две назад. Он, наверно, куда-то уезжал.

– Продолжайте.

– Ну, он прошел мимо меня к лифту. А чуть позже вернулась миссис Келли. Минут через пять. А потом он снова появился. Это был прямо ужас какой-то. Весь в крови, с ножом в руках, шатался, будто у него что-то болело. – Москеа немного помолчал. – Я попытался его схватить, но он замахнулся на меня ножом, а потом повернулся и убежал. Я сразу вызвал полицию.

Пендергаст потер рукой подбородок:

– Насколько я понял, вы сажали человека в такси и поэтому видели подошедшего преступника только мельком.

– Нет, не мельком. Я долго на него смотрел. Ведь я уже говорил, что он шел очень медленно.

– Вы сказали, что лицо у него было распухшее? А не мог это быть кто-нибудь другой?

– Феринг живет здесь уже шесть лет. Я этому сукину сыну дверь по три-четыре раза в день открывал.

Пендергаст сделал паузу.

– Насколько я понял, когда он вышел, лицо у него было в крови.

– Нет, на лице крови не было. Ну, может, самая малость. Кровь была на одежде и на руках. И на ноже тоже.

Пендергаст еще немного помолчал.

– А что, если я вам скажу, что труп Колина Феринга был найден в реке Гарлем десять дней назад?

– А я вам отвечу, что вы ошибаетесь, – прищурил глаза Москеа.

– Боюсь, что нет, мистер Москеа. Тело опознано, сделано вскрытие, и все такое прочее.

Портье выпрямился во весь свой невысокий рост и с достоинством произнес:

– Если вы мне не верите, посмотрите пленку. Там ясно видно, что это Колин Феринг. – Он с вызовом посмотрел на Пендергаста. – Мне дела нет до какого-то там трупа в реке. Убийца – Колин Феринг. Я это точно знаю.

– Благодарю вас, мистер Москеа, – закончил разговор Пендергаст.

Д’Агоста прочистил горло:

– Если нам опять понадобятся ваши показания, я дам вам знать.

Подозрительно покосившись на Пендергаста, портье кивнул:

– Это Колин Феринг его убил. Вот его и ищите.

Они вышли на улицу. После гнетущей духоты квартиры бодрящий октябрьский воздух показался им особенно свежим. Пендергаст махнул рукой в сторону «Роллс-ройса-59» «Серебряный призрак», припаркованного у дома. Сквозь стекло был виден бесстрастный профиль Проктора, личного шофера Пендергаста.

– Не хотите проехаться в центр?

– Почему бы и нет. Уже половина четвертого. Поспать все равно не удастся.

Д’Агоста влез в обитый кожей салон. Пендергаст сел рядом.

– Давайте-ка посмотрим пленку из камеры слежения.

Спецагент нажал на кнопку в подлокотнике, и с потолка спустился экран. Д’Агоста вынул из портфеля диск.

– Это копия. Оригинал уже в управлении.

Пендергаст отправил диск в плеер. Через мгновение на экране появился вестибюль дома № 666 по Уэст-Энд-авеню. Камера перекрывала все пространство от лифта до входной двери. Указатель времени в углу экрана бесстрастно отсчитывал секунды. Уже, наверное, в десятый раз д’Агоста наблюдал, как портье вышел с одним из жильцов на улицу, где их ждало такси. В это время в вестибюле появился человек. В его тяжелой походке было что-то зловещее – он медленно и как бы бессознательно продвигался вперед, еле волоча ноги. Потом он взглянул на камеру остекленевшими и какими-то незрячими глазами. Одет человек был тоже странно: поверх рубашки наброшено ярко-красное одеяние с блестками, на котором изображены разноцветные круги сердца и кости. Лицо опухшее и бесформенное.

Пендергаст перемотал запись, пока на экране не появилась новая фигура. Это была Нора Келли с коробкой в руках. Она вошла в лифт и исчезла с экрана. Еще одна перемотка, и на экране вновь появился Феринг, выходящий из лифта. Вид у него был совсем дикий. Одежда разорвана и залита кровью, в правой руке тяжелый нож, которым обычно пользуются аквалангисты. Портье попытался его задержать, но Феринг замахнулся на него ножом и, пройдя через двойную дверь, исчез в темноте.

– Вот тварь! – рявкнул д’Агоста. – Яйца бы ему оторвать и скормить с гренками!

Он посмотрел на Пендергаста. Агент был погружен в раздумья.

– Согласитесь, все детали видны очень четко. А вы уверены, что в реке нашли труп именно Феринга?

– Его сестра опознала труп. У него были родинки и татуировки, которые помогли это сделать. Медэксперт, который его осматривал, вполне надежный парень, хотя несколько трудноват в общении.

– А как он умер?

– Самоубийство.

Д’Агоста хмыкнул:

– Другие родственники у него есть?

– Мать находится в доме для престарелых. Она не в своем уме. Больше никого нет.

– А сестра?

– После опознания она вернулась в Англию. – Немного помолчав, Пендергаст пробормотал: – Любопытно, весьма любопытно.

– Что именно?

– Мой дорогой Винсент, в этом и без того загадочном деле есть один момент, который сбивает меня с толку. Вы заметили, что сделал преступник, когда зашел в вестибюль?

– Что?

– Он посмотрел в камеру.

– Он знал, где она находится. Ведь он жил в этом доме.

– То-то и оно.

И агент ФБР вновь погрузился в размышления.

Глава 4

Кейтлин Кидд сидела в своем «RAV-4», держа в одной руке утренний сэндвич, а в другой – большой стакан с черным кофе. На руле лежал номер «Венити фейр», который она внимательно изучала. За окном шумел нескончаемый транспортный поток, медленно продвигавшийся по Семьдесят девятой улице.

На приборной панели хрипло подала голос полицейская рация, и Кейтлин переключила свое внимание на нее.

«...Управление вызывает двадцать пять – двадцать семь, ответьте десять – пятьдесят на углу Сто восемнадцатой и Третьей улиц...»

Быстро потеряв интерес к рации, Кейтлин продолжила листать страницы, одновременно поглощая бутерброд.

Будучи криминальным репортером, Кейтлин часто и помногу разъезжала. Преступления нередко совершались в отдаленных уголках Манхэттена, и собственная машина давала сто очков вперед метро или такси. Если, конечно, хорошо ориентироваться в городе. В ее работе, где главное – раньше всех опубликовать сенсационный материал, счет шел на минуты. Полицейская рация позволяла быть в курсе событий. Настоящая большая сенсация – вот что ей было нужно сейчас.

Зазвонил сотовый, лежащий на пассажирском сиденье.

Взяв трубку, она прижала ее подбородком к плечу, управляясь, как искусный жонглер, сразу с тремя предметами: сэндвичем, кофе и телефоном.

– Кидд слушает.

– Кейтлин, ты где?

Она сразу узнала голос. Это был Ларри Бэссингтон, составитель некрологов из «Уэстсайдера», дешевого таблоида, где они оба работали. Он вечно ее преследовал. Она позволила ему пригласить себя на обед, поскольку была на мели, а получка ожидалась только в конце недели.

– В поле.

– Так рано?

– На рассвете самые интересные звонки. Именно тогда они находят покойников.

– Чего ради так напрягаться? «Уэстсайдер» ведь не «Дейли ньюс». Эй, не забудь, что…

– Подожди минутку.

Кейтлин опять прислушалась к рации.

«…Управление вызывает тридцать один – тридцать три, сообщение от десять – пятьдесят три на Бродвее, пятнадцать – семьдесят девять. Прошу ответить… Тридцать один – тридцать три вызывает управление, десять – четыре…»

Она выключила рацию и возвратилась к разговору.

– Извини, что ты сказал?

– Не забудь о нашем свидании.

– Это не свидание. Просто обед.

– Дай хоть помечтать. Куда ты хочешь пойти?

– Ты приглашаешь, ты и решай.

Последовало молчание.

– Как насчет вьетнамского ресторанчика на Тридцать второй?

– Нет уж, спасибо. Я там вчера обедала и потом весь день жалела об этом.

– Ну ладно. Тогда пойдем к Альфредо?

Кейтлин опять переключилась на рацию.

«…Диспетчер, диспетчер, это семьдесят четыре – семьдесят семь по поводу убийства десять – двадцать девять, жертва – Уильям Смитбек – находится в машине судмедэкспертизы. Инспектор покидает место преступления. Десять – четыре, семьдесят четыре – семьдесят семь…»

Кейтлин чуть не уронила стакан.

– Вот блин! Ты слышал?

– Ты это о чем?

– Только что сообщили по рации. Убийство. И я знаю убитого – это Билл Смитбек. Тот парень, что пишет для «Таймс». Я познакомилась с ним на конференции журналистов в Колумбии где-то с месяц назад.

– Почему ты думаешь, что это тот самый парень?

– Ты много знаешь людей по фамилии Смитбек? Послушай, Ларри, мне надо ехать.

– Бедняга. Так как насчет обеда...

– К черту обед.

Кейтлин включила зажигание и отпустила трубку, которая упала к ней на колени. Выжав сцепление, она так резко взяла с места, что куски салата, помидоров, зеленого перца и яичницы разноцветным веером разлетелись по машине.

Добраться до Уэст-Энд-авеню было делом пяти минут. Кейтлин здорово наловчилась ездить по городу, а на ее «тойоте» было ровно столько вмятин и царапин, сколько требуется, чтобы держать на расстоянии всякого, кто мог посчитать, что еще одна погоды не сделает. Она втиснула машину на пятачок перед пожарным гидрантом. Если повезет, она успеет все записать и смыться, прежде чем ее застукает дорожная полиция. А нет – так и черт с ним: ей на машину налепили уже столько квитанций, что сумма штрафов давно превысила ее стоимость.

Кейтлин быстро пошла мимо домов, на ходу вынимая цифровой диктофон. У дома № 666 стояло несколько машин: две патрульные, «форд-краун-виктория» и «скорая помощь». От подъезда отъезжала труповозка. На верхней ступеньке лестницы, ведущей к подъезду, стояли двое полицейских в форме, преграждая вход в дом всем, кроме жильцов. Внизу на тротуаре толпились люди, переговаривающиеся вполголоса. Лица у них были напряженные и испуганные, словно они увидели привидение.

Кейтлин привычно внедрилась в толпу и стала прислушиваться к разговорам, умело отсеивая пустую болтовню и выуживая тех, кто, похоже, что-то знал. Она повернулась к лысому толстяку с лицом цвета спелого граната. Несмотря на то что на улице было прохладно, он обильно потел.

– Прошу прощения, – сказала она, подходя к нему. – Кейтлин Кидд, пресса. Это правда, что Уильяма Смитбека убили?

Тот утвердительно кивнул.

– Того самого репортера?

Мужчина опять кивнул:

– Вот беда-то. Отличный был парень, газеты мне бесплатные давал. Вы с ним работали?

– Я работаю в криминальном отделе «Уэстсайдера». Так вы его знали?

– Он жил дальше по коридору. Я его только вчера видел. – Толстяк покачал головой.

Это было то, что нужно.

– А что именно там произошло?

– Вчера поздно вечером его зарезали. Я все слышал. Это было ужасно.

– А кто убийца?

– Я его видел и сразу узнал. Он в этом же доме живет. Колин Феринг.

– Колин Феринг, – медленно повторила Кидд в диктофон.

На лице мужчины появилось какое-то странное выражение.

– Но тут есть одна закавыка.

Кидд встрепенулась:

– Да?

– Вообще-то, Феринг умер две недели назад.

– Что?! Как так?

– Его тело нашли в реке у Спатен-Дайвила. Его уже опознали, вскрыли, все сделали.

– Вы точно знаете?

– Полицейские сказали об этом портье. А он сообщил нам.

– Ничего не понимаю.

Мужчина покачал головой:

– Я тоже.

– Но вы уверены, что вчера видели именно Колина Феринга?

– На все сто. Спросите у Хейди, она тоже его узнала. – Мужчина указал на испуганную даму ученого вида, стоящую рядом с ним. – Портье его тоже видел. Даже подрался с ним. Вон он из подъезда выходит.

И он махнул рукой в сторону двери, из которой вышел коротенький щеголеватый мужчина латиноамериканской наружности.

Кейтлин быстро записала их имена и кое-какие важные детали. Можно только представить, с какими заголовками выйдет сегодня «Уэстсайдер».

У дома стали появляться другие репортеры, слетающиеся, как грифы на мертвечину. Они препирались с полицейскими, которые стали загонять жильцов в дом. Подойдя к машине, Кейтлин увидела листок, подсунутый под один из дворников.

Но ей было наплевать. Добытая сенсация того стоила.

Глава 5

Нора Келли открыла глаза. Было тихо и темно. Из окна больничной палаты веял слабый ветерок, шевеливший шторки, которыми была задернута соседняя кровать.

Действие обезболивающих средств закончилось, и Нора поняла, что больше не заснет. Она неподвижно лежала на кровати, стараясь держаться, чтобы ее окончательно не захлестнули отчаяние и безграничный ужас. Мир был жесток и безжалостен, ее жизнь потеряла всякий смысл. Но все же она постаралась взять себя в руки и, чтобы отвлечься, стала прислушиваться к слабому биению пульса в висках и ловить больничные шумы, доносившиеся из-за двери. Постепенно сотрясавшая ее дрожь прошла.

Билл – ее муж, друг и любимый человек – ушел навсегда. Она не видела его мертвым, но чувствовала эту смерть всем своим существом. Внутри ее образовалась пустота. Его больше нет на этой земле.

Время шло, а потрясение и горечь утраты не становились слабее. Они лишь росли с каждым часом, затуманивая сознание и путая мысли. Как это могло произойти? Этот непередаваемый кошмар, проклятие безжалостного Бога. Еще вчера они отмечали годовщину свадьбы. А теперь… теперь…

Ее накрыла волна невыносимой боли. Она потянулась к звонку, чтобы ей сделали очередной укол морфия, но потом передумала. Это не выход. Закрыв глаза, она стала ждать, когда ее сморит целительный сон, хотя прекрасно знала, что этого не произойдет. Возможно, уже никогда.

Вдруг она услышала какой-то звук. Он показался ей знакомым. Инстинкт подсказал ей, что именно от этого звука она проснулась. Нора широко открыла глаза. С соседней кровати доносилось что-то похоже на

хрипение. Нора с облегчением вздохнула. Наверное, пока она спала, туда положили нового пациента.

Она повернула голову, пытаясь разглядеть сквозь шторки свою соседку. Оттуда отчетливо слышалось тяжелое прерывистое дыхание. Вдруг шторка шевельнулась. Но не от сквозняка, а скорее от движения тела на кровати. Потом послышался вздох и шуршание накрахмаленных простыней. На полупрозрачные шторки падал свет из окна, освещавший темный силуэт на кровати. Фигура стала медленно подниматься, хрипя от усилий. Потом подняла руку и прикоснулась к шторкам изнутри.

Нора видела, как неясная тень скользит по складкам, заставляя шторки колыхаться. Наконец рука нашла прорезь, скользнула наружу и схватилась за край материи.

Нора внимательно присмотрелась. Рука была грязной. На ней виднелись темные влажные разводы, похожие на кровь. И чем дольше она присматривалась, тем отчетливее осознавала, что это действительно кровь. Наверное, ее соседку только что привезли из операционной или у нее разошлись швы. По-видимому, ей плохо.

– С вами все в порядке? – хрипло спросила Нора.

В гнетущей тишине голос ее прозвучал особенно громко.

Послышался стон. Рука начала очень медленно отдергивать шторку. Было что-то жуткое в этом неспешном движении колец по штанге. В их холодном звяканье угадывался какой-то потусторонний ритм. Нора снова потянулась к звонку.

В этот момент шторка полностью отдернулась, открывая взгляду черную фигуру в рваной одежде, покрытой темными пятнами. Грязные слипшиеся волосы дыбом стояли на голове. У Норы перехватило дыхание. Фигура медленно повернула голову и уставилась на нее. Из раскрытого рта послышался гортанный звук, похожий на тот, с которым вода всасывается в сток раковины.

Нащупав кнопку, Нора стала неистово звонить.

Фигура спустила ноги на пол, немного помедлила, как бы собираясь с силами, и неуверенно поднялась. Некоторое время она раскачивалась в полумраке палаты. Потом сделала маленький, как бы пробный, шажок в сторону Норы. Лицо ее попало в полоску света, падающего из двери, и Нора увидела распухшее, запачканное влажной землей лицо. Черты его были искажены. Что-то леденяще знакомое было в этом лице и странных неуклюжих движениях. Фигура сделала еще один шаг и подняла трясущуюся руку, чтобы схватить Нору…

Пронзительно вскрикнув, женщина отшатнулась и замахала руками, пытаясь себя защитить. Ноги ее запутались в простынях. Громко крича и молотя по звонку, она отчаянно пыталась освободиться. Куда девалась дежурная сестра? Выпутавшись наконец из простыней, Нора в панике вскочила с кровати, но тут же упала на пол, налетев на капельницу…

Через мгновение, показавшееся ей бесконечным, она услышала голоса и топот ног. В палате зажегся свет, и над Норой склонилась сестра. Она помогла ей подняться с пола, мягко увещевая:

– Успокойтесь, вам что-то приснилось…

– Оно было здесь! – крикнула Нора, пытаясь вырваться. – Вон там!

Она хотела поднять руку, чтобы указать, где именно, но сестра крепко обхватила ее, не давая двигаться.

– Ложитесь в кровать, – убеждала она Нору. – После сотрясения мозга часто бывают ночные кошмары.

– Нет! Это было наяву, клянусь вам!

– Конечно, вам так казалось. Но сейчас все прошло.

Сестра уложила ее на кровать и накрыла простыней.

– Посмотрите! Вон там, за шторками!

Голову Норы пронзала пульсирующая боль, она с трудом осознавала, что происходит.

Вошла еще одна сестра со шприцем в руках.

– Понимаю, понимаю, но сейчас вы в безопасности…

Сестра положила Норе на лоб холодный компресс. Та почувствовала, как в руку вонзается игла. Появилась третья сестра и подняла с пола капельницу.

– …там, за шторками… на кровати…

Нора почувствовала, как тело ее расслабляется.

– Здесь? – спросила сестра, отдергивая шторку.

Нора увидела тщательно застланную пустую кровать.

– Вот видите, вам это просто приснилось.

Нора лежала на кровати, чувствуя приятную тяжесть в руках и ногах. Да, ей, наверное, показалось.

Сестра натянула простыню, подоткнув ее края под матрас. Другая сестра поставила на штатив новую бутылку с раствором. Все казалось каким-то нереальным. Нора почувствовала страшную усталость. Конечно, это был сон. Ее охватило безразличие, и от этого по телу разлилась приятная истома…

Глава 6

Винсент д'Агоста робко постучал в полуоткрытую дверь больничной палаты. Утреннее солнце заливало коридор, золотя сверкающее металлом оборудование, выстроившееся вдоль облицованных кафелем стен.

– Войдите, – ответил неожиданно громкий голос.

Д'Агоста неуверенно вошел в палату и положил шляпу на стул. Впрочем, ее тотчас же пришлось убрать, поскольку, кроме стула, сидеть было негде. В таких ситуациях он всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Бросив осторожный взгляд на Нору, он увидел совсем не то, что ожидал. Вместо убитой горем растерянной вдовы перед ним оказалась вполне владеющая собой женщина. Глаза у нее покраснели, но в них светилась уверенность. Только бинт на голове и небольшой синяк под правым глазом напоминали о нападении, произошедшем два дня назад.

– Нора, мне чертовски жаль, поверьте… – сказал он дрогнувшим голосом.

– Билл считал вас своим другом, – произнесла она, тщательно подбирая слова, словно не совсем понимала их смысл.

Последовало молчание.

– Как вы себя чувствуете? – спросил д'Агоста, сознавая, как фальшиво это звучит.

Покачав головой, Нора в свою очередь спросила:

– А вы как себя чувствуете?

– Паскудно, – прямо заявил он.

– Он был бы рад, что вы… ведете это дело.

Д'Агоста молча кивнул.

– Днем меня осмотрит доктор, и, если все в порядке, меня отпустят домой.

– Нора, я хотел бы с вами поговорить. Мы найдем этого мерзавца. Найдем, посадим и выбросим ключи.

Нора промолчала.

Д’Агоста потер лысину:

– Но чтобы это сделать, я должен задать вам несколько вопросов.

– Задавайте. Мне легче, когда я с кем-нибудь разговариваю.

– Отлично. Вы уверены, что это был Колин Феринг? – немного поколебавшись, спросил сыщик.

Нора без всякого выражения посмотрела на него:

– Как то, что я сейчас нахожусь здесь, на этой кровати. Конечно, это был Феринг.

– Вы с ним были знакомы?

– Он пытался приставать ко мне в подъезде. Один раз даже пригласил к себе домой, хотя отлично знал, что я замужем. Настоящая свинья.

– Он производил впечатление психически неуравновешенного человека?

– Нет.

– Расскажите, как он пригласил вас домой.

– Мы вместе вошли в лифт. Он повернулся ко мне и, не вынимая рук из карманов, спросил в этой своей вкрадчивой английской манере, не хочу ли я зайти к нему, чтобы посмотреть гравюры.

– Он действительно так сказал? Гравюры?

– Он, вероятно, считал, что это очень остроумно.

Д’Агоста покачал головой:

– Вы видели его в последние две недели?

Нора ответила не сразу. Она, казалось, отчаянно напрягала память, и д’Агоста почувствовал к ней острую жалость.

– Нет. А почему вы спрашиваете?

Но д’Агоста решил пока не раскрывать карты.

– Подружка у него была?

– Мне об этом ничего не известно.

– А сестру его вы видели?

– Нет, я даже не знала, что у него есть сестра.

– Друзья у него были? Или еще какие-нибудь родственники?

– Я не слишком хорошо его знала, чтобы быть в курсе таких подробностей. Вообще-то, он больше походил на одиночку. Вел довольно беспорядочный образ жизни, как и все актеры. Он ведь работал в театре.

Д'Агоста заглянул в блокнот, где у него были записаны обычные в таких случаях вопросы.

– Еще несколько формальных вопросов для протокола. Сколько времени вы с Биллом женаты?

У него не хватило духу задать этот вопрос в прошедшем времени.

– Это была первая годовщина нашей свадьбы.

Д'Агоста старался говорить спокойно и невозмутимо. В горле у него застрял комок, и он судорожно глотнул, чтобы от него избавиться.

– Сколько лет он проработал в «Таймс»?

– Четыре года. До этого работал в «Пост». А еще раньше был свободным журналистом, писал о музеях и Бостонском аквариуме. Если нужно, я могу прислать вам его резюме, – сказала она дрогнувшим голосом.

– Буду очень признателен.

Сделав пометку в блокноте, д'Агоста поднял на Нору глаза:

– Извините, но я должен задать этот вопрос. Как вы думаете, почему Феринг это сделал?

Нора покачала головой.

– Они не ссорились? Не враждовали?

– Нет, насколько я знаю. Феринг был просто нашим соседом по дому.

– Я понимаю, что вам тяжело отвечать на эти вопросы…

– Что действительно тяжело, лейтенант, так это знать, что Феринг до сих пор на свободе. Спрашивайте все, что сочтете необходимым.

– Хорошо. Может быть, он хотел вас изнасиловать?

– Возможно. Хотя выбрал для этого не самое удачное время. Он появился сразу же, как я ушла. – Нора в нерешительности замолчала. – А можно мне задать вопрос, лейтенант? – чуть поколебавшись, спросила она.

– Конечно.

– В такое позднее время он, вероятно, рассчитывал застать нас обоих. Но пришел-то он с одним ножом.

– Да, правда, у него был только нож.

– Если вы собираетесь напасть на двух человек, то вряд ли придете к ним с ножом. В наше время несложно достать пистолет.

– Вы правы.

– И что вы думаете по этому поводу?

Д'Агоста и сам уже не раз ломал над этим голову.

– Хороший вопрос. А вы уверены, что это был именно он?

– Вы меня уже второй раз об этом спрашиваете.

– Это я так, для верности.

– Ведь вы его уже ищете?

– Конечно, черт побери.

Уже нашли. В могиле. Сейчас собирают документы для эксгумации.

– Еще несколько вопросов, пожалуйста. У Билла были враги?

Нора невесело рассмеялась:

– Конечно. У репортера «Нью-Йорк таймс» их просто не может не быть.

– Кого-нибудь конкретно можете назвать?

Нора на мгновение задумалась:

– Лукас Клайн.

– Кто это?

– Владелец компании по производству программного обеспечения. Имеет обыкновение трахать своих секретарш, а потом заставляет их держать язык за зубами. Билл написал о нем разоблачительный материал.

– И как он среагировал?

– Прислал Биллу письмо с угрозами.

– Я бы хотел на него посмотреть.

– Нет проблем. Клайн не единственный, кто имел на Билла зуб. У мужа, например, была серия статей о защите прав животных. Да целый список

можно составить из пострадавших от его пера. А потом еще эти странные посылки…

– Какие посылки?

– В прошлом месяце он получил две такие. Маленькие коробочки со странными предметами. Там были крошечные куклы из фланели, кости животных, мох, блестки. Когда я вернусь домой… – Голос ее сорвался, но она откашлялась и упрямо продолжала: – Когда я вернусь домой, то найду вырезки с его статьями и отберу те, в которых он мог кого-то задеть. Поговорите с редактором отдела информации «Таймс». Он вам скажет, над чем Билл работал в последнее время.

– Я себе уже записал.

Нора помолчала, глядя на д’Агосту покрасневшими глазами.

– Лейтенант, вам не кажется странным поведение преступника? Феринг входит и выходит из дома, не обращая внимания на свидетелей, не пытаясь изменить внешность, не прячась от камеры?

Д’Агосту это тоже ставило в тупик. Неужели Феринг так глуп? Если, конечно, это был он.

– Нам еще многое предстоит выяснить.

Пристально посмотрев на него, Нора опустила глаза.

– Наша квартира все еще опечатана?

– Нет. С десяти утра сегодняшнего дня.

– Меня сегодня днем выписывают, и… я хочу как можно скорее попасть домой.

Д’Агоста сочувственно кивнул:

– Я уже распорядился, чтобы все подготовили к вашему возвращению. Есть компании, которые занимаются такого рода работой.

Нора кивнула и повернула голову лицом к стене.

Д’Агоста понял, что пора уходить.

– Благодарю вас, Нора. Я буду держать вас в курсе расследования. Если вы еще что-то вспомните, сразу же сообщите мне. Идет?

Нора снова кивнула, продолжая смотреть в сторону.

– И помните, что я сказал. Мы обязательно найдем Феринга. Даю вам слово.

Глава 7

Спецагент Пендергаст быстро двигался по длинному, слабо освещенному коридору своих апартаментов на Западной Семьдесят второй улице. Он прошел мимо элегантной библиотеки, гостиной, где висели картины эпохи Возрождения и века барокко, винного погреба с системой климат-контроля, где стояли стеллажи с марочными винами, кабинета с кожаными креслами, дорогими шелковыми коврами и компьютерными терминалами, к которым были подключены десятки баз данных о правонарушениях.

Это были так называемые комнаты для гостей, хотя за все время существования квартиры их посетили не больше десяти человек. Сейчас Пендергаст направлялся на свою личную половину, куда, кроме него самого, допускалась только Киоко Ишимура, глухонемая экономка, которая жила здесь же, присматривая за квартирой.

В течение нескольких лет Пендергаст существенно увеличил свою жилплощадь, поочередно купив две соседние квартиры и присоединив их к своей собственной. Теперь его резиденция занимала весь фасад «Дакоты»[2], выходивший на Семьдесят вторую улицу, и даже частично захватывала ту ее часть, которая смотрела на Центральный парк. Огромное, несколько хаотичное, но тем не менее в высшей степени приватное гнездышко.

Дойдя до конца коридора, он открыл дверь, по виду напоминавшую те, которые обычно ведут в чулан. Но за ней оказалась совершенно пустая комната, в которой была еще одна дверь. Отключив сигнализацию, Пендергаст открыл вторую дверь и вошел на свою личную половину. Не сбавляя скорости, он прошел мимо большой кухни, кивнув мисс Ишимура, которая готовила суп из рыбьих потрохов, стоя у ресторанной плиты. Как и все другие помещения в квартире, кухня имела необычайно высокий потолок. Пройдя до конца коридора, Пендергаст очутился еще перед одной неприметной дверью, за которой находилась святая святых его апартаментов, куда даже мисс Ишимура заглядывала редко.

Открыв дверь, Пендергаст опять оказался в маленькой пустой комнате, но на этот раз в противоположной стене была не дверь, а сёдзи – перегородка из дерева и рисовой бумаги. Закрыв за собой дверь, Пендергаст осторожно отодвинул перегородку.

За ней был треугольный садик. В воздухе, напоенном запахами сосны и эвкалипта, раздавалось пение птиц и журчание воды. Приглушенный свет создавал впечатление сумерек. Где-то в густой зелени ворковал голубь.

Между вечнозелеными растениями петляла узкая дорожка, вымощенная плоскими камнями. По ее краям стояли каменные фонари. Задвинув сёдзи, Пендергаст двинулся по дорожке. Это был уши-родзи, внутренний садик с чайным домиком. Укромный уголок, располагающий к созерцанию и вселяющий в душу спокойствие. Пендергаст настолько привык к нему, что перестал замечать его уникальность – а ведь это был настоящий живой сад в каменных джунглях Манхэттена.

Впереди, за кустами и карликовыми деревьями, виднелся низкий деревянный павильон незамысловатой формы. Пройдя мимо стилизованного сосуда для мытья рук, Пендергаст медленно отодвинул сёдзи.

Внутри оказалась чайная комната, обставленная с изящной скромностью. Пендергаст немного постоял у входа, окидывая взглядом свиток в нише, цветочную икебану, полки с чайными принадлежностями. Потом опустился на татами и приступил к чайной церемонии.

Чайная церемония – это изящный ритуал угощения гостей чаем. И хотя Пендергаст был один, он готовил чай для гостя – того, кто уже никогда не придет.

Он осторожно наполнил водой заварочный чайник, насыпал туда отмеренное количество чая, размешал специальной метелочкой и налил в две антикварные чашки семнадцатого века. Одну поставил перед собой, другую – на противоположную сторону татами. Какое-то время он созерцал, как из его чашки тонкими змейками поднимается пар. Потом медленно, медитативно поднес чашку к губам.

С каждым глотком перед его глазами возникали картины прошлого. Их главным персонажем был один и тот же человек. Уильям Смитбек-младший помогает ему преодолеть время и взорвать вход в гробницу Сенефа, чтобы спасти людей, оказавшихся в ловушке. Смитбек в ужасе лежит на заднем сиденье угнанного такси, на котором Пендергаст пытается спастись от своего брата Диогена. Смитбек в ярости смотрит, как Пендергаст сжигает рецепт чудесного зелья у могилы Мэри Грин. Они со Смитбеком бок о бок пытаются отразить нападение странных обитателей Чердака Дьявола глубоко под землей Нью-Йорка.

К тому времени, когда чашка опустела, закончились и воспоминания. Поставив ее на циновку, Пендергаст на минуту закрыл глаза. Потом посмотрел на полную чашку, стоящую напротив, тихо вздохнул и произнес:

– Вага томо йасуракани. Прощай, мой друг.

Глава 8

Полдень. Д’Агоста с проклятием нажал на кнопку вызова лифта и посмотрел на часы.

– Девять минут. Нет, без дураков, мы торчим здесь уже девять чертовых минут.

– Вы должны научиться с пользой проводить время, Винсент, – тихо произнес Пендергаст.

– Что? А мне кажется, что вы тоже киснете здесь без всякой пользы.

– Напротив. Все эти девять минут я размышлял, и не без удовольствия, об обращении Мильтона к музе в третьей книге «Потерянного рая», вспоминал латинские существительные второго склонения – некоторые латинские склонения представляют большую сложность – и сочинял в уме письмо, которое отправлю инженерам, спроектировавшим это подъемное устройство.

Наконец громкое поскрипывание возвестило о прибытии лифта.

Двери со стоном открылись, и кабина извергла свое содержимое: докторов, медсестер и в заключение труп на каталке. Войдя в лифт, д’Агоста нажал на кнопку B2.

Прошло довольно много времени, прежде чем двери закрылись. Лифт начал подниматься, но происходило это столь медленно, что движение не ощущалось. Еще минута томительного ожидания, и двери открылись, представив взору облицованный плиткой коридор, в котором горел зеленоватый люминесцентный свет и пахло формальдегидом и смертью. За стеклянной перегородкой был виден привратник, стороживший пару запертых стальных дверей.

Приблизившись к перегородке, д’Агоста извлек свое удостоверение:

– Лейтенант д’Агоста, полицейское управление Нью-Йорка, отдел расследования убийств. Спецагент Пендергаст из ФБР. Мы пришли к доктору Уэйну Хеффлеру.

– Положите документы в лоток, – коротко ответили ему.

Они опустили свои удостоверения в лоток и через мгновение получили пропуска. Стальные двери с лязгом приоткрылись.

– Прямо по коридору, потом налево. Отметьтесь у секретаря.

Секретарь оказалась занята, и пришлось ждать еще двадцать минут, прежде чем их пропустили к доктору. К тому времени, когда они наконец попали в его элегантный кабинет, д’Агоста был готов рвать и

метать. А увидев надменную, раздраженную физиономию медэксперта, он понял, что именно так и поступит.

Поднявшись из-за стола, медэксперт намеренно не предложил им сесть. Это был худощавый пожилой мужчина, одетый в жилет и накрахмаленную белую рубашку с галстуком-бабочкой. Позади него на спинке стула висел твидовый пиджак. Редеющие седые волосы были зачесаны назад, открывая высокий лоб. Голубые глаза за роговыми очками были холодны как лед.

На стенах, отделанных деревянными панелями, висели гравюры со сценами охоты, в большой стеклянной витрине располагалась коллекция вымпелов, которыми награждаются победители парусных регат.

«Джентльмен хренов», – язвительно произнес про себя д’Агоста.

– Чем могу быть полезен? – холодно спросил медэксперт.

Д’Агоста демонстративно взял стул, провезя его по полу, прежде чем сесть. Пендергаст устроился рядом. Достав из портфеля какой-то документ, д’Агоста положил его на километровый стол медэксперта.

Тот даже не взглянул на бумагу.

– Лейтенант… как вас… д’Агоста, прошу изложить суть дела. У меня нет времени читать всякие отчеты.

– Это протокол вскрытия Колина Феринга. Его проводили вы. Помните?

– Конечно. Тело было найдено в реке. Самоубийство.

– Верно. Но у меня есть показания пяти надежных свидетелей, которые утверждают, что именно он убил человека на Уэст-Энд-авеню прошлой ночью.

– Это абсолютно невозможно.

– Кто опознал тело?

– Сестра. – Хеффлер нетерпеливо перелистал содержимое папки, лежавшей у него на столе. – Кармела Феринг.

– А другие родственники у него есть?

Снова последовал шорох страниц.

– Только мать. Она невменяемая и находится в доме престарелых.

Д’Агоста бросил взгляд на Пендергаста, но тот был поглощен ироническим созерцанием гравюр и не проявлял интереса к опросу.

– Какие-нибудь особые приметы у него были?

– У Феринга была родинка на правой лодыжке и весьма необычная татуировка в виде хоббита на дельтовидной мышце. Мы наводили справки в тату-салоне – такие татуировки очень редки.

– А что показала стоматологическая экспертиза?

– Мы не нашли никаких данных о его зубах.

– Почему?

– Колин Феринг вырос в Англии, а перед переездом в Нью-Йорк жил в Сан-Антонио, штат Техас. Его сестра утверждала, что он лечил зубы в Мексике.

– Так вы не звонили в клиники Лондона или Мексики? Сколько времени требуется, чтобы отсканировать и послать по электронной почте рентгеновский снимок зубов?

Медэксперт раздраженно вздохнул:

– У нас и без этого было достаточно сведений, лейтенант, – родинка, татуировка, заверенное нотариусом опознание тела близким родственником. Если бы мы запрашивали по всему миру данные о зубах всякий раз, когда в Нью-Йорке покончит с собой иностранец, у меня не оставалось бы времени ни на что другое.

– Вы сохранили образцы тканей или крови Феринга?

– Мы делаем рентгеновские снимки и сохраняем образцы крови и тканей только в спорных случаях. Здесь же все ясно – бесспорное самоубийство.

– Откуда вы знаете?

– Феринг бросился с моста напротив Спатен-Дайвила. Его тело обнаружил в реке полицейский катер. При ударе о воду он расшиб себе голову и отбил легкие. При нем нашли предсмертную записку. Вы же все это знаете, лейтенант.

– Я читал об этом в деле. Но это не значит, что я в этом уверен на все сто…

Продолжая стоять, доктор демонстративно закрыл папку:

– Благодарю вас, джентльмены. У вас все? – Он посмотрел на часы.

Пендергаст наконец подал голос.

– Кому вы отдали тело? – спросил он со скучающим видом.

– Сестре, конечно.

– А какие документы, удостоверяющие личность, она вам предъявила? Паспорт или что-то еще?

– Насколько я помню, это были водительские права, выданные в штате Нью-Йорк.

– Вы сняли с них копию?

– Нет.

Пендергаст еле слышно вздохнул:

– Свидетели самоубийства имеются?

– Насколько я знаю, нет.

– Проводилась ли судебная экспертиза предсмертной записки, чтобы убедиться, что это действительно почерк Феринга?

Чуть поколебавшись, медэксперт снова открыл свою папку:

– Похоже, что нет.

– Кто нашел записку? – вмешался д’Агоста.

– Полицейские, которые выловили тело.

– А сестра – вы ее опрашивали?

– Нет. – Хеффлер отвернулся от д’Агосты, чтобы тот наконец замолчал. – Мистер Пендергаст, могу я спросить, что заинтересовало ФБР в этом деле?

– Нет, не можете, доктор Хеффлер.

Д’Агоста невозмутимо продолжал:

– Послушайте, доктор. В вашем морге находится тело Билла Смитбека, и для ведения следствия нам необходимо иметь результаты вскрытия. Как можно быстрее. Надо будет также сделать генетический анализ образцов крови и волос. Тоже срочно. И поскольку вы не удосужились сохранить образцы тканей и крови после вскрытия Феринга, вам придется провести анализ ДНК его матери.

– Что значит срочно?

– Максимум за четыре дня.

На лице доктора появилась чуть заметная торжествующая улыбка.

– Мне очень жаль, лейтенант, но это невозможно. Мы здесь очень загружены, но даже без этого четыре дня – абсолютно нереальный срок. Для вскрытия потребуется не менее десяти дней, а возможно, и все три недели. Что касается генетического анализа, то это вообще не в моей компетенции. Взять кровь у матери можно только по распоряжению суда, а это займет несколько месяцев. Учитывая загруженность лаборатории генетического анализа, результаты вы получите не раньше чем через полгода.

– Какая жалость, – произнес Пендергаст, поворачиваясь к д’Агосте. – Придется нам подождать, пока доктор Хеффлер не сделает вскрытие, как говорится, в авральном порядке.

– Если я буду делать вскрытия в авральном порядке для каждого агента ФБР или следователя убойного отдела – а они все меня об этом просят, – я не смогу заниматься ничем другим. – Доктор подтолкнул документ к краю стола. – Извините, джентльмены. Прошу прощения, но мне надо идти.

– Конечно, – отозвался Пендергаст. – Нам так жаль, что мы заняли ваше драгоценное время.

Д’Агоста с недоумением посмотрел на поднимающегося со стула спецагента. Они что, молча проглотят всю эту туфту и уберутся восвояси?

Пендергаст сделал несколько шагов к двери, потом остановился и, повернувшись к доктору, спросил:

– Странно, что вам удалось так быстро покончить с трупом Феринга. Сколько дней вы с ним занимались?

– Четыре. Но это было явное самоубийство. У нас нет места, чтобы подолгу хранить трупы.

– Ага! Учитывая ваши проблемы с хранением, мы даем вам четыре дня на вскрытие Смитбека.

Последовал короткий смешок.

– Мистер Пендергаст, вы, наверно, не расслышали, что я сказал. Я дам вам знать, когда мы сможем им заняться. А теперь, если вы не возражаете…

– Ну, тогда у вас есть три дня, мистер Хеффлер.

Доктор недоуменно уставился на него:

– Простите?

– Я сказал, три дня.

Хеффлер прищурился:

– Ну вы и наглец, сэр.

– А вы страдаете вопиющим отсутствием профессиональной этики.

– О чем вы говорите, черт побери?

– Будет большой скандал, если станет известно, что ваша контора продает мозги умерших.

Последовала длительная пауза.

Когда медэксперт заговорил, в голосе его зазвенела сталь.

– Вы мне угрожаете, мистер Пендергаст?

– Вы очень догадливы, доктор, – улыбнулся спецагент.

– Насколько я понимаю, вы говорите о вполне законной практике. Все это делается с благородной целью – для проведения медицинских исследований. Мы используем все органы невостребованных трупов, не только их мозг. Это позволяет спасать человеческие жизни и развивать науку.

– Ключевое слово здесь «продажа». Десять тысяч долларов – неплохая сумма. Кто бы мог подумать, что мозги так дороги.

– Господи, да мы вовсе не продаем их, мистер Пендергаст. Это всего лишь компенсация наших затрат. Ведь извлечение и хранение органов тоже чего-то стоит.

– Вряд ли читатели «Нью-Йорк пост» почувствуют разницу.

Доктор побледнел:

– «Пост»? А разве они уже писали об этом?

– Пока нет. Но представьте, какие могут быть заголовки.

Доктор потемнел лицом, и его галстук-бабочка затрясся от негодования.

– Вы прекрасно знаете, что такого рода деятельность никому не приносит вреда. Полученные деньги строго учитываются и направляются на поддержание нашей деятельности. Мой предшественник делал то же самое, так же как и тот, кто работал здесь до него. Мы не афишируем это только потому, что люди могут неправильно нас понять. Вы с вашими угрозами переходите все границы. Это просто неприлично.

– Согласен. Так как насчет трех дней?

Медэксперт бросил на него тяжелый взгляд. Глаза его сверкали от ярости. Потом он коротко кивнул:

– Двух дней достаточно.

– Благодарю вас, доктор Хеффлер. Очень вам признателен.

Пендергаст повернулся к д'Агосте:

– Мы больше не смеем задерживать доктора Хеффлера. У него на счету каждая минута.

Когда они вышли из здания и направились к ожидающему их «роллс-ройсу», д'Агоста не смог удержаться от смеха:

– Ловко вы вынули кролика из шляпы!

– Не знаю почему, Винсент, но люди, облеченные властью, часто находят удовольствие в том, чтобы ставить палки в колеса зависящим от них людям. Боюсь, я испытываю неменьшее удовольствие, когда наступаю им на хвост. Это не слишком добродетельно, но в моем возрасте уже трудно избавляться от плохих привычек.

– Но на хвост вы ему наступили действительно здорово.

– Что касается генетического анализа, то здесь доктор Хеффлер прав. Ускорить этот процесс не в его силах, да и не в моих тоже, тем более что здесь требуется решение суда. Значит, надо искать другой подход. Поэтому сегодня мы посетим «Уиллогби мэнор» в Керонксоне, чтобы выразить свои соболезнования некой Глэдис Феринг.

– Но зачем? Она же не в своем уме.

– И все же, мой дорогой Винсент, у меня есть предчувствие, что миссис Феринг может оказаться на удивление разговорчивой особой.

Глава 9

Захлопнув за собой дверь антропологической лаборатории, Нора Келли прислонилась к ней и закрыла глаза. Голова у нее раскалывалась от боли, во рту пересохло.

Все оказалось гораздо хуже, чем она ожидала. Скорбные лица коллег, их искренние соболезнования, сочувствующие взгляды, предложение помощи, советы взять отпуск. Отпуск? А что она будет делать? Сидеть наедине со своими мыслями в пустой квартире, где убили ее мужа? Выйдя из больницы, она сразу же направилась в музей. Несмотря на

обещание, данное д’Агосте, она просто не могла вернуться домой, во всяком случае сейчас.

Нора открыла глаза. За эти два дня в лаборатории ничего не изменилось. Однако выглядела она как-то иначе. После убийства мужа Норе все казалось другим, словно мир внезапно преобразился.

Она постаралась отбросить печальные мысли и взглянула на часы. Два часа дня. Единственное, что может ее спасти, – это работа. Надо погрузиться в нее полностью, с головой.

Нора заперла дверь и подошла к компьютеру. Включив его, она открыла базу данных своих черепков. Потом выдвинула один из ящиков, в которых находились десятки пластиковых пакетов с пронумерованными черепками. Открыв пакет, она разложила черепки на покрытом сукном столе и стала классифицировать их по типу, дате и месту нахождения. Это было кропотливое занятие, не требующее умственного напряжения, но именно такое ей сейчас и требовалось. Механическая, бездумная работа.

Через полчаса она остановилась. В подвальной лаборатории было тихо, как в гробнице, и только шум вентиляции, похожий на шепот, нарушал это мрачное безмолвие. Нора вспомнила о ночном кошмаре в больнице – все выглядело так, словно происходило наяву. Обычно сны со временем забываются, но этот – если это действительно был сон – становился все ярче и отчетливее.

Она тряхнула головой, чтобы избавиться от назойливых видений. С силой нажимая на клавиши, ввела последнюю серию данных, сохранила файл и стала собирать черепки, чтобы освободить место для следующей порции.

В это время послышался негромкий стук в дверь.

Неужели еще один сочувствующий? Нора взглянула на дверное окошко, но в коридоре было темно. Тогда она поднялась и подошла к двери.

– Кто там?

– Праймус Хорнби.

Нора недовольно открыла дверь. На пороге стоял маленький толстый хранитель отдела антропологии с газетой под мышкой. Пухлой ручкой он нервно потирал лысину.

– Рад, что застал тебя здесь. Можно войти?

Нора нехотя отступила в сторону, давая хранителю пройти. Взъерошенный коротышка быстро впорхнул в комнату и повернулся к ней.

– Нора, мне так жаль, – пробормотал он, продолжая поглаживать лысину.

Она не ответила. Просто не знала, что сказать.

– Я рад, что ты здесь. Работа – лучшее лекарство.

– Благодарю за участие.

Хорошо бы он поскорее ушел. Но вряд ли. У него явно что-то на уме.

– Ты же знаешь, что у меня умерла жена. Несколько лет назад она погибла в автомобильной катастрофе в Калифорнии, когда я был в экспедиции на Гаити. Я-то уж знаю, что тебе пришлось пережить.

– Спасибо, Праймус.

Он прошел вглубь комнаты.

– Ты, я вижу, черепки сортируешь. Какие красивые. Пример того, как люди стремятся украсить даже самые обыденные предметы.

– Да, ты прав.

Когда же он наконец уйдет? Норе вдруг стало стыдно. Он ведь пришел из самых лучших побуждений. Но ей уже тошно от всех этих разговоров, соболезнований и сочувствий.

– Извини, Нора… – осторожно начал Хорнби. – Но я должен тебя спросить. Ты своего мужа собираешься хоронить или кремировать?

Вопрос был столь неожиданный, что Нора на минуту потеряла дар речи. Конечно, рано или поздно что-то придется решать, но сейчас она к этому не готова.

– Не знаю, – довольно резко ответила она.

– Понимаю.

Хорнби выглядел каким-то испуганным. Нора молча ждала, что последует дальше.

– Я уже говорил, что был на Гаити.

– Да.

– В Дессалайнсе, где я жил, для бальзамирования тел вместо обычной смеси формалина с этиловым и метиловым спиртом иногда используют формалазин.

Разговор приобретал какой-то фантасмагорический характер.

– Формалазин, – повторила Нора.

– Да. Он гораздо более ядовит и неудобен в применении, но они по ряду причин предпочитают именно его. Иногда даже увеличивают его токсичность, добавляя к нему крысиный яд. В некоторых особых случаях – при определенных видах смерти – они просят гробовщиков зашивать мертвецу рот. – Чуть поколебавшись, Хорнби продолжал: – И в таких случаях умерших хоронят лицом вниз, ртом к земле, и с длинным ножом в руках. Иногда им стреляют в сердце или пронзают его куском железа, чтобы… чтобы убить наверняка.

Нора с изумлением уставилась на коротышку. Все знали, что он несколько эксцентричен и серьезно увлечен довольно-таки странными исследованиями, но чтобы дойти до такого…

– Как интересно, – выдавила она из себя.

– Они там в Дессалайнсе придают большое значение погребению. И соблюдают очень строгие правила, хотя обходится это недешево. Правильные похороны могут стоить две-три годовые зарплаты.

– Понимаю.

– Мне действительно очень жаль.

С этими словами Хорнби развернул принесенную газету и положил ее на стол. Это был утренний номер «Уэстсайдера».

Нора посмотрела на заголовок.

РЕПОРТЕРА «ТАЙМС» УБИЛ ЗОМБИ?

Хорнби постучал по заголовку толстым пальцем:

– Я работал как раз в том районе, где практикуют вуду и обеа.

– А?

Нора с ужасом смотрела на заголовок, не в силах произнести ни слова.

– Если ты решишь хоронить своего мужа в земле, запомни, что я тебе сказал. Появятся вопросы – я всегда к твоим услугам.

И, грустно улыбнувшись на прощание, маленький хранитель исчез, оставив газету на столе.

Глава 10

«Роллс-ройс» с урчанием пронесся по улицам убогого городишки Керонксон, проплыл по растрескавшемуся асфальту мимо отеля «Борщт Белт» и запетлял по мрачной речной долине, густо поросшей лесом. Наконец взору открылся обветшалый викторианский особняк, рядом с которым располагалось несколько низких кирпичных строений. Все это

было обнесено забором из металлической сетки. У ворот красовался знак, оповещавший посетителей, что они въезжают на территорию центра стационарной помощи и реабилитации «Уиллогби мэнор».

– Господи, ну вылитая тюрьма, – заметил д’Агоста.

– Это печально известная свалка для немощных и престарелых. Одно из самых скверных мест в штате Нью-Йорк, – сообщил Пендергаст. – Их досье в министерстве здравоохранения просто набито отчетами о случаях насилия.

Они въехали в открытые ворота с пустующей будкой для охраны и пересекли обширную стоянку для машин, где сквозь потрескавшийся асфальт пробивалась трава. Проктор подкатил к главному входу, и д’Агоста вылез из машины, неохотно оторвавшись от уютного сиденья. Пендергаст последовал за ним. Войдя в здание через двустворчатые двери из оргстекла, они очутились в вестибюле, где пахло затхлыми коврами и несвежим картофельным пюре. На деревянной стойке висело написанное от руки объявление:

Посетители обязаны зарегистрироваться!

Небрежно нарисованная стрелка указывала за угол. Там за столом сидела женщина, погруженная в чтение «Космополитена». Весила она не меньше трехсот фунтов.

Д’Агоста вынул свой жетон:

– Лейтенант д’Агоста, спецагент…

– Посетители могут приходить с десяти до двух, – пробурчала женщина из-за журнала.

– Простите, но мы из полиции.

Д’Агоста был настроен решительно. Хватит водить его за нос.

Опустив журнал, женщина оглядела пришедших. Сунув ей под нос жетон, д’Агоста бросил его в карман.

– Мы хотим видеть миссис Глэдис Феринг.

– Ну ладно. – Нажав кнопку внутренней связи, женщина рявкнула в микрофон: – Пришли копы и хотят видеть Феринг.

Потом повернулась к д’Агосте. Безразличие, написанное у нее на лице, сменилось живейшим интересом.

– А что случилось? Какое-нибудь преступление?

Нагнувшись вперед, Пендергаст доверительно шепнул:

– Именно так.

Она широко раскрыла глаза.

– Убийство, – так же шепотом проговорил спецагент.

Женщина ахнула и зажала рот рукой:

– Где? Здесь?

– В Нью-Йорке.

– Это сын миссис Феринг?

– Вы имеете в виду Колина Феринга?

Д'Агоста негодующе посмотрел на Пендергаста. Что, черт возьми, он творит?

Выпрямившись, тот поправил галстук:

– Вы хорошо знаете Колина?

– Не очень.

– Но ведь он регулярно приходил сюда? На прошлой неделе, например?

– Вряд ли. – Открыв регистрационный журнал, женщина быстро пролистала страницы. – Нет, он не приходил.

– Тогда, может быть, неделей раньше?

Пендергаст склонился над журналом, глядя на страницы, которые женщина продолжала листать.

– Нет. Последний раз он был здесь в... феврале. Восемь месяцев назад.

– Неужели?

– Сами посмотрите.

Она перевернула журнал, чтобы показать запись Пендергасту. Посмотрев на небрежную подпись, он стал перелистывать журнал к началу, проглядывая каждую страницу. Потом резко выпрямился:

– Похоже, он нечасто здесь появлялся.

– Сюда никто часто не ходит.

– А ее дочь?

– Не знала, что у нее есть дочь. Она сюда ни разу не приезжала.

Пендергаст мягко положил руку на массивное плечо:

– На ваш вопрос я вынужден ответить утвердительно. Да, Колин Феринг мертв.

Женщина испуганно подняла брови:

– Его убили?

– Мы пока не знаем причину смерти. Его матери сообщили?

– Нет. Вряд ли здесь кто-нибудь об этом знает. А… вы приехали, чтобы сказать ей?

– Не совсем так.

– Лучше не говорите. Зачем отравлять ей последние месяцы жизни? Он ведь и так редко приезжал и подолгу не задерживался. Она даже не заметит его отсутствия.

– А что это был за человек?

– Не хотела бы я иметь такого сынка, – произнесла женщина, состроив гримасу.

– Правда? Почему?

– Он был грубиян и вообще какой-то противный. Называл меня Большая Берта. – Женщина даже покраснела от негодования.

– Какое безобразие! А как ваше имя, уважаемая?

– Джоан. Так вы не скажете миссис Феринг, что он умер?

– Вы очень добры, Джоан. А теперь мы можем увидеть миссис Феринг?

– Куда там эти санитары запропастились? – Джоан уже хотела снова жать на кнопку, но потом передумала. – Я сама вас провожу. Пойдемте. Но предупреждаю, миссис Феринг совсем тронутая.

– Тронутая, – повторил Пендергаст. – Я понимаю.

Горя желанием помочь, женщина стала с трудом выбираться из кресла. Они последовали за ней по длинному темному коридору, преследуемые пренеприятнейшими запахами несвежей пищи и отходов человеческой жизнедеятельности. Из комнат, мимо которых они проходили, раздавались самые разнообразные звуки: бормотание, стоны, громкие возгласы и храп.

Женщина остановилась у открытой двери и постучала:

– Миссис Феринг?

– Убирайтесь, – произнес слабый старческий голос.

– К вам пришли два джентльмена, – сообщила Джоан нарочито бодрым голосом.

– Не желаю никого видеть, – послышалось изнутри.

– Благодарю вас, Джоан, – чарующим голосом произнес Пендергаст. – Теперь мы сами справимся. Вы настоящее сокровище.

Они вошли в комнату. Это было крошечное помещение со скудной меблировкой и минимальным количеством личных вещей. В обстановке доминировала огромная больничная кровать, стоявшая в центре покрытого линолеумом пола. Пендергаст проворно сел на стул рядом с этим внушительным ложем.

– Убирайтесь, – безжизненным голосом повторила лежавшая на кровати старуха.

Ее нечесаные седые волосы ореолом рассыпались по подушке, некогда голубые глаза выцвели до белизны, кожа напоминала пергамент. Сквозь редкие космы просвечивал блестящий череп. Рядом с кроватью стоял больничный столик на колесиках, на котором была свалена грязная засохшая посуда, оставшаяся после обеда.

– Привет, Глэдис, – сказал Пендергаст, беря старуху за руку. – Как дела?

– Фигово.

– Можно задать вам личный вопрос?

– Нет.

Пендергаст сжал ее руку:

– Вы помните своего первого мишку?

Выцветшие глаза бессмысленно уставились на спецагента.

– Первого мишку, набитого ватой? Помните?

Она медленно кивнула.

– Как его звали?

Последовало долгое молчание. Наконец она произнесла:

– Моби.

– Какое хорошее имя. А где сейчас Моби?

Еще одна длинная пауза.

– Не знаю.

– А кто подарил вам Моби?

– Папочка. На Рождество.

Д'Агоста увидел, как в потухших глазах вспыхнула искорка интереса к жизни. Уже не в первый раз он удивлялся загадочным речам Пендергаста. К чему тот клонит?

– Замечательный подарок, – продолжал Пендергаст. – Расскажите мне о Моби.

– Он был сделан из носков, набитых тряпками. А на шее был нарисован бантик. Я так любила этого мишку. Спала с ним. Он меня стерег. С ним никто не мог меня обидеть.

На лице старой женщины появилась лучезарная улыбка. По щеке покатилась слеза.

Пендергаст проворно вынул из кармана бумажную салфетку. Взяв ее в руки, миссис Феринг вытерла глаза и громко высморкалась.

– Моби, – повторила она мечтательно. – Ничего бы не пожалела, только бы увидеть моего старого смешного мишку. – Глаза ее сфокусировались на Пендергасте. – Вы кто?

– Ваш друг. Пришел поболтать, – сказал Пендергаст, поднимаясь со стула.

– Уже уходите?

– Мне пора.

– Приходите опять. Вы мне понравились. Такой приятный молодой человек.

– Благодарю вас. Обязательно приду.

Уходя, Пендергаст вручил Джоан свою карточку:

– Вас не затруднит сообщить мне, если кто-нибудь придет к миссис Феринг?

– Ну конечно!

Она почти благоговейно взяла карточку.

Выйдя за дверь, они оказались рядом с лихо подкатившим «роллс-ройсом». Пендергаст галантно открыл дверь перед д'Агостой. Через пятнадцать минут они уже мчались по федеральной автостраде, возвращаясь в Нью-Йорк.

– Вы заметили картину, висевшую в коридоре рядом с комнатой миссис Феринг? – промурлыкал Пендергаст. – Держу пари, что это подлинный Бирштадт, только очень уж закопченный.

Д’Агоста покачал головой:

– Может быть, объясните мне, что происходит, или вам нравится держать меня в неизвестности?

Хитро улыбаясь, Пендергаст вытащил из пиджака пробирку с влажной салфеткой внутри.

Д’Агоста застыл в изумлении. Он и не заметил, как спецагент спрятал использованную салфетку.

– Для генетического анализа?

– Естественно.

– А зачем все эти разговоры про мишку?

– У всех в детстве были мишки. Надо было заставить ее расплакаться.

– Какой цинизм, – возмутился д’Агоста.

– Напротив, – возразил Пендергаст, пряча пробирку в карман. – Это были слезы радости. Мы подняли настроение миссис Феринг, а она в благодарность оказала нам услугу.

– Надеюсь, мы успеем сделать анализ прежде, чем Штейнбреннер[3] продаст своих «Янки».

– Опять же, мы должны искать не только вокруг ящика, но и за пределами комнаты, где он находится.

– Не понял.

Но Пендергаст только загадочно улыбнулся.

Глава 11

– Нора, мне так жаль!

Портье театральным жестом распахнул дверь и взял Нору за руку, обдав ее запахом средства для укрепления волос и лосьона после бритья.

– В вашей квартире все убрали. Замок сменили. Все привели в порядок. Вот новый ключ. Мои самые искренние соболезнования. От всей души.

Нора почувствовала холод ключа, сунутого ей в руку.

– Если вам понадобится моя помощь, дайте знать...

В черных влажных глазах светилось неподдельное горе.

Нора с трудом сглотнула.

– Благодарю за сочувствие, Энрико, – произнесла она почти автоматически.

– Я всегда готов. Только позвоните, и Энрико сразу придет.

– Спасибо.

Нора направилась к лифту, потом в нерешительности остановилась и снова пошла. Она двигалась почти бессознательно, ничего не замечая вокруг.

Двери лифта со стуком закрылись, и он плавно вознесся на шестой этаж. Двери разошлись в стороны, но Нора продолжала неподвижно стоять в кабине. И, только увидев, что они закрываются, быстро выскочила на площадку.

В коридоре было тихо. За одной из дверей слышалась музыка Бетховена в исполнении струнного квартета, за другой – приглушенный разговор. Нора сделала шаг и остановилась. Впереди, на повороте, была видна дверь их – теперь ее – квартиры с металлическим номером 612.

Она медленно шла по коридору, пока не очутилась перед своей квартирой. Глазок не светился, свет внутри был погашен. В дверь был вставлен новый замок. Разжав ладонь, она посмотрела на ключ – тоже новенький и блестящий, словно он был ненастоящим. Все вокруг казалось нереальным. У нее возникло ощущение, что она здесь в первый раз.

Медленно повернув ключ в замке, Нора толкнула дверь. Она плавно распахнулась на смазанных петлях. В квартире было темно. Нора попыталась нащупать выключатель. Где же он? Она ступила в темноту, продолжая водить рукой по стене. Сердце у нее вдруг бешено заколотилось. В воздухе витал запах чистящих средств, политуры… и чего-то еще.

Дверь позади нее стала закрываться, отсекая свет, падавший из коридора. Со сдавленным криком Нора бросилась назад, выскочила из квартиры и захлопнула дверь. Прижавшись к ней головой, она зарыдала, сотрясаясь всем телом.

Через несколько минут она успокоилась. К счастью, коридор по-прежнему был пуст и никто не видел ее отчаяния. Нора была смущена и напугана той бурей чувств, которые наконец вырвались наружу. Глупо было думать, что она сможет вот так легко вернуться в квартиру, где всего два дня назад убили ее мужа. Лучше уж поехать к

Марго Грин и провести там несколько дней. Но тут она вспомнила, что Марго в творческом отпуске и появится не раньше января.

Надо было уходить. Нора спустилась на первый этаж и на ватных ногах прошла через вестибюль. Портье распахнул перед ней дверь.

– Если что-нибудь понадобится, зовите Энрико, – повторил он.

Нора пошла по Девяносто второй улице на восток в сторону Бродвея. В этот прохладный октябрьский вечер на улицах было многолюдно: горожане направлялись в рестораны, прогуливали собак или просто шли домой. Нора быстро пошла по тротуару в надежде, что свежий воздух ее немного взбодрит. Она двигалась к центру, лавируя между прохожими. В толпе она чувствовала себя лучше и могла сосредоточиться и трезво рассуждать. Не стоит давать волю чувствам – ведь в квартиру рано или поздно придется вернуться. И лучше сделать это сразу. Там все ее книги, бумаги, компьютер, там и вещи Билла.

Если бы только были живы ее родители – было бы кому уткнуться в плечо. Но что толку сожалеть о несбыточном.

Нора замедлила шаг. Может, все-таки пойти домой? Ведь это всего лишь эмоциональная реакция, которую можно было предвидеть.

Остановившись, Нора посмотрела по сторонам. Рядом с ней стояла очередь в бар «Уотерворкс». В дверном проеме обнималась парочка. Клерки с Уолл-стрит спешили с работы домой, все как один в темных костюмах и с портфелями. Ее внимание привлек бродяга, тащившийся рядом с ней по улице. Когда она остановилась, он тоже притормозил и, круто развернувшись, пошел в другом направлении.

Что-то вороватое было в его походке и в том, как он прятал лицо. Нора инстинктивно насторожилась.

Она смотрела, как бродяга в грязных лохмотьях, пошатываясь, уходит вниз по улице, словно пытаясь от кого-то скрыться. Может быть, он кого-то ограбил? Дойдя до угла Восемьдесят восьмой улицы, бродяга на секунду остановился и, прежде чем свернуть, бросил взгляд назад.

Сердце у Норы остановилось. Это был Феринг. Она не могла ошибиться: то же худощавое лицо, стройная фигура, тонкие губы, растрепанные волосы и злобная усмешка.

Ее парализовал страх, который быстро сменился яростью.

– Эй! – закричала она, пускаясь в погоню. – Эй, вы!

Нора проталкивалась сквозь толпу, стоявшую у бара, не обращая внимания на возмущенные возгласы людей.

Наконец она вырвалась наружу и побежала. Споткнувшись, упала, быстро поднялась и понеслась дальше. Завернув за угол, Нора очутилась на Восемьдесят восьмой улице. Вдоль длинной, плохо освещенной проезжей части тянулись ряды домов из бурого песчаника и аккуратные посадки деревьев гингко. Вдали были видны огни Амстердам-авеню с ее многочисленными барами и закусочными.

Темная фигура как раз заворачивала туда.

Нора побежала по улице, проклиная свою слабость после двух дней, проведенных в постели. Повернув за угол, она устремилась вниз по Амстердам, забитой вечерними гуляками.

Вот он! Быстро проходит мимо следующего квартала.

Оттолкнув стоявшего на пути парня, Нора из последних сил прибавила ходу.

– Эй, вы!

Фигура продолжала удаляться.

Вытянув руку, Нора летела сквозь ряды пешеходов.

– Остановитесь!

Она нагнала его у Восемьдесят седьмой улицы. Вцепившись в плечо, обтянутое грязной тканью, с силой повернула к себе. Мужчина испуганно уставился на нее. Нора выпустила рубаху и отступила назад.

– В чем дело?

Нет, это был не Феринг. Просто какой-то оборванец.

– Извините, – пробормотала Нора. – Я приняла вас за другого.

– Отстань от меня. – Отвернувшись, он процедил сквозь зубы: – Вот сука.

И, пошатываясь, пошел дальше.

Нора огляделась вокруг, но Феринга нигде не было видно, если он вообще существовал. Ноги у нее подкашивались, руки тряслись. Мимо нее шел нескончаемый поток людей. Ценой невероятных усилий ей удалось взять себя в руки и немного отдышаться.

На глаза ей попался бар «Царство Нептуна»: модное шумное заведение с рыбной кухней. Раньше ей и в голову бы не пришло зайти в такое место.

Но сейчас она решительно вошла и села на высокий стул у стойки. К ней сразу же подошел бармен.

– Что будем заказывать?

– Джин с сухим мартини и кусочком лимона, лед не надо.

– Один момент.

Потягивая холодный коктейль, она мысленно ругала себя за глупое поведение. В больнице ей приснился дурной сон, а бродяга оказался совсем не Ферингом. Это просто результат нервного потрясения. Надо взять себя в руки, успокоиться и вернуться к нормальной жизни.

Покончив с коктейлем, она спросила:

– Сколько с меня?

– За счет заведения. Надеюсь, что черти, которые вас доставали, теперь убрались, – сказал бармен, подмигнув.

Нора поблагодарила и пошла к выходу, чувствуя приятное расслабление от выпитого. Черти, как сказал бармен. Придется их приструнить. И нечего бояться. А то она совсем расклеилась, ей все время что-то чудится и мерещится. Пора с этим кончать.

Через несколько минут она уже подходила к своему дому. Войдя в вестибюль, выслушала очередную сочувственную тираду от портье и, поднявшись на лифте, очутилась у двери своей квартиры. Вставила в замочную скважину ключ, открыла дверь и сразу же обнаружила выключатель.

Дважды повернув ключ в замке и задвинув недавно установленную щеколду, она огляделась вокруг. Все было вымыто, вычищено и приведено в порядок. Она методически осмотрела квартиру, заглянув даже в чулан и под кровать. Потом отдернула шторы в гостиной и спальне и выключила свет. За окном светились огни большого города, и их отблески наполняли квартиру мягким призрачным сиянием.

Нора поняла, что ей по силам остаться здесь на ночь и дать отпор любой нечистой силе.

Только не надо ни на что смотреть.

Глава 12

Официантка принесла им сэндвичи: один, с копченой говядиной под русским соусом, для д’Агосты; второй, с беконом, салатом и помидорами, для Лоры Хейворд.

– Еще кофе? – спросила она.

– Будьте любезны.

Понаблюдав, как потрепанная официантка наливает ему кофе, д’Агоста повернулся к Хейворд.

– Вот какие у нас дела, – подытожил он.

Д’Агоста пригласил капитана Хейворд на обед, чтобы ускорить расследование. Правда, она больше не занималась убийствами. Получив новое назначение, она работала в отделе комиссара полиции, где ей светило весьма многообещающее повышение по службе. «Уж если кто заслуживает повышения, так это она», – грустно подумал д’Агоста.

– Ты читала?

Хейворд бросила взгляд на газету, которую он принес с собой:

– Да.

Д’Агоста покачал головой:

– Представляешь, какую чушь написали. Теперь нас осаждают всякие ослы, приходят анонимные письма, которые надо проверять, звонят физики и гадатели на картах Таро… Ты же знаешь, какой гвалт поднимается в этом городе, когда печатают такие вот страшилки. Только этой хрени мне сейчас и не хватало.

Хейворд чуть заметно улыбнулась:

– Я тебя понимаю.

– А люди верят в эту чепуху. – Отбросив газету, он пригубил кофе. – Ну так что ты обо всем этом думаешь?

– Ведь у тебя есть четыре свидетеля, которые клянутся, что убил именно Феринг?

– Пять, если считать жену убитого.

– Нора Келли.

– Ты же ее знаешь?

– Да. И Билла Смитбека тоже. Хороший был журналист, только очень рисковый. Настоящая трагедия.

Д’Агоста начал есть бутерброд. Говядина постная, соус подогрет – то что надо. Когда он злился, у него всегда разыгрывался аппетит.

– Значит, это Феринг или кто-то на него похожий. Он умер, а может быть, и нет. Все очень просто. У вас уже есть результаты генетического анализа?

– На месте преступления была обнаружена кровь двух людей – Смитбека и еще одного человека, пока не идентифицированного. Мы получили образцы ДНК матери Феринга и сейчас сравниваем с обнаруженной кровью.

Д'Агоста замолчал, размышляя, стоит ли говорить ей о том, как они добыли образцы ДНК. Нет, лучше не надо. Это не вполне законно, а Хейворд была весьма щепетильна в этих вещах.

– А если это не Феринг, то кому и зачем понадобился весь этот маскарад?

– Хороший вопрос. А что думает по этому поводу Пендергаст?

– Разве кто-нибудь когда-нибудь знает, о чем думает этот парень? Но я тебе вот что скажу: он очень заинтересовался этими вудуистскими штучками, которые нашли на месте преступления, хотя виду и не подает. Но занялся ими всерьез.

– Это те предметы, которые упомянуты в газете?

– Да. Блестки, пучок перьев, пергаментный пакетик с пылью.

– Гри-гри, – пробормотала Хейворд.

– Не понял.

– Талисманы вуду, защищающие от злых духов. Или, наоборот, напускающие порчу.

– Я тебя умоляю. Мы имеем дело с психопатом. Преступление совершено спонтанно. В записи видно, что парень явно под кайфом.

– Хочешь знать мое мнение, Винни?

– Конечно.

– Эксгумируйте тело Феринга.

– Именно это мы и собираемся сделать.

– И я бы проверила, кому Смитбек насолил своими статьями в последнее время.

– Этим мы тоже занимаемся. Похоже, все, что он писал, кого-то здорово задевало. Его редактор в «Таймс» дал мне список его последних заданий, и сейчас мои люди это изучают.

– Ты все делаешь правильно, Винни. Мне только кажется, что преступление это не такое «спонтанное», как ты думаешь. Наоборот, оно могло быть очень тщательно спланировано и осуществлено.

– Мне так не кажется.

– Не стоит делать поспешных выводов.

– Извини.

– Еще один момент. Если ты помнишь, я восемнадцать месяцев работала в полицейском управлении Нового Орлеана.

– Ну помню.

– Пендергаст ведь тоже из Нового Орлеана.

– Ну и что?

Хейворд отпила воды из стакана.

– Минуту назад я сказала, что Феринг либо жив, либо мертв. В новоорлеанской полиции есть люди, которые думают иначе. Они считают, что существует и третья возможность.

– Лора, только не говори мне, что ты веришь в эти сказки про зомби.

Съев половину сэндвича, Хейворд отставила тарелку:

– Больше не могу. Хочешь попробовать?

– Спасибо, я сыт. Ты не ответила на мой вопрос.

– В сказки я не верю. На эту тему тебе лучше поговорить с Пендергастом. Он знает эту специфическую область гораздо лучше нас с тобой. И пожалуйста, не торопись с выводами. Ты часто этим грешишь, Винни. Да ты и сам это знаешь.

Д'Агоста вздохнул. Она была, как всегда, права. Он обвел глазами закусочную: по залу бегали официантки, посетители читали газеты, говорили по сотовым телефонам, болтали с друзьями. Ему вспомнились и другие обеды с Лорой. Особенно их первая совместная выпивка. В то время он переживал самый тяжелый период в жизни – и все же вспоминал об этом с удовольствием. Именно тогда он ощутил, как тянет его к этой женщине. Им прекрасно работалось вместе. Она постоянно бросала ему вызов – в хорошем смысле слова. Вот уж поистине ирония судьбы: он выиграл дисциплинарное разбирательство, не был уволен, но, похоже, навсегда потерял Лору.

Д'Агоста прочистил горло.

– Расскажи мне о своем повышении.

– Я его еще не получила.

– Да ладно тебе. Об этом уже все говорят. Остались простые формальности.

Она выпила немного воды.

– У нас создается специальное подразделение с годичным испытательным сроком. Туда включают несколько человек из комиссариата, которые будут работать в тесном контакте с мэром и заниматься борьбой с терроризмом. Все будет происходить в рамках программы улучшения качества жизни. Это своего рода социальная работа.

– Ты будешь на виду?

– Постоянно.

– Ого! Поздравляю с еще одним перышком на шляпе. Подожди, через пару лет выбьешься в начальники.

– Это вряд ли, – улыбнулась Лора.

Чуть поколебавшись, д’Агоста произнес:

– Лора, мне тебя не хватает.

Улыбка исчезла с ее лица.

– Мне тоже.

Д’Агоста посмотрел на нее. Лора была так хороша, что у него заныло сердце. Бледное лицо, черные как смоль волосы.

– Почему бы нам не начать все сначала?

Она помолчала, потом покачала головой:

– Я не могу.

– Почему?

– Винни, я мало кому доверяю. Но тебе я верила. А ты меня подвел.

– Мне очень жаль, что так получилось. Действительно жаль. Но я же тебе все объяснил. У меня не было другого выбора. Надеюсь, сейчас ты это понимаешь?

– Нет, выбор у тебя был. Ты мог сказать мне правду. Почему ты решил, что мне нельзя доверять?

– Ну да, я виноват, – вздохнул д’Агоста.

У него вдруг настойчиво зазвонил сотовый телефон.

– Тебе лучше ответить, – сказала Лора.

– Но…

– Давай, может, там что-то важное.

Д’Агоста извлек из кармана трубку.

– Да?

– Винсент, – произнес медоточивый голос с южным акцентом. – Я не вовремя позвонил?

– Нет, что вы, – отозвался д’Агоста, судорожно глотнув.

– Отлично. У нас свидание с неким мистером Клайном.

– Уже выезжаю.

– Прекрасно. Еще один вопрос. Завтра утром не хотите со мной прокатиться?

– Куда?

– На кладбище «Шелест дубов». Получено разрешение на эксгумацию. В полдень мы вскрываем могилу Феринга.

Глава 13

Компания «Цифровая точность» располагалась на Шестой авеню в одной из огромных стеклянных башен, выстроившихся в начале улицы. Д’Агоста встретился с Пендергастом в главном вестибюле и после кратковременного посещения службы безопасности поднялся с ним на тридцать седьмой этаж.

– Вы прихватили с собой копию письма? – спросил Пендергаст.

Д’Агоста похлопал себя по карману пиджака.

– Вы что-нибудь узнали о Клайне? Может быть, поделитесь информацией?

– Конечно. Наш мистер Клайн вырос в бедной семье из Бруклина. Детство у него было ничем не примечательное, отметки в школе отличные, поведение примерное. Очень милый мальчик. После окончания Нью-Йоркского университета работал в газете репортером, что, судя по всему, его вполне устраивало. Но здесь у него вышла осечка: его обошли конкуренты, а дело касалось какого-то важного материала. Похоже, его просто обвели вокруг пальца, но ведь журналистику вряд ли можно назвать честным бизнесом. В результате он потерял работу. После небольшого дрейфа устроился программистом в банк на Уолл-стрит. У него обнаружился явный талант к этому делу: через

несколько лет он уже основал фирму «Цифровая точность» и успешно ею руководит. Как насчет ордера на обыск?

– Сначала поглядим, что он скажет.

Лифт доставил их в элегантно обставленный холл со старинными персидскими коврами и черными кожаными диванами. Интерьер украшали произведения африканского искусства – фигуры воинов в эффектных головных уборах, внушительных размеров маски с замысловатым орнаментом.

– Похоже, наш мистер Клайн руководит своей фирмой более чем успешно, – заметил д’Агоста, оглядывая помещение.

Представившись секретарю фирмы, они уселись на диван. Д’Агоста поворошил стопки журналов, надеясь найти там «Пипл» или «Досуг», но ничего, кроме «Компьютерного мира» и «Базы данных», не обнаружил. Прошло десять минут. Д’Агоста был уже готов прорваться без приглашения, когда на столе у секретаря зазвонил телефон.

– Мистер Клайн готов вас принять, – сказала она, поднимаясь.

Они прошли по длинному сумрачному коридору, который заканчивался дверью. Секретарь провела их через приемную, где за компьютером сидела роскошная личная секретарша Клайна, испуганно стрельнувшая в их сторону глазами. Вид у нее был напряженный и какой-то затравленный, как у побитой собаки.

За двустворчатой дверью находился просторный угловой кабинет. Из огромных окон открывался вид на Шестую авеню. Громадный письменный стол украшали четыре персональных компьютера. За столом, спиной к вошедшим, стоял невысокий человек лет сорока, говоривший по радиотелефону.

Д’Агоста окинул взглядом кабинет: те же черные кожаные диваны и этнические украшения на стенах. Судя по всему, мистер Клайн был коллекционером. В стеклянной витрине расположились разные антикварные предметы, глиняные трубки, пряжки и искореженные куски железа. Табличка гласила, что все это было найдено на раскопках первых голландских поселений Нового Амстердама. Стеллажи, уставленные книгами по финансам и компьютерному программированию, резко контрастировали с туземными масками.

Закончив разговор, мужчина повесил трубку и обернулся к вошедшим. У него было худое моложавое лицо, на котором до сих пор были заметны следы борьбы с юношескими прыщами. На макушке торчали мальчишеские вихры. И только холодные глаза выдавали возраст.

– Я вас слушаю, – мягко произнес он, переводя взгляд с Пендергаста на д’Агосту.

– Я, с вашего позволения, присяду, – сказал Пендергаст, садясь на стул и закидывая ногу на ногу.

Д’Агоста последовал его примеру.

Мужчина чуть улыбнулся, но ничего не сказал.

– Мистер Лукас Клайн? Я лейтенант д’Агоста из департамента полиции Нью-Йорка.

– Я так и подумал. А вы, вероятно, спецагент, – предположил Клайн, поворачиваясь к Пендергасту. – Кто я такой, вы уже знаете. Чем могу быть полезен? Вообще-то, я очень занят.

– Неужели? – удивился д’Агоста, поудобнее устраиваясь на кожаном стуле. – И чем же вы так заняты, мистер Клайн?

– Я генеральный директор «ЦТ».

– Мне это пока ничего не говорит.

– Если вы хотите узнать историю моей карьеры, прочтите вот это, – важно произнес Клайн, указывая на одну из книжных полок, где стояло полдюжины одинаковых книг. – Здесь описывается, как скромный АБД стал владельцем собственной компании. Все мои служащие обязаны иметь эту книгу. Всего за сорок пять долларов они получают возможность ознакомиться с блестящим примером заслуженного успеха. Когда будете уходить, можете купить ее у моего секретаря.

– АБД? А что это такое? – поинтересовался д’Агоста.

– Администратор базы данных. Когда-то давно я зарабатывал на жизнь тем, что поддерживал базы данных в жизнеспособном состоянии. А параллельно писал программу автоматической нормализации крупных финансовых баз данных.

– Нормализации? – переспросил д’Агоста.

Клайн нетерпеливо махнул рукой:

– Даже не буду объяснять. Все равно не поймете. Короче, моя программа прекрасно работала. И оказалось, что на такие программы существует большой спрос. Я оставил без работы всех этих АБД. И создал вот это.

На розовых девичьих губах Клайна заиграла самодовольная улыбка, голова гордо вскинулась.

Самомнение этого умника вывело д’Агосту из себя. Сейчас он ему покажет. Откинувшись на спинку возмущенно заскрипевшего стула, он обронил:

– Вообще-то, нас больше интересует ваша факультативная деятельность.

Клайн пристально посмотрел на него:

– Какая именно?

– Ну, например, ваша слабость к хорошеньким секретаршам, которых вы вынуждаете вступать с вами в интимные отношения, а потом запугиваете или подкупаете, чтобы держали язык за зубами.

На лице Клайна не дрогнул ни один мускул.

– А, так вы пришли ко мне в связи с убийством Смитбека.

– Вы злоупотребляли своим положением, чтобы принуждать женщин к сожительству. Они боялись ваших угроз, опасались потерять работу и поэтому молчали. А вот Смитбек не побоялся вывести вас на чистую воду.

– Никого он не вывел. Это были голословные утверждения, ничего не подтвердилось, никаких официальных расследований не проводилось. Кроме вас и Смитбека, никто этим не заинтересовался.

Д’Агоста пожал плечами, как бы говоря: это еще ничего не значит, дурная молва далеко бежит.

Пендергаст чуть шевельнулся на стуле:

– Только вот жаль, что после статьи Смитбека акции «ЦТ» упали в цене на пятьдесят процентов.

Клайн по-прежнему был невозмутим.

– Вы же знаете, что такое фондовый рынок. Он весьма переменчив. «ЦТ» уже почти восстановила свои позиции.

Пендергаст скрестил руки на груди:

– Вы теперь генеральный директор, и никто не смеет обливать вас грязью или покушаться на ваши карманные деньги. Фигуру такого масштаба нельзя безнаказанно оскорблять, так ведь, мистер Клайн? – Чуть улыбнувшись, Пендергаст посмотрел на д’Агосту. – Где то письмо?

Вытащив из кармана письмо, д’Агоста начал громко читать:

– «Я заставлю вас пожалеть об этой статье, чего бы мне это ни стоило. Будьте уверены, я приму меры, о которых вы даже не догадываетесь». Это вы писали, мистер Клайн? – спросил он, поднимая глаза.

– Да, – ответил тот, ничуть не изменившись в лице.

– И вы послали это письмо Уильяму Смитбеку?

– Да, послал.

– А вы…

– Лейтенант, я от вас устал, – прервал его Клайн. – Я сам задам себе несколько вопросов, чтобы не тянуть зря время. Писал ли я это письмо всерьез? Конечно. Несу ли я ответственность за его смерть? Возможно. Доволен ли я, что он умер? Я просто счастлив.

С этими словами он подмигнул д'Агосте.

– Вы… – начал тот.

– Дело в том, что вы никогда ничего не узнаете. У меня лучшие адвокаты в городе. Я точно знаю, что могу сказать, а что – нет. Вам до меня не добраться.

– Мы можем вас арестовать, – возразил д'Агоста. – Причем прямо сейчас.

– Конечно можете. Я буду молча сидеть там, куда вы меня посадите, пока не придет мой адвокат. После чего меня сразу выпустят.

– Мы можем завести на вас дело на так называемом резонном основании.

– Не свистите, лейтенант.

– Это письмо является прямой угрозой.

– Каждое мое телодвижение в момент, когда произошло убийство, может быть подтверждено свидетелями. Это письмо проверяли лучшие юристы страны. Там нет ничего, что давало бы основание для судебного преследования.

Д'Агоста усмехнулся:

– Но мы сможем немного позабавиться, проведя вас по вестибюлю в наручниках на глазах у представителей прессы.

– Вы мне сделаете отличную рекламу. Через час я вернусь в свой кабинет, вы будете посрамлены, а мои враги убедятся, что я непотопляем, – улыбнулся Клайн. – Запомните, лейтенант: я был программистом. И в мои обязанности входило писать длинные сложные программы, основанные на безупречной логике. Это первое, чему учится программист, самое главное в его профессии. Продумать все до

тонкостей. Предусмотреть все возможные варианты, даже самые неожиданные. Не оставить ни одной лазейки. Ни одной.

Д’Агоста почувствовал что-то похожее на то, что испытывает человек, которого поджаривают на медленном огне. В огромном кабинете повисло молчание. Клайн сидел, сложив руки на груди, и не отрываясь смотрел на д’Агосту.

– Сплошная патология, – произнес тот.

Сейчас он сотрет самодовольную улыбочку с лица этого ублюдка.

– Простите? – не понял Клайн.

– Вообще-то, мне вас жаль, несмотря на все мое отвращение к подобным личностям. Переспать с женщиной вы можете, только помахав у нее перед носом деньгами или запугав ее до полусмерти. Разве это не патология? Нет? Можно назвать это и по-другому – убожество. Как вам это? Та девушка у входа – вы когда планируете пустить ее в оборот?

– Иди ты в задницу, – последовал ответ.

Д’Агоста поднялся:

– Это оскорбление офицера полиции при исполнении служебных обязанностей, – прогремел он, нащупывая наручники. – Вы переходите всякие границы.

– Иди в задницу, д’Агоста, – повторил тот же голос.

И тут д’Агоста понял, что говорил не Клайн. Голос звучал несколько иначе и раздавался из-за двери в стене.

– Кто это? – спросил д’Агоста.

Он прямо трясся от негодования.

– Да это Чанси.

– Пусть немедленно выйдет.

– Он не может.

– Почему? – прорычал д’Агоста.

– Он занят.

– Иди в задницу, – еще раз повторил Чанси.

– Занят?

– Да, он обедает.

Не говоря ни слова, д’Агоста подошел к двери и резко распахнул ее.

За ней оказалась небольшая комнатка размером с чулан. В ней не было ничего, кроме деревянной перекладины, на которой сидел большой попугай лососевого цвета. В когтистой лапе он держал бразильский орех. Из облака перьев выглядывал массивный клюв, на голове торчал пушистый хохолок. Попугай вопросительно посмотрел на д’Агосту.

– Лейтенант д’Агоста, разрешите представить вам Чанси, – произнес Клайн.

– Уноси свою задницу, д’Агоста, – сказал попугай.

Д’Агоста шагнул в комнату. Издав пронзительный крик, попугай уронил орех и стал хлопать крыльями, обдавая д’Агосту дождем из перьев и перхоти. Хохолок на его голове вспыхивал, как язычок пламени.

– Вот видите, что вы наделали, – мягко упрекнул д’Агосту Клайн. – Помешали ему обедать.

Д’Агоста, тяжело дыша, отступил. Он с ужасом осознал свое бессилие. Клайн ни в чем не нарушил закон. И что прикажете сейчас делать? Надеть наручники на молуккского какаду и тащить его в участок? Сделать из себя полное посмешище? Этот козел действительно все рассчитал. Д’Агоста судорожно смял письмо в руке. Это было полное поражение.

– Откуда он знает мое имя? – пробормотал он, смахивая с пиджака перышко.

– Видите ли, мы с Чанси… мм… беседовали о вас перед вашим приходом.

Войдя в лифт, д’Агоста бросил негодующий взгляд на Пендергаста. Спецагент трясся от беззвучного смеха. Д’Агоста, насупившись, отвернулся. Наконец Пендергаст справился со своим весельем и, слегка откашлявшись, сказал:

– Мне кажется, дорогой мой Винсент, вы не станете тянуть с получением ордера на обыск.

Глава 14

Кейтлин Кидд пристроила свою машину на автобусной остановке напротив Нью-Йоркского музея естественной истории. Прежде чем выйти, она разложила на приборной панели вчерашний номер «Уэстсайдера» так, чтобы был виден заголовок ее статьи с именем автора. Вместе с журналистским номерным знаком это позволит избежать штрафного талона за очередную стоянку в неположенном месте.

Она быстро пошла по аллее, вдыхая морозный осенний воздух. Было без четверти пять, и из неприметной двери на первом этаже внушительного здания уже потянулась вереница людей. Все они были с портфелями и сумками – явно не посетители. Прорезав людской поток, Кейтлин оказалась у двери, за которой был виден узкий коридор, ведущий к кабинке охраны. Проходя мимо нее, сотрудники показывали скучающим охранникам музейные пропуска. Порывшись в сумке, Кейтлин вытащила журналистское удостоверение и предъявила его охранникам.

– Вход только для персонала, – отрезал один из них.

– Я из «Уэстсайдера». Пишу статью о музее.

– Вам назначено?

– У меня интервью с…

Кейтлин посмотрела на планку проходившего мимо сотрудника музея. До своего кабинета он доберется не раньше чем через несколько минут.

– …с мистером Прайном.

– Одну минуту.

Найдя телефон в справочнике, охранник набрал номер и некоторое время слушал гудки. Потом поднял на Кейтлин сонные глаза:

– Его нет на месте. Вам придется подождать здесь.

– Я могу сесть? – спросила журналистка, указывая на скамейку, стоявшую за кабинкой охраны.

Охранник заколебался.

– Я беременна, и мне трудно стоять.

– Ладно, садитесь.

Сев на скамейку, Кейтлин положила ногу на ногу и вынула книгу, не спуская при этом глаз с охранников. У кабинки столпились люди – судя по виду, это были сторожа и уборщики, работающие в ночную смену. Охранники занялись проверкой пропусков, отмечая галочками фамилии в списке. Вскочив, Кейтлин незаметно присоединилась к тем, кто уже прошел контроль.

Комната, которую она искала, находилась в полуподвале. Она нашла ее на схеме музея в Интернете. Но в реальности это место было похоже на кроличью нору – бесконечные коридоры и переходы без всяких табличек. Ее вторжение не вызвало никакой реакции. Казалось, ее никто не замечал. Осторожно выяснив направление, она в конце концов

очутилась в длинном, плохо освещенном коридоре со множеством застекленных дверей. Кейтлин медленно пошла по коридору, рассматривая таблички. В воздухе висел какой-то малоприятный запах, но чем пахло, она понять не могла. Некоторые двери были открыты, и за ними виднелось лабораторное оборудование, нагромождение папок, склянки с заспиртованными существами и чучела свирепых хищников.

У двери с табличкой «Н. Келли» Кейтлин остановилась. Дверь была приоткрыта, и из кабинета слышались голоса. Прислушавшись, она поняла, что голос был один: Нора Келли разговаривала по телефону.

Кейтлин навострила уши.

– Скип, я не могу, – говорил голос. – Просто не могу поехать сейчас домой.

Последовала пауза.

– Нет, дело не в этом. Если я сейчас поеду в Санта-Фе, то уже никогда не вернусь в Нью-Йорк. Неужели ты не понимаешь? И потом, я хочу знать, что на самом деле произошло. Я должна разыскать убийцу. Это единственное, что меня сейчас поддерживает.

Разговор был слишком личным. Распахнув дверь, Кейтлин деликатно кашлянула. В маленьком кабинете было тесно, но везде царил порядок. На рабочем столе рядом с ноутбуком лежало с полдюжины глиняных черепков. Женщина, говорившая по телефону, подняла на Кейтлин глаза. Это была стройная привлекательная блондинка с длинными, рассыпавшимися по плечам волосами и печальными карими глазами.

– Скип, я тебе перезвоню. До вечера.

Повесив трубку, она встала из-за стола:

– Чем могу помочь?

Кейтлин глубоко вздохнула:

– Вы Нора Келли?

– Да.

Достав из сумки журналистское удостоверение, Кейтлин показала его Норе:

– Я Кейтлин Кидд из «Уэстсайдера».

Нора вдруг вся вспыхнула:

– Автор этой писанины? – Голос ее зазвенел от негодования.

– Миссис Келли…

– Поздравляю вас. Еще одна такая статейка, и вы получите приглашение в «Уикли уорлд ньюс». Надеюсь, вы уйдете прежде, чем я вызову охрану.

– А вы действительно читали мою статью? – торопливо выпалила Кейтлин.

На лице Норы мелькнула тень неуверенности. Кейтлин поняла: статью она не читала.

– Это был вполне серьезный материал, объективный и основанный на фактах. Я не сочиняю заголовков, я просто сообщаю новости.

Нора сделала шаг вперед, и Кейтлин невольно попятилась. Смерив журналистку сверкающим взглядом, Нора повернулась к столу и подняла трубку.

– Что вы делаете? – испуганно спросила Кейтлин.

– Звоню в охрану.

– Миссис Келли, пожалуйста, не делайте этого.

Набрав номер, Нора ждала, пока ей ответят.

– Вы только себе хуже сделаете. Ведь я могу помочь найти убийцу вашего мужа.

– Алло! Это Нора Келли из лаборатории антропологии.

– Мы же обе хотим одного. Пожалуйста, выслушайте меня, – взмолилась Кейтлин. – Я действительно могу вам помочь.

Молча взглянув на нее, Нора сказала в трубку:

– Извините, я ошиблась номером. – Положив трубку, она бросила Кейтлин: – У вас две минуты.

– Идет. Нора… можно мне вас так называть? Так вот, Нора, мы с вашим мужем были знакомы. Он никогда не говорил вам обо мне? Мы часто встречались на журналистских тусовках, пресс-конференциях, местах преступлений. Иногда описывали одни и те же события, но понятно, что начинающей журналистке, работающей в дрянном таблоиде, трудно тягаться с репортером «Таймс».

Нора ничего не ответила.

– Билл был отличный парень. Как я уже сказала, у нас с вами общая цель – найти его убийцу. У каждой есть свои преимущества. И мы должны их использовать. Вы знаете его лучше, чем кто-либо другой. А у меня есть газета. Мы можем объединить наши силы и помочь друг другу.

– Хотелось бы узнать, как именно.

– Вы знаете, что Билл работал над статьей о правах животных? Он мне об этом говорил.

– Я уже сообщила об этом полиции, – кивнула Нора. – Вы думаете, это как-то связано с убийством?

– Я это нутром чую. Но у меня слишком мало информации. Расскажите мне об этом поподробнее.

– Дело касалось жертвоприношений в Инвуде. Тогда был настоящий шквал статей по этому поводу, а потом все как-то сошло на нет. Но Билл заинтересовался этой темой. Он продолжал копать в этом направлении, собирал материал.

– Он вам рассказывал про это?

– У меня сложилось впечатление, что далеко не всем нравится повышенный интерес к этой теме. Но для Билла не было большего удовольствия, чем прикладывать людей. Особенно малоприятных. А мучителей животных он особенно ненавидел. – Нора посмотрела на часы. – У вас осталось тридцать секунд. А я до сих пор не услышала, как вы собираетесь мне помочь.

– У меня мертвая хватка. Спросите моих коллег. Я знаю все входы и выходы – в полиции, больницах, библиотеках, архивах. Мое журналистское удостоверение дает мне возможность проникать туда, куда вас не пустят. Я буду работать днем и ночью семь дней в неделю. Потому что я хочу опубликовать сенсационный материал. И отдать дань памяти Биллу.

– Ваши две минуты истекли.

– Ладно, я ухожу. Но я хочу, чтобы и вы кое-что сделали – для меня и для себя. Найдите его заметки для этой статьи. Я имею в виду статью о правах животных. И покажите мне. Запомните: журналисты всегда действуют в своих интересах. Я хочу распутать это дело не меньше, чем вы. Помогите мне в этом, Нора.

С этими словами она вручила Норе свою карточку и, улыбнувшись, покинула лабораторию.

Глава 15

«Роллс-ройс» въехал в ворота, украшенные пластиковым плющом, кое-как прикрепленным проволокой к стене из фальшивого кирпича. Табличка, скрывавшаяся под сенью плюща, сообщала посетителям, что они прибыли на кладбище «Шелест дубов». За стеной зеленела лужайка, окаймленная недавно посаженными дубками, удерживаемыми

в вертикальном состоянии проволочными растяжками. Все выглядело свежим и нетронутым. Кладбище было практически пустым. На дерне, покрывавшем его территорию, до сих пор виднелись места стыков. И только в углу громоздилось с полдюжины внушительных гранитных памятников. В центре кладбища возвышался белый пустой мавзолей довольно непривлекательного вида.

Проктор остановил машину перед зданием мавзолея. Несмотря на осень, у фасада пестрел пышный цветник. Выходя из машины, д’Агоста коснулся цветка ногой. Пластик.

Они стояли на парковке, оглядываясь по сторонам.

– Куда же все подевались? – недоуменно спросил д’Агоста, взглянув на часы. – Этот парень обещал приехать в двенадцать.

– Прошу прощения, джентльмены.

Из-за мавзолея появился мужчина. Д’Агоста был несколько удивлен его внешностью. Худой, неестественно бледный господин в идеально сшитом черном костюме. Подобострастно сложив руки, мужчина подошел к Пендергасту.

– Чем могу служить, сэр?

– Мы по поводу останков Колина Феринга.

– Это тот бедняга, которого мы предали земле две недели назад? – Радостно улыбнувшись, мужчина смерил Пендергаста взглядом. – Вы, должно быть, занимаетесь похоронным бизнесом? Я сразу догадался!

Пендергаст медленно опустил руку в карман.

– Да-да, – продолжал мужчина. – Я хорошо помню погребение. На нем присутствовали только сестра покойного и священник. Я был несколько удивлен – обычно на похоронах молодых людей собирается много народа. Вы из какого похоронного бюро? Чем могу быть полезен?

Вытащив из кармана кожаный прямоугольник, Пендергаст небрежным жестом развернул его.

Мужчина с удивлением посмотрел на удостоверение.

– Что это?

– Мне очень жаль, но мы не занимаемся похоронным бизнесом.

Лицо у мужчины стало совсем белым.

Тут в разговор вступил д’Агоста.

– Мы приехали для эксгумации тела Колина Феринга, которое будет произведено с разрешения суда, – объявил он, вручая мужчине конверт. – Здесь все необходимые документы.

– Эксгумация? Но я ничего об этом не знаю.

– Вчера вечером я разговаривал с мистером Рэдклифом.

– Мистер Рэдклиф меня не предупредил. Он никогда мне ничего не говорит, – пожаловался мужчина.

– Тем хуже для вас, – отрезал д'Агоста, чувствуя, как в нем опять закипает злость. – Приступим к делу.

Мужчина совсем растерялся.

– Мы… у нас никогда ничего подобного не случалось, – пробормотал он, слегка пошатнувшись.

– Все когда-нибудь случается в первый раз, мистер…

– Лиль. Морис Лиль.

Наконец на дороге показался потрепанный фургон медицинской экспертизы. Он мчался с бешеной скоростью, испуская клубы сизого дыма. Д'Агоста всегда недоумевал, зачем они носятся как сумасшедшие. Машина с визгом затормозила, раскачиваясь на плохой подвеске. Из нее вылезли двое санитаров в белых халатах и, подойдя к задней двери, вытащили каталку, на которой лежал пустой мешок для перевозки трупов. Толкая перед собой каталку, они пересекли парковочную площадку и подошли к стоявшим у мавзолея.

– Где мертвец? – выкрикнул тот, что был потоньше, веснушчатый парнишка с волосами цвета моркови.

Никто ему не ответил.

– Мистер Лиль? – чуть подтолкнул того д'Агоста.

– Мертвец?

– Ну да, жмурик. Мы не можем торчать здесь весь день.

– Да-да, конечно. Пожалуйста, пройдемте в мавзолей, – сказал Лиль, немного оправившись от шока.

Он подошел к входу в мавзолей и набрал код. Дверь из фальшивой бронзы распахнулась. За ней оказался высокий белый зал, все стены которого до самого потолка были заняты саркофагами. Посередине стояли две большие гипсовые урны в итальянском стиле с огромными пластиковыми букетами. Почти все саркофаги были пустыми и только

на нескольких виднелись черные таблички с именами и датами. Д’Агоста принюхался, стараясь уловить запах, который был ему столь знаком, но воздух был чист, свеж и ароматен. Они явно использовали отдушки. «Да, в таком заведении нужно почаще проветривать», – подумал д’Агоста.

– Простите, вы сказали, вам нужен Колин Феринг?

Несмотря на кондиционер, Лиль весь вспотел.

– Именно так, – подтвердил д’Агоста, недовольно взглянув на Пендергаста, который, заложив руки за спину, прогуливался по залу.

Вечно он исчезает в нужный момент!

– Одну минуточку.

Скрывшись за стеклянной дверью своего кабинета, Лиль вскоре появился с папкой в руках и пошел вдоль стен, беззвучно шевеля губами. Наконец он остановился.

– Вот здесь. Колин Феринг, – произнес он, указывая на саркофаг с табличкой, и с вымученной улыбкой отошел в сторону.

– Мистер Лиль, а где ключ? – спросил д’Агоста.

– Ключ? – На лице Лиля появилось паническое выражение. – Вы хотите, чтобы я его открыл?

– А как иначе проводить эксгумацию?

– Понимаете, у меня нет соответствующих полномочий. Я всего лишь продавец.

– Все необходимые документы находятся в этом конверте. Вам нужно только расписаться на первой странице и дать нам ключ, – нетерпеливо произнес д’Агоста.

Лиль с недоумением посмотрел на конверт, который сжимал в руке.

– Но я не имею права. Я должен позвонить мистеру Рэдклифу.

Д’Агоста страдальчески возвел глаза к небу.

Лиль снова зашел в кабинет, оставив дверь открытой. Д’Агоста стал слушать. Разговор начался в спокойных тонах, но вскоре мавзолей огласили пронзительные возгласы, похожие на визг побитой собаки. Судя по всему, мистер Рэдклиф был не готов к сотрудничеству.

– Мистер Рэдклиф скоро приедет, – сообщил Лиль, выходя из кабинета.

– Когда именно?

– Через час.

– И речи быть не может. Я же все объяснил вашему Рэдклифу. Открывайте саркофаг. Немедленно.

Лиль с искаженным лицом заломил руки:

– О боже! Но я… не могу.

– Послушай, парень, у тебя в руках распоряжение суда, а не какая-то просьбишка. Если не откроешь саркофаг, я тебя привлеку к ответственности за оказание сопротивления представителю полиции, находящемуся при исполнении служебных обязанностей.

– Но мистер Рэдклиф меня уволит! – продолжал скулить Лиль.

Прервав свою экскурсию по мавзолею, Пендергаст подошел к саркофагу Феринга и громко прочитал надпись на плите:

– «Колин Феринг, тридцати восьми лет». Грустно, когда люди умирают молодыми, не правда ли, мистер Лиль?

Но тот, казалось, ничего не слышал. Пендергаст погладил белый мрамор:

– Вы сказали, что на похороны никто не пришел?

– Только сестра.

– Как это печально. А кто за все это платил?

– Я… я точно не знаю. Сестра оплатила счет из капитала матери.

– Но их мать недееспособна, – заметил спецагент, оборачиваясь к д’Агосте. – Интересно, а доверенность у сестры была? Имеет смысл проверить.

– Хорошая идея.

Продолжая поглаживать мрамор, Пендергаст отодвинул небольшую скрытую пластинку, под которой оказался замок. Другой рукой он вытащил из нагрудного кармана небольшой предмет, похожий на расческу с несколькими короткими зубьями на конце, и, сунув его в замок, слегка поковырялся в нем.

– Вы что себе позволяете… – начал было Лиль, но сразу же осекся, увидев, как бесшумно открывается дверь саркофага. – Нет, подождите, нельзя этого делать…

Санитары подвезли каталку и установили ее на одном уровне с саркофагом. В руке у Пендергаста появился маленький фонарик. Осветив темное пространство саркофага, он заглянул внутрь.

Последовало непродолжительное молчание. Потом Пендергаст сказал:

– Мне кажется, каталка нам не понадобится.

Санитары в нерешительности затоптались на месте.

Выпрямившись, Пендергаст обратился к Лилю:

– Скажите, пожалуйста, у кого хранятся ключи от этих саркофагов?

– Ключи? – дрожащим голосом переспросил тот. – У меня.

– А где вы их держите?

– У себя в кабинете в запертом шкафу.

– А второй комплект?

– У мистера Рэдклифа. Он хранит его где-то в другом месте.

– Винсент, взгляните, – сказал Пендергаст, делая приглашающий жест в сторону саркофага.

Д'Агоста заглянул в темную впадину, освещенную лишь узким лучом фонарика:

– Да там пусто, черт побери!

– Это невозможно! – заверещал Лиль. – Я собственными глазами видел, как сюда поместили тело…

Он схватился за галстук, словно тот душил его.

Рыжий санитар тоже заглянул внутрь.

– Вот это да, – задумчиво произнес он.

– Там не совсем пусто, Винсент, – возразил Пендергаст, натягивая резиновые перчатки.

Запустив руку в саркофаг, он вытащил оттуда какой-то предмет и продемонстрировал окружающим. На его ладони лежал крошечный гроб, грубо слепленный из папье-маше и кусочков ткани. Внутри, под съехавшей набок картонной крышкой, виднелся ухмыляющийся скелет, собранный из белых крашеных зубочисток.

– Здесь тоже своего рода покойник, – произнес Пендергаст сладкозвучным голосом.

Послышался всхлип, сменившийся звуком падающего тела. Обернувшись, д'Агоста увидел, что Морис Лиль упал в обморок.

Глава 16

Было уже двенадцать. Нора Келли быстро шла по темному коридору, стуча каблучками по каменному полу. Ночью подвал освещался слабо, и из дверных проемов падали тени. Вокруг никого. Даже самые усердные хранители давно ушли домой, а охрана обходила в основном выставочные залы.

Нора остановилась у стальной двери с табличкой «Лаборатория полимеразных цепных реакций (ПЦР)». За зарешеченным окошком было темно. Она набрала на панели код, и красная точка индикатора стала зеленой.

Открыв дверь, Нора осторожно вошла внутрь, включила свет и огляделась. Она заходила в эту лабораторию лишь несколько раз, когда приносила образцы для анализа. На стальном столе стоял амплификатор для проведения полимеразных цепных реакций, прикрытый полиэтиленовой пленкой. Сняв пленку, Нора аккуратно сложила ее и убрала в шкаф. Амплификатор Эппендорфа-5330 представлял собой довольно допотопный пластмассовый ящик, вид которого никак не соответствовал его сложнейшему внутреннему устройству. Порывшись в сумке, Нора достала инструкцию, которую скачала из Интернета.

Дверь за ней закрылась автоматически. Глубоко вздохнув, она стала водить рукой по задней стенке прибора, пока не нащупала выключатель. Согласно инструкции, для разогрева этой машине требовалось пятнадцать минут.

Положив сумку на стол, Нора извлекла оттуда пенопластовую коробочку и, сняв с нее крышку, стала осторожно доставать тонкие пробирки и устанавливать их в штатив. В каждой пробирке находился какой-нибудь образец биологического материала: волос, волокно, кусочек бумажной салфетки, засохшая кровь. Все это дал ей Пендергаст.

Нора провела рукой по лбу. Пальцы у нее слегка дрожали. Она старалась думать только о предстоявшей работе. Надо быстро все закончить и уйти затемно. Голова у нее гудела от боли. Она не спала уже вторую ночь. Но горе и гнев придавали ей силы, заставляя забывать об усталости. Пендергасту срочно требовались результаты генетического анализа. И она была рада, что может хоть чем-то помочь тем, кто разыскивает убийцу ее мужа.

Она достала из холодильника набор для проведения ПЦР – восемь маленьких пластиковых пузырьков, похожих на пули. Там находился буферный раствор, Taq-полимераза, дезоксинуклеозидтрифосфаты и другие реагенты. Взяв стерильный пинцет, Нора с величайшей осторожностью поместила крошечные образцы биологического материала в пробирки для ПЦР, сразу же запечатывая их. К тому времени, когда прибор нагрелся, Нора успела заполнить тридцать две

пробирки – максимальное количество, которое амплификатор мог обработать за один раз.

Положив в карман лишние пробирки, Нора в третий раз прочитала инструкцию. Потом открыла амплификатор и загрузила в него пробирки. Установив режим, робко нажала на стартовую кнопку. Для проведения полимеразной цепной реакции необходимо сорок термоциклов по три минуты каждый. Итого два часа. А потом еще гелевый электрофорез, чтобы идентифицировать ДНК.

Прибор мелодично звякнул, и на экране появились цифры, сообщавшие о начале первого термоцикла. Нора села на стул и стала ждать. Только сейчас она заметила, какая мертвая тишина стоит в лаборатории. Не было слышно даже привычного звука вентиляции. В помещении пахло пылью и плесенью. Из находившегося рядом хранилища пробивался легкий запах парадихлорбензола.

Нора посмотрела на часы: двадцать пять минут первого. Она пожалела, что не взяла с собой книжку. Придется проводить время наедине со своими мыслями, а они были не из приятных.

Поднявшись, она прошлась по лаборатории, потом села за стол и снова вскочила. Покопалась в шкафах в надежде найти какую-нибудь книжку, но обнаружила лишь справочники.

Можно, конечно, вернуться к себе в кабинет, но есть риск наткнуться на охрану и потом долго объяснять, что она делает в музее ночью. У нее не было допуска в лабораторию ПЦР. Она не подала заявку на посещение и не отметилась в журнале. Она вообще не имела права работать с амплификатором…

Вдруг Нора резко остановилась и стала прислушиваться. Ей показалось, что за дверью раздался какой-то звук.

Она бросила взгляд на дверное окошко, но за ним был виден лишь темный коридор с лампочкой в металлической оплетке. На двери горел красный индикатор – значит она была заперта.

Нора со стоном сжала кулаки. Все было бесполезно: страшные видения продолжали преследовать ее, настойчиво проникая в сознание. Она зажмурила глаза и еще крепче сжала пальцы, стараясь думать о чем-нибудь другом…

Но очень скоро глаза пришлось открыть. На этот раз звук был более отчетливым, словно кто-то скребся в дверь. Быстро взглянув туда, она увидела тень, мелькнувшую за окошком. У нее было ощущение, что на нее только что смотрели.

Кто-то из охраны? Вполне возможно. У Норы перехватило дыхание. Неужели они сообщат о ней? Но потом она покачала головой. Если бы они что-то заподозрили, то сразу бы вошли. Откуда им знать, что у нее нет допуска? В конце концов, у нее на груди значок работника музея. Это все ее больное воображение. После смерти Билла кошмары преследуют ее постоянно… Нора отвернулась от двери. Может быть, она и вправду сходит с ума?

За дверью снова кто-то заскребся, и она быстро взглянула в окошко. На этот раз Нора разглядела темный силуэт головы, слегка покачивающийся за стеклом. Потом к окну прижалось лицо, и свет из лаборатории осветил его черты.

Нора затаила дыхание, на секунду прикрыла глаза и взглянула вновь.

Это был Колин Феринг.

Глава 17

Нора с криком отпрянула назад. Лицо исчезло.

Сердце у нее бешено заколотилось. На этот раз сомнений быть не могло. Это не сон.

Она стала беспомощно озираться, пытаясь найти место, где бы можно было спрятаться. Потом торопливо нырнула под стол.

Вокруг стояла мертвая тишина.

«Господи, какая глупость. Ведь дверь заперта, и он не сможет войти», – подумала Нора.

Прошла минута. Скорчившись под столом, Нора ждала, тяжело дыша. А потом случилось неожиданное. Страх вдруг куда-то исчез, сменившись безотчетной злостью.

Нора медленно поднялась на ноги. В окошке по-прежнему никого не было.

Ее рука потянулась к большой мензурке. Вытащив ее из штатива, Нора ударом об стол отбила у нее верх. Подскочив к двери, она дрожавшими пальцами стала набирать код. С третьей попытки ей это удалось. Распахнув дверь, она выскочила в коридор.

За углом послышался звук закрываемой двери.

– Феринг! – закричала Нора, бросившись бежать по коридору.

Там было множество дверей, но за поворотом находилась только одна. Схватившись за ручку, Нора поняла, что дверь не заперта, и рывком открыла ее.

Пошарив рукой по стене, она нащупала два ряда выключателей и повернула их все.

Перед ней возникло легендарное музейное хранилище, о котором она много слышала, но самой ей там бывать не приходилось. Когда-то в этом помещении была электростанция, теперь же здесь хранилась коллекция китовых скелетов. На цепях, спускавшихся с потолка, были подвешены громадные кости и черепа, некоторые величиной с автобус. Если бы их разложили на полу, они наверняка сломались бы под собственной тяжестью. Каждый скелет был накрыт пластиковой пленкой, свисавшей почти до пола. Несмотря на множество лампочек под потолком, в помещении было сумрачно, как в подводной лодке.

Сжимая в руке свое самодельное оружие, Нора огляделась по сторонам. На одном из скелетов пленка слегка покачивалась, словно ее только что задели.

– Феринг!

Голос ее прозвучал странно и гулко, как в каменной пещере. Нора пошла между скелетами. В призрачном свете хранилища они отбрасывали причудливые тени. Пластиковая пленка, пыльная и жесткая, создавала своего рода лабиринты, где Нора блуждала, задыхаясь от бессильной ярости.

Наконец она выбралась на открытое пространство и рывком раздвинула пленку на одном из скелетов. Никого.

Она пошла дальше, отдергивая пластиковые завесы. Теперь все они колыхались, словно гигантские скелеты под ними ожили и пришли в движение.

– Скотина! Выходи немедленно!

Послышался шорох, и под пленкой мелькнула тень. Нора бросилась туда, размахивая разбитой мензуркой.

Никого.

Потеряв самообладание, Нора стала с криком сдергивать со скелетов пленку, нанося по ней удары мензуркой, пока окончательно не запуталась в тяжелых складках. С трудом освободившись, она прислушалась. Сначала она не слышала ничего, кроме своего прерывистого дыхания. Но потом справа послышался звук, похожий на шарканье ног. С криком она бросилась туда, размахивая своим оружием.

Но вдруг резко остановилась. Голос разума взял верх над необузданной яростью. Как же глупо она себя вела. Нельзя давать волю эмоциям.

Нора снова прислушалась. Опять шорох, мелькнувшая тень и колыхание пленки. Она резко обернулась. Но потом застыла, облизывая пересохшие губы. Стоя в окружении бесчисленных китовых скелетов, задрапированных пленкой, она задала себе вопрос: кто здесь охотник?.. и кто преследуемая дичь?

Ее гнев моментально исчез, сменившись все возрастающей тревогой. Она поняла, что попала в ловушку. Феринг не смог проникнуть в запертую лабораторию. Тогда он решил выманить ее оттуда. А она позволила завести себя в этот лабиринт.

Вдруг ближайшую к ней пленку вспорол изнутри нож. В образовавшемся разрезе показалась фигура. Бросившись к ней, Нора замахнулась своим стеклянным оружием. Но человек ударил по мензурке ножом, и она упала на пол, разбившись вдребезги.

Нора отшатнулась, с ужасом глядя на Феринга.

Его одежда, покрытая засохшей кровью, была грязна и оборвана. Он смотрел на нее одним глазом, другой, с белесым бельмом, был явно незрячим. В зияющем отверстии рта виднелись черные гнилые зубы. В волосы набились земля и листья. От землистой кожи исходил запах склепа. Захрипев, он сделал шаг вперед и замахнулся на Нору ножом, который ей был столь печально знаком.

Нож описал в воздухе сверкающую дугу, но Нора сумела увернуться от удара. Потеряв равновесие, она упала на пол. Схватив осколок стекла, она попыталась отползти от приближающейся фигуры.

Чудовище открыло пасть и по-звериному зарычало.

– Убирайся! – завизжала Нора, вскакивая на ноги.

Фигура продолжала приближаться, неуклюже размахивая ножом. Нора повернулась и побежала вглубь помещения, лавируя между скелетами. Там наверняка есть второй выход. Она слышала, как следом за ней продирается сквозь пластик Феринг, стуча ножом по висящим костям.

Леденящее кровь хрипение раздавалось уже совсем рядом. Нора в ужасе вскрикнула, и звук ее голоса эхом отозвался в сумраке подвала.

Она окончательно заблудилась и перестала ориентироваться. Тяжело дыша, Нора пробиралась сквозь скопище скелетов, путаясь в пленке. В конце концов она опустилась на пол и поползла под свисающими пеленами, совершенно не представляя, куда движется.

Сзади опять послышалось рычание.

В отчаянии Нора поднялась на ноги под низко висящим скелетом, схватилась за китовое ребро и стала карабкаться вверх, словно это был

гимнастический снаряд. Кости раскачивались, сталкиваясь друг с другом. Наконец она добралась до самого верха грудной клетки. Зазор между ребрами был достаточно большим, и через него можно было протиснуться наружу. Прорезав пленку осколком стекла, Нора вылезла на спину кита и замерла, завороженная необычным зрелищем – перед ней простиралось целое море китовых скелетов, подвешенных так близко друг от друга, что они соприкасались костями.

Вдруг китовый скелет под ней стал раскачиваться. Нора посмотрела вниз. Цепляясь за ребра, Феринг полз вверх, как обезьяна по канату.

Застонав от ужаса, Нора побежала по китовой спине, пригнулась и прыгнула на соседний скелет, крепко вцепившись в раскачивающиеся кости. Пробежав по позвоночнику, она перелетела на следующий остов. Отсюда уже была видна дверь в глубине зала.

«Господи, только бы она была открыта».

Из-под разрезанного пластика наверх вылезло ужасное существо и стало ловко перепрыгивать со скелета на скелет. Нора никак не ожидала от него такой резвости. Похоже, что, забравшись на скелет, она лишь дала ему фору.

Прорезав пластик на спине кита, Нора спустилась по ребру вниз, спрыгнула на пол и стала продираться в сторону двери. Феринг неотступно преследовал ее, оглашая зал жутким ревом, напоминавшим звук всасываемой воды.

Наконец костяные джунгли поредели. Прямо перед ней был выход с тяжелой старомодной дверью без всяких электронных замков и цифровых панелей. Подбежав к ней, Нора схватилась за ручку.

Заперто.

Заплакав от досады, Нора прислонилась к двери и выставила вперед осколок стекла, готовая сопротивляться до конца.

Скелеты продолжали раскачиваться и скрипеть, пленка по-прежнему шевелилась и шуршала. Нора ждала, готовясь к последней схватке.

Прошла минута, потом другая. Феринг не появлялся. Постепенно кости обрели неподвижность и все затихло.

Нора прерывисто дышала. Неужели он ушел?

Вдруг с другой стороны хранилища послышался скрип двери и тяжелые шаги.

Нет, он не ушел.

– Кто здесь? – спросил неуверенный голос. – Немедленно выходите!

Это был охранник. Нора чуть не разрыдалась от радости. Должно быть, Феринг услышал приближающиеся шаги и скрылся. Нора затаила дыхание. Она не должна показываться, пока не закончит анализ ДНК.

– Здесь кто-нибудь есть? – прокричал охранник.

Ему явно не хотелось углубляться в этот лес костей. По стенам заиграл луч фонарика.

– Последнее предупреждение. Я запираю дверь.

Этого Нора не боялась. Она знала код.

– Как хотите. Вы сами напросились.

Свет в зале погас, и дверь со стуком захлопнулась.

Нора перевела дух. Опустившись на колени, она стала вглядываться в темноту, прорезаемую лишь тусклым светом, падавшим сквозь узкое окошко в двери.

Он все еще здесь? Притаился, чтобы напасть снова? Чего он хочет? Завершить то, что у него сорвалось в квартире?

Опустившись на четвереньки, Нора тихо поползла под скелетами в сторону двери. Через каждые несколько метров она останавливалась, озиралась по сторонам и прислушивалась. Но в зале никого не было – только огромные скелеты в своих пластиковых саванах.

Добравшись до середины помещения, она остановилась передохнуть. На полу блеснули стеклянные осколки – все, что осталось от ее грозного оружия. На одном из них она заметила темную полоску, тянущуюся вдоль края. Значит, она все-таки порезала Феринга. Это же кровь… его кровь.

Нора глубоко вздохнула, стараясь собраться с мыслями. Потом дрожащей рукой вынула из кармана одну из запасных пробирок. Осторожно сняв крышку, она подняла осколок, опустила его в жидкость и запечатала пробирку. Пендергаст дал ей образцы ДНК матери Феринга, а митохондриальные ДНК матери и сына всегда идентичны. Сейчас она проверит его ДНК и сравнит с образцами, найденными на месте преступления. Опустив пробирку в карман, Нора осторожно пошла к двери. Код сработал, путь был открыт. Быстро заперев за собой дверь, Нора на подгибающихся ногах пошла по коридору в лабораторию ПЦР. Феринг, похоже, исчез. Набрав на панели код, Нора проскользнула в лабораторию, захлопнула дверь и выключила свет. Свою работу она закончит при свете приборов.

Амплификатор уже отщелкал половину циклов. С бьющимся сердцем Нора поставила пробирку в штатив, где уже стояли образцы для анализа.

Завтра к вечеру она будет точно знать, был ли Феринг тем чудовищем, которое убило ее мужа и дважды пыталось убить ее.

Глава 18

Д’Агоста вошел в приемную морга, стараясь дышать ртом. Следовавший за ним Пендергаст быстрым взглядом окинул комнату и с кошачьей грацией опустился на один из уродливых пластиковых стульев, стоявших у стола, заваленного потрепанными журналами. Взяв журнал поновее, спецагент перелистал страницы и углубился в чтение.

Д’Агоста сделал круг по комнате, потом другой. С нью-йоркским моргом у него были связаны самые неприятные воспоминания, а то, что сейчас произойдет, лишь увеличит их число. Его раздражало наигранное спокойствие Пендергаста. Как можно оставаться таким безразличным? Взглянув на спецагента, он увидел, что тот с явным интересом читает «Мадемуазель».

– Что это вы там вычитали? – с раздражением спросил он.

– Здесь очень интересная статья о неудачных первых свиданиях. Это напомнило мне об одном деле, которое я расследовал: на редкость несчастливое первое свидание окончилось убийством и суицидом, – сказал Пендергаст, покачав головой, после чего продолжил чтение.

Сложив руки на груди, д’Агоста пошел по третьему кругу.

– Винсент, сядьте. Старайтесь проводить время с пользой.

– Терпеть не могу это место. Ненавижу его запах и даже сам вид.

– Сочувствую. Здесь мысли о смерти становятся слишком навязчивыми, не так ли?

Пошелестев страницами, Пендергаст снова погрузился в чтение. Прошло еще несколько томительных минут, прежде чем дверь морга открылась и на пороге появился Бекштейн, один из здешних патологоанатомов.

«Слава богу!» – мысленно произнес д’Агоста. Он был рад, что вскрытие делал Бекштейн – лучший из всех, кто здесь работал, и к тому же вполне нормальный парень.

Стащив перчатки и маску, Бекштейн бросил их в мусорный бак.

– Лейтенант. Агент Пендергаст, – приветствовал он пришедших, не подавая руки. Рукопожатия в морге были не приняты. – Я к вашим услугам.

– Доктор Бекштейн, спасибо, что смогли уделить нам время, – начал д'Агоста, беря инициативу в свои руки.

– Не стоит благодарности.

– Сообщите нам о результатах вскрытия, но только без этих ваших словечек.

– Конечно. Вы не хотите осмотреть труп? С ним еще работает прозектор. Иногда бывает полезно...

– Нет, спасибо, – решительно прервал его д'Агоста.

Он почувствовал, что Пендергаст пристально смотрит на него. «Нет уж, идите-ка вы все подальше», – мысленно выругался лейтенант.

– Ну как хотите. На трупе обнаружено четырнадцать ножевых ранений, нанесенных при жизни: на кистях рук и предплечьях, в нижней части спины и одно проникающее ранение в сердце. Я могу представить вам схему их расположения...

– В этом нет необходимости. А после смерти были какие-нибудь ранения?

– Ни одного. Смерть наступила сразу же после удара в сердце. Нож вошел горизонтально между вторым и третьим ребром под углом восемьдесят градусов. Он повредил левое предсердие, легочную артерию и рассек артериальный конус на вершине правого желудочка, вызвав обширное кровотечение.

– Я понял, – сказал д'Агоста.

– Вот и отлично.

– Получается, что убийца достиг своей цели, то есть убил жертву, и этим ограничился?

– Это утверждение вполне соответствует фактам.

– А что вы скажете об орудии убийства?

– Длина лезвия десять дюймов, ширина – два дюйма, очень массивное. Похоже на большой кухонный нож или нож, которым пользуются аквалангисты.

Д'Агоста удовлетворенно кивнул:

– Что-нибудь еще?

– Токсикологический анализ крови показал содержание алкоголя в допустимых пределах. Никаких наркотиков или посторонних веществ. Содержимое желудка…

– Об этом не обязательно.

Бекштейн, казалось, не решался о чем-то сказать. В глазах его читалась какая-то растерянность.

– Что-то еще? – с нажимом спросил д'Агоста.

– Да. Я пока не составлял протокол, но есть одна странная вещь, которую не заметили медэксперты.

– Продолжайте.

Патологоанатом опять засомневался:

– Я бы хотел вам показать. Мы еще это не трогали…

Д'Агоста слегка поперхнулся:

– А что это?

– Позвольте, я вам покажу. Не знаю даже, как это описать.

– Конечно, – вмешался Пендергаст, делая шаг вперед. – Винсент, если вы предпочитаете остаться здесь…

– Я иду, – пробурчал д'Агоста, сжимая зубы.

Бекштейн провел их через двойные стальные двери в большое помещение, облицованное плиткой. Надев маски и перчатки, они проследовали в одну из прозекторских.

Там д'Агоста увидел прозектора с визжащей электропилой в руках, склонившегося над трупом. Рядом лаборант-препаратор ел рогалик с копченой лососиной. На втором секционном столе были разложены внутренние органы с бирками. Д'Агоста судорожно сглотнул.

– А, вы как раз вовремя, – приветствовал лаборант Бекштейна. – Мы собирались покопаться в кишках. – Поймав тяжелый взгляд патологоанатома, парень осекся. – Извините, я не знал, что у вас гости.

Ухмыльнувшись, он снова вцепился зубами в рогалик. В комнате пахло формалином, рыбой и фекалиями.

– Джон, я хочу показать лейтенанту д'Агосте и спецагенту Пендергасту… э-э… предмет, который мы обнаружили, – обратился к прозектору Бекштейн.

– Нет проблем.

Выключив пилу, прозектор отступил в сторону. Сделав над собой усилие, д’Агоста медленно подошел к столу и взглянул на труп.

Все оказалось еще хуже, чем он себе представлял. Гораздо страшнее, чем в самых кошмарных снах. На столе лежал Билл Смитбек – мертвый, голый и выпотрошенный. С головы был снят скальп с темными спутанными волосами. На обнажившемся черепе виднелся полукруглый след от пилы. Тело было вскрыто, ребра раздвинуты, все органы удалены.

Д’Агоста опустил голову и зажмурился.

– Джон, будьте любезны, вставьте в рот расширитель.

– Один момент.

Д’Агоста продолжал стоять с закрытыми глазами.

– Вот, посмотрите.

Он открыл глаза. Рот трупа был растянут каким-то стальным приспособлением. Бекштейн направил свет лампы в ротовую полость. В язык Смитбека был воткнут рыболовный крючок с наживкой из перьев. Д’Агоста невольно наклонился, чтобы рассмотреть его получше. К тыльной стороне крючка был прикреплен шарик, свернутый из светлого шпагата, на котором был нарисован крошечный ухмыляющийся череп. На шейке крючка висел маленький мешочек, похожий на пилюлю.

Д’Агоста взглянул на Пендергаста. Агент пристально смотрел на раскрытый рот трупа, и в его серебристо-серых глазах сквозило необычное для него беспокойство. И не только оно. Д’Агосте показалось, что в его взгляде было сожаление, сомнение, горе – и неуверенность. Пендергаст как-то весь обмяк. Словно отчаянно надеялся, что ошибся… а потом с ужасом убедился, что был абсолютно прав.

Повисло долгое молчание. Наконец д’Агоста повернулся к Бекштейну. Он вдруг почувствовал себя старым и ни на что не годным.

– Это надо сфотографировать и исследовать. Изымите это вместе с языком. Крючок вынимать не надо. Я хочу, чтобы судмедэксперты провели анализ, открыли мешочек и сообщили мне о его содержимом.

Не переставая жевать, лаборант заглянул д’Агосте через плечо.

– Похоже, здесь какой-то псих орудует. Прямо находка для «Пост»! – заметил он, громко хрустя рогаликом.

Д’Агоста резко повернулся к нему:

– Если об этом узнает «Пост», я лично прослежу, чтобы тебя упекли туда, где ты всю жизнь будешь печь эти проклятые рогалики, вместо того чтобы жрать их.

– Эй, полегче там. Прошу прощения. Какой вы нервный, – пробормотал лаборант, ретируясь.

Стрельнув на д’Агосту глазами, Пендергаст выпрямился и отошел от трупа.

– Винсент, я совсем забыл, что мне надо проведать мою дорогую тетушку Корнелию. Вы не составите мне компанию?

Глава 19

Повернув ключ в замке, Нора толкнула дверь своей квартиры. Было два часа дня, и сквозь жалюзи пробивались лучи солнца, безжалостно освещая осколки ее прежней жизни с Биллом. Книги, картины, безделушки, небрежно брошенные журналы – все вызывало горестные воспоминания. Заперев входную дверь, она прошла через гостиную в спальню, стараясь ни на что не смотреть.

Ее работа с амплификатором была завершена. Образцы ДНК, переданные ей Пендергастом, были увеличены в миллионы раз, а пробирки спрятаны в глубине лабораторного холодильника, где их вряд ли кто-нибудь заметит. Потом она как ни в чем не бывало появилась в своей антропологической лаборатории, где честно отработала полдня. Никто не возражал, чтобы она ушла пораньше. Сегодня ночью она вернется в музей, чтобы провести гелевый электрофорез. А пока надо хоть немного поспать.

Бросив сумку на пол, Нора упала на кровать и зарылась лицом в подушки. Она лежала неподвижно, стараясь заснуть, но сон все не шел. Прошел час, потом другой. Наконец она сдалась. С тем же успехом можно было остаться в музее. Наверное, имеет смысл пойти туда прямо сейчас.

Нора посмотрела на автоответчик: двадцать два сообщения. Очередные соболезнования, от которых ее уже тошнит. Вздохнув, она нажала на клавишу. Как только в голосе говорившего появлялись нотки сочувствия, она немедленно удаляла послание.

Но седьмое сообщение было совсем иным. Звонила репортер из «Уэстсайдера».

«Доктор Келли? Это Кейтлин Кидд. Я просто интересуюсь, не нашли ли вы чего-нибудь нового в связи с этими статьями о животных, над которыми работал Билл. Я прочитала те, которые уже напечатали. Они очень хлесткие. Мне бы хотелось знать, нет ли какого-нибудь материала,

который он не успел опубликовать – или ему не дали это сделать. Позвоните мне, когда сможете».

Началось новое сообщение, и Нора остановила запись. С минуту она задумчиво смотрела на автоответчик. Потом поднялась с кровати, вышла в гостиную и, сев за письменный стол, включила ноутбук. Конечно, она совсем не знала Кейтлин Кидд и не очень-то ей доверяла, но была готова сотрудничать хоть с самим дьяволом, если это поможет найти тех, кто убил ее Билла.

Глубоко вздохнув, Нора посмотрела на экран. Потом быстро набрала адрес личной страницы Билла на сайте «Нью-Йорк таймс». Пароль был принят. Видимо, страницу еще не убрали. Через минуту она уже просматривала перечень статей, написанных им за последний год. Они были расположены в хронологическом порядке. Перейдя на несколько месяцев назад, она начала скрупулезно просматривать названия. Многие ей были незнакомы, и она с горечью упрекнула себя, что слишком мало интересовалась его работой.

Первая статья о жертвоприношениях была напечатана три месяца назад. В ней говорилось о том, что в Нью-Йорке до сих пор приносятся в жертву животные. Нора пошла дальше по списку. Там было еще несколько статей на эту тему: интервью с неким Александром Эстебаном, активистом движения в защиту животных, эссе о петушиных боях в Бруклине. Потом Нора наткнулась на самую последнюю статью по теме, которая была напечатана всего две недели назад и называлась «Жертвоприношения на Манхэттене».

Нора вывела на экран текст и стала быстро читать. Внимание ее привлек один абзац.

Чаще всего сообщения о жертвоприношениях животных поступают из Инвуда, района, находящегося в северной части Манхэттена. В полицию и различные организации по защите животных поступили заявления с Индианроуд и Западной Двести четырнадцатой улицы, в которых жители утверждают, что слышали крики истязаемых животных и птиц. По их словам, эти крики доносятся из молельного дома общины, проживающей в Инвудском парке, в поселении, известном под названием Вилль. Их, по всей видимости, издают козы, овцы и куры. Попытки поговорить с жителями Вилля и главой их общины Юджином Боссоном ни к чему не привели.

Похоже, что инициатива Билла нашла поддержку в редакции, так как статья заканчивалась примечанием, набранным мелким шрифтом: «Продолжение следует».

Нора откинулась на спинку стула. Теперь она вспомнила, как неделю назад Билл похвастался, что откопал кое-что для своих статей о жертвоприношениях.

Возможно, он откопал больше чем «кое-что».

Нора, нахмурившись, посмотрела на экран. Именно тогда в их почтовом ящике стали появляться странные предметы, а перед входной дверью – непонятные рисунки, выполненные рассыпанной землей.

Закрыв список, Нора перешла к заметкам, которые Билл делал для своих статей. Ее заинтересовали самые последние из них.

Сосредоточиться на Вилле – посвятить ему следующую статью. Они действительно приносят в жертву животных? Необходимы доказательства – никаких голословных утверждений. Просмотреть полицейские протоколы. Увидеть собственными глазами.

Поговорить с Пицетти. Кто еще обращался с жалобой? Еще раз побеседовать с Эстебаном, защитником животных? Сюжет о местном отделении PETA «Люди за гуманное обращение с животными» и т. д.

Где они берут животных?

История возникновения Вилля. Кто там живет? Просмотреть архив «Таймс» по этой теме. Эффектный колорит: слухи о зомби/экзотических культах и т. п. (Проверить правильное написание терминов.)

Возможное название статьи: «Логово дьявола». Нет, «Таймс» не пропустит.

Наша первая годовщина – не забыть заказать столик в «Кафе художников» и билеты на «Человека, который пришел к обеду»!!!

Последняя пометка была столь неожиданной и не связанной с остальными, что Нора чуть не расплакалась. Быстро закрыв файл, она поднялась из-за стола.

Пройдясь по комнате, она посмотрела на часы: четверть пятого. Она еще успеет на электричку, отходящую от Центрального парка, и через сорок минут будет в Инвуде. Запустив новую программу, она что-то набрала и, посмотрев на экран, распечатала текст. Забежав в спальню, схватила сумку, быстро осмотрелась и пошла к входной двери.

Еще пятнадцать минут назад она чувствовала себя растерянной и беспомощной. А сейчас у нее появилась цель.

Глава 20

Д’Агоста привел с собой целый отряд – двенадцать вооруженных полицейских в форме до отказа заполнили лифт. Нажав на кнопку тридцать седьмого этажа, он уставился на светящееся табло над дверью. Чувствовал себя лейтенант вполне уверенно. Ледяное спокойствие – вот как это можно было назвать.

Д’Агоста считал себя приличным человеком. Если с ним вели себя уважительно, он всегда отвечал тем же. Но с козлами разговор у него был особый. Лукас Клайн был типичным козлом, причем наипервейшего разбора. И сейчас д’Агоста намеревался ему объяснить, что посылать подальше полицейского – не самая лучшая идея.

Он повернулся к своей гвардии.

– Не забудьте, что я сказал на инструктаже. Будьте предельно внимательны. Работайте парами – я не хочу никаких проблем с уликами. Любое противодействие и всякие там штучки пресекать в корне.

В рядах полицейских возникло оживление, послышались щелчки фонарных выключателей и звяканье батареек, вставляемых в беспроводные отвертки.

Двери лифта разошлись в стороны, открывая вид на обширный холл фирмы «Цифровая точность». Несмотря на позднее время – было уже половина пятого, – на кожаных диванах сидела парочка клиентов, дожидаясь назначенного приема.

Отлично.

Выйдя из лифта, д’Агоста прошел в середину холла. За ним потянулась вся его команда.

– Я лейтенант д’Агоста из нью-йоркского департамента полиции, – объявил он громким, хорошо поставленным голосом. – У меня имеется ордер на обыск данного помещения.

Он бросил взгляд в сторону клиентов:

– Вам лучше прийти в другое время.

Побледнев, те быстро вскочили и, подхватив свои портфели и пиджаки, резво устремились к лифту. Д’Агоста повернулся к секретарю:

– Как насчет того, чтобы спуститься вниз и выпить чашечку кофе?

Через пятнадцать секунд в холле не осталось никого, кроме д’Агосты и его молодцов.

– Здесь у нас будет подсобное помещение. Оставьте ящики для вещдоков – и вперед. А вы трое пойдете со мной, – скомандовал он, указывая на сержантов.

Через минуту они уже стояли в приемной Клайна.

Д’Агоста улыбнулся испуганной секретарше:

– На сегодня достаточно. Почему бы вам не уйти пораньше?

Он подождал, пока она исчезнет. Потом открыл дверь в кабинет. Клайн опять говорил по телефону, положив ноги на стол. Увидев д’Агосту в сопровождении полицейских, он спокойно кивнул и сказал в трубку:

– Я вам перезвоню.

– Забирайте все компьютеры, – распорядился д’Агоста.

Потом повернулся к чудо-программисту.

– У меня ордер на обыск, – объявил он, сунув бумажку тому под нос. – Когда будет время, почитаете.

Листок упал на пол.

– Я ожидал, что вы снова пожалуете, – сказал Клайн. – И проконсультировался со своими адвокатами. В ордере на обыск должно быть указано, что именно вы ищете.

– Там все есть. Мы ищем свидетельства того, что убийство Билла Смитбека было спланировано, совершено или оплачено вами.

– А зачем мне планировать, совершать или оплачивать подобное деяние?

– Потому что вы испытываете патологическую ненависть к профессиональным журналистам – например, к тому, который уволил вас из газеты.

Клайн чуть заметно прищурился.

– Поскольку свидетельства могут находиться в любом из помещений, мы обыщем весь ваш офис.

– Но они могут быть в любом месте, даже у меня дома.

– Туда мы пойдем в следующий раз, – пообещал д’Агоста, садясь на стул. – Вы правы, они могут быть где угодно. Поэтому мы конфискуем все ваши CD, DVD, жесткие диски, персональные цифровые секретари и все, на чем может храниться информация. Смартфон у вас есть?

– Да.

– Это тоже вещественное доказательство. Давайте его сюда.

Сунув руку в карман, Клайн вытащил смартфон и положил его на стол.

Д’Агоста оглядел кабинет. Один из сержантов снимал с черешневых стенных панелей картины, внимательно изучал их обратную сторону и складывал на пол. Другой брал книги с полок, тряс их, держа за корешок, и сваливал в кучу. Третий сдирал с пола дорогие ковры, осматривал изнанку и небрежно бросал в угол. Наблюдая за всем этим, д’Агоста тихо радовался, что закон не требует убирать за собой после обыска.

Из других кабинетов раздавался стук раскрываемых шкафов и выдвигаемых ящиков, шум и протестующие возгласы. Закончив с коврами, сержант занялся папками. Он открывал их, пролистывал документы и кидал папки на пол. Тот же, который снимал картины, теперь потрошил компьютеры, стоявшие на столе.

– Они мне нужны для работы, – сухо произнес Клайн.

– Сейчас они нужны мне. Надеюсь, вы сумеете их собрать.

Тут д’Агоста вспомнил совет Пендергаста.

– Вы не снимете галстук? – вежливо спросил он.

– Что? – нахмурился Клайн.

– Будьте добры.

Чуть поколебавшись, Клайн медленно поднял руку и ослабил галстук.

– А теперь расстегните, пожалуйста, верхнюю пуговицу рубашки и отогните воротничок.

– Зачем вам это, д’Агоста? – спросил Клайн, подчиняясь.

Лейтенант взглянул на тощую шею:

– Будьте любезны, вытащите этот шнурочек.

Клайн неохотно потянул за шнурок. И точно – на нем висела маленькая флешка.

– Я ее заберу, если не возражаете.

– Она зашифрована.

– И все же я ее возьму.

– Вы об этом пожалеете, лейтенант, – прошипел Клайн.

– Я вам ее верну, – пообещал д’Агоста, протягивая руку.

Сняв шнурок с шеи, Клайн положил флешку на стол рядом со смартфоном. Он продолжал сохранять прежнее хладнокровие. Только чуть порозовевшие щеки со следами от прыщей выдавали его истинные чувства.

Д'Агоста еще раз оглядел кабинет:

– Мы заберем кое-что из этих африканских масок и фигур.

– Зачем?

– Они могут иметь отношение к некоторым… э-э… экзотическим сторонам этого дела.

– Но, лейтенант, это очень ценные произведения искусства, – чуть запинаясь, произнес Клайн.

– Мы ничего не испортим.

Сержант, занимавшийся книгами, теперь демонтировал вентиляционные трубы, откручивая винты электроотверткой. Д'Агоста подошел к потайной комнате и открыл дверь. Но сегодня Чанси отсутствовал. Лейтенант посмотрел на Клайна:

– Сейф у вас есть?

– В другом кабинете.

– Не возражаете, если мы немного пройдемся?

В коридоре их взору предстали многочисленные сцены опустошения. Парни д'Агосты разбирали компьютеры, обыскивали шкафы, выдвигали ящики столов. Сотрудники столпились в холле, где рядом с ящиками для вещдоков выросла гора документов. Клайн покосился на весь этот разгром. Щеки его еще больше порозовели.

– Ваши ребята зовут вас Винни?

– Некоторые так называют.

– Так вот, Винни, похоже, у нас с вами есть общие знакомые.

– Не думаю.

– Особа, которую я имею в виду, не совсем моя знакомая. Но мне кажется, я ее хорошо знаю. Это Лора Хейворд.

Д'Агосте потребовалось все его самообладание, чтобы не сбиться с шага.

– Видите ли, я заинтересовался этой вашей подружкой, вернее, бывшей подружкой. А что случилось? «Виагра» больше не действует?

Д’Агоста шел, глядя прямо перед собой.

– Мои источники утверждают, что вы по-прежнему очень близки. Она делает блестящую карьеру. Не исключено, что дослужится до комиссара полиции, если, конечно, будет играть по правилам…

Д’Агоста резко остановился:

– Вот что я вам скажу, мистер Клайн. Если вы вообразили, что можете угрожать капитану Хейворд или запугивать ее, вы жестоко ошиблись. Она раздавит вас, как таракана. А если и решит проявить милосердие, то я уж точно вам не спущу. А теперь, будьте любезны, покажите мне ваш сейф.

Глава 21

Нора вышла из вагона на остановке «Двести седьмая улица». Пройдя к северному концу платформы, она поднялась по ступенькам к месту пересечения трех улиц: Бродвея, Ишам и Западной Двести одиннадцатой. Ей еще ни разу не приходилось бывать в северной части Манхэттена, и она с любопытством оглядывалась по сторонам. Дома здесь были похожи на гарлемские: довоенной постройки, без лифтов, красивые и внушительные. Несколько таунхаусов и зданий из бурого песчаника, дешевые магазинчики, винные погребки и маникюрные салоны вперемежку с сомнительными ресторанчиками и булочными, торгующими серым хлебом. Где-то недалеко находился дом Дикмана – единственное голландское здание, сохранившееся на Манхэттене. Нора всегда мечтала погулять там с Биллом в солнечный выходной день.

Она быстро прогнала эту мысль из головы. Вынув листок, распечатанный на принтере, – это была фотография, сделанная со спутника, с указанием названий улиц, – Нора определила свое местоположение и пошла по Ишам в сторону Симен-авеню и заходящего солнца.

Перейдя через широкую и людную Симен-авеню, Нора продолжила путь по асфальтовой дорожке мимо теннисных кортов и большой бейсбольной площадки. Потом она остановилась. Перед ней возник в полном смысле слова девственный лес. На карте Индиан-роуд пересекала северную часть Инвудского парка, доходя до небольшого безымянного поселения, которое, вероятно, и было Виллем. Дорожка, по которой шла Нора, была более прямой и, хотелось надеяться, более безопасной. Она пересекала поле и исчезала в темной чаще дубов и тюльпанных деревьев, отбрасывавших длинные тени на густой подлесок. Осенняя листва, переливавшаяся золотом и багрянцем, создавала впечатление неприступной стены. Нора слышала, что это последний уголок дикой природы на Манхэттене, и то, что она увидела, в полной мере оправдывало эту характеристику.

Нора посмотрела на часы: половина шестого. Солнце уже садилось, и в воздухе разливалась вечерняя прохлада. Она сделала шаг и остановилась, нерешительно глядя на темную чащу. Прежде она никогда не бывала в Инвудском парке и не знала никого, кто там бывал, поэтому о его безопасности в темное время суток у нее были весьма смутные представления. Не здесь ли убили человека во время вечерней пробежки?

Нора упрямо стиснула зубы. Не для того она проделала весь этот путь, чтобы сейчас повернуть назад. Еще совсем светло. Нетерпеливо тряхнув головой, она решительно двинулась вперед, словно бросая вызов деревьям.

Уйдя вправо, дорожка обогнула небольшую лужайку и нырнула под сень огромных деревьев. Нора быстро шла, наступая на тени от больших сучьев. Гудронное покрытие с паутиной трещин, сквозь которые проросла трава, было залеплено опавшими листьями. С обеих сторон на дорожку наступали кусты. Нора прошла мимо газового фонаря, который в прошлом, вероятно, служил украшением парка, но сейчас обветшал и весь проржавел. Дубы и тюльпанные деревья, толщина стволов у которых достигала пяти футов, перемежались кизилом и китайским гингко. Кое-где из земли торчали острые камни, похожие на лезвия ножей.

Вскоре асфальтированная дорожка сменилась грунтовой, которая поднималась в гору, петляя между стволами. В просвете между деревьями Нора увидела крутой спуск к грязному приливному озеру, на котором шумели морские птицы. Их крики продолжали преследовать ее, даже когда она стала подниматься по извилистой тропинке, расшвыривая ногами горы опавших листьев.

Минут через пятнадцать она остановилась у старой полуразвалившейся стены. Шум Манхэттена почти затих, сменившись шорохом качающихся на ветру ветвей. Солнце уже закатилось, и в октябрьском небе разлилось оранжевое зарево. Становилось все холоднее. Нора посмотрела на деревья, на камни и небольшие озерца, оставшиеся здесь еще с ледникового периода. Казалось невероятным, что в таком густонаселенном месте, как Манхэттен, могло сохраниться двести акров первозданного дремучего леса. Она знала, что где-то рядом находились развалины особняка Штраусов. Исидор Штраус был конгрессменом и совладельцем сети универсальных магазинов «Мэйси». После того как они с женой погибли при крушении «Титаника», их поместье в Инвудском парке было заброшено. Похоже, эта стена когда-то огораживала их владения.

Дорожка вела на запад, в сторону от того места, куда направлялась Нора. Сверившись с картой, она, чуть поколебавшись, решила идти напрямую через лес и, сойдя с тропинки, стала пробираться сквозь заросли.

Земля под ногами круто уходила вверх, она была испещрена выходящими на поверхность гнейсами. Нора карабкалась по склону, хватаясь за кусты и торчащие из земли пеньки. Руки у нее стали мерзнуть, и она пожалела, что не взяла с собой перчатки. Споткнувшись, она упала на каменистую землю. С проклятием поднявшись на ноги, стряхнула с себя листья, подняла сумку и прислушалась. Ни перепархивания птиц, ни возни белок, только тихое дуновение ветра. В воздухе стоял запах палых листьев и влажной земли. Через минуту она двинулась дальше, все сильнее ощущая скрытую враждебность лесного безмолвия.

Конечно, это было безумие. Темнело гораздо быстрее, чем она ожидала. Сумерки все сгущались, и на небе появился отблеск огней Манхэттена. На его фоне черные стволы деревьев казались нереальными, словно на картине Магритта, где свет неба растворяется в непроглядной темноте земли. Впереди показалась вершина хребта с призрачными силуэтами деревьев. Нора устремилась вперед, из последних сил карабкаясь по склону. Выбравшись наверх, она остановилась, чтобы отдышаться. Перед ней тянулся покосившийся от времени забор из проржавевшей металлической сетки. Нора легко нашла в нем прореху и оказалась на той стороне. Обогнув несколько валунов, она резко остановилась.

Перед ней открылся вид, от которого захватывало дух. Нагромождение камней под ногами круто обрывалось вниз, кончаясь лишь у кромки воды. Она находилась на самой высокой точке Манхэттена. Далеко внизу чернела река Гарлем, несущая свои воды в Гудзон, мерцавший серебром в свете восходящей луны. За Гудзоном возвышались береговые скалы Джерси, казавшиеся черными на фоне закатного неба. Через Гарлем изящной дугой перекинулся мост, по которому проходила Гудзоновская автострада, стрелой вонзающаяся в Бронкс. По ней тек нескончаемый поток желтых огней – жители пригородов возвращались домой после работы. За рекой был виден Ривердейл, густо поросший лесом. К востоку от реки смутно вырисовывались кварталы Бронкса изрезанные дюжиной мостов. Это было изумительное зрелище, поражающее своим геологическим размахом: обширное живописное полотно, на котором первозданная красота природы органично соединилась с причудливым городским пейзажем, сложившимся в течение веков.

Но Нора недолго наслаждалась этой картиной. Посмотрев вниз, она увидела кучку грязных кирпичных строений, затаившихся в чаще леса. Они располагались на плоском островке земли как раз на полпути между ней и замусоренным берегом реки. С вершины горы туда было не

добраться. По правде говоря, Нора вообще не представляла, как туда можно попасть, хотя между деревьями виднелась асфальтовая дорога, которая, возможно, вела на Индиан-роуд. Глядя на поселок, она подумала, что в густом лесу его практически невозможно заметить: ни с автострады, ни с берега, ни с холмов на противоположном берегу реки. В центре поселения возвышалось здание, превосходившее размерами остальные постройки. Очевидно, это была церковь. К ней прилепилось множество пристроек, в результате чего она стала совершенно бесформенной. Вокруг теснились маленькие деревянные домишки, разделенные узкими проходами.

Это был Вилль, которому хотел посвятить свою последнюю статью Билл и который, как он считал, был главным местом жертвоприношений в Нью-Йорке. Нора смотрела на поселок со смешанным чувством страха и любопытства. Огромное здание в центре выглядело как во времена покупки Манхэттена: обветшавшая постройка из потемневшего дерева и кирпича с коротким толстым шпилем, возвышавшимся над массивной двускатной крышей. Нижние окна были заложены кирпичом, сквозь потрескавшееся стекло верхних пробивался тусклый желтый свет свечей. Залитый лунным светом поселок, казалось, дремал, погружаясь во тьму всякий раз, когда луна скрывалась за тучами.

Глядя на мерцающие огоньки, Нора все более осознавала безрассудность своей затеи. Зачем она пришла сюда – посмотреть на кучку домишек? Что можно сделать здесь одной? Почему она так уверена, что тайна смерти ее мужа находится здесь?

Над Виллем стояла тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев, трепетавших на ночном ветру.

Нора почувствовала озноб. Запахнув пальто, она пошла назад, возвращаясь к свету и теплу городских улиц.

Глава 22

– Здесь почему-то всегда туман, – заметил д’Агоста, когда «роллс-ройс» въехал на однополосную дорогу, пересекавшую Малый Губернаторский остров.

– Должно быть, это с болот, – отозвался Пендергаст.

Д’Агоста посмотрел в окно. Вдоль дороги действительно тянулись заросли тростника и рогоза, над которыми поднимались малярийные испарения. На фоне ночного Манхэттена этот пейзаж выглядел несколько чужеродно. Проехав по аллее из высохших деревьев, они очутились перед железными воротами, на которых красовалась бронзовая табличка:

«МАУНТ-МЁРСИ»

Больница для душевнобольных преступников

Машина остановилась у небольшого домика, из которого вышел охранник в форме.

– Добрый вечер, мистер Пендергаст, – приветствовал он спецагента, ничуть не удивившись столь позднему визиту. – Вы к мисс Корнелии?

– Добрый вечер, мистер Гот. Да, у нас назначено свидание.

Ворота со скрежетом открылись.

– Приятного вечера, – улыбнулся охранник.

Проктор направил машину к главному корпусу – огромному готическому зданию из бурого кирпича, окруженному густыми старыми елями, склонявшимися под тяжестью собственных ветвей.

Через несколько минут они уже шли по длинным коридорам больницы, сопровождаемые местным доктором. «Маунт-Мёрси», в прошлом самая большая туберкулезная клиника Нью-Йорка, была преобразована в больницу для убийц и других опасных преступников, которых признали невменяемыми.

– Ну как она? – спросил Пендергаст доктора.

– Все так же, – коротко бросил тот.

К ним присоединились два санитара, после чего все долго шли по пустынным коридорам, пока не остановились у стальной двери с зарешеченным окном. Один из охранников отпер дверь, и вся компания вошла в так называемую «тихую» комнату. Д'Агоста хорошо помнил это место – в январе он приходил сюда вместе Лорой Хейворд. Казалось, что с тех пор прошла целая вечность, но здесь все было по-прежнему: голые зеленые стены и пластиковая мебель, прикрученная болтами к полу.

Санитары скрылись за тяжелой металлической дверью в глубине комнаты, и вскоре один из них вывез оттуда кресло-каталку, в котором сидела старая дама. Одета она была с викторианской строгостью – в черное платье из тафты, отделанное черным кружевом, однако под ним д'Агоста заметил смирительную рубашку.

– Поднимите мне вуаль, – недовольно скомандовала дама.

Один из санитаров выполнил ее просьбу. Из-под вуали показалось морщинистое злое лицо. На д'Агосту уставились маленькие черные глазки, в которых было что-то змеиное. Она саркастически улыбнулась, давая понять, что помнит его. Потом перевела взгляд на Пендергаста.

Спецагент сделал шаг вперед.

– Мистер Пендергаст, надеюсь, вы помните, что надо соблюдать дистанцию, – слегка раздраженно произнес доктор.

При звуке этого имени старая дама заметно оживилась.

– Ах, дорогой мой Диоген! Какой приятный сюрприз! – вскричала она и, повернувшись к санитару, громко заверещала: – Принесите самого лучшего амонтильядо! К нам пришел Диоген! – Она одарила Пендергаста улыбкой, зловеще исказившей ее изрезанное морщинами лицо. – Или ты предпочитаешь чай, милый мой Диоген?

– Нет, спасибо, – холодно отказался Пендергаст. – Я Алоизий, а не Диоген.

– Глупости! Диоген, негодник, и не стыдно тебе обманывать старую женщину? Как я могу не узнать собственного племянника?

Пендергаст чуть помедлил:

– Вас не обманешь, тетушка. Мы были тут по соседству и решили вас навестить.

– Как мило. Ты, я вижу, привел с собой моего брата Амбергриса.

Бросив выразительный взгляд на д’Агосту, Пендергаст утвердительно кивнул.

– У меня есть несколько минут перед тем, как я начну готовиться к званому обеду. Ты же знаешь, на слуг сейчас нельзя положиться. Я собираюсь их уволить и буду делать все сама.

– Вы правы, тетушка.

Д’Агоста терпеливо ждал, когда Пендергаст закончит светскую беседу с теткой. Агент медленно и осторожно подводил разговор к своему детству в Новом Орлеане.

– Вы помните, какая неприятность случилась с Мари Лебон, нашей служанкой? Мы, дети, звали ее мисс Мари.

– Эта та, которая смахивала на швабру? Терпеть ее не могла. Она меня всегда раздражала, – сказала тетя Корнелия, передернув плечами.

– Ее ведь нашли мертвой, не так ли?

– Это ужасно, когда слуги позорят дом. А Мари была хуже всех. Не считая этого кошмарного месье Бертена.

Неодобрительно покачав головой, старуха что-то пробормотала себе под нос.

– А что же случилось с мисс Мари? Я тогда был совсем маленьким.

– Мари была весьма распутной особой – она родилась на болотах, а там почти все такие. В ней была намешана французская, индейская и еще бог знает какая кровь. Она завела шашни с конюхом, а тот был женат. Ты его помнишь, Диоген? Он еще носил кок и воображал себя джентльменом, хотя был самой обычной деревенщиной.

Она посмотрела по сторонам.

– Где мой аперитив? Гастон!

Один из санитаров поднес к ее губам пустой картонный стаканчик для сбора фекалий, и она стала изящно «пить» через соломинку.

– Ты ведь знаешь, что я предпочитаю джин.

– Да, мадам, – сказал санитар, ухмыляясь.

– Так что же случилось? – настаивал Пендергаст.

– Жена конюха, благослови ее господь, была совсем не в восторге от этой интрижки. Она решила отомстить. Ну и поработала немного разделочным ножом.

– Ревнивую жену звали миссис Дюшарм?

– Да, миссис Дюшарм! Здоровая тетка с руками, как окорока. Она-то уж знала, как управляться с ножом.

– Мистер Пендергаст! Я вас уже предупреждал, чем могут кончиться подобные беседы, – вмешался доктор.

Но Пендергаст не обратил на него внимания.

– А на трупе не было ничего необычного?

– Необычного? Что ты имеешь в виду?

– Ну, чего-то связанного с вуду?

– Вуду? Диоген! Это было не вуду, а обеа. Есть некоторая разница. Но ты же сам в этом неплохо разбираешься. И получше, чем твой брат, да? Хотя он тоже кое-что смыслит в этом деле, верно? – Старуха злорадно захихикала.

– Так что же там было с трупом? – продолжал допрашивать Пендергаст.

– Да, ты прав, там была довольно странная история. К ее языку был приколот амулет – оунга.

– Оунга? Похоже, вы хорошо разбираетесь в обеа, тетя Корнелия.

На лице старухи появилось подозрительное выражение.

– Слуги болтали. Довольно странно слышать это от тебя. Я ведь не забыла твои маленькие… скажем так… эксперименты и то, какую реакцию это вызвало у mobile vulgus[4].

– Расскажите мне про оунга, – перебил ее Пендергаст, бросив быстрый взгляд в сторону д’Агосты.

– Хорошо. Оунга – это амулет в виде скелета или трупа, вымоченный в смеси золы, сожженной во вторник на масленой неделе, свиной желчи, воды, в которой закаливали железо, крови девственной мыши и мяса аллигатора.

– Для чего его используют?

– Чтобы забрать душу умершего человека и сделать его своим рабом, зомби. Да ты и сам все прекрасно знаешь, Диоген!

– Мне хотелось услышать об этом от вас, тетушка.

– После того как труп похоронят, он оживает и становится рабом того, кто прикрепил к нему оунга. Знаешь, что тогда произошло? Через шесть месяцев на Айбервиль-стрит умер мальчик – его нашли задохнувшимся в завязанном мешке. Так вот, все говорили, что это сделала мисс Мари, превращенная в зомби, потому что парнишка сорвал с веревки мокрое белье, которое развесила миссис Дюшарм. Когда раскопали могилу мисс Мари, оказалось, что она пуста. Во всяком случае, ходили такие слухи. Дюшармов мы, конечно, уволили. Нельзя держать слуг, компрометирующих приличный дом.

– Ваше время истекло, мистер Пендергаст, – сказал доктор, решительно поднимаясь со стула.

Быстро подскочив к креслу, санитары стали разворачивать его в сторону задней двери.

Обернувшись, тетя Корнелия взглянула на д’Агосту:

– Ты сегодня какой-то неразговорчивый, Амбергрис. Язык проглотил? В следующий раз приготовлю тебе сэндвич с водяным крессом. У вас в семье их всегда любили.

Д’Агоста молча кивнул. Доктор открыл перед дамой дверь.

– Приходи опять, Диоген, – бросила тетя Корнелия через плечо. – Ты всегда был моим любимцем. Я рада, что ты все-таки исправил свой ужасный глаз.

Когда «роллс-ройс» выезжал из ворот, прорезая светом фар клубы тумана, д’Агоста наконец не выдержал:

– Простите, Пендергаст, неужели вы действительно верите в этот вздор про оунга и зомби?

– Дорогой мой Винсент, я ничего не принимаю на веру. Я же не священник. Я опираюсь на факты и их возможное толкование. Вера тут совершенно ни при чем.

– Да, я понимаю. Однако «Ночь оживших мертвецов» не имеет ничего общего с действительностью.

– Довольно категоричное высказывание.

– Но...

– Что «но»?

– Для меня совершенно очевидно, что со всем этим чертовым вуду кто-то пытается пустить нас по ложному следу.

– Очевидно? – переспросил Пендергаст, слегка приподняв правую бровь.

– А вы допускаете возможность, что мы имеем дело с настоящим зомби? – раздраженно спросил д’Агоста.

– Я бы предпочел пока воздержаться от комментариев. Вы, вероятно, помните ту известную строчку из «Гамлета»?

– Какую именно?

– «Есть многое на свете, друг Горацио...» Дальше продолжать?

– Нет.

Откинувшись на роскошное кожаное сиденье, д’Агоста в очередной раз пришел к выводу, что разгадывать ход мыслей Пендергаста – занятие неблагодарное и бесполезное.

Глава 23

В девять утра Нора уже быстро шла по коридору пятого этажа, упорно глядя в пол и чувствуя себя солдатом, которого прогоняют сквозь строй. Правда, количество желающих выразить сочувствие заметно уменьшилось – не то что два дня назад, когда они выскакивали из каждой двери.

Дойдя до своего кабинета, она повернула ключ в замке и быстро юркнула внутрь, заперев за собой дверь. Обернувшись, она увидела специального агента Пендергаста, стоявшего у окна и небрежно листавшего ее монографию. В углу на стуле сидел д’Агоста с синими кругами под глазами.

Агент поднял глаза:

– Простите за вторжение, но мне не хотелось, чтобы меня видели прогуливающимся по залам. Учитывая историю моих взаимоотношений с этим учреждением, я вполне могу ожидать, что здесь будут возражать против моего присутствия.

Нора бросила на стол сумку:

– Я получила результаты.

Пендергаст медленно положил монографию на стол:

– У вас усталый вид.

– Это не важно.

После поездки в Инвуд ей удалось немного поспать, но ночь она опять провела в музее, занимаясь гелевым электрофорезом ДНК.

– Разрешите? – произнес Пендергаст, указывая на второй свободный стул.

– Пожалуйста.

– Расскажите, что вам удалось обнаружить, – попросил агент, усаживаясь.

Вынув из сумки папку, Нора положила ее на стол:

– Но сначала я должна вам кое-что рассказать. Это очень важно.

Пендергаст кивнул.

– Позапрошлой ночью, когда я работала с амплификатором, в дверном окне лаборатории показался Феринг. Я побежала за ним по коридору, а он спрятался в одном из хранилищ.

Пендергаст внимательно посмотрел на нее:

– Вы уверены, что это был Феринг?

– У меня есть доказательства.

– Зря вы его преследовали, – решительно произнес Пендергаст. – А что произошло?

– Я знаю, что вела себя глупо. Но я действовала инстинктивно, не раздумывая. Он выманил меня из лаборатории. И с ножом гонялся за мной по хранилищу. Если бы не вошедший охранник…

Она не докончила фразу. Д'Агоста вскочил со стула со скоростью распрямившейся пружины.

– Сукин сын, – рявкнул он, сдвинув брови.

– А какие у вас доказательства? – поинтересовался Пендергаст.

Нора злорадно улыбнулась:

– Я порезала его куском стекла и исследовала образец крови. Это точно Феринг. – Открыв папку, она вынула оттуда графики электрофореза и дала их Пендергасту. – Вот, посмотрите.

Пендергаст стал перелистывать страницы.

– Короче говоря, в образцах, которые вы взяли у… в моей квартире, была кровь двух человек. Одна принадлежит моему мужу. Другую я обозначила как X. Образец X полностью совпал с митохондриальной ДНК матери Феринга. А также с образцом крови человека, который преследовал меня в хранилище. Следовательно, X принадлежит Ферингу.

Пендергаст медленно наклонил голову.

– Я так и думал, – вмешался д’Агоста. – Этот сукин сын жив. Сестра ошиблась или намеренно солгала, опознавая тело. Поэтому и смоталась сразу. А медэксперт лопухнулся.

Пендергаст продолжал молча рассматривать графики.

– Можете оставить их себе, – сказала Нора. – У меня есть копии. И я на всякий случай спрятала образцы в холодильнике. С фиктивными этикетками, конечно.

Пендергаст убрал графики в папку:

– Нора, вы нам очень помогли. Простите ради бога, что мы подвергли вас такой опасности. Я никак не ожидал, что он на вас нападет, особенно в музее. Мне очень жаль. Больше никаких экспериментов. Теперь мы займемся этим делом. Пока убийца не пойман, вы должны быть предельно осторожны. Ни в коем случае не оставайтесь в музее на ночь.

Нора взглянула в серебристо-серые глаза спецагента:

– У меня для вас есть еще кое-какая информация.

Он вопросительно поднял бровь.

– Я просмотрела последние статьи Билла. Он работал над темой жестокого обращения с животными в Нью-Йорке – петушиные и собачьи бои, жертвоприношения.

– В самом деле?

– В Инвуде есть небольшое поселение, известное как Вилль. Оно находится в глубине Инвудского парка и практически отрезано от города. Люди, живущие на Индиан-роуд, сообщали, что иногда из Вилля доносятся крики истязаемых животных. В дело вмешалось общество защиты животных. Его представитель, Эстебан, неоднократно выступал по этому поводу. Полиция провела беглое расследование, но ничего не подтвердилось. Однако Билл этим заинтересовался. Он написал статью и продолжал работать над этой темой. Его последнее интервью было как раз с жительницей Инвуда, одной из тех, кто жаловался в полицию. Некто по имени Пицетти.

Д’Агоста подробно записывал.

По тому, как заблестели глаза Пендергаста, Нора поняла, что ее рассказ его заинтересовал.

– Вилль, – задумчиво повторил он.

– Похоже, нам понадобится еще один ордер на обыск, – пробормотал д’Агоста.

– Я уже была там вчера вечером, – сообщила Нора.

– Господи, Нора! Ну разве можно так рисковать. Предоставьте уж нам заняться этим делом.

Нора пропустила это замечание мимо ушей:

– В поселок ведет всего одна дорога, но я туда не пошла. Просто посмотрела на него с горы.

– И что вы там увидели?

– Ничего, кроме кучки ветхих домишек. Несколько огоньков в окнах, и больше никаких признаков жизни. Жутковатое место.

– Я загляну туда, потом поговорю с Пицетти, – пообещал д’Агоста.

– Сейчас я припоминаю, что все эти загадочные послания – амулеты и знаки, нарисованные землей, – стали появляться у нашей двери после того, как Билл напечатал свою статью о Вилле. Все это как-то связано между собой, но пока непонятно, каким образом.

– Предполагаемое самоубийство Феринга произошло как раз неподалеку, – заметил д’Агоста. – Под мостом у Спатен-Дайвила рядом с Инвудским парком.

– Вы сообщили нам очень важные сведения, – сказал Пендергаст, пристально глядя на Нору. – А теперь послушайте меня. Умоляю вас прекратить дальнейшее расследование. Вы и так достаточно сделали. Я

совершил колоссальную ошибку, когда попросил вас помочь с анализом ДНК. Похоже, смерть вашего мужа лишила меня способности здраво мыслить.

– Извините, но сейчас уже поздно меня останавливать, – возразила Нора, глядя на него в упор.

– Мы не сможем обеспечить вам безопасность, – попытался убедить ее Пендергаст.

– Я и сама могу о себе позаботиться.

– И все же я попросил бы вас прислушаться к моему совету. Я уже потерял одного друга и не хочу потерять еще одного.

На прощание Пендергаст поблагодарил Нору за помощь и вышел из кабинета вслед за д’Агостой.

Когда затих звук их шагов, Нора некоторое время стояла неподвижно, постукивая карандашом по столу. Потом подняла трубку и набрала номер Кейтлин Кидд.

– Это Нора Келли. У меня есть для вас кое-какая информация. Давайте встретимся в полночь на углу Индиан-роуд и Западной Двести четырнадцатой улицы.

– Западной Двести четырнадцатой? – удивилась журналистка. – А почему так далеко?

– Я вам кое-что покажу. Вполне хватит для большой статьи.

Глава 24

Покинув музейную стоянку, Проктор поехал в сторону Центрального парка. Удобно устроившись на кожаном сиденье «роллс-ройса», д’Агоста с удивлением заметил, что Пендергаст достал из кармана пальто смартфон.

– Господи, и вы туда же?

Агент начал что-то быстро набирать на клавиатуре:

– Это весьма полезная вещь.

– Что нам делать с Норой? – продолжал д’Агоста. – Ясно, что она и не подумает следовать вашим советам.

– Не сомневаюсь в этом. Она весьма решительная дама.

– Не понимаю, почему этот парень – Феринг или кто-то там еще – так упорно гоняется за Норой? Ведь после убийства Смитбека ему удалось скрыться. Зачем же он рискует во второй раз?

– Ясно, что Феринг собирался убить их обоих. Мотив здесь очевиден: будешь лезть не в свое дело, убьем не только тебя, но и твою семью. Проктор, будьте добры: Восточная Сто двадцать седьмая улица, дом двести сорок четыре, – сказал Пендергаст, наклоняясь вперед.

– Куда мы едем? Это же Испанский Гарлем.

– Надо же как-то помочь Норе.

– Мы начали работать с вещдоками Клайна, – пробурчал д’Агоста.

– Да? И что?

– У меня уже есть кое-какие улики. Оказалось, что все африканское барахло, которое мы вывезли из его офиса, относится к культуре народа йоруба восемнадцатого-девятнадцатого века и стоит целое состояние. Заметьте, все вещи как-то связаны с исчезнувшей религией севи-лоа, на основе которой возникло вуду, завезенное на Карибы рабами из Западной Африки.

Пендергаст ничего не ответил. На его бесстрастном лице вдруг промелькнуло испуганное выражение.

– Это еще не все. Нашим расследованием заинтересовался комиссар полиции. Он хочет встретиться со мной сегодня после обеда.

– Угу.

– Что значит «угу»? Теперь ясно, что Клайн серьезно интересуется вуду, иначе он не стал бы выкидывать миллионы на их искусство. Вот вам и зацепка!

– Да, действительно, – без всякого выражения отозвался Пендергаст.

Д’Агоста раздраженно откинулся на спинку сиденья. Через десять минут «роллс-ройс» свернул с Ленокс-авеню и покатил по Сто двадцать седьмой улице в направлении Ист-Ривер. Он остановился у крошечного магазинчика с яркой, написанной от руки вывеской, украшенной изображением смотрящего глаза:

МАГИЯ И КОЛДОВСТВО

Внизу висело несколько деревянных дощечек с надписями по-французски:

Куклы вуду

Черная магия

Некромантия, красная магия

Колдовство, чародейство

Заклинания и волшебные зелья

Грязную витрину пересекала огромная трещина, заклеенная скотчем. В ней висели весьма странные предметы: пучки волос, кожа, перья, куски ткани, солома и другие малопривлекательные вещи.

Д’Агоста окинул взглядом магазинчик:

– Вы это серьезно?

– Выходите, не бойтесь, дорогой Винсент.

Д’Агоста вылез из машины, за ним последовал Пендергаст. Заскрипели ржавые петли, зазвенел колокольчик, и дверь лавчонки распахнулась, пропуская их внутрь. Д’Агоста почувствовал приторный запах пачулей, сандала, трав и несвежего мяса. За прилавком стоял чернокожий старик с рябым морщинистым лицом и шапкой седых волос. Взглянув на черный костюм Пендергаста, он как-то сразу замкнулся в себе, словно захлопнул некую невидимую дверь.

– Чем могу помочь?

Тон, которым были произнесены эти слова, и пустой, ничего не выражающий взгляд свидетельствовали о прямо противоположном намерении.

– Вы месье Равель, обеаман?[5]

Старик не ответил.

– Я Алоизий Пендергаст из новоорлеанских Пендергастов. Рад с вами познакомиться, – произнес спецагент с отчетливым новоорлеанским акцентом, подавая лавочнику руку.

Тот продолжал неподвижно стоять, глядя на протянутую руку.

– Пендергасты, которые жили в особняке Рошнуар на Дофин-стрит, – продолжал агент, не опуская руки.

Д’Агоста с восхищением смотрел на очередное перевоплощение Пендергаста. Теперь это был любезный и чуть эксцентричный новоорлеанский аристократ.

– Особняк Рошнуар? – переспросил старик. В его налитых кровью глазах блеснул огонек. – Тот, который сгорел в семьдесят первом?

Чуть наклонившись, Пендергаст тихо произнес:

– Oi chusoi Dios aei enpiptousi.

Последовало долгое молчание, после чего Равель протянул огромную ручищу. Пендергаст крепко пожал ее.

– Добро пожаловать.

– Это мой друг, мистер д’Агоста.

Старик кивнул.

– Все остальные – просто мошенники, – заявил Пендергаст. – Жулики и хапуги. А вы не такой. Я знаю, что вашему товару можно доверять.

Владелец лавки ничего не ответил, только молча кивнул, но д’Агоста видел, что комплимент попал в цель.

– Можно посмотреть? – спросил Пендергаст, указывая на стены лавки.

– Посмотрите, но ничего не трогайте.

– Naturellement[6].

Заложив руки за спину, Пендергаст стал неторопливо обходить лавку, внимательно рассматривая каждый предмет. Д’Агоста обвел глазами помещение. С потолка свисали пучки трав, у стен теснились шкафы со множеством выдвижных ящичков, везде стояли флаконы, коробочки и жестянки; на полках выстроились стеклянные банки с травами, разноцветной землей, жидкостями, кривыми корнями и высушенными насекомыми. На всем виднелись этикетки с аккуратными надписями по-французски.

Пендергаст вернулся к продавцу:

– Весьма впечатляет. А теперь, месье Равель, я бы хотел кое-что купить. Покупка не совсем приятная. Один мой друг стал жертвой черной магии. Мне нужно снадобье, чтобы защитить его, оберег.

– Скажите мне состав, и я вам все подберу. – Равель поставил на прилавок плотно сплетенную корзинку.

– Лист вонючего дерева.

Выйдя из-за прилавка, владелец лавки выдвинул один из ящичков, достал оттуда сморщенный лист и положил его в корзинку. Запах у листа был тошнотворный.

– Кости молодого белого петушка и мясо волнистого петуха, размолотое с его перьями.

Требуемый товар был быстро извлечен из темного угла лавки.

Д’Агоста с изумлением наблюдал за происходящим. Пендергаст вел себя весьма странно. Возможно, это как-то связано с его прошлогодней поездкой в Тибет, или же на него повлияло нелегкое плавание через океан. А может быть, это одна из сторон его сложной натуры, которую он до сих пор успешно скрывал.

– Зуб аллигатора и молодое шампанское.

Растущая кучка странных предметов пополнилась небольшим флаконом.

– Порошок из человеческих костей.

Чуть поколебавшись, Равель принес небольшую стремянку и достал со шкафа целлофановый пакетик вроде тех, какие обычно используют наркоторговцы. В нем был желтоватый порошок. Внимательно глядя на Пендергаста, он бросил пакетик в корзинку.

– Вода, которой омывали труп.

После небольшой заминки Равель исполнил и эту просьбу.

– Святая вода.

При этих словах Равель застыл, в упор глядя на Пендергаста. Но все же пошел вглубь лавки, откуда вернулся с крохотной ампулой.

– Надеюсь, это все?

– Еще одна вещь.

Равель молча ждал.

– Освященная облатка.

Равель бросил на спецагента тяжелый взгляд:

– Месье Пендергаст, мне кажется, ваш друг столкнулся с чем-то посерьезнее, чем черная магия.

– Это правда.

– Это уже не по моей части, месье.

– Я так надеялся, что вы мне поможете. Жизнь моего друга в опасности, в смертельной опасности.

Равель грустно посмотрел на Пендергаста.

– Вы знаете, чем для вас может кончиться использование амулета для защиты от ожившего мертвеца?

– Я отдаю себе отчет.

– Этот друг вам, наверно, очень дорог.

– Да, она мне дорога.

– Она. Все понятно. Такая облатка будет стоить очень дорого.

– Цена не имеет значения.

Прикрыв глаза, Равель погрузился в долгое раздумье. Потом со вздохом повернулся и исчез за боковой дверью. Спустя несколько минут он вернулся со стеклянным диском, сделанным из двух больших часовых стекол, скрепленных серебряным ободком. Внутри была заключена облатка. Равель осторожно опустил ее в корзину.

– С вас тысяча двести двадцать долларов, месье.

Не веря своим глазам, д'Агоста увидел, как Пендергаст вынимает из кармана толстую пачку долларов и отсчитывает деньги.

Как только они оказались в машине, д'Агоста не выдержал и взорвался:

– Что, черт побери, здесь происходит?

– Осторожно, Винсент, не сглазьте товары, – остановил его Пендергаст, прижимая к груди корзинку.

– Не могу поверить, что вы выкинули тысячу баксов за какой-то мусор.

– На то было много причин, и, если вы поумерите свой пыл, я вам их сообщу. Во-первых, мы установили доверительные отношения с месье Равелем, который может стать для нас важным источником информации. Во-вторых, есть вероятность, что наша решительная Нора верит в обеа, и тогда оберег, который мы сделаем, может стать для нее сдерживающим фактором. И наконец, наш оберег действительно может помочь, – сказал Пендергаст, понизив голос.

– Помочь? Вы хотите сказать, что за Норой охотится настоящий зомби? – спросил д'Агоста, недоверчиво качая головой.

– Я бы предпочел называть его envoi mort[7].

– Какая разница. Это просто смешно. Вы сказали, что ваш дом в Новом Орлеане сожгла разъяренная толпа. Ваша тетя Корнелия тоже об этом упоминала. Это тогда вы узнали о вуду и обеа? Или, может, сами занимались этим в молодости?

– Я бы предпочел не отвечать на этот вопрос. Могу я в свою очередь задать вопрос вам? Вы когда-нибудь слышали о пари Паскаля?[8]

– Нет.

– Убежденный атеист находится на смертном одре. Неожиданно он просит позвать священника, чтобы исповедоваться и получить отпущение грехов. Это логичное поведение?

– Нет.

– Напротив. Не имеет значения, во что он верит. Атеист осознает, что если есть хоть малейшая вероятность того, что он ошибается, то лучше вести себя так, словно Бог есть. Если Бог существует, то он попадет на небо. Если же Бога нет, то он ничего не теряет.

– Весьма расчетливая позиция.

– Это беспроигрышное пари. От себя могу добавить, что перед таким выбором стоит любой человек. Этого не избежать. Пари Паскаля – торжество логики.

– Но какое это имеет отношение к Норе и всем этим зомби?

– Если вы как следует поразмыслите над этим, то, несомненно, увидите логическую связь.

Наморщив лоб, д’Агоста задумался.

– Кажется, я вас понял, – проворчал он наконец.

– Ну и отлично. Обычно я ничего не объясняю, но для вас иногда делаю исключения.

Д’Агоста бросил взгляд в окно, где мелькали кварталы Испанского Гарлема. Потом обернулся к Пендергасту:

– А что вы тогда сказали?

– Вы о чем?

– Ну там, в лавке. Вы что-то сказали лавочнику на непонятном языке.

– Ах да. Oi chusoi Dios aei enpiptousi. У Бога все карты крапленые[9].

Чуть улыбнувшись, спецагент откинулся на сиденье.

Глава 25

Рокер принял д’Агосту буквально через минуту после того, как тот вошел в его приемную на последнем этаже здания Уан-Полис-Плаза. Д’Агоста счел это хорошим знаком. Дело Смитбека было очень громким – ничего удивительного, что Рокер проявляет к нему такой интерес. Проходя мимо Алисы, пожилой секретарши Рокера, увенчанной копной седых волос, он улыбнулся и подмигнул ей, но та не удостоила его даже взглядом.

Д’Агоста вошел в величественный кабинет, изобилующий атрибутами могущества и власти, – огромный стол из красного дерева, обитый зеленой кожей, дубовые стенные панели, персидский ковер на полу. Все очень солидное и консервативное. Как и сам Рокер.

Комиссар полиции стоял у окна, спиной к вошедшему д’Агосте. Он не повернулся и не предложил своему подчиненному сесть в одно из пухлых кресел, красовавшихся напротив его стола.

Подождав немного, д’Агоста тихонько произнес:

– Господин комиссар?

Тот наконец повернулся, заложив за спину руки. Увидев багровое лицо комиссара, д’Агоста почувствовал неприятное сосание под ложечкой.

– Что там за история с Клайном? – резко спросил Рокер.

Д’Агоста быстро дал задний ход:

– Видите ли, сэр, это связано с убийством Смитбека…

– Мне это известно, – рявкнул комиссар. – Меня интересует, зачем было делать столь бесцеремонный обыск. Вы там все вверх дном перевернули.

Д’Агоста сделал глубокий вдох:

– Сэр, мистер Клайн угрожал Смитбеку незадолго до его смерти. Он главный подозреваемый.

– Тогда почему вы не предъявили ему обвинение?

– Эти угрозы были очень продуманными, официально он не нарушил закон.

Комиссар негодующе посмотрел на д’Агосту:

– И это все, что у вас имеется против Клайна? Невнятные угрозы журналисту?

– Не только, сэр.

Рокер ждал, по-прежнему держа руки за спиной.

– Во время обыска мы изъяли коллекцию произведений западноафриканского искусства, которые непосредственно связаны с древней религией вуду. Аналогичные предметы были найдены на месте преступления и на трупе убитого.

– Аналогичные? А я думал, это были маски.

– Да, маски, но относящиеся к той же традиции. Сейчас их исследует специалист из нью-йоркского музея.

Комиссар поднял на д’Агосту глаза, обведенные красными кругами. Раньше он никогда не бывал так резок.

«Господи, видимо, Клайн и сюда добрался, – подумал д’Агоста. – Каким-то образом он на него вышел».

– Еще раз спрашиваю: это все?

– Подозреваемый угрожал убитому, у него обнаружена коллекция предметов, относящихся к вуду. Мне кажется, этого вполне достаточно для начала.

– Достаточно? Лейтенант, хотите, я вам скажу, чего все это стоит? Ни хрена не стоит.

– Сэр, я решительно не согласен.

Д’Агоста не собирался сдаваться. Вся его команда была на его стороне.

– Вы что, не понимаете, что мы имеем дело с одним из богатейших людей Манхэттена? Он друг мэра, занимается благотворительностью, его компания входит в список пятисот крупнейших американских корпораций. А вы разорили его офис без всякой видимой причины.

– Сэр, это только начало. В ходе расследования найдется достаточно оснований для такого обыска. Я в этом абсолютно уверен.

Д’Агоста старался говорить спокойно, но твердо.

Комиссар бросил на д’Агосту тяжелый взгляд:

– Вот что я вам скажу. Пока не найдете при нем дымящегося пистолета, подчеркиваю, дымящегося, держитесь от парня подальше. Этот обыск был незаконным. Типичное злоупотребление служебным положением. И не прикидывайтесь дурачком. Я тоже когда-то расследовал убийства и догадываюсь, почему вы разгромили его офис. Но я не одобряю подобных методов. Вы не можете вести себя с известным и уважаемым членом общества так, словно это какой-то грязный наркодилер.

– Он подонок.

– Это порочный подход к делу. Я не собираюсь рассказывать вам, как вести следствие, но в следующий раз советую хорошо подумать, прежде чем вешать что-нибудь на Клайна, – веско сказал комиссар, пристально глядя на д’Агосту.

– Понимаю, сэр.

Д'Агоста сказал все, что считал нужным. Нет смысла дальше злить комиссара.

– Я не отстраняю вас от расследования. Пока. Но буду держать все под контролем. И не пытайтесь одурачить меня.

– Да, сэр.

Махнув рукой, комиссар отвернулся к окну:

– А теперь проваливайте.

Глава 26

Нью-йоркская публичная библиотека закрылась полтора часа назад, но спецагент Пендергаст имел особые привилегии, что давало ему возможность игнорировать режим работы данного учреждения. Окинув довольным взглядом пустые столы читального зала, он кивнул охраннику, погруженному в чтение книги «Гора Сен-Мишель и Шартр», вышел на площадку и стал спускаться по металлической лестнице. Пройдя четыре пролета, он попал в огромное подвальное помещение, уставленное стеллажами с книгами. Свернув в боковой коридор, он открыл неприметную серую дверь, за которой оказалась еще одна лестница, круто уходящая вниз.

Еще три пролета, и он очутился в обветшалом помещении реставрационной мастерской. Тусклые лампы освещали стопки старинных книг, плотно придвинутые друг к другу, что обеспечивало их относительную устойчивость. Повсюду стояли столы, заваленные сфальцованными листами, бритвенными лезвиями, банками с клеем и другими принадлежностями для врачевания книг. Этот странный ландшафт, созданный горами печатного материала, простирался до самого горизонта, образуя причудливые извилины и лабиринты. Здесь было по-могильному тихо и пахло пылью и тлением.

Пендергаст положил принесенный сверток на ближайшую стопку книг и деликатно покашлял.

Какое-то время тишину ничто не нарушало, но потом в отдалении послышались торопливые шаги, и вскоре из-за книжных завалов появился маленький сухонький старичок в шахтерской каске, из-под которой выбивались всклокоченные седые волосы.

Подойдя, старик выключил лампу на каске.

– А, hypocrite lecteur[10], – сказал он тонким скрипучим голосом. – Я ждал, что вы придете.

Пендергаст с улыбкой раскланялся.

– Интересный у вас головной убор, Рен, – сказал он, указывая на каску. – Последний крик моды в Западной Виргинии?

Старик беззвучно рассмеялся:

– Я занимался, скажем так, спелеологией. А там внизу, в пещерах, работающих лампочек днем с огнем не сыщешь.

Никто не мог с точностью сказать, работает ли Рен в библиотеке или просто поселился в этом подземелье. Единственное, что не вызывало сомнения, так это его уникальные познания в области эзотерики.

Рен с жадным любопытством посмотрел на сверток.

– Что вы на этот раз мне принесли?

Пендергаст протянул ему сверток.

Рен торопливо сорвал обертку, под которой оказались три небольшие книги.

– А, так это первые книжки «Аркама»[11], – презрительно фыркнул он. – Вообще-то, я не слишком увлекаюсь этой чертовщиной.

– Посмотрите получше. Это редчайшие коллекционные издания.

Рен стал рассматривать книги.

– Хм. Пробный экземпляр «Постороннего» в зеленой суперобложке.

Со следующей книги Рен суперобложку снял, чтобы посмотреть переплет.

– «Ночь наступает всегда» с необычным корешком. И переплетенный в кожу «Роковой дом»... с автографом Барлоу на титульном листе. Подписано в Мехико незадолго до его самоубийства. Знаменательный экземпляр. – Рен осторожно отложил книги. – Я поторопился с выводами. Это поистине королевский подарок.

– Я рад, что вы его оценили.

– После вашего звонка я провел кое-какие предварительные изыскания.

– И что?

Рен потер руки:

– Я и не подозревал, что Инвудский парк имеет такую интересную историю. Вы знаете, что это единственный лес, который пребывает в первозданном состоянии со времен Американской революции? Или что там находилось летнее поместье Исидора Штрауса, того самого, который вместе с женой погиб на «Титанике»?

– Да, я об этом слышал.

– Это целая история. Старик отказался садиться в лодку, пока не будут спасены все женщины и дети, а его супруга не захотела покидать мужа. Она усадила в лодку свою горничную и погибла вместе с мужем. После их смерти поместье в Инвуде пришло в упадок. Однако я выяснил, что еще раньше там убили садовника, а также произошло несколько несчастных случаев, после чего Штраусы избегали там бывать...

– А как насчет Вилля? – осторожно перебил его Пендергаст.

– Вы имеете в виду Вилль-де-Жирондель? – сморщившись, переспросил Рен. – Весьма загадочное место. Боюсь, что пока я не слишком много раскопал и вряд ли сумею узнать больше.

Пендергаст нетерпеливо махнул рукой:

– Расскажите хотя бы то, что знаете.

– Хорошо.

Рен отогнул указательный палец, как бы отсчитывая важные моменты своего сообщения.

– Первое здание Вилля, как его теперь называют, было построено в начале сороковых годов восемнадцатого века религиозной сектой, бежавшей из Англии от преследований. Они поселились на севере Манхэттена в том самом лесу, который сейчас называется Инвудским парком. Пилигримы эти были довольно непрактичны. Это были городские жители – писатели, учителя и даже один банкир, – абсолютно не приспособленные к жизни на земле. Будучи уверены, что жить и работать нужно единой коммуной, они с помощью приплывших с ними плотников соорудили огромную постройку из дерева и камня, которая служила одновременно крепостью, церковью, жилым помещением и мастерской.

Рен отогнул второй палец.

– Но место, где они поселились, было каменистым и малопригодным для земледелия или скотоводства, даже если среди них и были те, кто имел об этом какое-то представление. Вокруг не осталось индейцев, которые могли бы им что-то подсказать, – делавары давно ушли из этих мест, а ближайшее поселение европейцев находилось на другом конце Манхэттена в двух днях пути от Инвуда. К рыбной ловле они тоже не проявляли интереса. Лучшие места на острове уже заняли несколько фермеров, которые были не прочь торговать за твердую валюту, но не имели ни малейшего желания содержать всю коммуну даром.

– Стало быть, их планы были обречены на провал, – пробормотал Пендергаст.

– Совершенно верно. Вскоре наступило разочарование, начались распри. Лет через десять колония распалась, ее жители разъехались по Новой Англии или вернулись в Европу. Поселение опустело. Осталась лишь брошенная постройка – свидетель несбывшихся надежд. Их главный – я не смог выяснить его имени, но это он снарядил корабль и купил землю – переехал в южную часть Манхэттена и стал владельцем фермы.

– Продолжайте.

– Прошло сто лет. Году этак в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом – пятьдесят девятом в Нью-Йорк прибыла с юга некая разноперая компания. По тем понятиям это был всякий сброд. Главарем у них был проповедник из Батон-Ружа, преподобный Мишем Уокер, собравший вокруг себя небольшую группу из французских креолов, которых по какой-то причине изгнали из их общины, и нескольких рабов из Вест-Индии. Постепенно к ним присоединилась и другая публика: каджуны[12], португальские еретики и обитатели луизианских болот, которые считались язычниками и занимались черной магией. Это было не вуду или обеа в их традиционной форме, а скорее совершенно новое верование, созданное на основе древних культов. Их исход с южного побережья в Нью-Йорк был долгим и трудным. Где бы они ни останавливались, местные жители, возмущенные их религиозными ритуалами, изгоняли пришельцев прочь. О них ходили самые страшные слухи: якобы они похищают младенцев, приносят в жертву животных, оживляют мертвецов. Сообщество это было тайным по своей природе, а тот прием, который ему оказывали жители, никак не способствовал его открытости. Наконец Уокер и его компания добрались до Манхэттена, где набрели на затерянную в лесах постройку, которую сто лет назад покинули пилигримы. Там они и осели, укрепив стены и заложив окна кирпичом. Местные жители опять протестовали, было несколько открытых столкновений, о которых стыдливо упоминала пресса, но дело так ничем и не кончилось. С каждым годом Вилль становился все более уединенным местом.

Пендергаст понимающе кивнул:

– А в наше время?

– Сообщения о принесении в жертву животных поступают от местных жителей уже много лет. – Сделав паузу, Рен чуть заметно улыбнулся. – Похоже, они там соблюдают обет безбрачия. Как шекеры[13].

Пендергаст удивленно вскинул брови:

– Безбрачие? Но ведь они до сих пор не вымерли.

– Не только не вымерли, а сохраняют постоянную численность – сто сорок четыре человека. Одни лишь взрослые мужчины. Считается, что они пополняют свои ряды за счет новообращенных, за которыми весьма энергично охотятся, причем всегда по ночам. Выбирают, как правило, недовольных, психически неустойчивых, маргиналов. Идеальный материал для вербовщиков. Когда умирает кто-нибудь из общины, ему сразу же находят замену. О них ходят странные слухи. – Черные глаза Рена заблестели.

– Какие?

– Будто бы по ночам там бродит кровожадный мертвец. Зомби. – Рен тихо рассмеялся.

– А какова история земли и других построек?

– В тысяча девятьсот шестнадцатом году вся окружающая территория была приобретена городским департаментом парков. Все ветхие постройки снесли, однако Вилль не тронули. Похоже, власти решили не связываться.

– Понимаю. – Пендергаст как-то странно взглянул на Рена. – Благодарю вас. Отличное начало. Мне бы хотелось, чтобы вы продолжили свои изыскания.

Рен с любопытством посмотрел на спецагента:

– А в чем, собственно, дело, hypocrite lecteur? Почему вы этим заинтересовались?

Пендергаст ответил не сразу. На его лице появилось отсутствующее выражение.

– Пока еще рано говорить об этом, – сказал он, вернувшись к действительности.

– Скажите по крайней мере, здесь какой-то личный интерес?

– Дайте мне знать, когда найдете что-нибудь еще, – ушел от ответа Пендергаст, откланиваясь.

Ему предстоял долгий обратный путь к поверхности земли.

Глава 27

Введя в базу данных последний образец, Нора закрыла файл, запечатала пакет с черепками и отложила его в сторону. Потянувшись, она посмотрела на часы. Было около десяти вечера. Музей мирно отдыхал под недремлющим оком охраны.

Нора оглядела свой кабинет. Полки с памятниками материальной культуры, бумаги и папки, запертая дверь. Сегодня она впервые сумела мобилизовать себя и кое-что сделать. Возможно, потому, что поток сочувствующих стал наконец иссякать. А может быть, ей помогало сознание, что она вносит какой-то реальный вклад в раскрытие убийства. Анализ ДНК для Пендергаста – это только начало. Сегодня ночью она сделает кое-что еще.

Нора глубоко вздохнула. Странно, но она не чувствовала страха. Только мрачную решимость добраться до убийцы Билла и обрести хоть какой-то покой на обломках своего разрушенного мира.

Нора убрала пакет с черепками на полку. Днем она зашла к своему новому боссу Эндрю Гетцу, начальнику антропологического отдела. Там она получила письменную гарантию финансирования ее летней экспедиции в Юту. Ей предстояла долгая тоскливая зима, и она надеялась, что составление подробного плана исследований поможет ее пережить.

В коридоре послышались отзвуки детских голосов. В последнее время музей ввел практику вечерних экскурсий для организованных групп школьников. Нора с неодобрением покачала головой. Руководство готово на все, лишь бы немного заработать.

Когда голоса затихли, кто-то осторожно постучал в дверь.

Нора в ужасе застыла. Сердце у нее бешено заколотилось. Но тут же успокоила себя: Феринг не стал бы стучать.

Стук повторился.

– Кто там? – хрипло спросила Нора.

– Агент Пендергаст.

Да, это был его голос. Нора быстро открыла дверь. В коридоре, прислонившись к косяку, стоял спецагент в черном кашемировом пальто поверх неизменного черного костюма.

– Разрешите войти?

Нора пропустила его в кабинет.

Проскользнув внутрь, агент быстро окинул взглядом комнату, после чего его светлые глаза остановились на Норе.

– Хочу еще раз поблагодарить вас за помощь.

– Не стоит. Я готова делать что угодно, только бы найти убийцу.

– Не сомневаюсь. Вот об этом я и хотел с вами поговорить.

Закрыв дверь, Пендергаст повернулся к Норе:

– Насколько я понимаю, вы собираетесь проводить собственное расследование?

– Совершенно верно.

– И все просьбы предоставить это профессионалам и не подвергать свою жизнь смертельной опасности будут гласом вопиющего в пустыне?

Нора утвердительно кивнула.

Пендергаст внимательно посмотрел на нее:

– В таком случае вы должны кое-что для меня сделать.

– Что именно?

Вынув из кармана какой-то предмет, Пендергаст вручил его Норе:

– Носите это на шее, не снимая.

Нора опустила глаза. На ее ладони лежало что-то похожее на амулет – украшенный перьями замшевый шарик на золотой цепочке. Нора осторожно надавила на шарик. Внутри был какой-то порошок.

– Что это?

– Оберег.

– Что?

– Амулет, защищающий от врагов.

– Вы это серьезно?

– Очень эффективен против любых недоброжелателей, кроме ближайших родственников. У меня есть кое-что еще. – Пендергаст извлек из другого кармана мешочек из красной фланели, туго стянутый пестрым шнурком. – Держите это постоянно при себе, в кармане или в сумке.

Нора нахмурилась:

– Агент Пендергаст…

Она покачала головой, не зная, что сказать. Пендергаст всегда был образцом логики и прагматизма. И вдруг какие-то амулеты.

В глазах агента вспыхнул огонек, словно он прочитал ее мысли.

– Вы ведь антрополог, значит наверняка читали «Лес символов» Виктора Тернера?

– Не приходилось.

– А «Элементарные формы религиозной жизни» Эмили Дюркхейм?

Нора молча кивнула.

– Тогда вы должны знать: что-то можно проанализировать и привести в систему, а что-то – нет. Как антропологу вам должно быть известно понятие феноменологии.

– Да, но…

Нора запнулась и замолчала.

– Наш разум является пленником нашего тела, поэтому мы не можем объективно судить, что есть истина, а что – заблуждение. Единственное, что нам доступно, – описывать то, что мы наблюдаем.

– Я не очень понимаю, к чему вы клоните…

– В мире существуют очень древние и мистические познания, с которыми стоит считаться. Это так? Или не так? Мы не знаем. Так вы выполните мою просьбу? Будете носить амулеты?

Нора еще раз взглянула на странные предметы:

– Не знаю, что вам сказать.

– Скажите «да». Это единственный ответ, который я приму.

Нора медленно кивнула.

– Отлично.

Пендергаст повернулся, чтобы уйти, но вдруг остановился и снова посмотрел на Нору:

– Еще один момент, доктор Келли.

– Я слушаю.

– Просто носить амулеты недостаточно. Надо верить.

– Во что верить?

– В то, что они помогают. Потому что те, кто желает вам зла, в это точно верят.

С этими словами агент вышел из кабинета, осторожно прикрыв за собой дверь.

Глава 28

Полночь. Нора остановилась на пересечении Индиан-роуд и Западной Двести четырнадцатой улицы, чтобы свериться с картой. Было холодно, в воздухе стоял запах осени. За низкими домами виднелся Инвудский парк – на фоне светящегося ночного неба вырисовывались темные верхушки деревьев. От постоянного недосыпания Нору слегка покачивало, словно от выпитого вина.

Кейтлин Кидд с любопытством заглянула ей через плечо.

– Надо пройти еще один квартал, – сказала Нора, убирая карту в карман.

Они пошли по Индиан-роуд. Это была тихая улочка с темными кирпичными домами, казавшимися особенно мрачными в свете тусклых желтых фонарей. Мимо медленно проехала машина, вспоров темноту светом фар. Скоро между жилым зданием и закрытой на ночь прачечной они увидели узкую дорогу, ведущую на запад. Она была перегорожена ржавой железной цепью, натянутой между двумя чугунными столбами. По обе ее стороны тянулись бейсбольные площадки, тонущие в темноте. Асфальт на дороге потрескался и отваливался кусками. Сквозь трещины проросла трава и маленькие деревца. Нора снова достала карту. Ее прошлое паломничество в эти места показало, что к Виллю можно подойти только так.

– Нам сюда.

Они нырнули под цепь. После бейсбольных площадок следовал пустырь, потом дорога исчезала в Инвудском парке. На ней стояло несколько чугунных фонарей, но лампы в них не горели. Норе показалось, что в плафонах были отверстия от пуль.

Где-то впереди в непроглядной темноте притаился Вилль.

Она решительно двинулась вперед. Кейтлин с трудом поспевала за ней. Дорога сузилась, над головой сомкнулись деревья, запахло мокрыми листьями.

– Надеюсь, у вас есть фонарик? – поинтересовалась Кейтлин.

– Да, но лучше его не включать.

Дорога вела в гору, сначала еле заметно, потом все круче. Отсюда уже были видны Гудзоновская автострада и Бейкер-Филд. Женщины остановились, чтобы перевести дух. Потом дорога стала спускаться к набережной реки Гарлем. За деревьями мелькнули тусклые желтые огоньки.

Кейтлин слегка толкнула Нору локтем:

– Это оно?

– Думаю, да. Сейчас посмотрим.

Чуть помедлив, они начали спускаться с холма, следуя причудливым изгибам дороги. Лес стал гуще, окончательно заслонив огни города и пустынную автостраду. Сделав еще одну петлю, дорога уперлась в старую изгородь из проволочной сетки. Скромная дыра в заборе была заделана колючей проволокой. На воротах висело объявление, коряво написанное от руки.

Частная собственность

Вход запрещен

– Вообще-то, это городская улица, – заметила Нора. – И перекрывать ее незаконно. Не забудьте упомянуть об этом в вашей статье.

– Не очень-то похоже на улицу, – возразила Кейтлин. – Но ведь и поселок этот не совсем легальный. Они просто захватили его.

Нора осмотрела ворота. Облупленные чугунные створки были покрыты пятнами ржавчины. По верху шли острые штыри, половина которых была сломана или выпала совсем. Несмотря на ветхость этого сооружения, петли у него были хорошо смазаны, а цепь с замком блестели, как новые. Вокруг царила полная тишина.

– Лучше перелезть через забор, – заметила Нора.

– Ага.

Но ни одна из них не пошевелилась.

– Вы уверены, что нам надо туда лезть? – робко спросила Кейтлин.

Нора молча ухватилась за ржавую сетку и, цепляясь за нее носками туфель, быстро полезла вверх. Ограда была не меньше десяти футов высотой. Скобы на ее верхней кромке свидетельствовали о том, что когда-то здесь была протянута колючая проволока.

Через полминуты Нора была уже на той стороне. Спрыгнув на мягкий ковер из листьев, она, чуть задыхаясь, сказала:

– Теперь ваша очередь.

Кейтлин последовала ее примеру. Она была не столь ловкой, но тем не менее сумела перевалиться на ту сторону и тихо съехать по дребезжащему металлу.

– Фу-у! – громко выдохнула она, отряхивая с одежды ржавчину и листья.

Нора вгляделась в темноту.

– Лучше пойдем по лесу, – прошептала она. – Так безопаснее.

– Кто бы спорил.

Свернув с дороги, Нора осторожно пошла по дну овражка, спускавшегося с холма. Кейтлин двинулась следом, стараясь не шуршать листьями. Овражек резко пошел под уклон, вынуждая Нору то и дело останавливаться, выбирая дорогу. Вокруг была кромешная тьма, но Нора не вынимала фонарик. У нее были все основания полагать, что жители Вилля постоянно настороже и могут заметить луч света, мелькающий в лесу.

Наконец лес кончился, и они вышли на открытое пространство, окружавшее Вилль. Посреди него возвышалась приземистая старинная церковь, облепленная кучей беспорядочных пристроек. Холодный ветер шевелил высохшую траву.

– О боже! – прошептала шедшая позади Кейтлин.

В этот раз Нора вышла к Виллю с противоположной стороны. Теперь она находилась ближе и могла рассмотреть детали этой примитивной постройки. В тусклом ночном свете она разглядела грубо обтесанные бревна, из которых была сложена крепость. Находящаяся в центре церковь имела несколько ярусов, каждый из которых слегка выступал над тем, что находился ниже, и походила на перевернутый зиккурат[14], пугающий своим зловещим видом. Прорезанные в боковых стенах окна были расположены высоко над землей. Часть из них была заложена кирпичом, остальные заделаны бледно-зеленым корабельным стеклом или затянуты парусиной и вощеной бумагой. В самых дальних окнах горели свечи. Одно окно – небольшое и квадратное – находилось на уровне человеческого роста.

– Удивительно, что на Манхэттене до сих пор существует такое место, – тихо произнесла Нора.

– Удивительно, что оно вообще сохранилось. Что будем делать?

– Подождем. Посмотрим, нет ли кого вокруг.

– Как долго?

– Десять-пятнадцать минут. За это время сторож, если таковой имеется, успеет обойти всю территорию. Потом попытаемся подобраться поближе. Старайтесь ничего не упустить. Читатели «Уэстсайдера» не должны быть разочарованы.

– Само собой, – дрожащим голосом ответила Кейтлин, судорожно прижимая к себе блокнот.

Нора присела на землю. При движении амулет на ее шее слегка потерся о кожу. Потянув за цепочку, она извлекла его наружу. Он был похож на

те странные предметы, которые они с Биллом находили у дверей квартиры: такой же замшевый узелок с пучком перьев. Пендергаст просто вынудил ее надеть это, упросил всегда носить при себе какой-то фланелевый мешочек. Он был явно не из тех, кто верит во все эти вудуистские фокусы, хотя и родился в Новом Орлеане. Или она ошибается? Нора спрятала амулет под одеждой, надеясь, что журналистка ничего не заметила.

Слабый звук, донесшийся из темноты, заставил ее насторожиться. Какой-то тихий гул, похожий на звон цикад. Скоро она поняла, что он исходит из церкви. Звук становился все громче и отчетливее – что-то похожее на приглушенное пение. Нет, не пение, скорее монотонная речь.

– Вы слышите? – придушенным голосом спросила Кейтлин.

Нора молча кивнула.

Звук усиливался, как бы разрастаясь. Он вибрировал, подчиняясь какому-то сложному ритму. Нора увидела, как Кейтлин, задрожав, плотнее запахнула куртку.

Темп песнопения ускорялся, оно становилось каким-то истошным, переходя в более высокий регистр.

– Черт, не нравится мне все это, – пробормотала Кейтлин.

Нора обняла ее за плечи:

– Сидите спокойно. Никто не подозревает, что мы здесь. Нас же не видно в темноте.

– Не надо было сюда приходить. Добром это не кончится.

Нора почувствовала, что журналистка дрожит. Сама она, как ни странно, страха не испытывала. Это была не храбрость, а скорее безразличие. После смерти Билла она уже ничего не боялась. Разве может быть что-нибудь хуже этого? Ее собственная смерть будет лишь избавлением.

Речитатив становился все быстрее и настойчивее. А потом к нему присоединился еще один звук – козлиное блеяние.

– О нет, – прошептала Нора, крепче прижимая к себе Кейтлин.

Послышался еще один жалобный крик. Хор голосов теперь звучал как-то механически, словно гудела огромная динамомашина.

Животное снова заблеяло – громко и испуганно. Нора поняла, что сейчас произойдет. Ей захотелось зажать уши, но делать этого было нельзя.

– На это надо посмотреть, – решительно сказала она, поднимаясь на ноги.

– Нет, погодите… – пролепетала Кейтлин, цепляясь за Нору.

Нора резко высвободилась:

– За этим мы сюда и пришли.

– Пожалуйста, не надо. Они вас увидят.

– Никто меня не увидит.

– Подождите!

Но Нора, пригнувшись, уже бежала к церкви, скользя по мокрой траве. Прижавшись к торцевой стене, она осторожно подползла к маленькому светящемуся окну и с бьющимся сердцем заглянула в него.

Побуревшая фаянсовая раковина, треснувший ночной горшок с деревянным стульчаком. Старый, допотопный туалет.

Черт! Нора сползла вниз по холодным шершавым бревнам. От них как-то странно пахло дымом и мускусом. Сейчас звуки, доносившиеся из церкви, были слышны гораздо лучше. Прижавшись ухом к стене, Нора прислушалась.

Слов не разобрать, однако ясно, что это не английский. Тогда на каком они голосят? На французском? Креольском?

Кроме голосов, слышалось что-то похожее на топот босых ног, быстрый и ритмичный. В хоре явно был солист – его пронзительный вибрирующий голос перекрывал монотонное пение остальных, следуя какому-то непонятному ритуалу.

Послышалось отчаянное блеяние, после чего сразу же наступила тишина.

Неожиданно раздался дикий животный крик, в котором слышалось удивление и боль. Он быстро сменился булькающим звуком и долгим захлебывающимся кашлем. Потом снова стало тихо.

Нора поняла, что произошло.

Внезапно песнопение возобновилось: быстрое и ликующее, оно служило аккомпанементом для восторженных воплей их главного жреца. К ним примешивались и другие звуки, похожие на хрипы и стоны истекающего кровью существа.

Чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, Нора жадно глотнула воздух. Этот ужасный звук неожиданно напомнил ей тот момент, когда

она увидела своего мужа, лежащего неподвижно в луже крови на полу в их гостиной. Она почувствовала, что теряет сознание. Перед глазами завертелись круги, земля стала уплывать из-под ног. Кейтлин права: не надо было сюда приходить. Эти люди, кто бы они ни были, вряд ли обрадуются чужакам. Вцепившись в стену, Нора ждала, пока к ней вернутся силы. Она вдруг поняла, что надо немедленно уходить.

Повернувшись, она заметила, что у самой дальней постройки кто-то движется в темноте, пошатываясь и волоча ноги. В лунном свете мелькнуло и пропало еле различимое землистое лицо.

Нора в ужасе зажмурилась, потом открыла глаза. Было тихо и темно. Пение прекратилось. Возможно, ей померещилось? Когда она окончательно решила, что это игра воображения, фигура появилась снова. Голый череп, одутловатое лицо, лохмотья. Человек словно блуждал в темноте, но в его движениях была какая-то пугающая целеустремленность.

Нора вспомнила о существе, преследовавшем ее в хранилище китовых скелетов. Вскочив на ноги, она бросилась к лесу.

– Кейтлин! – вскрикнула она, налетев на журналистку. – Надо быстрее убираться отсюда?

– Что случилось? – ахнула Кейтлин, испуганно съежившись на земле.

– Пойдем скорей!

Вцепившись в ворот ее куртки, Нора насильно подняла Кейтлин с земли. Та споткнулась, и Нора была вынуждена подхватить ее.

– О господи, – прошептала Кейтлин, вглядываясь в темноту.

Нора обернулась. К ним нетвердой походкой приближалась страшная фигура с опухшим, искаженным лицом.

– Кейтлин! Бежим! – вскрикнула Нора, дернув журналистку за плечо.

– Что?

Но Нора уже неслась по дну овражка, волоча Кейтлин за собой. Та, казалось, была парализована страхом. Она все время оглядывалась, спотыкалась и падала на землю.

Теперь существо двигалось быстрее, оно почти бежало вприпрыжку, как зверь, преследующий добычу. До женщин уже доносилось тяжелое сопение и хрип.

– Оно бежит за нами, – простонала Кейтлин.

– Заткнись и шевели ногами!

«Боже всемогущий! Только бы не Феринг», – мысленно молила Нора на бегу.

Но в душе она была уверена, что это именно он.

Наконец овраг кончился, и впереди показалась металлическая изгородь.

– Подними задницу! – завопила Нора, увидев, что Кейтлин поскользнулась и близка к падению. Она всхлипывала и ловила ртом воздух.

Сзади послышалась тяжелая поступь. Нора схватила Кейтлин за куртку, не давая ей упасть.

– О господи…

Подтащив Кейтлин к ограде, Нора, собрав все свои силы, попыталась подсадить ее. Журналистка стала карабкаться вверх, цепляясь за металлические звенья. Нора последовала за ней. Перевалившись через ограду, они спрыгнули на землю и побежали дальше.

За их спиной что-то гулко ударилось в металл. Нора остановилась и обернулась назад. Сердце у нее бешено колотилось. Она должна знать наверняка.

– Что ты делаешь? – на бегу прокричала Кейтлин.

Вынув из сумки фонарик, Нора направила его на забор.

Никого – только глубокая вмятина там, где существо наткнулось на сетку, которая все еще продолжала раскачиваться, издавая ржавый скрип.

Существо исчезло.

Нора услышала, как по дороге бежит Кейтлин. Она пустилась вдогонку и скоро поравнялась с запыхавшейся журналисткой. Та перегнулась пополам, задыхаясь в приступе кашля. Потом ее вырвало. Нора обняла ее за плечи.

– Что это было? – наконец выдохнула Кейтлин.

Нора молча помогла ей подняться. Через десять минут они уже шагали по Индиан-роуд, возвращаясь на родной Манхэттен. Нора рассеянно теребила амулет на шее. Ее не оставляло чувство страха, перед глазами стояло жуткое существо, в ушах звучал предсмертный хрип обреченного козленка. В голове все время крутилась одна и та же мысль – абсурдная, назойливая и совершенно невыносимая:

«А Билл так же кричал, когда его убивали?»

Глава 29

Лейтенант д’Агоста сидел в своем уютном кабинете в полицейском управлении, задумчиво глядя на экран компьютера. У него никак не получался текущий отчет. Довольно странно для автора двух романов, высоко оцененных критиками. Он еще не остыл от вчерашнего разноса, который учинил ему комиссар. Конечно, это происки Клайна.

Оторвавшись от экрана, д’Агоста потер глаза. В единственное окно кабинета падал неяркий утренний свет. За стеклом голубела узкая полоска неба. Лейтенант пил уже третью чашку кофе, надеясь, что это поможет ему лучше соображать. Но толку от этого напитка было мало.

Неужели Смитбек был убит всего неделю назад? Д’Агоста покачал головой. Он собирался поехать в Канаду, чтобы повидаться с сыном и подписать бумаги для предстоящего развода. А вместо этого сидит в Нью-Йорке и пытается расследовать дело, которое с каждым днем становится все запутаннее.

На столе зазвонил телефон. Опять его отрывают от дела. Вздохнув, лейтенант снял трубку:

– Отдел расследования убийств. Д’Агоста у телефона.

– Винсент? Это Фред Столфуц.

Помощник прокурора Столфуц помогал д’Агосте получить ордер на обыск в Вилле.

– Привет, Фред. Ну, как наши дела?

– Если ты намереваешься искать там улики по делу об убийстве, то у тебя ничего не выйдет. Доказательства слишком слабые. Ни один судья не даст тебе ордер, особенно после того, что ты натворил у Клайна.

– Господи, ты-то откуда знаешь?

– Винни, об этом все знают. Не говоря уже о том, как взвился комиссар…

– Так что ты предлагаешь? – перебил его д’Агоста.

– Ты говорил, что место это находится где-то в лесу?

– Да.

– Значит, так: напролом здесь действовать нельзя. Ты не можешь явиться туда, чтобы искать доказательства преступления или пытаться учуять марихуану. Но никто не может помешать тебе прийти кому-то на помощь.

– Там действительно зовут на помощь, но это в основном всякая живность.

– К этому я и клоню. По подозрению в убийстве тебе туда не попасть, а вот по поводу жестокого обращения с животными – милости просим. За это вполне можно зацепиться. Если ты отправишься туда вместе с представителем службы защиты животных, то нароешь все, что тебе нужно.

– Интересная мысль. Думаешь, это пройдет?

– Обязательно.

– Фред, ты гений. Позвони мне, когда что-то прояснится.

Повесив трубку, д’Агоста вернулся к насущным проблемам.

На первый взгляд все очень просто. Надежный, очень надежный свидетель видел, как Феринг входил в дом и выходил из него. На месте преступления обнаружили его кровь. Хотя результаты генетического анализа были получены не совсем законно и не могут быть представлены в суде, они рано или поздно будут официально подтверждены. Феринг преследовал Нору в музее, и там опять была обнаружена его ДНК. Его склеп оказался пустым. С одной стороны, имеются все доказательства. А с другой? Замотанный растяпа-медэксперт, который не признается, что совершил ошибку. Татуировка и родимое пятно, которые могли быть ненастоящими или ошибочно идентифицированными, если учесть, что тело долго находилось в воде. Сестра опознала труп? Но ведь случается, что родственники ошибаются, потому что слишком расстроены или тело изменилось до неузнаваемости. Нельзя исключать и того, что сестра могла смошенничать, чтобы получить страховку. Довольно подозрительно, что она исчезла сразу же после похорон.

Нет, Колин Феринг все-таки жив. В этом д’Агоста был абсолютно уверен. И никакой он не зомби, черт бы его подрал. За всем этим кто-то стоит. Но кто? Клайн или обитатели Вилля? Надо поднажать в обоих направлениях.

Взяв в руки чашку с кофе, д’Агоста внимательно посмотрел на нее, потом вылил жидкость в корзинку для бумаг и отправил туда же чашку. Хватит пить эту дрянь. Он стал думать об убийстве. Все это не было похоже на неудавшееся изнасилование. Парень смотрел прямо в камеру, когда входил в дом. Он знал, что ведется запись, но ему было наплевать.

Пендергаст прав. Это не было случайным убийством. Здесь явно существовал какой-то план. Но какой? Д’Агоста тихо выругался.

Опять зазвонил телефон.

– Д’Агоста слушает.

– Винни? Это Лора. Ты сегодня читал «Уэстсайдер»?

– Нет.

– Купи и прочти.

– А что там?

– Достань эту газету. И…

– И что?

– И жди звонка от комиссара. Только не говори, что я тебе звонила. Просто будь готов.

– Вот черт, опять начинается.

Положив трубку, д’Агоста устремился к лифту. Можно было поискать газету на этаже, но это займет время, а ему надо быть в курсе, прежде чем позвонит комиссар.

Подошел лифт, и через пару минут д’Агоста оказался в вестибюле. «Уэстсайдер», как обычно, был выставлен в верхнем левом углу стенда. Бросив на прилавок двадцать пять центов, лейтенант взял из стопки газету и засунул ее под мышку. Зайдя в местный кафетерий, он заказал одинарный эспрессо, сел за столик и раскрыл газету. На первой странице красовался броский заголовок:

ЖИВОТНЫЕ ПРИНОСЯТСЯ В ЖЕРТВУ!

РИТУАЛЬНОЕ ЗАКЛАНИЕ В ВИЛЛЕ

ЕСТЬ ЛИ ЗДЕСЬ СВЯЗЬ С ВУДУ И УБИЙСТВОМ СМИТБЕКА?

Репортаж Кейтлин Кидд

Д’Агоста посмотрел на свой эспрессо, который едва закрывал дно бумажного стаканчика. Куда, интересно, девались чашки, в которых раньше подавали кофе? Быстро опрокинув стаканчик в рот, д’Агоста смял его и начал читать.

Он должен был признать, что материал получился эффектный. Нора Келли с журналисткой отправились ночью в Вилль, перелезли через забор и слышали, как происходило жертвоприношение. Их стало преследовать какое-то существо, которое, как показалось журналистке, было похоже на зомби. Далее следовали рассуждения о бездействии городских властей, которые допускают жестокое обращение с животными и не замечают, что дорога незаконно перекрыта. Приводились цитаты из статьи Смитбека о Вилле, упоминались

странные предметы, появлявшиеся у его дверей незадолго до убийства, а также обнаруженные на месте преступления. Не был забыт и представитель общества защиты животных, слова которого тоже приводились в статье. Хотя автор и не утверждал, что Вилль имеет отношение к смерти Смитбека, подтекст был очевиден: Смитбек написал статью о принесении в жертву животных и планировал продолжить эту тему.

В репортаже была строчка, очень типичная для такого рода писаний, которая окончательно доконала д’Агосту: «Многократные попытки связаться с лейтенантом д’Агостой, который расследует убийство Смитбека, не увенчались успехом».

Многократные попытки. Его сотовый никогда не отключался, и все звонки на рабочий телефон переадресовывались туда. Сейчас он вспомнил, что ему и вправду пару раз звонила какая-то Кидд, но разве у него есть время, чтобы отвечать на каждый звонок? Многократные попытки, блин. Пару раз, не больше. Ну, может быть, три.

Теперь он понял, почему звонила Лора Хейворд.

Предыдущая статья про вуду была лишь цветочками. Но здесь уже ягодки, и весьма крупные. Красочное описание криков жертвы заденет за живое любого. Защитники животных придут в ярость.

Послышалась мелодия из фильма «Хороший, плохой, злой». Д’Агоста взял трубку и вышел в вестибюль.

Комиссар полиции.

– Продолжим наш разговор.

– Да, сэр.

– Вы, вероятно, читали статью в «Уэстсайдере»?

– Да, сэр, читал. – Д’Агоста старался говорить невозмутимо, словно вчерашнего разговора не было.

– Похоже, вы зря облаяли Клайна, а, лейтенант? – Голос комиссара звучал холодно и неприветливо.

– Я не исключаю любой вариант.

Комиссар неодобрительно хмыкнул:

– Так что же все-таки? Вилль или Клайн?

– Как я уже сказал, мы работаем в обоих направлениях.

– Эта статья наделала много шума. Даже мэр выразил свое беспокойство. Мне только что звонили из «Ньюс» и «Пост». Почему вы скрываетесь от журналистов? Вы должны вести себя более открыто, отвечать на вопросы, успокаивать людей.

– Я планирую провести пресс-конференцию.

– Да уж, пожалуйста. Сегодня, часа в два. Сосредоточьтесь на Вилле и оставьте Клайна в покое.

В трубке послышались частые гудки.

Д’Агоста пошел обратно в кафетерий.

– Четыре порции эспрессо, – потребовал он. – В один стакан.

Глава 30

Д’Агоста всегда ненавидел пресс-конференции. Даже в лучшие времена. А сейчас времена отнюдь не лучшие. Ему просто нечего сказать. В деле слишком много загадочного. Конференц-зал был полон – журналисты, операторы и официальные лица оживленно переговаривались, стараясь перекричать друг друга. Не успел д’Агоста войти, как к нему тут же подскочил Рокер:

– Вы готовы выступить, лейтенант?

– Да, сэр.

Рокер был в своем обычном темном костюме с маленьким полицейским значком на лацкане пиджака. Вид у него был изможденный.

– Не забудьте, что я сказал: ни слова о Клайне.

Д’Агоста судорожно сглотнул. Какой там кофе, сейчас бы впору хватить двойного бурбона. Он и не собирался говорить о Клайне – еще не хватало, чтобы его привлекли за клевету.

Когда они с Рокером стали подниматься на сцену, шум усилился и в зале замигали вспышки. Подойдя к кафедре, комиссар поднял руки, чтобы успокоить публику. Потребовалось не меньше минуты, чтобы в зале установилась тишина.

– Детектив д’Агоста, который ведет расследование убийства Смитбека, скажет несколько слов о текущем состоянии дел. А затем вы сможете задавать вопросы. Но прежде я бы хотел попросить вас проявить максимальную осмотрительность при освещении этого дела. Это громкое преступление взволновало весь наш город. Не стоит усугублять беспокойство. А теперь прошу вас, лейтенант.

– Благодарю.

Д’Агоста с трепетом подошел к микрофону. Посмотрев на море лиц, он еще раз мучительно сглотнул.

– Как вы все знаете, неделю назад в Уэстсайде был убит Уильям Смитбек. Правоохранительные органы ведут интенсивное расследование в нескольких направлениях. Уже обнаружены нити, которые в скором времени выведут нас на преступника. Всех, кто имеет любую информацию, которая может помочь следствию, мы просим незамедлительно обращаться в департамент полиции. А теперь я готов ответить на ваши вопросы.

Зал снова зашумел. Д’Агоста поднял руки, призывая публику к порядку.

– Тише, пожалуйста, – сказал он в микрофон. – Соблюдайте спокойствие.

Отступив назад, он терпеливо ждал, пока в зале установится порядок.

– Благодарю вас. Вот вы, в первом ряду, – кивнул он женщине в желтой блузке.

– Что вы можете сказать об этом Вилле? Там действительно приносят в жертву животных?

– В полицию поступило несколько жалоб в связи с криками животных, доносящимися из этого места. Сейчас оно находится под нашим пристальным вниманием. Могу добавить, что мы не обнаружили никаких прямых связей между убийством Смитбека и Виллем.

– Касаясь убийства Смитбека, – продолжала женщина. – Что говорят результаты вскрытия? Какова была причина смерти?

– Причиной смерти была колотая рана в сердце.

Д’Агоста окинул взглядом толпу: повсюду тянущиеся руки, вспышки фотоаппаратов, кинокамеры и диктофоны. Было трудно смириться, что в этом море лиц больше никогда не появится вихрастая голова кричащего и жестикулирующего Смитбека.

– Вы, пожалуйста, – сказал он, указывая на мужчину в ярком галстуке-бабочке, сидящего в третьем ряду.

– Была ли точно установлена личность убийцы? Это действительно сосед Смитбека Феринг?

– Феринг не был его соседом. Он жил в том же доме. Экспертиза еще не закончена, но сейчас уже можно сказать, что все улики указывают на то, что Феринг представляет первоочередной интерес для следствия. Он пока не задержан и в настоящее время скрывается от правосудия.

Если покойника можно считать скрывающимся от правосудия.

– Имеет ли Феринг какое-то отношение к Виллю?

– Мы не установили каких-либо связей между Ферингом и Виллем.

Все оказалось не так страшно, как он ожидал. Журналисты держались в рамках и ничего лишнего себе не позволяли. Д’Агоста кивнул в сторону еще одной поднятой руки.

– Что вы можете сказать об обыске в офисе Клайна? Он тоже подозреваемый?

– В настоящее время нет, – отрезал д’Агоста, избегая смотреть на Рокера.

Господи, ну почему журналисты всегда все знают?

– Тогда почему был произведен обыск?

– Извините, но это тайна следствия.

Он хотел предоставить слово следующему журналисту, но тут раздался громкий голос, перекрывший все остальные. Нахмурившись, д’Агоста повернулся в ту сторону. В первом ряду поднялся высокий человек, по виду типичный мажор: короткие светлые волосы, репсовый галстук и выдающийся подбородок, на котором можно припарковать грузовик.

– Я бы хотел знать, как далеко в действительности продвинулось следствие? – спросил он хорошо поставленным голосом.

Вопрос был задан столь агрессивно, что д’Агоста не сразу нашелся что ответить.

– Простите? – переспросил он.

– Я Брюс Гарриман из «Таймс». Член журналистского корпуса Нью-Йорка и мой близкий друг Билл Смитбек был зверски убит неделю назад. Я поставлю вопрос несколько иначе. Почему все это время следствие топчется на месте?

По толпе пробежал ропот. Несколько голов кивнуло в знак согласия.

– Следствие идет успешно. Но я не имею права вдаваться в детали. – Д’Агоста понимал, как беспомощно это звучит, но ничего другого предложить не мог.

Гарриман не обратил ни малейшего внимания на его слова.

– Журналист поплатился за то, что исполнял свой долг, – напыщенно произнес он. – Это вызов всем нам, нашей профессии.

Шум в зале усилился.

Д’Агоста повернулся к другому журналисту, но Гарриман не унимался.

– Что происходит в Вилле? – загремел он.

– Как я уже сказал, нет никаких свидетельств, указывающих на то, что Вилль…

– Почему им разрешают открыто мучить и убивать животных – а может быть, и не только животных? – перебил его Гарриман. – Лейтенант, вы должны знать, что многие жители Нью-Йорка задают один и тот же вопрос: почему бездействует полиция?

При этих словах зал как будто взорвался. Люди вскакивали с мест, громко выражая свое возмущение. Гарриман с довольным видом опустился на стул. На его аристократическом лице играла торжествующая улыбка.

Глава 31

Въехав в большие белые ворота, «роллс-ройс» покатил по вымощенной камнями дорожке, вившейся среди старых дубов. Она привела его к величественному особняку, окруженному служебными постройками на старых каменных фундаментах. Там находились каретный сарай, садовая беседка, оранжерея и огромный красный амбар, крытый дранкой. За ними виднелся аккуратно подстриженный газон, спускавшийся к проливу Лонг-Айленд, блестевшему в утреннем свете.

– Господи, вот это масштабы, – присвистнул д’Агоста.

– Воистину. Отсюда еще не видно домика для прислуги, вертолетной площадки и форелевого хозяйства.

– Напомните, зачем мы сюда приехали.

– Мистер Эстебан громче всех жаловался на то, что происходит в Вилле. Мне бы хотелось побеседовать с ним лично.

Пендергаст попросил Проктора припарковать машину на площадке перед амбаром. Двери этого строения были широко раскрыты, и, выйдя из «роллс-ройса», агент тут же исчез в его недрах.

– Эй, дом находится в той стороне… – неуверенно проговорил д’Агоста.

Он с тревогой посмотрел вокруг. Опять Пендергаст выкидывает какие-то номера.

Невдалеке кто-то рубил дрова. Потом стук прекратился, и из-за дровяного сарая показался человек с топором в руке. В этот же момент из темноты амбара возник Пендергаст.

Не выпуская топора, человек направился в их сторону.

– Ну вылитый Поль Баньян, – шепнул д’Агоста подошедшему агенту.

Высокий рост, небольшая бородка с проседью, длинные волосы, ниспадающие на воротник, и небольшая лысина на макушке действительно придавали мужчине сходство с известным героем канадского фольклора. Несмотря на испанскую фамилию, он выглядел как типичный англосакс, худощавый и подтянутый, и мог служить ходячей рекламой «Лендсенда»[15] – тщательно отглаженный комбинезон, клетчатая рубашка, рабочие рукавицы. Смахнув с рубахи стружки, он закинул топор на плечо и стащил рукавицу, чтобы пожать гостям руки.

– Чем могу быть полезен? – без всякого акцента спросил он.

Пендергаст вынул жетон:

– Спецагент Пендергаст, Федеральное бюро расследования. Лейтенант Винсент д’Агоста, отдел расследования убийств нью-йоркского департамента полиции.

Сощурив глаза и поджав губы, мужчина стал рассматривать жетон. Потом бросил взгляд на «роллс-ройс»:

– Неплохая у вас патрульная машина.

– Бюджет все время урезают, – ответил Пендергаст. – Обходимся чем можем.

– Понимаю.

– Вы Александр Эстебан? – спросил д’Агоста.

– Совершенно верно.

– Мы бы хотели задать вам несколько вопросов, если вы не возражаете.

– А ордер у вас есть?

– Нам нужна помощь в расследовании убийства Уильяма Смитбека, репортера «Таймс», – вмешался Пендергаст. – Мы очень рассчитываем на ваше понимание.

Кивнув, Эстебан погладил бородку:

– Я знал Смитбека. Буду рад вам помочь.

– Вы ведь кинорежиссер?

– В прошлом. Теперь я посвящаю все свое время благотворительности.

– Я читал статью о вас в «Мадемуазель». Там вас называют современным Де Милем[16].

– История – моя страсть, – объявил Эстебан, скромно улыбнувшись.

Но скромность эта выглядела несколько показной.

Д’Агоста вдруг вспомнил: это тот самый парень, который снимал аляповатые исторические эпопеи. Они с Лорой как-то ходили на его фильм «Побег из Синг-Синга», в котором рассказывалась история о том, как в начале шестидесятых из тюрьмы сбежало три десятка заключенных. Картина им не понравилась. Д’Агоста смутно помнил еще один его фильм: «Последние дни Марии-Антуанетты».

– Но нас больше интересует организация, которую вы возглавляете. «Люди на защите животных», так, кажется?

Эстебан кивнул:

– Да, сокращенно ЛЗЖ. Хотя я там больше в качестве рупора. Известное имя, сами понимаете. Всеми делами заправляет Рич Плок.

– Понимаю. Вы встречались с мистером Смитбеком в связи с его намерением написать серию статей о поселке Вилль-де-Жирондель, или Вилль, как его сейчас называют.

– Наша организация была весьма обеспокоена слухами о жертвоприношениях. Это тянулось довольно долго, но никто ничего не делал. Я обращался во все газеты, включая «Таймс», но откликнулся только мистер Смитбек.

– Когда это было?

– Сейчас… кажется, за неделю до того, как он опубликовал свою первую статью.

Понимающе кивнув, Пендергаст, похоже, потерял всякий интерес к продолжению беседы.

В дело вступил д’Агоста:

– Расскажите, как это было.

– Смитбек позвонил мне, и мы встретились с ним в городе. Наша организация собрала кое-какой материал о Вилле – жалобы жителей, свидетельства о том, что в общину завозятся животные, счета и все такое прочее. Я дал ему копии этих документов.

– А какие-то доказательства были?

– Полно! Жители Инвуда годами слышали крики истязаемых животных. Городские власти и пальцем не пошевелили. Они, видите ли, соблюдают политкорректность и не препятствуют отправлению

религиозных культов. Поймите меня правильно, я двумя руками за свободу совести, но не в тех случаях, когда мучают и убивают животных.

– Как вы думаете, Смитбек нажил себе врагов после этой статьи?

– Уверен, что да, как, впрочем, и я. В Вилле живут настоящие фанатики.

– У вас есть какие-то конкретные факты? Кто-то что-то сказал, угрозы по телефону или по электронной почте. Было что-нибудь подобное?

– Мне прислали по почте какой-то амулет. Но я его сразу же выбросил. Не знаю, из Вилля он или нет, но на посылке стоял штамп Северного Манхэттена. Эти люди живут очень замкнуто. Весьма странная публика. Похоже на какую-то секту. Они поселились там еще в незапамятные времена.

Д'Агоста потоптался на брусчатке, думая, о чем бы еще спросить. Эстебан не сообщил им ничего нового.

Неожиданно в разговор вступил Пендергаст:

– Замечательное у вас поместье, мистер Эстебан. А лошадей вы держите?

– Исключено. Я не одобряю порабощение животных.

– А собак?

– Животные должны жить на воле, а не находиться в услужении у человека.

– Мистер Эстебан, вы, я полагаю, вегетарианец?

– Естественно.

– Вы женаты? Дети у вас есть?

– Я разведен, детей у меня нет. Послушайте...

– Почему вы стали вегетарианцем?

– Аморально убивать животных ради удовлетворения своих аппетитов. Не говоря уже о том вреде, который наносится нашей планете, неоправданных энергетических затратах и неэтичности употребления в пищу мяса, когда миллионы людей голодают. Взять хотя бы вашу отвратительную машину. Не хочу вас обидеть, но ездить на таком чудовище непозволительно.

Эстебан неодобрительно поджал губы, и д'Агоста невольно вспомнил монахиню, которая била его линейкой по рукам за разговоры на уроках. Интересно, как среагирует на этот выпад Пендергаст?

– В Нью-Йорке живет много людей, которые исповедуют религии, не исключающие жертвоприношений, – невозмутимо продолжал спецагент. – Почему вы выбрали именно Вилль?

– Это самый вопиющий случай. Надо же с чего-то начинать.

– Сколько членов в вашей организации?

Эстебан, казалось, растерялся:

– Точную цифру вам может назвать Рич. Думаю, несколько сотен.

– Вы читали статью в «Уэстсайдере»?

– Да.

– И что вы думаете по этому поводу?

– Журналистка явно напала на след. Эти люди просто сумасшедшие. Вуду, обеа… Насколько я понимаю, они находятся здесь нелегально. Скорее всего, самовольно захватили эти дома. Городские власти обязаны их выселить.

– Куда же они денутся?

– Да хоть к черту в пекло, – засмеялся Эстебан.

– Значит, вы считаете, что животных мучить нельзя, а людей в аду можно?

Смех застрял у Эстебана в горле. Он внимательно посмотрел на агента:

– Это всего лишь литературный оборот, мистер…

– Пендергаст.

– Мистер Пендергаст, у вас все?

– Боюсь, что нет.

Д’Агоста с удивлением услышал в голосе Пендергаста стальную нотку.

– Мистер Эстебан, вы верите в вуду?

– Вас интересует, верю ли я, что вуду существует или что это колдовство действует?

– И то и другое.

– Я верю, что эти фанатики в Вилле практикуют вуду. Верю ли я, что они воскрешают мертвецов? Кто знает? Мне это безразлично. Я просто хочу, чтобы они убрались оттуда.

– Кто финансирует вашу организацию?

– Это не моя организация. Я лишь ее член. К нам, конечно, поступают денежные пожертвования, но, честно говоря, существует она в основном на мои средства.

– Она не облагается налогом в соответствии с пунктом пятьсот один-вэ-три?

– Да.

– А откуда у вас средства на ее содержание?

– Я неплохо заработал на фильмах, но, вообще-то, это не ваше дело, – отрезал Эстебан, скидывая топор с плеча. – Ваши вопросы, мистер Пендергаст, бессвязны и бессмысленны, и я уже устал на них отвечать. Поэтому, будьте так любезны, загружайтесь в свой броневик и покиньте частное владение.

– С превеликим удовольствием.

Слегка поклонившись, Пендергаст с улыбкой сел в «роллс-ройс». Д’Агоста молча последовал за ним.

Уже в пути д’Агоста нахмурился и проворчал:

– Добродетельная свинья. Держу пари, он за милую душу жрет бифштексы с кровью, когда никто не видит.

Пендергаст смотрел в окно, погруженный в свои мысли. Но при этих словах обернулся:

– Вы необыкновенно проницательны, Винсент.

Достав из кармана тонкий полистирольный лоток, агент снял с него крышку и протянул д’Агосте. Внутри оказалась сложенная вдвое прокладка, пропитанная кровью, и кусок пластиковой пленки с этикеткой. От них пахло несвежим мясом.

Сморщившись, д’Агоста быстро отпихнул лоток:

– Что это за гадость?

– Я нашел это среди мусора в амбаре. Судя по этикетке, здесь находилось мясо молодого барашка по тринадцать долларов за фунт.

– Вот так номер.

– Отличная цена за такой кусок. Меня так и подмывало спросить мистера Эстебана, где он покупает мясо.

Закрыв лоток, Пендергаст положил его на кожаное сиденье и продолжил обозревать сменяющиеся за окном пейзажи.

Глава 32

Свернув за угол, Нора Келли с замирающим сердцем пошла по Западной Пятьдесят третьей улице. Впереди показался Музей современного искусства с ворохом желто-коричневых листьев у входа. Уже смеркалось, и в холодной прозрачности воздуха чувствовалось предвестие зимы. Она добиралась сюда кружным путем – сначала на автобусе, потом на метро, – упрямо надеясь, что пробки или аварии помогут избежать того, что ждало ее впереди. Но общественный транспорт работал удручающе хорошо.

И вот она здесь, в нескольких шагах от цели.

Нора замедлила шаг, потом остановилась. Достала из сумочки кремовый конверт, адресованный Уильяму Смитбеку-младшему. Вынула оттуда карточку и, наверное, в сотый раз прочитала:

Мы рады пригласить вас

на Сто двадцать седьмую ежегодную

церемонию награждения,

которая будет проходить в Готамском пресс-клубе

15 октября в 19.00.

Нью-Йорк, Западная 53-я улица, 25.

Ей не раз приходилось бывать на подобных сборищах – типичная манхэттенская тусовка с дармовой выпивкой, сплетнями и непременной журналистской саморекламой. Она так и не сумела их полюбить. А сегодняшнее мероприятие будет особенно невыносимым: соболезнования, сочувственные взгляды, рукопожатия… При одной мысли об этом к горлу подступала тошнота. Довольно и того, что ей пришлось выслушивать в музее.

И все же идти было надо. Билл получил – мог бы получить – одну из наград. И потом он любил эти праздники жизни с дружеской толкучкой и обильными возлияниями. Не стоило оскорблять его память пренебрежением к тому, что было ему дорого. Глубоко вздохнув, Нора спрятала приглашение в сумочку и двинулась дальше. Она еще не совсем отошла от событий прошлой ночи: в ушах звучали жалобные крики козленка, перед глазами стояло преследовавшее их существо. Опять Феринг? Нора не была в этом уверена, поэтому не стала звонить д’Агосте. Но страшное воспоминание все время преследовало ее, держа в

постоянном напряжении. Может, и вправду стоит развеяться, пообщаться с людьми и забыть о пережитом.

Готамский пресс-клуб располагался в небольшом здании с вызывающим мраморным фасадом в стиле рококо. Поднявшись по ступеням, Нора прошла через бронзовые двери и оставила пальто в гардеробе, получив взамен номерок. Из банкетного зала доносились музыка, смех и звон бокалов. Ее опять охватил ужас. Поправив на плече ремешок сумки, она пошла по роскошной ковровой дорожке в зал, отделанный дубовыми панелями.

Банкет начался час назад, и зал был набит гостями. Шум стоял невероятный: каждый старался перекричать всех остальных, чтобы ни одно острое словцо не осталось незамеченным. Вдоль стен тянулось с полдюжины баров – неудивительно, что журналистские сборища подчас превращались в вакханалии. У правой стены была сооружена временная сцена, украшенная гирляндой микрофонов. Нора стала пробираться сквозь толпу, чтобы поскорее скрыться в глубине зала. Оттуда она сможет мирно наблюдать за происходящим, не рискуя быть замеченной…

Как назло, какой-то человек, оживленно жестикулируя, ударил Нору локтем в бок. Повернувшись, он немедленно узнал ее. Это был Фентон Дейвис, начальник Билла в «Таймс». Вокруг него полукругом стояли сотрудники газеты.

– Нора! – закричал он. – Как хорошо, что вы пришли. Мы все так искренне вам сочувствуем. Билл был прекрасным журналистом и выдающейся личностью.

Журналисты одобрительно зашумели.

Нора смотрела на их соболезнующие лица, с трудом преодолевая желание убежать. Потом изобразила на лице улыбку:

– Благодарю вас. Я очень тронута.

– Я пытался вам звонить. Вы видели сообщения?

– Да. Простите, но мне было не до этого…

– Конечно, конечно! Я вас понимаю. Никакой спешки здесь нет. Просто к нам приходили из полиции, – шепотом сказал Дейвис, наклонившись к ее уху. – Они думают, что это как-то связано с его работой. Если это действительно так, наша газета должна быть в курсе.

– Я обязательно позвоню вам, когда… когда немного приду в себя.

Выпрямившись, Дейвис заговорил нормальным голосом:

– Мы думаем как-то увековечить память Билла. Например, учредить премию Уильяма Смитбека за профессиональные заслуги или что-то в этом роде. Мы бы хотели обсудить это с вами, когда вы будете в состоянии.

– Конечно.

– Мы уже объявили об этом и сейчас привлекаем средства. Возможно, это станет частью сегодняшней церемонии.

– Это замечательно. Билл был бы вам признателен.

Дейвис кивнул и довольно потер лысину.

– Пойду возьму что-нибудь выпить, – проговорила Нора. – Я присоединюсь к вам позже.

– Давайте я вам принесу, – раздалось сразу несколько голосов.

– Спасибо, не надо. Я сейчас вернусь.

Еще раз улыбнувшись, Нора нырнула в толпу.

Ей удалось добраться до конца зала незамеченной. Остановившись у бара, она наконец перевела дух. Не надо было сюда приходить. Нора повернулась к бармену, но тут кто-то дотронулся до ее руки. Она обреченно обернулась, но сзади стояла все та же Кейтлин Кидд.

– Вот уж не ожидала встретить здесь вас, – прощебетала журналистка.

– Вы уже пришли в себя после вчерашнего?

– Давно.

Однако бледное усталое лицо говорило об обратном.

– Мне надо идти – я вручаю первую награду от «Уэстсайдера», – сообщила Кейтлин. – Давайте еще раз пересечемся, пока вы здесь. У меня есть план действий.

Нора кивнула. Улыбнувшись и помахав рукой, журналистка исчезла в бурлящей толпе.

Заказав коктейль, Нора отошла к задней стене, уставленной книжными шкафами. Стоя между бюстом Вашингтона Ирвинга и фотографией Ринга Ларднера с его автографом, она потягивала коктейль, наблюдая за пестрой толпой.

Потом Нора взглянула на сцену. Забавно, что «Уэстсайдер» спонсирует одну из наград. Этот дешевенький таблоид пытается таким образом добавить себе респектабельности. Интересно, а почему премию вручает именно Кейтлин?

Вдруг в шуме голосов Нора услышала свое имя. Она оглядела толпу, пытаясь определить источник. Ей помахал рукой мужчина лет сорока. Она не сразу вспомнила его, но потом узнала аристократическое лицо и джентльменский наряд Брюса Гарримана. Для ее мужа он всегда был чем-то вроде греческой богини Немезиды. Нору и Брюса отделяла друг от друга большая группа людей, и сразу подойти к ней у него не получилось.

Нора многое могла вынести, но это было уже слишком. Поставив недопитый стакан на ближайший столик, она спряталась за спину топтавшегося рядом толстяка и быстро исчезла в толпе.

Как раз в этот момент погас свет, и на сцену вышел мужчина. Музыка прекратилась, и все затихли.

– Леди и джентльмены! – провозгласил он, вцепившись в края трибуны. – Добро пожаловать на ежегодную церемонию вручения наград Готамского пресс-клуба. Я – Оддон Макджордж, председатель организационного комитета, и я счастлив видеть всех вас здесь. Нас ожидает поистине незабываемый вечер.

Нора приготовилась выслушать бессвязную речь с набором историй из жизни оратора и плоских шуток.

– Вы, конечно, ожидаете, что я буду рассказывать вам о себе и сыпать дурацкими шутками. Мне бы очень этого хотелось, но сегодня мы должны вручить множество наград, поэтому сразу перейдем к делу.

Вынув из кармана небольшую карточку, Оддон отбарабанил:

– Наша первая награда появилась только в этом году. Это премия Джека Вильсона Донохью за мужество в журналистике, учрежденная газетой «Уэстсайдер». От имени «Уэстсайдера» премию в пять тысяч долларов вручает королева репортажа Кейтлин Кидд!

Когда Кейтлин показалась на сцене, раздались аплодисменты, послышались восторженные выкрики и одобрительные свистки. Пожав руку Оддону, она взяла в руки микрофон:

– Спасибо, Макджордж.

Оказавшись перед столь обширной аудиторией, Кейтлин слегка смешалась, но голос ее прозвучал громко и отчетливо.

– «Уэстсайдер» в отличие от этого пресс-клуба еще очень молод. Некоторые утверждают, что даже слишком. Тем сильнее наша радость от участия в сегодняшней церемонии. Мы явно не прогадали, учреждая новую премию.

Одобрительные возгласы.

– Существует множество наград за журналистское мастерство, – продолжала Кейтлин. – Большинство присуждается за качество печатного слова. Или за его своевременность. Или – не побоюсь сказать – за политкорректность.

Смех, возгласы, свист.

– А что вы скажете о награде за журналистское мужество? За упорство в достижении цели, за стремление любыми средствами добыть стоящий материал, за желание быть первым? Иными словами, за крепкие яйца!

Зал взорвался от криков и аплодисментов.

– В этом весь наш «Уэстсайдер». Да, мы молодая газета, а, как известно, молодые всегда рвутся в бой.

Когда затих очередной шквал приветствий, у входа в зал возникло какое-то движение.

– Поэтому нет ничего удивительного, что именно «Уэстсайдер» учредил подобную награду.

По залу прокатился странный звук, похожий на сдавленный стон. Нора, нахмурившись, посмотрела поверх голов. Люди, стоявшие неподалеку от входа, ахали и расступались.

Что, черт возьми, там происходит?

– А теперь позвольте мне…

Кейтлин остановилась на полуслове. Она тоже заметила странное оживление. Посмотрев в сторону выхода, она пробормотала:

– Одну минуточку…

Волнение в толпе росло. Вектор его был направлен в сторону сцены. В центре турбулентности двигалась какая-то фигура, от которой шарахались люди. Послышались испуганные крики. Потом наступила зловещая тишина, которую прорезал голос Кейтлин Кидд:

– Билл? Смитбек?

Фигура уже приближалась к сцене. Нора пригляделась – и чуть не потеряла сознание.

Это был Билл, одетый в зеленый больничный халат с разрезом на спине. На землистом лице и руках запеклась кровь. Он чудовищно изменился и был похож на выходца с того света. Точно так же выглядело то жуткое существо, которое преследовало ее в Вилле. И все же ошибки быть не могло: длинные худые ноги, знакомый вихор, выбивающийся из копны свалявшихся волос.

– О господи! – простонала Нора, не в силах сдвинуться с места.

– Смитбек! – дико закричала Кейтлин. – Это он!

Голос ее как бритвой резанул воздух.

Фигура стала взбираться на сцену. Казалось, она двигалась бессознательно. Руки, как плети, висели вдоль тела. В одной из них был зажат массивный нож, лезвие которого покрывала корка засохшей крови.

Кейтлин в ужасе отшатнулась.

Застыв, Нора наблюдала, как ее муж движется по сцене.

– Билл! – взвизгнула Кейтлин, прижимаясь к трибуне.

Голос ее потонул в криках толпы.

– Постой! О господи, нет! Не меня! НЕТ!

Рука с ножом на мгновение застыла в воздухе, потом резко опустилась вниз, всадив нож в грудь Кейтлин, снова поднялась и ударила еще раз. Фонтаном брызнула кровь, заливая покрытую струпьями руку, которая продолжала подниматься и опускаться. Потом фигура повернулась и скрылась за сценой.

Нора почувствовала, как земля уходит из-под ног. Потом ее обступила темнота, поглотившая все вокруг.

Глава 33

В коридоре пахло кошками. Дойдя до квартиры 5D, д’Агоста позвонил. Послышалось шарканье шлепанцев, и кто-то посмотрел в глазок.

– Кто там? – дрожащим голосом спросили за дверью.

– Лейтенант Винсент д’Агоста, – ответил детектив, показывая свой жетон.

– Поднесите поближе, я ничего не вижу.

Д’Агоста приблизил жетон к самому глазку.

– Отойдите, я хочу на вас посмотреть.

Д’Агоста встал точно напротив глазка.

– Чего вы хотите?

– Миссис Пицетти, мы с вами уже говорили по телефону. Я расследую убийство Смитбека.

– Я тут ни при чем.

– Знаю, миссис Пицетти. Но вы согласились поговорить со мной о мистере Смитбеке, который брал у вас интервью для газеты «Таймс». Помните?

Последовало долгое молчание. После чего были открыты три задвижки, снята цепочка и отодвинут засов. Дверь приоткрылась, удерживаемая второй цепочкой.

Д’Агоста опять показал жетон, который был тщательно изучен парой маленьких блестящих глазок.

Наконец последняя цепочка со стуком упала, и дверь отворилась. Образ, который мысленно рисовал себе д’Агоста, материализовался в виде крошечной старушки, хрупкой, как фарфоровая чашка, в плотно запахнутом банном халате, который она придерживала синеватой рукой с выступающими венами. Черные мышиные глазки смотрели подозрительно, поджатые губы выражали крайнюю степень недовольства.

Опасаясь, что дверь в любой момент может захлопнуться перед его носом, лейтенант быстро переступил порог. Он очутился в большой старомодной квартире, где царил беспорядок и было жарко, как в тропиках. Интерьер украшали пухлые кресла с кружевными салфеточками на спинках, абажуры с бахромой, старинные вещицы и безделушки. И естественно, кошки.

– Можно? – спросил д’Агоста, указывая на кресло.

– Кто ж вам запретит.

Д’Агоста постарался выбрать не самое пышное кресло, но и в него он провалился, как в зыбучие пески. На колени к нему немедленно запрыгнула кошка и начала мурлыкать и выгибать спину.

– Скэмп, оставь мужчину в покое, – скомандовала миссис Пицетти с сильным акцентом, характерным для жителей Куинса.

Но кошка не обратила внимания на эти слова. Д’Агоста не любил кошек. Он попытался незаметно спихнуть киску локтем. Но та лишь громче замурлыкала, приняв это за проявление симпатии.

– Миссис Пицетти, – начал д’Агоста, доставая блокнот и стараясь не обращать внимания на кошку, которая уже натрясла шерсти на его новенький костюм от Ротмана. – Насколько мне известно, вы имели беседу с Уильямом Смитбеком, – он заглянул в свои записи, – третьего ноября этого года.

– Не помню, когда это было, – заявила старушка, покачав головой. – С памятью у меня неважно.

– А о чем вы говорили?

– Я про убийство знать ничего не знаю.

– Вас никто и не подозревает. Просто расскажите о том, как вы встречались со Смитбеком.

– Он мне подарок принес. Сейчас покажу…

Она долго шарила по комнате, пока наконец не нашла фарфоровую фигурку кошки. Зажав ее в трясущейся руке, старушка подошла к д'Агосте и бросила статуэтку ему на колени.

– Вот что он мне подарил. Она китайская. Такие продаются на Кэнал-стрит.

Д'Агоста повертел фигурку в руках. Он и не подозревал, что Смитбек имеет обыкновение делать подарки старушкам, тем более таким несимпатичным, как миссис Пицетти. Вероятно, эта штучка должна была способствовать успеху интервью.

– Очень милая, – похвалил д'Агоста, ставя фигурку на журнальный столик. – Так о чем вы говорили, миссис Пицетти?

– Об этих ужасных убийцах из Билля, – сказала старушка, показывая на окно.

– И что же вы ему сказали?

– Как что? Мы постоянно слышим крики, когда ветер дует с реки. Животные ужасно кричат, когда их режут! Этим негодяям самим надо перерезать горло! – мстительно заявила она.

– Что-нибудь еще?

– Я сказала ему про фургон.

У д'Агосты екнуло в груди.

– Фургон?

– Он ездит каждый четверг, прямо как часы. Выезжает в пять, а возвращается в девять вечера.

– Сегодня как раз четверг. Вы его видели?

– Конечно. Как всегда.

Д’Агоста встал и подошел к окну. Оно находилось на тыльной стороне дома и смотрело на запад. Перед визитом он успел побродить здесь, изучая окрестности. Внизу проходила старая дорога, судя по всему, ведущая к Виллю. Она прорезала пустырь и исчезала в глубине леса.

– Вы видели его из этого окна?

– А что, здесь есть другие окна? Конечно, из этого.

– На фургоне что-нибудь было написано?

– Не заметила. Просто белый фургон.

– А какая модель?

– Я в этом не разбираюсь. Белый, грязный, старый. Настоящая развалина.

– Водителя вы не видели?

– Разве отсюда разглядишь, кто сидит внутри? Но ночью, когда у меня открыто окно, я иногда слышу звуки.

– Звуки? Какие именно?

– Блеяние, скулеж.

– Их издают животные?

– А то кто же?

– Можно открыть? – спросил д’Агоста, указывая на окно.

– Сейчас холоду напустите. А мне потом платить за обогрев.

– Я на минуточку.

Не дожидаясь ответа, лейтенант поднял двойную раму и выглянул наружу. Холодный осенний воздух был прозрачен и тих. Отсюда вполне можно слышать звуки, доносящиеся из фургона.

– Послушайте, если хотите подышать свежим воздухом, делайте это не за мой счет.

Д’Агоста с треском опустил раму.

– Как у вас со слухом, миссис Пицетти? Вы носите слуховой аппарат?

– А как у вас со слухом, служивый? – парировала старушка. – У меня-то все в порядке.

– А что еще вы говорили Смитбеку? Вы что-нибудь знаете о Вилле?

Миссис Пицетти слегка замялась:

– Говорят, там за забором кто-то бродит.

– Какое-то животное?

Она пожала плечами:

– А иногда фургон выезжает вечером. Всю ночь где-то колесит, а утром возвращается.

– Часто?

– Два-три раза в год.

– А зачем, вы не знаете?

– Знаю. Они охотятся за людьми. Для своей общины.

– Откуда вы знаете?

– Люди говорят. Местные старожилы.

– А кто именно, миссис Пицетти?

Старушка опять пожала плечами.

– Вы можете назвать их?

– Нет. Еще не хватало соседей подставлять. Да они меня убьют.

Д’Агоста постепенно накалялся. Старая дама оказалась крепким орешком.

– Что еще вам известно?

– Больше ничего не помню. Кроме кошек. Он кошек очень любил.

– Простите, кто любил кошек?

– Да этот репортер, Смитбек. Кто ж еще?

Кошек любил. Да, Смитбек был настоящим профессионалом, знал, как расположить к себе людей. На самом деле кошек он не выносил. Д’Агоста хмыкнул и посмотрел на часы.

– Значит, фургон вернется через час?

– Да уж, как водится.

Выйдя на улицу, д’Агоста с наслаждением вдохнул бодрящий вечерний воздух. Тихо и зелено. Трудно поверить, что это Манхэттен. Он еще раз посмотрел на часы: начало девятого. По дороге сюда он заметил закусочную. Он закажет там чашечку кофе и будет ждать.

Фургон появился строго по расписанию. Это был закрытый «шевроле-экспресс» 1997 года с затемненными передними стеклами и лестницей, ведущей на крышу. Он свернул с Западной Двести четырнадцатой улицы на Индиан-роуд, медленно проехал квартал и повернул на боковую дорогу, ведущую к Виллю. У цепи, перекрывавшей проезд, он остановился.

Д’Агоста замедлил шаг, сделав вид, что собирается перейти улицу позади фургона. Дверь открылась, из машины вылез человек и отпер замок. В неясном сумеречном свете он показался д’Агосте очень высоким. На нем было старомодное длиннополое пальто, в которых обычно ходят персонажи вестернов. Лейтенант остановился и зажег сигарету, стараясь не показывать лицо. Переехав через лежавшую на земле цепь, фургон остановился снова.

Бросив сигарету, д’Агоста быстро подошел к фургону сзади, стараясь, чтобы водитель его не увидел. Он слышал, как тот поднял цепь и повесил замок, потом сел в машину. Пригнувшись, лейтенант подбежал к фургону, взобрался на бампер и ухватился за лестницу. В конце концов, это общественная земля, она принадлежит городу, и представитель правоохранительных органов имеет право по ней передвигаться, если при этом он не вторгается в частные дома.

Фургон медленно двигался по дороге. Огни Верхнего Манхэттена остались позади, и вскоре они въехали под сень Инвудского леса. Хотя окна были плотно закрыты, д’Агоста отчетливо слышал звуки, о которых говорила миссис Пицетти: крики, блеяние, мяуканье, лай, кудахтанье и, что самое ужасное, тоненькое испуганное ржание, которое явно принадлежало недавно родившемуся жеребенку. При мысли об этих несчастных животных и той судьбе, которая им уготована, д’Агосту охватил неудержимый гнев.

Спустившись с холма, фургон остановился. Услышав, что водитель вышел из машины, д’Агоста спрыгнул с бампера и нырнул в ближайшие кусты. Припав к земле, он стал наблюдать за водителем. Тот отпер старые ворота в проволочной изгороди, и на какое-то мгновение его лицо попало в свет фар. Это был белый человек с утонченной, почти аристократической внешностью.

Фургон въехал в ворота и остановился. Заперев ворота, водитель поехал дальше. Д’Агоста поднялся и стряхнул с себя листья. Руки у него дрожали от негодования. Теперь, когда этим животным грозила опасность, ничто не могло его удержать. Он был представителем закона и находился при исполнении служебных обязанностей. Обычно детективы не носят форму, поэтому он был в штатском. Вынув из кармана значок, он приколол его к лацкану, потом перелез через ограду

и зашагал по дороге, где вдали мигали задние фонари фургона. За поворотом показалась большая приземистая церковь со шпилем, вокруг которой тускло светилось беспорядочное скопление огоньков.

Через минуту лейтенант остановился, вглядываясь в темноту. Безошибочное чутье полицейского подсказало ему, что он здесь не один. Вынув фонарик, он направил свет на стволы деревьев и шелестящие кусты.

– Кто здесь?

Тишина.

Выключив фонарик, д'Агоста спрятал его в карман и стал внимательно смотреть по сторонам. На небе висел месяц, и в его призрачном свете буковые деревья были похожи на ноги неведомого чудовища, обильно покрытые струпьями. Лейтенант прислушался. Здесь явно кто-то был. Теперь он его не только чувствовал, но и слышал. Тихое шуршание мокрых листьев, треск сломанной веточки.

Д'Агоста потянулся за пистолетом.

– Я офицер полиции Нью-Йорка, – гаркнул он. – Прошу вас выйти на дорогу.

Фонарик он больше не включал. Сейчас он хорошо видел и без него.

За деревьями показалась фигура, двигавшаяся странной шатающейся походкой. Потом она нырнула в кусты и исчезла из виду. Сразу после этого в лесу раздался странный возглас, нечленораздельный и замогильный, словно он исходил из плохо слушавшейся глотки: «Ва-а-а-а-у-у-у-у-у…»

Д'Агоста выхватил фонарик и направил его в чащу. Никого.

Чертовщина какая-то. Наверное, это детишки его разыгрывают.

Он направился к кустам, освещая путь фонариком. Все видимое пространство было заполонено огромными азалиями и горным лавром. Чуть поколебавшись, д'Агоста стал пробираться сквозь заросли.

Почти сразу же справа послышался хруст ветвей. Д'Агоста направил туда свет, но луч фонарика уперся в стену кустарника, за которой было темно. Выключив фонарик, он подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Потом заговорил:

– Это общественная собственность, а я представитель закона. Немедленно выходите, или я арестую вас за сопротивление полиции.

Справа опять послышался треск. Повернувшись туда, д'Агоста увидел выходящую из папоротников фигуру: мертвенно-бледная зеленоватая кожа, запачканное кровью и грязью изможденное лицо, лохмотья на худом теле с выпирающими суставами.

– Эй, вы!

Фигура пошатнулась, словно потеряв равновесие, но потом с дьявольской решимостью устремилась вперед. На д'Агосту уставился недобрый глаз. Другой был скрыт под толстой коркой крови и грязи. «Ва-а-а-а-а-у-у-у-у-у…»

– Господи Исусе! – ахнул д'Агоста, отшатнувшись.

Бросив фонарь, он попытался вытащить свой «глок».

Но тут существо бросилось на него, ломая кусты. Д'Агоста поднял пистолет, но страшный удар по голове остановил его. Все вокруг завертелось и исчезло.

Глава 34

Моника Гатто открыла глаза, подняла голову со стола и, расправив плечи, приняла бодрствующий вид. Потом настороженно огляделась. Большие часы на противоположной стене показывали половину десятого вечера. Предыдущего ночного дежурного уволили из морга за то, что он спал на работе. Выровняв бумаги, лежавшие на столе, она снова посмотрела по сторонам и немного успокоилась. Люминесцентные лампы привычно освещали плиточный пол и кафельные стены, в воздухе стоял запах химикалий. Все было спокойно.

Но ведь что-то ее разбудило.

Гатто поднялась из-за стола и одернула форму, плотно облегавшую пышное тело. На службе надо выглядеть подтянуто и аккуратно. Ей вовсе не хотелось потерять эту работу: здесь хорошо платили и, кроме того, полагалась медицинская страховка.

Наверху послышался какой-то шум. Наверное, очередного жмурика привезли. Гатто улыбнулась, довольная своими успехами в освоении местного жаргона. Вынув из сумочки зеркальце, она подкрасила губы, поправила прическу и проверила, не блестит ли нос.

Негромко хлопнули двери лифта. Слегка надушившись, женщина убрала зеркальце в сумочку и повесила ее на спинку стула. Потом опять поправила бумаги на столе.

Послышались торопливые шаги, но не со стороны лифтов, а на лестнице. Это было довольно странно.

Шаги быстро приближались. Потом дверь на лестницу распахнулась, и в коридор вбежала женщина в черном платье и туфлях на высоком каблуке. Ее золотистые волосы в беспорядке разметались по плечам.

От удивления Гатто потеряла дар речи.

Женщина остановилась посередине коридора. В холодном свете люминесцентных ламп лицо ее казалось серым.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – вежливо спросила Гатто.

– Где оно? – закричала женщина. – Я хочу его видеть!

– Оно? – удивленно переспросила Моника.

– Тело моего мужа! Уильяма Смитбека!

Гатто испуганно отшатнулась. Эта мадам явно не в себе. Послышались громкие рыдания, сквозь которые Гатто различила чуть слышный шум поднимающегося лифта.

– Фамилия Смитбек! Где оно?

Из динамика внутренней связи раздался громкий голос:

– Говорит охрана. В здание ворвалось постороннее лицо! Гатто, вы меня слышите?

Придя в себя, Моника быстро нажала кнопку связи:

– Здесь…

Голос из динамика перебил ее:

– К вам бежит какая-то психопатка. Может представлять опасность. Не применяйте силу. Сейчас подойдет охрана.

– Да она уже здесь…

– Смитбек! – опять завопила женщина. – Журналист, которого убили!

Гатто невольно посмотрела на морг № 2, где лежал труп известного журналиста. Его убийство наделало много шума, газеты пестрели броскими заголовками, им звонил сам комиссар полиции.

Женщина бросилась к двери морга, которую ночная смена уборщиков оставила открытой. Только сейчас Гатто спохватилась, что не заперла ее.

– Подождите! Туда нельзя!

Но женщина уже исчезла внутри. Гатто в панике вскочила. В инструкции ничего не говорилось о том, как поступать в подобных случаях.

Двери лифта со звоном открылись, и в коридор вывалились двое запыхавшихся охранников.

– Эй, куда она делась?

Гатто молча указала на морг № 2.

Охранники на минуту остановились, чтобы отдышаться. Из морга донесся грохот, затем звон металла и скрежет выдвигаемого стального ящика. Потом что-то разорвали, и послышался плач.

– О господи! – простонал один из охранников.

Они кинулись к открытой двери морга. Гатто осторожно последовала за ними. Ее разбирало любопытство.

Перед ней предстала сцена, помнить которую она будет до конца жизни. В центре помещения стояла женщина, похожая на ведьму. Глаза ее сверкали, рот кривился в нечеловеческом оскале, спутанные волосы падали на лицо. За ней виднелся выдвинутый металлический ящик. В одной руке женщина держала пустой окровавленный мешок, другая сжимала что-то похожее на пучок перьев.

– Где тело? – кричала она. – Где тело моего мужа? И кто оставил здесь это?

Глава 35

Припарковав полицейский автомобиль у дома № 891 на Риверсайд-драйв, д’Агоста вышел и постучал в тяжелую деревянную дверь. Через полминуты ее открыл Проктор. Взглянув на лейтенанта, он молча отступил в сторону, пропуская того внутрь.

– Вы найдете его в библиотеке, – тихо сказал он.

Д’Агоста пошел через длинную трапезную и холл, прижимая носовой платок к ране на голове. Пендергаста он застал в компании старого чудаковатого архивариуса по имени Рен. Они сидели в кожаных креслах у горящего камина рядом со столиком, на котором стояла бутылка портвейна и высилась куча бумаг.

– Винсент! – воскликнул Пендергаст, вскакивая с кресла. – Что случилось? Проктор, усадите его в кресло.

– Я и сам могу сесть, – буркнул лейтенант.

Опустившись в кресло, он осторожно погладил голову. Кровь больше не шла.

– Небольшое происшествие в Вилле, – глухо произнес он.

Он не мог сказать, что его бесило больше – мысль о зарезанных животных или то, что он позволил какому-то алкашу стукнуть его по голове. Во всяком случае, он надеялся, что это дело рук алкаша. К другому повороту событий лейтенант еще не был готов.

Пендергаст наклонился, чтобы рассмотреть рану, но д'Агоста отмахнулся:

– Так, царапина. Голова всегда кровит, как недорезанная свинья.

– Может быть, выпьете? Налить вам портвейна?

– Лучше пива. «Бад лайт», если у вас есть.

Проктор исчез за дверью.

Рен не проявил к д'Агосте никакого интереса. Сидя в кресле, он крошечным перочинным ножиком затачивал карандаш. Потом внимательно осмотрел грифель, подул на него и, поджав губы, возобновил свое занятие.

Проктор принес серебряный поднос, на котором стояли запотевшая металлическая банка и охлажденный стакан. Проигнорировав стакан, д'Агоста схватил банку и стал жадно пить.

– Классно. Сразу полегчало, – произнес он, покончив с пивом.

Пендергаст вернулся в свое кресло:

– Мой дорогой Винсент, мы все внимание.

Д'Агоста рассказал о встрече со старой дамой на Индиан-роуд и событиях, которые затем последовали. О том, что он в одиночку хотел заявиться в Вилль, лейтенант предпочел умолчать, тем более что после нападения планы его резко изменились. Пендергаст слушал с напряженным вниманием. Винсент также решил не упоминать, что оставил на поле битвы сотовый и пейджер. Когда он закончил говорить, в библиотеке повисла тишина. Только огонь потрескивал в камине.

Наконец Пендергаст пошевелился:

– А это… этот человек. Вы сказали, что он двигался неуверенно?

– Да.

– И был весь в крови и грязи?

– Во всяком случае, так это выглядело при лунном свете.

Пендергаст помолчал.

– Он похож на человека, которого зафиксировала камера в доме у Смитбека?

– Да, похож.

Последовала еще более долгая пауза.

– Это был Колин Феринг?

– Нет. Да. – Д'Агоста покачал головой. – Не знаю. Я не рассмотрел лица.

Пендергаст надолго замолчал. Его гладкий лоб прорезали морщины.

– А когда именно это произошло?

– Тридцать минут назад. Я довольно быстро очнулся и сразу же поехал сюда.

– Любопытно.

Но на лице Пендергаста было написано отнюдь не любопытство. Оно выглядело обеспокоенным. Спецагент посмотрел на сухонького старичка.

– Рен как раз собирался поделиться плодами своих трудов по изучению того места, где на вас напали. Рен, вы не продолжите?

– С удовольствием. – Покопавшись венозными руками в куче бумаг на столе, Рен ловко выхватил оттуда коричневую папку. – Почитать вам статьи, которые я нашел?

– Только краткое содержание, если можно.

– Да, конечно. – Рен откашлялся и стал перебирать лежащие на коленях листки. – Хм. Сейчас посмотрим...

Потом последовали шорох сортируемых бумаг, разнообразные движения бровей, бормотание и постукивание пальцами по столу.

– «Вечером одиннадцатого июня одна тысяча девятьсот первого года...»

– Не забывайте, что главное – это краткость, – очень вежливо напомнил Пендергаст.

– Да, да! Очень коротко.

Рен еще раз прочистил горло.

– Надо сказать, что Вилль всегда был сомнительным местом. Я подобрал серию статей из «Нью-Йорк сан», напечатанных в начале двадцатого века, где говорится о жалобах соседей, очень напоминающих те, которые мы имеем сейчас. Странные звуки и запахи, обезглавленные трупы

животных, найденные в лесу, подозрительная возня. Имеется множество неподтвержденных сообщений о «блуждающих призраках» в Инвудском парке.

Рука в печеночных пятнах извлекла пожелтевшую вырезку с такой почтительной осторожностью, словно это был лист из украшенного миниатюрами манускрипта.

Рен начал читать:

– «Как утверждают опрошенные нами источники, эта тварь, описываемая свидетелями как невменяемое существо с тяжелой шаркающей походкой, устроила настоящую охоту на жителей Готама, которые имели несчастье или неосторожность появиться в Инвудском парке после наступления темноты. Его нападения часто заканчивались смертью жертв. Найденные трупы были искалечены самым чудовищным образом. Другие просто бесследно исчезли».

– А как именно они были искалечены? – поинтересовался д’Агоста.

– Выпотрошены, пальцы отрезаны – чаще всего средние пальцы рук и пальцы ног. Во всяком случае, так утверждает «Сан». Правда, эта газета никогда не отличалась объективностью. Именно ей мы обязаны понятием «желтая пресса». Она печаталась на желтоватой бумаге, самой дешевой в те времена. Отбеливание и шлихтование увеличивало стоимость газеты процентов на двадцать…

– Очень интересно, – осторожно перебил его Пендергаст. – Пожалуйста, продолжайте, мистер Рен.

Последовала новая серия перетасовок.

– Если верить этим историям, то получается, что это так называемое невменяемое существо убило четырех человек.

– Четырех? Это и вся охота на жителей Готама?

– Как я уже говорил, лейтенант, «Сан» – газета, охочая до сенсаций. Поэтому преувеличения были для нее самым обычным делом. Репортажи должны были бить наповал.

– Кто были эти убитые?

– Первого опознать не удалось – он был обезглавлен. Второй был ландшафтным архитектором по имени Фиппс Гормли. Третий – член комиссии по городским паркам. Некто Корнелиус Спраге. Весьма уважаемый житель города, который, вероятно, вышел на вечернюю прогулку. Убийство двух известных граждан наделало много шума. Четвертым был убит садовник поместья Штраусов на Инвудском холме. Это произошло почти сразу же после двух предыдущих случаев. Самое

странное в этом убийстве было то, что садовник исчез за несколько месяцев до того, как его тело было найдено, однако труп был совсем свежим.

Д’Агоста поерзал в кресле:

– Выпотрошены, вы говорите? И пальцы отрезаны?

– У всех других так и было. Но садовник не был изуродован. Он был найден с ножом в груди, весь залитый кровью. Как утверждали газеты, это было похоже на самоубийство.

– Ну и чем все кончилось? – спросил д’Агоста.

– Полиция прочесала Вилль и арестовала несколько человек, которые позже были отпущены за недостатком улик. Обыски ничего не дали, и убийства так и не были раскрыты. Кроме близости к месту преступления, ничего не говорило о причастности Вилля к убийствам. Постепенно слухи о страшном шаркающем существе затихли, а сообщения о жертвоприношениях пошли на убыль – Вилль явно затаился. Но есть один интересный момент, который мне удалось выяснить путем перекрестного изучения нескольких старинных источников. Похоже, что в тысяча девятьсот первом году семейство Штраус вознамерилось расчистить северную часть Инвудского холма, чтобы из поместья открывался вид на реку. Они наняли ландшафтного архитектора, чтобы он разбил там регулярный парк. Угадайте, как его звали.

– Случайно не Фиппс Гормли? – осведомился Пендергаст.

– Именно так. Может быть, вы назовете и официальное лицо, которое дало соответствующее разрешение?

– Корнелиус Спраге, – отчеканил Пендергаст, наклоняясь вперед и сжимая руки. – Если бы планы по расчистке леса осуществились, это бы повлияло на Вилль?

Рен утвердительно кивнул:

– Он находился как раз в центре этого участка. И его точно бы снесли.

Д’Агоста посмотрел на Пендергаста, потом перевел взгляд на Рена:

– Вы хотите сказать, что жители Вилля убили этих людей, чтобы заставить владельцев поместья отказаться от своих планов?

– Убили или подстроили убийство. Полиция так и не смогла доказать их причастность. Хотя заинтересованность была налицо. Ведь перепланировку парка так и не осуществили.

– Что-нибудь еще?

Рен зашуршал бумагами.

– В статьях упоминается «дьявольский культ», практикующийся в Вилле. Члены общины соблюдают безбрачие, поэтому свои ряды они пополняют за счет новообращенных или бездомных и неудачников, на которых оказывают давление.

– Весьма и весьма любопытно, – пробормотал Пендергаст. Потом повернулся к д’Агосте. – Невменяемое существо… Нечто в этом роде напало и на вас, да, Винсент?

Д’Агоста нахмурился.

Пендергаст погрузился в раздумья, периодически сцепляя и расцепляя пальцы. Где-то в недрах огромного особняка послышался старомодный звонок телефона.

Пендергаст поднялся с кресла:

– Хорошо бы заполучить останки одной из жертв.

Д’Агоста скептически хмыкнул:

– Гормли и Спраге, вероятно, похоронены в фамильных склепах. Вряд ли вы получите разрешение на эксгумацию.

– Ага. Но есть и четвертая жертва, садовник Штраусов, который предположительно покончил с собой. Возможно, до него будет не столь трудно добраться. Если так, то нам очень повезет, потому что из всех этих трупов он представляет для нас самый большой интерес.

– Почему же?

Пендергаст еле заметно улыбнулся:

– А вы сами как думаете, мой дорогой Винсент?

Д’Агоста раздраженно сдвинул брови:

– Черт возьми, Пендергаст, у меня и так голова раскалывается. Мне сейчас как-то не с руки изображать из себя Шерлока Холмса.

На лице спецагента промелькнуло обиженное выражение.

– Хорошо, – произнес он после небольшой паузы. – Вот вам основные соображения. В отличие от остальных труп садовника не был обезображен. Он был залит кровью, одежда превратилась в клочья. Похоже на самоубийство. Заметьте, это был последний найденный труп. После этого убийства прекратились. Как нам известно, он пропал за

несколько месяцев до того, как начались убийства. Где он был все это время? Возможно, в Вилле.

Пендергаст снова опустился в кресло.

Д’Агоста осторожно пощупал шишку на голове:

– К чему вы клоните?

– Садовник не был жертвой – он был исполнителем.

Д’Агоста невольно почувствовал волнение:

– Продолжайте.

– В больших поместьях слуги и наемные работники обычно имели свое отдельное кладбище. Если такое место существовало в летней резиденции Штраусов, мы сможем найти там останки садовника.

– Но у вас нет никаких доказательств, кроме газетных статей. А этого совершенно недостаточно, чтобы получить ордер на эксгумацию.

– Мы можем проявить личную инициативу.

– Только не говорите мне, что вы собираетесь выкопать его ночью.

Пендергаст слегка наклонил голову:

– А вы всегда действуете по инструкции?

– Боюсь, что да. Плохая привычка, но я ей не изменяю.

В дверях появился Проктор:

– Сэр, звонил один из ваших агентов. Произошли кое-какие события.

– Расскажите нам о них, пожалуйста.

– В Готамском пресс-клубе убита журналистка Кейтлин Кидд. Убийца скрылся, но свидетели утверждают, что это был Уильям Смитбек.

– Смитбек! – воскликнул, вскакивая, Пендергаст.

Проктор кивнул.

– Когда?

– Полтора часа назад. Кроме того, тело Смитбека исчезло из морга. Его жена отправилась туда и устроила сцену, когда его не обнаружила. Вместо трупа лежала какая-то вудуистская бабочка.

Проктор замолчал и сложил руки на животе.

Д’Агоста был близок к панике. Такие дела, а при нем, как назло, ни пейджера, ни телефона.

– Какой ужасный поворот событий, – тихо произнес Пендергаст. Лицо его стало серым, как у трупа. Потом он прошептал, ни к кому не обращаясь: – Самое время прибегнуть к помощи месье Бертена.

Глава 36

Д’Агоста смотрел, как сквозь зашторенные окна Готамского пресс-клуба просачивается бледный свет зари. Он совершенно вымотался, и каждое биение сердца отдавалось болью в голове. Следственная бригада закончила работу и уехала, все волоски и волоконца были собраны, фотографии сделаны, труп увезен, свидетели опрошены. Д’Агоста остался на месте преступления один.

С Пятьдесят третьей улицы доносился шум машин: фургоны развозили утренние грузы, скрежетали мусоровозы, таксисты начинали дневную смену, отчаянно сигналя и переругиваясь.

Д’Агоста неподвижно стоял в углу зала, глядя на изысканный интерьер в духе старого Нью-Йорка: темные дубовые панели, камин с резной доской, черно-белый мраморный пол, хрустальная люстра и высокие окна с расшитыми золотом шторами. Пахло табачным дымом, несвежими закусками и пролитым вином. На полу валялись остатки еды и разбитые стаканы – последствия паники, возникшей в момент убийства. Никаких улик, кроме множества свидетелей. Убийство было совершено на глазах у двухсот человек – и ни один из этих трусливых писак даже не попытался остановить преступника. Он спокойно ушел через кухню, миновав несколько дверей, оставленных незапертыми ресторанной службой, чей фургон был припаркован во дворе.

Знал ли об этом убийца? Да. Все свидетели утверждали, что двигался он весьма уверенно. Не быстро, но целенаправленно – прямо к двери, ведущей в служебное помещение, потом по коридору и через кухню на улицу. Ему было известно расположение помещений и то, что двери не были заперты. Знал он и то, что боковые ворота будут открыты, а переулок выведет его на Пятьдесят четвертую улицу, где он незаметно растворится в толпе или сядет в ожидающую его машину. Налицо были все признаки тщательно спланированного преступления.

Д’Агоста потер переносицу, стараясь дышать как можно медленнее, чтобы облегчить пульсирующую боль в висках. Мысли с трудом ворочались у него в голове. Эти ублюдки в Вилле еще пожалеют, что напали на офицера полиции. В том, что они так или иначе причастны к убийству, он не сомневался. Смитбек попытался о них писать и дорого за это заплатил. Теперь та же участь постигла Кейтлин Кидд.

Почему он никак не может уйти? Место преступления досконально изучено, все зафиксировано, сфотографировано, найдено, проверено, обнюхано, обсмотрено и запротоколировано. Он еле держится на ногах. И все же что-то его удерживает.

Смитбек. Вот почему он не может уйти.

Все свидетели клятвенно утверждали, что это был Смитбек. Даже Нора, с которой он разговаривал в ее квартире, – ее накачали транквилизаторами, но она была полностью в здравом уме. Правда, она видела убийцу издали и могла ошибиться. Но те, кто оказался рядом, тоже клялись, что это был он. Да и сама жертва выкрикнула это имя, когда он приблизился к ней. Но за несколько дней до убийства д'Агоста собственными глазами видел вскрытый труп Смитбека на каталке, да еще с изъятыми и пронумерованными органами и распиленным черепом.

Тело Смитбека исчезло… Неужели любой болван может прийти в морг и похитить тело? Хотя Нора сумела прорваться и никто ее не остановил. Там ведь только один ночной дежурный, а люди на таких постах имеют обыкновение спать на работе. Но охрана же бросилась вдогонку и в конце концов остановила Нору. Одно дело – просто прорваться в морг, и совсем другое – вытащить оттуда тело.

Если только это тело не покинуло его самостоятельно…

Что за дурацкие мысли, черт побери. В голове у лейтенанта прокручивался десяток разных вариантов. Он был уверен, что без Вилля здесь не обошлось. Но нельзя сбрасывать со счетов и программиста Клайна, который открыто угрожал Смитбеку. Музейщики уже определили, что некоторые из его африканских фигур являются вудуистскими артефактами весьма мрачного предназначения. Но тогда возникает вопрос, зачем Клайну убивать Кейтлин Кидд? Неужели она и о нем успела написать? Или чем-то напомнила ему журналиста, который когда-то погубил его репортерскую карьеру? Стоит поподробнее в этом разобраться.

Есть еще одна версия, которой, судя по всему, придерживается Пендергаст; Смитбек, как и Феринг, был воскрешен из мертвых.

– Сукин сын, – пробормотал д'Агоста, выходя из зала.

Полицейский, дежуривший у входной двери, сделал отметку в журнале, и д'Агоста окунулся в прохладу раннего октябрьского утра.

Он посмотрел на часы. Без пятнадцати семь. В девять они встречаются с Пендергастом. Оставив машину на Пятой авеню, он направился по Пятьдесят третьей улице в сторону Мэдисон-сквер. По дороге ему попалась маленькая кофейня. Войдя туда, он тяжело опустился на стул.

Когда появилась официантка, лейтенант уже крепко спал.

Глава 37

Прождав Пендергаста в вестибюле городского совета больше десяти минут, д’Агоста пошел разыскивать нужный офис самостоятельно, что заняло у него еще столько же времени. Наконец он остановился перед закрытой дверью, на которой висела пластмассовая табличка с надписью:

МАРТИ ВАРТЕК

Исполняющий обязанности заместителя директора

Управление жилищного строительства Нью-Йорка

Район Манхэттена

Д’Агоста осторожно постучал.

– Войдите, – откликнулся жиденький мужской голос.

Войдя, лейтенант увидел неожиданно просторный и комфортабельный кабинет с диваном и двумя мягкими креслами, напротив которых располагался письменный стол. В нише сидела секретарша из категории так называемых старых кошелок. Единственное окно выходило на лес небоскребов Уолл-стрит.

– Лейтенант д’Агоста? – осведомился обитатель кабинета, поднимаясь из-за стола и указывая на кресло.

Но д’Агоста сел на диван – он выглядел более располагающе.

Мужчина обошел стол и опустился в кресло. Д’Агоста незаметно оглядел его: маленький тщедушный человечек в плохо сшитом коричневом костюме, лысая голова с редкими клочками волос, лицо с порезами от бритвы, хитрые бегающие глазки, трясущиеся ручки, плотно сжатые губы и весьма самодовольный вид.

Д’Агоста вынул жетон, но Вартек отрицательно покачал головой:

– Не надо. И так видно, что вы детектив.

– Неужели?

Лейтенант был несколько задет. Именно такого приема он и ожидал. «Винни, голубчик, держи себя в руках».

Последовало молчание.

– Может быть, кофе?

– Одинарный, если можно.

– Сьюзи, два одинарных кофе, пожалуйста.

Д’Агоста попытался собраться с мыслями. В голове у него был полный сумбур.

– Мистер Вартек…

– Зовите меня просто Марти.

«Парень старается держаться по-дружески. Не стоит лезть на рожон».

– Марти, я пришел, чтобы поговорить о Вилле, который находится в Инвуде. Вы о нем знаете?

Марти осторожно кивнул:

– Я читал о нем в газетах.

– Мне бы хотелось знать, как так получилось, что эти люди безнаказанно оккупировали городскую территорию и закрыли туда доступ.

Прозвучало несколько резковато, но д’Агоста был слишком измучен, чтобы миндальничать.

– Видите ли, лейтенант, существует такое юридическое понятие, как «предиальный сервитут», или «владение, основанное на утверждении правового титула вопреки притязаниям другого лица», – начал Вартек, расставляя кавычки нервными подергиваниями пальцев. – Оно подразумевает, что если земельный участок был занят и открыто использовался без разрешения владельца в течение определенного периода времени, то пользователь получает определенные законные права собственности. В Нью-Йорке этот период составляет двадцать лет.

Д’Агоста недоуменно посмотрел на Вартека. Все сказанное было для него китайской грамотой.

– Извините, я вас не совсем понял.

Чиновник вздохнул:

– Жители Вилля заняли этот участок еще во времена Гражданской войны. Там стояла заброшенная церковь с множеством пристроек, и они, насколько я понимаю, просто поселились в ней. В те времена в Нью-Йорке многие самовольно селились на свободной земле. В Центральном парке было полно таких поселенцев – там строили маленькие фермы, свинарники, лачуги и все такое прочее.

– Но сейчас их там нет.

– Да, вы правы. Когда там решили устроить парк, всех поселенцев выгнали. Но северная оконечность Манхэттена всегда была ничейной землей. Там каменистая почва, совершенно непригодная для культивации или строительства. Инвудский парк появился только в тридцатые годы. К этому времени жители Вилля уже приобрели право на владение землей.

Бесстрастный лекторский тон Вартека привел д'Агосту в раздражение.

– Послушайте, я, вообще-то, не юрист. Но мне известно, что они не являются собственниками этой земли и не имеют права закрывать туда доступ. И я до сих пор не получил объяснений, как такое стало возможным. – Сложив на груди руки, д'Агоста откинулся на спинку кресла.

– Лейтенант, я пытаюсь вам объяснить. Они живут там уже сто пятьдесят лет. И они приобрели права на эту землю.

– И право перегораживать городскую улицу?

– Вероятно.

– Значит, я могу возвести баррикаду на Пятой авеню? Получается, что я имею на это право?

– Нет, вас арестуют. Городские власти этого не допустят. Земельный сервитут на такие случаи не распространяется.

– Хорошо, а если я в ваше отсутствие взломаю вашу квартиру и буду жить там двадцать лет, не платя ни копейки, то потом она перейдет ко мне?

Секретарша принесла чуть теплый кофе, густо забеленный молоком. Д'Агоста залпом выпил половину чашки. Вартек только слегка пригубил.

– Да, она перейдет к вам, если вы открыто будете занимать ее без моего разрешения. В конце концов, вы приобретете право на владение вопреки притязаниям другого лица, потому что…

– Какого черта, у нас тут что, коммунистическое общество?

– Лейтенант, не я писал этот закон, но, должен сказать, что он вполне разумен. Если вы при строительстве, ну, скажем, септика, залезли на участок соседа, а он в течение двадцати лет не возражал или просто не замечал этого, то по закону вы приобретаете право оставить ваш септик там, где он есть, даже если сосед в конце концов спохватится.

– Поселок на Манхэттене – это не септик.

Вартек стал заметно нервничать: голос его сорвался в фальцет, шея покрылась красными пятнами.

– Но принцип здесь один, будь то септик или целый поселок! Если владелец не возражает или не замечает, что вы открыто пользуетесь его собственностью, то со временем вы получаете на нее определенные права. Это сродни морскому закону об имуществе, спасенном при кораблекрушении.

– Вы хотите сказать, что городские власти никогда не возражали против существования Вилля?

– Мне об этом ничего не известно.

– Так, значит, такая вероятность не исключается? Возможно, в архивах сохранились какие-то письма и обращения граждан? Держу пари…

В комнату скользящей походкой вошел человек в черном.

– Кто вы? – испуганно спросил Вартек.

Действительно, внешность Пендергаста с непривычки могла поразить любого: черно-белая экипировка, бледная, как у мертвеца, кожа и прозрачно-серые глаза, похожие на новенькие серебряные монетки.

– Спецагент Пендергаст, Федеральное бюро расследований. К вашим услугам, сэр.

Слегка поклонившись, Пендергаст вынул бумажную папку и, раскрыв, положил ее на стол. Внутри оказались копии старых писем на бланках города Нью-Йорка.

– Что это? – спросил Вартек.

– Письма. – Пендергаст повернулся к д’Агосте. – Винсент, извините меня за задержку.

– Письма? – переспросил Вартек, сдвинув брови.

– Письма с протестами против присутствия в Вилле поселенцев. Начиная с тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года.

– Где вы их взяли?

– У меня есть знакомый архивист. Специалист своего дела. Весьма рекомендую.

– Вот видите, возражения все-таки были, – вступил в разговор д’Агоста. – Так что никакого права собственности, или как там вы это назвали, у них и в помине нет.

Пятна на шее Вартека проступили еще ярче.

– Лейтенант, мы не собираемся выселять этих людей только потому, что этого хочется вам или вот этому агенту ФБР. Я подозреваю, что ваш крестовый поход как-то связан с определенным религиозным культом, который вызывает у вас осуждение. Но у нас существует свобода совести и религиозных отправлений.

– Ничего себе свобода совести – мучить и убивать животных… а может быть, и кое-что похуже, – возмутился д'Агоста. – Нападать на полицейского, находящегося при исполнении служебных обязанностей – это тоже свобода совести? А нарушать спокойствие жителей?

– Мы примем меры в установленном порядке.

– Конечно примете, – изящно вклинился Пендергаст. – Это ваша прямая обязанность – принимать необходимые меры. Именно поэтому мы здесь – хотим предложить, чтобы вы их приняли безотлагательно.

– Такого рода решения требуют долгой и тщательной проработки. Необходимы юридические консультации, изучение документов, тщательные согласования. Мы не можем провернуть все за один день.

– Но ведь времени у нас в обрез, уважаемый мистер Вартек! Общественное мнение явно не на вашей стороне. Вы читали сегодняшние газеты?

Вартек теперь уже весь пошел пятнами и покрылся испариной. Потом выпрямился во все свои сто шестьдесят сантиметров.

– Я же сказал, что мы изучим этот вопрос, – повторил он, провожая посетителей до двери.

Когда они спускались в лифте в компании безликих мужчин в однообразных серых костюмах, Пендергаст обратился к д'Агосте со словами:

– Мой дорогой Винсент, как приятно сознавать, что наш город имеет такое энергичное и эффективное руководство.

Глава 38

Зона ожидания восьмого терминала в аэропорту Джона Кеннеди находилась рядом с широкой лентой эскалаторов. Пендергаст с д'Агостой стояли в толпе представительных мужчин в черных костюмах, которые держали в руках листочки с именами прибывающих пассажиров.

– Скажите-ка мне еще раз, кто этот парень и зачем он здесь нужен? – попросил д'Агоста.

– Его зовут месье Бертен. Он был нашим домашним учителем.

– Нашим? Вы хотите сказать, вашим и…

– Да. Моего брата. Месье Бертен преподавал нам зоологию и естествознание. Я его просто обожал – это был весьма обаятельный человек, прямо-таки харизматическая личность. К сожалению, он был вынужден отказаться от места.

– А что случилось?

– Пожар.

– Пожар? Это когда ваш дом сгорел дотла? Он имел к этому какое-то отношение?

Пендергаст холодно промолчал.

– Так, значит, он спец по зоологии? Тогда при чем здесь убийство? Или я чего-то не понимаю?

– Помимо своей основной специальности он имел обширные познания в области местных верований и преданий – вуду, обеа, заклинания, зелья.

– Разносторонний специалист. Судя по всему, он научил вас не только лягушек резать.

– Я бы предпочел не распространяться на эту тему. Одно могу сказать: месье Бертен знает этот предмет, как никто другой. Поэтому я и вызвал его из Луизианы.

– Вы действительно считаете, что здесь не обошлось без вуду?

– А вы – нет? – спросил Пендергаст, поднимая серебристые глаза на д’Агосту.

– Мне кажется, что какой-то козел пытается задурить нам голову.

– Не вижу разницы. А, вот и он.

Повернувшись, д’Агоста невольно вздрогнул. К ним приближался крошечный человечек во фраке и широкополой белой шляпе. Кожа у него была такая же молочная, как у Пендергаста. На тонкой шее, обхваченной тяжелой золотой цепью, покачивалась маленькая морщинистая головка. В одной руке он держал потрепанную дорожную сумку с логотипом британской авиационной компании BOAC, другой опирался на массивную трость с великолепной резьбой. Это была даже не трость, а палка или скорее дубина, как решил про себя д’Агоста. Ну прямо фокусник из бродячего цирка или псих, который забрел в аэропорт, чтобы погреться. Даже нью-йоркская публика, которую трудно чем-либо удивить, с любопытством косилась на этого типа.

Человечка сопровождал носильщик, нагруженный немыслимым количеством чемоданов.

– Алоизий!

Торопливо семеня птичьими ножками, человечек подбежал к Пендергасту и в типично французской манере расцеловал его в обе щеки.

– Quelle plaisir![17] Ты ничуть не изменился.

Повернувшись к д’Агосте, месье Бертен быстро смерил его взглядом.

– Кто этот человек?

– Я лейтенант д’Агоста, – представился тот, протягивая руку.

Проигнорировав этот жест, Бертен повернулся к Пендергасту:

– Полицейский?

– Я ведь тоже полицейский, maître[18], – заметил Пендергаст, искренне забавляясь манерами своего бывшего наставника.

– Фу! – неодобрительно бросил Бертен.

Белая шляпа на его голове затрепетала от негодования. Выхватив из пачки маленькую тонкую сигару, он вставил ее в перламутровый мундштук.

– Извините, maître, но здесь нельзя курить.

– Варвары, – пробурчал Бертен, не вынимая мундштук изо рта. – Тогда пойдем в машину.

Они вышли на улицу, где их поджидал Проктор.

– «Роллс-ройс»? Как это вульгарно!

Когда носильщик погрузил чемоданы в багажник, д’Агоста с неудовольствием заметил, что Пендергаст скользнул на переднее сиденье, предоставив ему делить с месье Бертеном заднее. Очутившись в машине, месье немедленно достал золотую зажигалку и поднес огонь к своей сигарке.

– Вы не хотите спросить разрешения? – поинтересовался д’Агоста.

– Не хочу, – отрезал тот, стрельнув на лейтенанта черными блестящими глазками.

Глубоко затянувшись, он приоткрыл окно и выпустил тонкую струйку дыма. Потом наклонился вперед.

– Итак, Алоизий, я долго размышлял над полученными от тебя сведениями. На месте убийства были оставлены очень зловещие знаки. Кукла из перьев и бородатого мха, иголки, обкрученные черной ниткой, имя, написанное на пергаменте, и этот порошок – соль с перцем, насколько я понял?

– Совершенно верно.

Бертен кивнул:

– Нет никакого сомнения. Это амулеты смерти.

– Амулеты смерти? – недоверчиво переспросил д’Агоста.

– Их еще называют черными амулетами, – продолжал Бертен, словно читая лекцию в набитой студентами аудитории. – Это явное худу[19], и с ним легко справиться. Но вот этот revenant[20], этот разгуливающий мертвец меня по-настоящему беспокоит. Это вуду в чистом виде. И это уже серьезно, особенно если учесть, что жертва тоже восстала из мертвых. – Бертен посмотрел на Пендергаста. – Ты сказал, у него есть жена?

– Да.

– Ей грозит серьезная опасность.

– Я уже попросил обеспечить ей охрану, – ввернул д’Агоста.

Бертен только презрительно фыркнул.

– Я дал ей оберег от врагов, – сообщил Пендергаст.

– Это сможет защитить ее только от первого, но он не вызывает у меня больших опасений. Такие обереги не действуют на членов семьи или родственников, в том числе мужей.

– Я сделал защитный талисман и убедил ее носить этот мешочек в кармане.

Бертен просветлел лицом.

– Très bien[21]. А что ты туда положил?

– Защитное масло, корень красного вьюнка, вербену и горькую полынь.

Д’Агоста не верил своим ушам. Он изумленно переводил взгляд с Пендергаста на Бертена и обратно.

– Все это будет продолжаться, пока мы не найдем колдуна.

– Мы сейчас пытаемся получить ордер на обыск в Вилле. Вчера мы говорили с городскими властями о выселении его жителей.

Бертен что-то пробормотал себе под нос и выпустил очередную струю дыма. Д’Агоста когда-то любил сигары, но то было настоящее мужское курево нормального размера. А сейчас весь «роллс-ройс» пропитался каким-то отвратным гвоздичным запахом.

– У меня был знакомый парень, который курил вот такие же тощие сигарки, – вдруг заявил д’Агоста.

Бертен искоса посмотрел на него.

– Он заработал себе рак. Пришлось отрезать ему губы.

– Невелика потеря, – парировал Бертен.

Лейтенант почувствовал, что птичьи глазки изучают его лицо. Открыв окно со своей стороны, он скрестил на груди руки и закрыл глаза.

Уже засыпая, он услышал, как звякнул его новый сотовый. Опустив глаза, он прочитал пришедшее сообщение.

– Получен ордер на обыск Вилля, – объявил он Пендергасту.

– Отлично. С какими полномочиями?

– Довольно ограниченными. Мы можем осмотреть церковь и алтарь, если он там есть, а вот в ризницу и другие внутренние помещения входить нельзя. И в пристройки тоже.

– Ну и прекрасно. Достаточно того, что мы сможем зайти внутрь и представиться местным жителям. Месье Бертен пойдет с нами.

– А как мы это объясним?

– Я пригласил его в качестве специального консультанта ФБР.

– Ладно.

Д’Агоста провел рукой по редеющим волосам, вздохнул и, откинувшись на спинку сиденья, прикрыл глаза. Невероятно. Просто чертовщина какая-то.

Глава 39

Нора смотрела на потолок спальни, изучая трещину в штукатурке. Она скользила взглядом по ее извилинам, придававшим ей сходство с рекой на карте. Билл как-то решил ее замазать, потому что она раздражала его, когда он пытался прикорнуть днем, что случалось довольно часто из-за беспорядочного образа жизни, свойственного журналистам. Но Нора сказала, что в съемной квартире это пустая трата времени и денег, и Билл об этом больше не заикался.

Теперь эта трещина сводила с ума ее. Она не могла оторвать от нее взгляд.

Сделав над собой усилие, она повернула голову и стала смотреть в незадернутое окно рядом с кроватью. Сквозь перекладины пожарной лестницы виднелось соседнее здание, по крыше которого важно разгуливали голуби. С улицы доносился шум транспорта – сигналы машин, гул моторов, визг тормозов. Тело ее налилось тяжестью, мысли стали путаться. Все казалось каким-то нереальным. Последние двое суток превратились в невыносимый кошмар. Исчезло тело Билла, убита Кейтлин, причем погибла она от руки… Нора зажмурилась, пытаясь отогнать от себя эту ужасную мысль. Она уже перестала что-либо понимать.

Нора посмотрела на будильник, стоявший на тумбочке: три часа дня. Глупо валяться в постели средь бела дня.

Она с трудом села на кровати. Казалось, тело налито свинцом. Комната закружилась перед глазами, но потом все стало по местам. Взбив подушку, она прислонилась к ней спиной и снова сосредоточилась на потолке.

За окном что-то звякнуло. Нора посмотрела в ту сторону, но в комнату заглядывало лишь неяркое осеннее солнце.

На следующий день должны были хоронить Билла. Последние несколько дней она готовила себя к этому событию – будет тяжело, но этот рубеж придется перейти. Возможно, после того, как будет поставлена окончательная точка, ей станет немного легче. Но теперь она лишена даже этого. Какие могут быть похороны, если нет тела? Закрыв глаза, Нора чуть слышно застонала.

Ей эхом ответил другой стон, низкий и гортанный.

Нора быстро открыла глаза. На площадке пожарной лестницы сидело на корточках жуткое существо, настоящее чудовище: всклокоченные волосы, грубые швы на бледной коже, больничный халат весь в запекшейся крови и подтеках. В костистой руке оно сжимало толстую деревянную палку.

Несмотря на засохшие пятна крови, опухшее искаженное лицо было вполне узнаваемо. От невыразимого ужаса у Норы перехватило дыхание – это был ее муж, Билл Смитбек.

Комнату огласил тонкий пронзительный вопль. Нора не сразу поняла, что он сорвался с ее губ. Ее охватили отвращение и какая-то патологическая радость. Билл жив! Неужели это возможно? Неужели это действительно он?

Не вставая на ноги, фигура медленно двинулась вперед.

Перед глазами у Норы поплыли белые круги, тело бросило в жар. Казалось, она теряет сознание или сходит с ума. Своей неестественной бледностью существо напомнило ту жуткую фигуру, которая преследовала ее в лесу рядом с Виллем.

Там тоже был Билл? Неужели такое возможно?

Существо добралось до окна и, подняв руку, постучало в стекло. Тук-тук-тук.

Оно… он… Билл… смотрел на нее слезящимися, налитыми кровью глазами. Провалившийся рот раскрылся, из него вывалился язык. Послышался слабый, нечленораздельный звук.

«Он пытается мне что-то сказать. Значит, он жив. Не может быть…»

Тук-тук-тук.

– Билл? – хрипло окликнула она, и сердце у нее застучало.

Существо судорожно дернулось. Глаза его, почти вылезшие из орбит, уставились на Нору.

– Ты можешь говорить?

Опять раздался стон, похожий на звериный вой. Крючковатые пальцы зашевелились, страшные глаза не отрываясь смотрели на Нору с каким-то умоляющим выражением. Этот взгляд парализовал ее. Перед ней была отвратительная дикая тварь, в которой не осталось ничего человеческого. И все же под кровавой коркой и спутанными волосами угадывались карикатурные черты ее мужа. Это был человек, которого она страстно любила, который был ее второй половиной. И этот человек у нее на глазах зарезал Кейтлин Кидд.

– Скажи мне что-нибудь. Прошу тебя.

Из изуродованного рта вырвался стон, в котором угадывалась настойчивая просьба. Сидящая на корточках фигура сложила руки и молящим жестом протянула их к Норе. Ее охватила острая жалость к этому несчастному существу.

– О, Билл, что они с тобой сделали, – прошептала она, разрыдавшись.

Существо на площадке застонало. Некоторое время оно сидело неподвижно, пристально глядя на Нору и подрагивая всем телом. Потом очень медленно рука его потянулась к окну и схватилась за нижний край рамы.

Забыв про слезы, Нора смотрела, как рама медленно ползет вверх. Дойдя до середины, она остановилась. Согнувшись, существо полезло в окно. Больничный халат зацепился за гвоздь, и материя с треском разорвалась. Своими телодвижениями эта тварь напомнила Норе хорька, лезущего в клетку к кролику. Голова и плечи уже протиснулись внутрь. Рот был раскрыт, и с нижней губы стекала тонкая струйка слюны. Рука потянулась к Норе.

Она инстинктивно отшатнулась.

Рука застыла в воздухе. Смитбек снова воззрился на Нору. С грязных губ сорвался еще один жалобный стон. Рука резко поднялась вверх.

На Нору пахнуло запахом склепа. Ее охватил ужас. Вдавившись в подушку, она поджала ноги.

Налитые кровью глаза превратились в щелочки. Жалобный стон перешел в рычание. Существо резко дернулось и одним движением вломилось в полуоткрытое окно. Рама затрещала, посыпались стекла. Вскрикнув, Нора попыталась подняться с кровати, но, запутавшись в простынях, упала на пол. Освободившись от пут, она быстро вскочила на ноги. Билл был уже в комнате.

Злобно рыча и размахивая палкой, он бросился к Норе.

– Постой! – дико вскрикнула она. – Это же я, Нора!

Увернувшись от удара, она отступила в гостиную. Подняв палку, Билл нетвердой походкой устремился за ней. Глаза его, мутные и белесоватые, смотрели безжизненно, как у мертвеца. Из открытого рта исходило жуткое зловоние, смешанное с резким запахом формалина и метилового спирта.

– Н-н-н-г-га-а-а-а!

Очутившись в гостиной, Нора продолжала пятиться назад. Билл, пошатываясь, наступал на нее, вытянув вперед руку. Пальцы его судорожно подергивались. Расстояние между ними неуклонно сокращалось.

Нора отступила еще на шаг и почувствовала за спиной стену. Казалось, страшное существо одновременно угрожало и молило ее о чем-то. Левой рукой оно пыталось до нее дотронуться, правая же поднимала палку, чтобы нанести удар. Голова запрокинулась назад, открывая мертвенно-серую шею, всю в разрезах, кое-как стянутых шпагатом.

– Н-н-н-г-г-г-га-а-а-а!

– Нет, – прошептала Нора. – Не надо. Остановись.

Дрожащей рукой чудовище дотронулось до ее волос и нежно погладило их. На нее пахнуло запахом смерти.

– Не трогай меня, – простонала Нора. – Ну пожалуйста.

Из широко раскрытого рта вырывалось смердящее дыхание.

– Убирайся! – взвизгнула Нора.

Грязный палец скользнул по ее щеке и осторожно провел по губам. Нора прижалась к стене.

– Н-н-н-га-а… н-н-н-га-а… н-н-н-га-а…

Существо тяжело задышало, с силой прижало палец к Нориным губам и попыталось залезть к ней в рот.

Поперхнувшись, Нора отвернула лицо.

– Нет…

В дверь постучали, – вероятно, кто-то услышал ее крики.

– Нора! – послышалось за дверью. – У вас все в порядке? Нора!

В ответ существо затрясло палкой.

– Н-н-н-га-а! Н-н-н-га-а! Н-н-га-а!

Пыхтение перешло в похотливое ворчание.

От ужаса Нора потеряла способность сопротивляться. Резко подняв правую руку, чудовище обрушило дубинку ей на голову – и все исчезло.

Глава 40

Д’Агоста сидел в патрульной машине, пребывая в самом отвратительном расположении духа. И чем ближе они подъезжали к Виллю, тем мрачнее он становился. Ладно хоть сегодня не пришлось сидеть рядом с этим французским креолом, или кто он там есть, черт бы его побрал. Недовольно поджав губы, он украдкой посмотрел в зеркало на заднее сиденье. Торчит там, как чучело огородное, в своем дурацком фраке.

Водитель остановил машину у пересечения Индиан-роуд и Двести четырнадцатой улицы. За ним тормознул и фургон следственной бригады. Д’Агоста посмотрел на часы – половина четвертого. Водитель открыл багажник, и д’Агоста, выйдя из машины, достал оттуда болторезные ножницы. Перекусив дужку замка, он оставил цепь валяться на земле. Потом швырнул ножницы обратно в багажник, с треском захлопнул крышку и вернулся в машину.

– Козлы, – сказал он, ни к кому не обращаясь.

Водитель дал полный газ, и «форд-краун-виктория», скрипнув шинами, рванул вперед.

– Шофер, будьте любезны, не дергайте так, – подал голос месье Бертен, наклоняясь вперед.

Водитель – детектив Перес – изумленно вытаращил глаза.

Перед железными воротами они снова остановились, и д’Агоста с нескрываемой радостью срезал еще один замок и забросил его в лес. Потом, чтобы довершить дело, срезал петли, завалил ворота и оттащил их с дороги. Слегка запыхавшись, он сел в машину со словами:

– Это общественная дорога.

После резкого старта, изрядно тряхнувшего пассажиров, машина покатила по густому сумрачному лесу, который внезапно кончился, сменившись поросшим травой полем. Посреди него возвышался Вилль, залитый ясным осенним светом. Но даже в лучах солнца он выглядел темным и зловещим, словно над ним нависла непроницаемая пелена. Беспорядочное нагромождение крыш и шпилей делало его похожим на мрачные фантазии доктора Сьюза[22]. Все эти постройки громоздились вокруг архаичной уродливой церкви. Фасад ее был отгорожен высоким деревянным частоколом с массивной дубовой калиткой, обитой железом.

«Форд» остановился на грязной стоянке у забора, где уже парковалось несколько потрепанных машин и фургон, который д’Агоста видел раньше. Один его вид привел лейтенанта в ярость.

Вокруг никого не было. Оглядевшись, д’Агоста повернулся к Пересу:

– Захватите таран и гвоздодер. А я возьму ящик для вещдоков.

– Есть, лейтенант.

Резко открыв дверь, д’Агоста вылез из машины. Рядом остановился фургон, из которого вышел инспектор службы охраны животных, робкий человек с большим животом и тонкими ручками, красную физиономию которого украшали светлые обвислые усы. Он первый раз участвовал в обыске и поэтому ужасно нервничал. Д’Агоста с трудом вспомнил его фамилию – Пальчинский.

– Мы предупредили их об обыске? – дрожащим голосом спросил Пальчинский.

– Кто же предупреждает подозреваемых об обыске? Вы хотите, чтобы они уничтожили все вещественные доказательства? – Открыв машину, д’Агоста вытащил ящик. – У вас документы в порядке?

Пальчинский похлопал рукой по вместительному карману. Лицо его покрылось испариной.

Д’Агоста повернулся к Пересу:

– А как вы, детектив?

Тот поднял таран:

– Я готов.

Наконец из «форда» вылез Пендергаст со своим чудаковатым другом. Спецагент был, как всегда, невозмутим. Его полузакрытые глаза абсолютно ничего не выражали. Месье Бертен сразу же бросился нюхать цветочки.

– Боже мой! – вскричал он. – Какой великолепный экземпляр жерардии песчаной, Agalinis acuta! Она находится под угрозой исчезновения! А здесь их целое поле!

Взяв в руки цветок, он шумно вдохнул его запах.

Приземистый массивный Перес подошел к калитке. Взяв таран за ручки, он опустил его на уровень бедер, размахнулся и, крякнув, со всей силы послал вперед. Сорокафунтовый таран с грохотом ударился в калитку.

Бертен подпрыгнул от испуга.

– Что вы делаете? – пронзительно закричал он.

– Выполняем свой долг, – объяснил ему д’Агоста.

Спрятавшись за спину Пендергаста, Бертен выглянул оттуда, как любопытный кот.

– Никто не сказал мне, что здесь будет применяться насилие!

Бум! Бум!

Удары следовали один за другим. Заклепки на старой двери стали расшатываться и вылезать.

– Подождите-ка.

Взяв гвоздодер, д’Агоста поддел одну из заклепок его раздвоенным концом. Она со скрипом выскочила из дерева. Выдернув еще четыре заклепки, лейтенант отступил назад и кивнул детективу.

Перес продолжил долбить дверь, разнося ее в щепки. Отскочила и упала на землю железная полоса. На деревянной поверхности появилась длинная вертикальная трещина.

– Еще немного, и ей каюк, – заметил д’Агоста.

Бум! Бум!

Вдруг лейтенант почувствовал чье-то постороннее присутствие. Обернувшись, он увидел весьма живописную фигуру, стоявшую шагах в десяти от калитки. Это был очень высокий, худой и мускулистый мужчина в длинном сером плаще с бархатным воротником и какой-то средневековой шапке с ушами, из-под которой виднелись густые седые волосы, собранные в хвост. На вид ему было лет пятьдесят. Белая, как у Пендергаста, кожа, угольно-черные глаза, резко очерченные черты лица, тонкий орлиный нос. Д’Агоста сразу же узнал в нем водителя фургона.

Человек сверкнул на д’Агосту агатовыми глазами. Было совершенно непонятно, как ему удалось незаметно подойти. Не говоря ни слова, он вынул из кармана большой железный ключ.

Д’Агоста повернулся к Пересу:

– А вот и ключ.

Человек спрятал ключ в складках плаща.

– Сначала покажите ордер, – скомандовал он, подходя ближе.

Лицо его по-прежнему оставалось бесстрастным, но голос звучал удивительно мелодично. Д’Агоста впервые встречал человека, говорившего так же, как Пендергаст.

– Конечно, конечно, – торопливо проговорил Пальчинский, доставая из кармана пачку бумаг. – Вот, пожалуйста.

Мужчина взял листок.

– Ордер на обыск и изъятие вещественных доказательств, – громко прочитал он звучным голосом.

И все же выговор у него был несколько иной, чем у Пендергаста, – в нем чувствовались французский акцент и какая-то нездешняя выразительность.

Мужчина взглянул на Пальчинского:

– А вы кто?

– Морис Пальчинский, служба охраны животных. – Он нервным жестом протянул руку, но это осталось незамеченным. – У нас есть сведения, что здесь жестоко обращаются с животными, истязают их и даже иногда приносят в жертву. Этот ордер дает нам право обыскивать помещения и изымать вещественные доказательства.

– Не все помещения. Только саму церковь. А кто эти люди?

Д’Агоста вытащил жетон:

– Департамент полиции Нью-Йорка. Отдел расследования убийств. А у вас есть удостоверение личности?

– Мы их с собой не носим, – ледяным тоном ответил мужчина.

– Тогда назовите себя.

– Мое имя Этьен Боссон.

– По буквам, пожалуйста, – попросил д’Агоста, вынимая записную книжку.

Мужчина медленно повторил, выговаривая каждую букву, словно говорил с ребенком.

– Ваше занятие?

– Я глава здешней общины.

– А что представляет собой «здешняя община»?

Боссон внимательно посмотрел на д’Агосту:

– Так вы из отдела убийств? Тогда при чем здесь защита животных?

– Да вот решили прогуляться для собственного развлечения, – съязвил д’Агоста.

– Может быть, вы представите весь ваш штурмовой отряд?

– Детектив Перес из отдела расследования убийств, спецагент Пендергаст из Федерального бюро расследования и месье Бертен, консультант ФБР.

Все, кроме Бертена, показали свои значки. Прищурив глаза, месье пристально смотрел на Боссона. Тот слегка вздрогнул, словно узнал его, и в свою очередь стал вглядываться в консультанта. Казалось, между ними пробежала искра. Д’Агосте стало не по себе.

– Откройте калитку, – распорядился он.

Боссон наконец оторвал взгляд от Бертена. Вынув ключ, он вставил его в замок и с силой повернул. Изуродованная калитка со скрипом распахнулась.

– Мы не собираемся сопротивляться, – сказал он.

– Вот и отлично.

От калитки шла узкая дорожка, круто заворачивающая вправо. По обе ее стороны теснились старые деревянные домишки, покосившиеся до такой степени, что их надстройки почти соприкасались фронтонами, образуя над дорожкой подобие арок. Дверные проемы и разбитые окна зияли чернотой, которую тусклый свет умиравшего дня был уже не в силах разогнать.

Боссон молча шел впереди. Дорожка, описав кривую, вывела их к церкви со множеством пристроек, которые облепили ее, как моллюски, присосавшиеся к днищу корабля. По бокам шипами торчали огромные стропила, опиравшиеся на массивные каменные контрфорсы, уходящие основаниями в землю. Пройдя между ними, Боссон открыл дверь и вошел внутрь церкви, крикнув что-то в темноту на незнакомом языке.

Д’Агоста в замешательстве остановился на пороге. Внутри была полная темнота и стоял смешанный запах навоза, золы, свечного воска, ладана и немытых тел. Стропила зловеще поскрипывали, словно готовясь обрушиться.

– Зажгите свет, – распорядился д’Агоста.

– Здесь нет электричества, – раздался из темноты голос Боссона. – Святилище не место для современных удобств.

Вынув фонарь, д’Агоста посветил в темноту. Церковь была похожа на огромную пещеру.

– Перес, принесите, пожалуйста, галогеновую лампу.

– Есть, лейтенант.

Д’Агоста повернулся к инспектору:

– Пальчинский, вы ведь знаете, что мы ищем?

– По правде говоря, лейтенант…

– Приступайте к работе.

Д’Агоста бросил взгляд через плечо. Пендергаст ходил по церкви с фонариком. Рядом семенил Бертен.

Вернулся Перес с галогеновой лампой, подключенной к аккумулятору в холщовом чехле с длинным ремнем.

– Давайте ее мне.

Повесив аккумулятор на плечо, д’Агоста скомандовал:

– Я пойду первым. Все остальные идут за мной. Перес, принесите ящик для вещдоков. Вы поняли, как себя вести? Мы здесь для защиты прав животных, – напомнил он с изрядной долей сарказма.

Ступив в темноту, он зажег лампу и невольно отшатнулся. Вдоль стен стояли люди в грубых коричневых одеяниях и молча смотрели на пришельцев.

– Что за черт?

Один мужчина выступил вперед. Он был ниже Боссона, но так же худ. В отличие от других он был одет в коричневый балахон, разрисованный белыми спиралями и причудливыми завитушками. Грубое угловатое лицо было словно вырублено топором. В руках он держал тяжелый посох.

– Это святое место, – наставительно сказал он. – И мы не потерпим здесь грубых слов.

– Кто вы? – спросил д’Агоста.

– Меня зовут Шарьер, – произнес незнакомец, словно выплевывая слова.

– А кто эти люди?

– Это наше святилище и наша паства.

– Ваша паства? Значит, вы здесь пасетесь?

К д’Агосте скользящей походкой приблизился Пендергаст.

– Винсент, – прошептал он, наклонившись к лейтенанту, – мистер Шарьер здешний жрец. Я бы не стал задевать его и этих людей больше, чем нужно для дела.

Д’Агоста глубоко вздохнул. Его раздражало, когда Пендергаст давал ему советы. Однако сейчас он был на взводе, а полицейскому это не пристало. Что с ним творится? Он не в своей тарелке с самого начала этого дела. Надо себя пересилить. Сделав еще один глубокий вдох, он согласно кивнул, и Пендергаст отошел назад.

Даже при свете галогеновой лампы в церкви было темно. Да еще этот мерзкий запах. Безмолвные прихожане, неподвижно стоявшие вдоль стен и не сводившие глаз с пришедших, тоже не прибавляли оптимизма. Их здесь было не меньше сотни. Только взрослые мужчины – белые, черные, азиаты, индейцы, латиносы, кто угодно. Стоят и тупо смотрят. Д’Агосту охватило нехорошее предчувствие. Сюда стоило прийти с охраной. Причем со значительной.

– Послушайте, ребята, – громко начал он, стараясь придать своему голосу уверенность. – У нас имеется ордер на обыск этой церкви, в котором говорится, что мы можем осматривать ее главное помещение и всех, кто там находится. У нас есть право изымать все, что мы посчитаем нужным. Мы составим опись изъятого, а потом вы все получите назад. Понятно?

Его голос разнесся эхом по церкви и затих. Никто не шевельнулся. В свете лампы глаза мужчин мерцали красноватым светом, словно у зверей ночью.

– Прошу никого не двигаться и не мешать обыску. Следуйте указаниям полиции. О’кей? Так мы сможем закончить в кратчайший срок.

Д’Агоста снова огляделся. Ему показалось, что круг обступивших его сужается. Нет, это просто обман зрения. Он не видел, чтобы они двигались, и не слышал шума шагов. Тишину нарушало лишь легкое поскрипывание древних стропил над головой.

Толпа по-прежнему безмолвствовала. И вдруг из дальнего конца церкви послышалось жалобное блеяние ягненка.

– Так, – сказал д’Агоста. – Начнем оттуда и будем продвигаться к двери.

Они пошли вглубь церкви. Пол был вымощен большими каменными плитами, отполированными ногами прихожан. Внутри не было ни стульев, ни скамеек. Вероятно, свои службы и обряды прихожане проводили стоя или на коленях, Д’Агоста даже не пытался представить, как все это происходило. На стенах он заметил странные рисунки: круги, глаза и рассеченные листья в замысловатом переплетении линий. Такой же узор был на облачении жреца. Д’Агоста вспомнил, что на стене в квартире Смитбека что-то похожее было нарисовано кровью.

– Сфотографируйте это, – попросил он Переса, указывая на рисунки.

– Есть.

Вспышка камеры заставила Пальчинского вздрогнуть.

Ягненок заблеял опять. За ними следили сотни глаз, и д’Агоста мог поклясться, что в складках своих балахонов эти фанатики прячут заточки.

Наконец их маленькая группа дошла до конца церкви. Там, где обычно располагаются хоры, находился небольшой загон, отгороженный деревянным забором. Пол в нем был устлан соломой. Посередине загона возвышался столб с цепью, на которой был привязан ягненок. Мокрая солома пестрела темными пятнами. Стены были забрызганы кровью и

навозом. Столб некогда украшала резьба в стиле индейских тотемов, но сейчас она совершенно скрылась под слоем крови и грязи.

За столбом располагался кирпичный алтарь, на котором стояли кувшины с водой и лежали отполированные камни, амулеты и кусочки еды. За ними на невысокой подставке лежали какие-то странные предметы, отдаленно напоминавшие некие судоходные принадлежности, – витые металлические крючки с деревянными ручками, делающими их похожими на гигантские штопоры. Они были тщательно отполированы и, судя по расположению, играли роль священных реликвий. Рядом с алтарем стоял сундучок из конского волоса, запертый на висячий замок.

– Очень мило, – процедил д’Агоста, играя фонариком. – Прямо красота.

– Первый раз вижу такое вуду, – пробормотал Бертен. – По правде говоря, это вообще не вуду. Основа, конечно, та же, но это какая-то самостоятельная и очень опасная секта.

– Какой ужас! – пискнул Пальчинский.

Вынув видеокамеру, он начал снимать.

При виде этого устройства толпа зашумела.

– Это священное место, – прогремел голос жреца. – Вы оскверняете его. Оскорбляете нашу веру!

– Снимайте, мистер Пальчинский, – подбодрил инспектора д’Агоста.

Жрец, похожий на большую летучую мышь, со всех ног бросился к инспектору и, взметнув свои живописные одежды, с силой махнул посохом. Камера полетела на пол. Пальчинский, ахнув, отшатнулся.

Д’Агоста выхватил револьвер.

– Мистер Шарьер, поднимите руки и повернитесь ко мне лицом! Я сказал, повернитесь лицом!

Жрец не пошевелился. Он словно не видел направленного на него револьвера.

Пендергаст, занимавшийся тем, что соскребал пробы с различных артефактов и алтарных фетишей и опускал их в крошечные пробирки, быстро подошел к д’Агосте.

– Подождите, лейтенант, – тихо сказал он и повернулся к жрецу. – Мистер Шарьер!

Жрец вперил в него взгляд.

– Осквернители! – гаркнул он.

– Мистер Шарьер! – повторил Пендергаст с нажимом.

Жрец замолчал.

– Вы только что напали на официальное лицо. – Он повернулся к инспектору. – С вами все в порядке?

– Никаких проблем, – бросил Пальчинский, принимая бравый вид.

Но колени у него откровенно дрожали.

Д'Агоста тревожно огляделся. На этот раз никакого обмана зрения не было. Толпа действительно подступила ближе.

– Напрасно вы это сделали, мистер Шарьер, – продолжал Пендергаст проникновенным голосом. – Теперь мы вынуждены употребить власть. Разве не так, мистер Боссон?

Он посмотрел на главу общины.

На лице жреца появилась улыбка. Обычно она просветляет людские лица, но физиономия Шарьера стала еще более отталкивающей – ее исказил шрам, который раньше не был заметен.

– Власть здесь имеют только божества этого места – лоа[23] и их унган![24] – провозгласил жрец, ударив в пол посохом.

Как бы в подтверждение его слов из-под пола раздался приглушенный звук.

– А-а-а-а-а-у-у-у-у-у…

Д'Агоста моментально его узнал – это был тот самый вой, который он слышал в кустах позапрошлой ночью.

– Что это, черт подери?

Никто не ответил. Толпа настороженно выжидала.

– Мы должны осмотреть подвал.

Теперь выступил вперед Боссон. До этого он молча наблюдал за столкновением с непроницаемым выражением лица.

– Ваш ордер туда не распространяется.

– У меня есть на то веские причины. Там находится животное или что-то в этом роде.

– Вы туда не пройдете, – нахмурился Боссон.

– Черта с два не пройду.

В дело вступил Шарьер. Повернувшись к толпе, он прокричал:

– Он не пройдет!

– Он не пройдет! – хором отозвалась паства.

После гробового молчания их истовый крик прозвучал как взрыв.

– Сначала мы закончим здесь, – спокойно продолжал Пендергаст. – Любые попытки помешать нам будут восприняты крайне негативно.

На лице Шарьера застыла улыбка, похожая на гримасу.

– Надо мной у тебя власти нет, – отчеканил он, ткнув пальцем в Пендергаста.

Пендергаст сделал шаг назад, избегая соприкосновения.

– Лейтенант, может быть, мы продолжим?

Д'Агоста убрал револьвер. Пендергаст немного разрядил обстановку.

– Пальчинский, заберите ягненка и этот столб. Перес, срежьте замок с сундука.

Справившись с замком, Перес поднял крышку сундучка из конского волоса. Д'Агоста посветил внутрь. Там лежали какие-то инструменты, обернутые кусками кожи. Вынув один из них, д'Агоста развернул кожу. Внутри оказался кривой нож.

– Заберите сундук со всем его содержимым.

– Хорошо, сэр.

Толпа с невнятным шумом придвинулась ближе. Жрец пристально следил за пришедшими, бормоча себе под нос что-то похожее на заклинания.

Д'Агоста заметил Бертена. Он уже почти забыл о старом чудаке. Тот копошился в углу, где с потолка свисали десятки кожаных полосок с амулетами. Потом он подошел к загадочной конструкции из множества палочек, связанных вместе в виде кривоватого куба. На морщинистом лице старика появилось обеспокоенное выражение.

– Это тоже возьмите, – скомандовал д'Агоста, указывая на амулет, лежащий на полу. – И вот это, и это.

Он водил фонариком по стенам и углам, пытаясь обнаружить двери и шкафы, заглядывал за спины стоявших у стен людей.

– Да обрушат лоа свой гнев на грязных псов, оскверняющих святилище! – завопил жрец.

В руке у него появилась маленькая темная трещотка величиной с мяч для гольфа, которой он начал греметь на пришельцев.

– Заберите эту дрянь с алтаря – железки и все остальное. Все, что там стоит.

Перес быстро сгреб предметы в пластиковый ящик для вещдоков.

– Грабители! – рявкнул Шарьер, потрясая своей погремушкой.

Толпа придвигалась все ближе.

– Успокойтесь, вы все получите обратно, – пообещал д’Агоста.

Пора было заканчивать и идти вниз.

– Лейтенант, не забудьте вон про то caye-mystère[25], – сказал Пендергаст, кивнув в сторону ниши, украшенной пальмовыми листьями, где хранились маленькие горшочки, амулеты и всякие продуктовые приношения.

– Будет сделано.

– Свиньи!

Внезапно из толпы послышался звук, характерный для гремучей змеи. Сначала он раздался в одном месте, потом в другом и вскоре уже слышался отовсюду. Направив луч в толпу, д’Агоста обнаружил, что люди, стоявшие уже совсем близко, держат в руках костяные ручки, к которым привязано не что иное, как трещотки гремучих змей.

– Здесь мы, кажется, закончили, – с напускной небрежностью подытожил д’Агоста.

– По-моему, обыск внизу может подождать, – шепнул ему Пендергаст.

Д’Агоста кивнул. И вправду, пора делать ноги.

– Вонючие козлы! – выкрикнул жрец.

Д’Агоста повернулся, чтобы уйти. Но путь к отступлению был отрезан. Их плотным кольцом обступили прихожане.

– Ребята, заканчиваем и уходим.

Пальчинский с Пересом проявили полную готовность. Пендергаст возобновил сбор своих крошечных проб. Но куда подевался Бертен?

В этот момент в темном углу церкви возникла какая-то потасовка. Повернувшись в ту сторону, д’Агоста увидел, как Бертен, словно дикий зверь, с криком набросился на жреца. Шарьер отшатнулся, сжимая в руке амулет. Завязалась ожесточенная борьба.

– Эй, какого черта? – заорал д’Агоста.

Толпа подалась вперед. Шум трещоток превратился в раскатистый гул.

Запутавшись в одеянии Шарьера, дерущиеся упали на пол. Пендергаст бросился их разнимать. Через минуту он уже стоял на ногах, держа за руку Бертена.

– Пусти меня! – кричал месье. – Я убью его. Ты умрешь, masisi![26]

Шарьер оправил свой балахон, отряхнулся и зловеще осклабился.

– Это ты умрешь, – тихо произнес он. – Ты и твои друзья.

Боссон быстро взглянул на жреца.

– Довольно! – приказал он.

Бертен попытался сопротивляться, но Пендергаст крепко держал его, нашептывая что-то на ухо.

– Нет! – вопил Бертен. – Никогда!

Толпа все сдвигалась, фанатично потряхивая погремушками. Д’Агосте показалось, что в складках их темных одежд поблескивала сталь. Бертен вдруг осекся и побледнел.

Сектанты были уже совсем рядом.

Д’Агоста судорожно сглотнул. О столкновении не могло быть и речи. Они, конечно, могут проложить себе дорогу несколькими выстрелами при условии, что у этих парней нет оружия, но тогда весь остаток жизни придется ходить по судам.

– Мы уходим, – выдавил он из себя. – Ребята, пошли отсюда.

Шарьер преградил ему путь. Вокруг плотным кольцом столпились люди.

– Мы не хотим конфликтов, – добавил лейтенант, кладя руку на кобуру.

– Поздно, – прошипел жрец. – Вы подлые и грязные святотатцы. Храм будет очищен от скверны.

– Очистить храм! – выкрикнул кто-то из толпы, и к нему сразу же присоединился целый хор голосов:

– Очистить храм!

Открывая кобуру, д’Агоста произвел быстрый подсчет в уме. У «Глока-19» пятнадцатизарядный магазин; этого хватит, чтобы проложить путь к двери в любой нормальной толпе. Но только не в этой. Крепко сжав рукоятку пистолета, он глубоко вздохнул.

Но тут к Шарьеру неожиданно подошел Пендергаст.

– Что это?

Выбросив вперед руку, он быстро вынул из рукава его балахона какой-то предмет и, высоко подняв его, осветил фонариком.

– Посмотрите! Это же оберег с бечевой, скрученной в обратном направлении. Амулет против вероломных друзей! Мистер Шарьер, почему вы его носите? Или вы не доверяете своей пастве? Чего вы боитесь?

Спецагент повернулся к толпе, потрясая маленьким мешочком, перевязанным шпагатом:

– Он вас в чем-то подозревает. Вы видите?

Потом он резко обернулся к Шарьеру:

– Почему вы не доверяете этим людям?

Подняв посох, Шарьер кинулся на Пендергаста, но спецагент ловко увернулся, и жрец пролетел мимо. Посланный вдогонку пинок поверг его на землю. По толпе пробежал возмущенный ропот. Подоспевший Боссон помог упавшему подняться.

– Мерзкий ублюдок! – с ненавистью бросил тот Пендергасту.

– Теперь уж точно пора прощаться, – тихо сказал Пендергаст.

Взявшись за ручки ящика с вещдоками, д’Агоста с Пересом, как тараном, разметали им растерявшуюся толпу. Свободной рукой лейтенант вытащил из кобуры револьвер и пальнул в воздух. Выстрел эхом раскатился под сводами церкви.

– Быстрее, быстрее!

Засунув пистолет в кобуру, он схватил Бертена за шиворот и потащил к выходу, расшвыривая людей, как кегли. Сверкнул нож, но Пендергаст молниеносно отправил нападавшего в нокаут.

Наконец они добрались до дверей и выскочили наружу. Толпа устремилась за ними. Д’Агоста еще раз выстрелил в воздух.

– Не подходить!

Теперь уже десятки ножей поблескивали в сумеречном свете.

– По машинам! – крикнул д’Агоста. – Быстро!

Они спешно погрузились в фургон, забросив туда же ящик и ягненка, и машина с ревом рванула вперед, прежде чем они успели закрыть двери. За ним спешно стартовала патрульная машина, осыпав гравием беснующуюся толпу. С заднего сиденья послышался стон. Оглянувшись, д’Агоста увидел там бледного, трясущегося француза, вцепившегося Пендергасту в лацканы пиджака. Спецагент достал из кармана один из странных крючков, которые стояли на алтаре. Вероятно, он прихватил его во время потасовки.

– Вы целы? – спросил лейтенант Бертена.

Сердце у него отчаянно колотилось, и он все никак не мог перевести дух.

– Этот унган, Шарьер…

– Что?

– Он взял образцы…

– Что он сделал?

– Взял наши волосы, кусочки одежды – у меня, у всех нас. Разве вы не заметили? Вы же слышали его угрозы. Maleficia[27]. Он наведет на нас порчу. Очень скоро мы это почувствуем.

Бертен выглядел так, словно был уже при смерти.

Д’Агоста резко отвернулся. Ничего не поделаешь. Когда работаешь с Пендергастом, и не такой бред приходится терпеть.

Глава 41

– Что будем заказывать, дорогой? – спросила уставшая официантка, упершись локтем в бедро и раскрывая блокнот.

Д’Агоста отбросил меню:

– Черный кофе и овсянку.

Официантка перевела взгляд на другую сторону стола:

– А вам?

– Блинчики с черникой, – попросила Хейворд. – И пожалуйста, подогрейте сироп.

– Ладно, – ответила официантка, захлопывая блокнот и собираясь уходить.

– Одну минуточку, – задержал ее д’Агоста.

Такой заказ наводил на мысли. Из опыта совместной жизни с Лорой Хейворд он знал, что она заказывала или готовила блинчики с черникой только в двух случаях: либо ее мучили угрызения совести по поводу того, что из-за работы она оказывает ему слишком мало внимания, либо ее охватывало любовное настроение. Оба варианта были неплохи. Неужели она подает ему сигнал? В конце концов, это ее идея позавтракать вместе.

– Принесите две порции блинчиков.

– Как скажете.

И официантка исчезла.

– Ты видел сегодняшний «Уэстсайдер»? – спросила Лора.

– К сожалению, видел.

Этот скандальный листок из кожи вон лез, чтобы повергнуть весь город в истерику. И не только он. Все таблоиды подняли шум и крик, не жалея мрачных тонов в описании Вилля и прозрачно намекая, что убийство звезды «Уэстсайдера» Кейтлин Кидд связано именно с этим дьявольским местом.

Но больше всего газеты топтались на Смитбеке. Сенсационное убийство Кидд, совершенное журналистом после его смерти и вскрытия, исчезновение его трупа из морга – все это смаковалось во всех подробностях. Высказывались самые невероятные предположения, так или иначе связывающие эти события с Виллем.

Д'Агоста и сам считал, что без Вилля здесь не обошлось. Но, несмотря на все свое негодование, он был против любого самосуда и опасался чрезмерной активности масс.

Официантка принесла ему кофе. Отпив глоток, он украдкой посмотрел на Лору. Глаза их встретились. Но на ее лице он не заметил ни виноватого выражения, ни романтической мечтательности. Скорее оно выглядело озабоченным.

– Когда ты навещал Нору Келли?

– Вчера вечером, как только узнал о случившемся. Сразу после обыска в Вилле.

– А куда делась ее охрана?

Д'Агоста нахмурился:

– Что-то случилось со связью. Ее пасли две команды, и каждая думала, что дежурит другая. Проклятые идиоты.

– Как Нора?

– Несколько ушибов, порезы и ссадины. Но главное, у нее уже второе сотрясение мозга. Она проведет в больнице еще пару дней.

– Ее спасли соседи?

Сделав глоток, д’Агоста утвердительно кивнул:

– Они прибежали на крик и вышибли дверь.

– Нора утверждает, что это был Смитбек?

– Может подтвердить это в суде. И соседи тоже.

Хейворд посмотрела на столешницу из искусственного мрамора:

– Мистика какая-то. Что вообще происходит?

– Это все проклятый Вилль – вот что происходит.

Одно упоминание о Норе привело его в ярость. Все эти дни он был на взводе. Его злило абсолютно все: Вилль, Клайн с его пошлыми угрозами, комиссар полиции, бюрократическая волокита, которая связывала ему руки, и даже Пендергаст с его невозмутимостью и несносным креольским консультантом.

Хейворд снова взглянула на него. Лицо ее по-прежнему было озабоченным.

– А что там с Виллем?

– Разве ты не видишь? К ним тянутся все ниточки. Смитбек был прав.

– Но у тебя нет никаких доказательств. Смитбек писал о предполагаемых жертвоприношениях – и это все.

– Они вовсе не предполагаемые. Я слышал блеяние в фургоне. Собственными глазами видел ножи и окровавленную солому. Лора, ты бы посмотрела на это место. Господи, все в каких-то балахонах и клобуках, бормочут что-то хором. Настоящие фанатики.

– Но это не значит, что они убийцы. Винни, у тебя должны быть прямые доказательства.

– У них есть мотивы для убийства. Этот их главный жрец Шарьер… – покачал головой д’Агоста, – тот еще тип. Вполне способен укокошить любого.

– А что собой представляет этот Бертен? Я прочитала о нем в отчете.

– Его притащил Пендергаст. Он якобы спец по вуду. А по мне, так обычный шарлатан.

– Вуду?

– Пендергаст просто помешан на этой чуши, хотя и не показывает виду. Он готов иголки в кукол втыкать, лишь бы добраться до Вилля.

Наконец появились блинчики, благоухающие свежей черникой. Хейворд залила их сиропом и взяла вилку, но тут же положила ее на стол.

– Послушай меня, Винни. Нельзя так злиться, когда расследуешь дело.

– О чем ты?

– Ты не можешь быть объективен. Смитбек был твоим другом. Ты отличный сыщик, но тебе стоит подумать о передаче этого дело кому-нибудь другому.

– Ты шутишь? Я уже влез в него по уши, только об этом и думаю.

– В том-то все и дело. Ты занимаешься охотой на ведьм. Кроме Вилля, ни о чем знать не хочешь.

Прежде чем ответить, д’Агоста сделал глубокий вдох и поковырял блинчик:

– А разве мы не должны полагаться на свою убежденность, на интуицию? Почему нельзя вести расследование по главному подозреваемому?

– Я говорю о том, что твои эмоции мешают вести расследование по другим направлениям. Ты ослеплен яростью.

Д’Агоста открыл было рот, но тут же прикусил губу. Он не знал, что сказать. В глубине души он чувствовал, что она права. Нет, не чувствовал, а знал наверняка. Но в то же время ему было наплевать. Смерть Смитбека потрясла его. Эта рана не заживет никогда. И те, кто это сделал, заплатят за все сполна.

– И зачем тебе Пендергаст? От него одни неприятности. Лучше держаться от этого человека подальше, Винни. Работай самостоятельно.

– Ерунда, – вскинулся д’Агоста. – Он блестящий сыщик. Очень результативный.

– Согласна. А знаешь почему? Потому что он слишком нетерпелив, чтобы участвовать в процессе. Он держится на расстоянии. И втягивает тебя в свои авантюры. А кто за это расплачивается? Ты, конечно.

– Я расследовал с ним полдюжины дел. Он всегда докапывался до истины и находил убийц.

– А как их прикажете потом судить? Твой Пендергаст так собирает улики, что никакой суд не признает их убедительными. Вероятно, не зря его преступники не доживают до суда.

Д’Агоста молча отставил полную тарелку. Завтрак обманул его ожидания. Он вдруг почувствовал страшную усталость. Его окончательно сбили с толку.

Но Хейворд вдруг сменила пластинку. Наклонившись над столом, она взяла его за руку:

– Не сердись на меня, Винни. Я просто стараюсь тебе помочь.

– Не сомневаюсь. Очень тебе признателен.

– То последнее дело, которое вы расследовали с Пендергастом, очень дорого тебе обошлось. Ты мог потерять все. И теперь комиссар следит за тобой в оба. Я знаю, как важна для тебя карьера. И не хочу, чтобы ты ею рисковал. Пообещай мне, по крайней мере, что не дашь втянуть себя в сомнительные авантюры. Ты распутываешь это дело и несешь за него ответственность. В конце концов, именно тебе придется отчитываться в суде о том, что ты сделал – или не сделал.

– Согласен, – кивнул д’Агоста.

Хейворд с улыбкой сжала его руку.

– А помнишь, как мы первый раз с тобой встретились? – спросил д’Агоста. – Я был уже заслуженным ветераном, крутым полицейским лейтенантом.

– А я была зеленым сержантом, только что пришедшим из транспортной полиции.

– Да, семь лет уже прошло, подумать только. Я тогда приглядывал за тобой. Старался подстраховать. А теперь мы поменялись ролями.

Хейворд опустила глаза. Щеки ее слегка порозовели.

– А знаешь что, Лора? Мне даже нравится, что так получилось.

За соседним столиком кто-то вдруг громко произнес:

– Неужели он?

Посмотрев туда, д’Агоста увидел костлявую женщину в белой блузке, которая смотрела на него в упор, прижимая к уху сотовый телефон. Сначала он не понял, кому она это сказала – ему, своей соседке или тому, с кем говорила по телефону.

– Это он! Я видела его вчера в новостях!

Бросив трубку в сумочку, женщина встала из-за стола и подошла к ним:

– Вы – тот самый лейтенант, который занимается этими убийцами-зомби?

Услышав это, официантка подошла к столу:

– Так это он?

Худая женщина наклонилась над д'Агостой, вцепившись в край стола, так что побелели костяшки пальцев:

– Ведь вы раскроете это дело и посадите этих ужасных людей за решетку?

К столу подошла пожилая дама с йоркширским терьером в корзинке:

– Умоляю вас, лейтенант. Я совсем потеряла сон. И мои друзья тоже. Городские власти ничего не делают. Вы должны положить этому конец!

Д'Агоста с удивлением посмотрел на женщин. Это что-то новое. Обычно нью-йоркская публика, пресыщенная и беспечная, довольно равнодушно относилась даже к самым сенсационным происшествиям. Но эти люди казались не на шутку встревоженными.

Д'Агоста ободряюще улыбнулся:

– Мы делаем все, что можем, мадам. Преступник скоро будет найден. Я вам обещаю.

– Надеюсь, вы сдержите свое обещание.

Женщины отошли от стола, оживленно обсуждая животрепещущую тему.

Д'Агоста посмотрел на Хейворд. Она ответила ему таким же пристальным взглядом.

– Интересная реакция, – наконец сказала она. – Это дело становится по-настоящему громким. Будь осторожен, Винни.

– Пойдем? – спросил д'Агоста, указывая на дверь.

– Ты иди, а я допью кофе.

Он положил на стол двадцать долларов.

– Увидимся на складе вещдоков?

Лора молча кивнула, и лейтенант стал осторожно пробираться к двери, стараясь не смотреть на обращенные к нему взволнованные лица.

Глава 42

Д’Агоста с опаской относился к новому складу вещдоков, устроенному в подвале департамента полиции. После того как суд в очередной раз отклонил рассмотрение дела из-за ошибки в представлении доказательств, помещение было перестроено, и пройти туда стало сложнее, чем попасть в Форт-Нокс.

Вручив необходимые бумаги секретарю, сидящему за пуленепробиваемым стеклом, д’Агоста долго топтался в вестибюле в компании Хейворд, Пендергаста и Бертена, ожидая, пока документам будет дан ход. Ни стульев, ни журналов ожидающим не полагалось. Они могли довольствоваться лишь портретом губернатора на стене. Через пятнадцать минут появилась чрезвычайно живая дама, изборожденная морщинами, придававшими ей сходство с мумией. В руках она держала рацию. Вручив всем значки и нитяные перчатки, дама скомандовала:

– Проходите сюда. Держитесь вместе и ничего не трогайте.

Они последовали за ней по пустому, ярко освещенному коридору со множеством стальных пронумерованных дверей. После долгой пробежки дама остановилась у одной из дверей, сунула в прорезь карточку и с методичностью автомата набрала на панели код. Дверь распахнулась. Внутри оказались стеллажи для хранения вещдоков, закрывавшие три стены помещения. Посередине располагался пластиковый стол, над которым горели яркие электрические лампы. Раньше вещдоки выкладывались на стол заранее. Теперь же там лежали лишь их фотографии и список. Каждый предмет надо было запрашивать отдельно – никаких самостоятельных ознакомлений больше не разрешалось.

– Подойдите к столу – прозвучала очередная команда.

Пришедшие выстроились шеренгой: Хейворд, Пендергаст и зануда Бертен. Хейворд всем своим видом выказывала неодобрение. Она была против присутствия Бертена – его фрак и трость не вызывали у нее энтузиазма, – но у него было временное удостоверение ФБР и он имел право здесь находиться. Месье был бледен и взъерошен, на висках у него блестела испарина.

– Приступим, – сказала инспекторша, становясь к столу. – Вы раньше это делали?

Д’Агоста промолчал. Остальные хором произнесли «нет».

– Вы можете запрашивать только один комплект вещдоков зараз. Прикасаться к ним могу только я. Если хотите посмотреть на них поближе, нужно получить разрешение. Любые анализы проводятся только по письменному запросу. Здесь имеется список вещдоков, собранных в соответствии с ордером на обыск, а также относящихся к

данному делу. Как видите, все они сфотографированы. Итак, что вы хотите посмотреть? – поинтересовалась она, одарив их улыбкой, от которой ее лицо чуть не пошло трещинами.

– Во-первых, принесите нам то, что мы нашли в склепе Колина Феринга, – попросил Пендергаст.

После небольшой заминки на столе появился крошечный бумажный гроб со скелетиком внутри.

– Что еще?

– Мы бы хотели посмотреть ящик с вещдоками из Вилля. Вот его фотография, – указал на стол д’Агоста.

Женщина провела накрашенным ногтем по списку, отметила номер и пошла к одному из стеллажей. Открыв ячейку, она вытащила поддон:

– Слишком тяжело для меня.

– Я вам помогу, – вызвался д’Агоста, делая шаг вперед.

– Нет.

Женщина связалась с кем-то по рации, и через несколько минут в комнате появился здоровенный детина, который помог ей дотащить ящик до стола, после чего занял выжидательную позицию в углу.

– Откройте, пожалуйста, и выньте все, что там лежит, – попросил д’Агоста.

Во время обыска он толком не успел ничего рассмотреть.

Осторожно открыв крышку, женщина стала методично извлекать из ящика предметы, аккуратно раскладывая их на столе.

– Разверните, пожалуйста.

Предметы были освобождены от оберток бережно, словно музейные экспонаты. На столе появился набор необычных и в высшей степени экзотических ножей. Их кривые лезвия были зазубрены и имели странные насечки, а на деревянных и костяных ручках виднелись инкрустации в виде причудливых завитушек и узоров. Последним был развернут странный предмет, представлявший собой кусок толстой проволоки, извитый самым невероятным образом. Один его конец был насажен на костяную ручку, а другой изогнут в виде крюка, внешняя кромка которого была заточена до остроты бритвы. Он как две капли воды походил на тот, что похитил с алтаря Пендергаст.

– Это ножи для жертвоприношений с веве[28], – объявил Бертен, делая шаг назад.

– Что еще за веве? – раздраженно спросил д’Агоста.

Бертен закашлялся, прикрывая рот рукой.

– На ручках изображены веве – символы лоа.

– А что такое лоа?

– Лоа – это демон или дух. Каждый нож соответствует определенному лоа. Круги означают пляску демонов, или danse-cimetière. Когда в жертву лоа приносят животных или… других живых существ… это делается особым ножом.

– Короче говоря, очередная вудуистская чушь, – бросил д’Агоста.

Месье вытащил носовой платок и дрожащей рукой приложил его к вискам:

– Нет, это не вуду, это обеа.

Д’Агоста заметил, что месье Бертен произносит «вуду» на французский манер. Это привело его в крайнее раздражение.

– А какая разница?

– Обеа – гораздо серьезнее.

– Серьезнее, – повторил д’Агоста, бросив взгляд на Хейворд.

Но ее лицо было непроницаемо.

Вынув из кармана кожаный футляр, Пендергаст стал извлекать из него различные предметы – маленький штатив, пробирки, пинцет, булавку, пузырьки с реактивами – и ставить их на стол.

– Что это? – резко спросила Хейворд.

– Это для анализов, – коротко ответил спецагент.

– Вы не можете устраивать здесь лабораторию. Разве вы не слышали, что сказала дама? Для этого нужно специальное разрешение.

Белая рука извлекла из черного пиджака листок бумаги и протянула Хейворд. Прочитав его, она помрачнела.

– Это против правил… – начала было женщина-мумия, но второй листок остановил ее на полуслове. Прочитав, что там было написано, она оставила его при себе. – Хорошо. С чего бы вы хотели начать?

Пендергаст указал на причудливо изогнутый крюк:

– Мне понадобится вот это.

Еще раз взглянув на листок, женщина согласно кивнула.

Надев лупу, Пендергаст взял крюк затянутой в перчатку рукой. Повертев странное приспособление перед глазами, он положил его на стол. Потом очень осторожно соскреб булавкой немного вещества, приставшего к металлу рядом с ручкой, и положил его в пробирку. Взяв кусочек ваты, он намочил его жидкостью из пузырька, провел им по крюку и опустил в другую пробирку. Эту же процедуру спецагент проделал с несколькими ножами, раздельно обрабатывая ручки и лезвия и помещая каждый тампон в отдельную пробирку. Цвет реагента изменился только в первой пробирке.

– Весьма странно, – произнес Пендергаст, выпрямляясь.

Лабораторный комплект исчез так же быстро, как и появился, отправившись обратно в кожаный футляр, который был мгновенно сложен, закрыт на молнию и спрятан в недрах пиджака.

Похлопав себя по карману, Пендергаст сложил руки на груди. Все присутствующие вопросительно смотрели на него.

– Что такое? – невинно поинтересовался он.

– Мистер Пендергаст, если вас не затруднит, поделитесь с нами плодами своих трудов, – нарушила тишину Хейворд.

– Боюсь, что я потерпел неудачу.

– Какая жалость, – проронила Хейворд.

– Вы читали книгу канадского этноботаника Уэйда Дэвиса «Дорога тьмы. Этнобиология гаитянских зомби»?

Хейворд молча смотрела на него, скрестив на груди руки.

– Весьма интересная работа. Очень рекомендую, – продолжал Пендергаст.

– Непременно закажу ее на «Амазоне».

– Исследования Дэвиса показали, что живого человека можно зомбировать, если ввести в его организм два специфических вещества. Обычно это делается через рану. Первое, coup de poudre[29], представляет собой тетродотоксин, тот самый яд, который имеется в японском деликатесе – рыбе фугу. Второе содержится в растении под названием дурман. Смесь этих двух веществ, введенная человеку в количестве пятидесяти процентов от смертельной дозы, держит его в полубессознательном состоянии в течение нескольких дней. Он может двигаться, но почти ничего не соображает и полностью лишен

собственной воли. Короче говоря, с помощью определенных веществ можно превратить человека в настоящего зомби.

– И вы обнаружили эти самые вещества? – сухо поинтересовалась Хейворд.

– Самое удивительное, что нет. Ни здесь, ни в Вилле. Надо признаться, что я весьма озадачен и огорчен.

Она резко отвернулась:

– Принесите другие вещдоки. Мы только попусту теряем время.

– Зато я обнаружил на крюке следы человеческой крови, – добавил Пендергаст.

Наступила тишина.

Что-то промычав, д’Агоста повернулся к инспектору:

– Я хочу, чтобы с этого крюка были взяты пробы для генетической экспертизы, а результаты пробиты по всем базам. Кроме того, необходим тест на присутствие человеческих тканей. И вообще, все эти инструменты должны быть проверены на наличие крови – человеческой и любой другой. С ручек надо снять отпечатки пальцев – я должен знать, кто ими пользовался.

Он повернулся к Пендергасту:

– Вы знаете, для чего нужен этот идиотский крюк?

– Должен признаться, что нет. Месье Бертен?

Бертен выглядел очень взволнованным. Он отвел Пендергаста в сторону.

– Mon frère[30], я больше не в силах здесь оставаться, – сказал он громким шепотом. – Я болен, на самом деле болен. Это все тот унган, Шарьер. Он наслал на нас порчу. Разве вы не чувствуете?

– Я чувствую себя прекрасно.

Бросив выразительный взгляд на д’Агосту, Хейворд покачала головой.

– Пойдем отсюда, – умолял Бертен. – Я хочу домой. Мне нужно выпить микстуры. Я знаю, у тебя есть. Только это мне поможет.

– Du calme, du calme, maître[31]. Мы скоро пойдем.

Повернувшись к остальным, Пендергаст громко произнес:

– Будьте любезны, месье, осмотрите этот крюк.

Бертен неохотно подошел к столу и, наклонившись, обнюхал крюк. С его побледневшего лица градом лил пот, а свистящее дыхание напоминало звуки волынки.

– Как странно. Ничего подобного раньше не встречал.

Последовало еще одно обнюхивание.

– А что вы скажете о гробике, который мы нашли в склепе Феринга? Он относится к той же секте?

Бертен осторожно приблизился к странной поделке. Сейчас гроб был закрыт крышкой из желтоватой бумаги, на которой тушью были нарисованы черепа и длинные кости. Она была замысловато сложена наподобие оригами и точно соответствовала размеру гроба, сделанного из папье-маше.

– Какому лоа соответствует веве на крышке? – спросил Пендергаст.

Бертен покачал головой:

– Мне это веве неизвестно. Судя по всему, оно уникально и принадлежит какой-то секте обеа. В любом случае это очень странный рисунок. Я никогда прежде таких не видел.

Бертен протянул руку и сразу же отдернул ее, когда инспекторша предостерегающе цокнула языком. Но потом все же цапнул крышку.

– Положите обратно, – немедленно скомандовала женщина.

Бертен вертел крышку в руках, внимательно рассматривая ее и бормоча себе под нос.

– Месье Бертен, – строго сказала Хейворд.

Но тот, казалось, не слышал. Он продолжал изучать бумажную конструкцию, не переставая что-то бурчать про себя. И вдруг одним движением разорвал ее пополам.

Ему на брюки посыпался какой-то сероватый порошок.

После этого события стали разворачиваться с угрожающей быстротой. Бертен с воплем отскочил от стола, уронив обрывки бумаги. Инспекторша с проклятиями бросилась их подбирать. Детина схватил Бертена за шиворот и выволок из комнаты. Пендергаст, словно жалящая змея, молниеносно опустился на колени, выхватил из кармана пробирку и стал собирать в нее просыпанный порошок. А посреди этого бедлама стояла, сложив на груди руки, Хейворд, всем своим видом как бы говоря: «Я предупреждала».

Глава 43

Проктор загнал «роллс-ройс» на пустынную стоянку за бейсбольными площадками на краю Инвудского парка и выключил фары. Когда Пендергаст с д’Агостой вышли из машины, он вынул из багажника длинный брезентовый мешок с инструментами, ящик для вещдоков и металлоискатель.

– Вы не боитесь оставлять здесь машину? – с сомнением спросил д’Агоста.

– Проктор присмотрит за ней, – заверил Пендергаст, вручая лейтенанту мешок. – Не будем терять время, Винсент.

– Само собой.

Д’Агоста закинул мешок за спину, и они пошли через площадки к лесу. Лейтенант посмотрел на часы – два часа ночи. Куда его несет? Он только что пообещал Хейворд, что больше не будет встревать ни в какие авантюры, и вот пожалуйста – под покровом ночи идет раскапывать тело в общественном парке, не имея на то ни ордера, ни разрешения. В голове у него звучали слова Хейворд: «Твой Пендергаст так собирает улики, что никакой суд не признает их убедительными. Видимо, не зря его преступники не доживают до суда».

– Почему мы рыщем здесь в темноте, как какие-нибудь гробокопатели? – спросил он.

– А мы и есть гробокопатели.

Еще хорошо, что Бертен остался дома. Он слинял в последнюю минуту, пожаловавшись на сердцебиение. Старичок был в полной панике из-за того, что Шарьер завладел несколькими его волосками. Но волосы д’Агосты жрецу уж точно не достались – быть лысым имеет свои преимущества. Лейтенант невесело усмехнулся. Потом вспомнил сцену, произошедшую на складе вещдоков, и помрачнел:

– Какого хрена требовал ваш дружок Бертен? Что еще за микстура?

– Это своего рода коктейль, которым он восстанавливает силы, когда слишком разволнуется.

– Коктейль?

– Что-то в этом роде. Лимонад, водка, раствор кодеина и леденцы «Веселый фермер».

– Что? Леденцы?

– Бертен предпочитает арбузные.

– Господи, только в Луизиане могли придумать такое.

– Насколько я знаю, это снадобье было изобретено в Хьюстоне.

Миновав бейсбольные площадки, они пролезли через дыру в сеточной ограде, прошли по целине и углубились в лес. Пендергаст включил навигатор. Его голубоватый экран призрачно осветил лицо агента.

– Так где находится эта могила?

– Она никак не обозначена. Но Рен подсказал, где ее искать. Поскольку садовник считался самоубийцей, хоронить в освященной земле кладбища его было нельзя. Поэтому его зарыли рядом с тем местом, где он был убит. В протоколе указано, что его могила находится рядом с Шораккопочем.

– С чем?

– Это камень, которым отмечено место, где Питер Минуит купил Манхэттен у индейцев племени манахата.

Пендергаст двинулся вперед, за ним потянулся д’Агоста. Они пробирались через чащу, спотыкаясь о торчащие из земли камни. Кто бы мог подумать, что на Манхэттене могут быть такие дебри. Земля то уходила вверх, то резко обрывалась вниз. Они перешли вброд узкий ручеек и форсировали несколько каменных гряд. Лес становился все гуще, деревья заслонили верхушками луну. Пендергаст включил фонарик. Пройдя еще с полмили по камням, они вдруг увидели большой валун в круге желтого света.

– Это Шораккопоч, – объявил Пендергаст, сверившись с навигатором.

Он осветил фонариком бронзовую пластинку, привинченную к валуну. Она гласила, что на этом месте в 1626 году Питер Минуит купил у местных индейцев остров Манхэттен, заплатив за него товарами на общую сумму 60 гульденов.

– Неплохое вложение, – заметил д’Агоста.

– Не скажите, – возразил Пендергаст. – Вложи он тогда шестьдесят гульденов под пять процентов годовых, сейчас накопилась бы сумма, во много раз превышающая сегодняшнюю стоимость Манхэттена.

Пендергаст направил фонарик в темноту:

– По нашим сведениям, тело было захоронено на расстоянии двадцати двух родов к северу от тюльпанного дерева, которое когда-то росло рядом с камнем.

– А пень от него сохранился?

– Нет. Дерево было спилено в тысяча девятьсот тридцать третьем году. Но Рен отыскал старую карту, на которой дерево обозначено в восемнадцати ярдах к юго-западу от памятника. Я ввел эти данные в навигатор.

Пендергаст зашагал в юго-западном направлении, то и дело сверяясь с навигатором.

– Здесь. – Он повернул на юг. – Один род равен шестнадцати с половиной футам. Стало быть, двадцать два рода составляют триста шестьдесят три фута.

Спецагент нажал несколько кнопок на навигаторе.

– Следуйте за мной.

Пендергаст опять углубился в лес, полностью растворившись в темноте. Вскинув на плечо тяжелую сумку, д’Агоста поплелся за ним. От Спатен-Дайвила тянуло запахом болот и сырой земли. Вскоре между деревьями засветились огни небоскребов Ривердейла, возвышавшихся по ту сторону реки. Лес вдруг резко кончился, и они вышли на покрытую галькой отмель. Впереди крутилась в водоворотах река. В ее бурных, покрытых рябью водах, сверкая и переливаясь в темных волнах, отражались огни Гудзоновской автострады и близлежащих домов. Над водой низко стелился клочковатый туман, из-за которого доносился тарахтящий звук.

– Подождите минутку, – тихо сказал Пендергаст, останавливаясь у кромки леса.

По Спатен-Дайвилу медленно шел полицейский катер, освещая прожектором берег. Его призрачный силуэт то появлялся из клубящегося тумана, то исчезал вновь. Они успели припасть к земле как раз в тот момент, когда луч прожектора выхватил из темноты место, где они только что стояли.

– Господи! – пробормотал д’Агоста. – От своих же ребят скрываюсь. С ума сойти можно.

– У нас нет другого выбора. Вы представляете, сколько времени потребуется, чтобы получить разрешение на эксгумацию тела, которое похоронено не на кладбище, а в общественном месте, тем более что у нас нет свидетельства о смерти и все, чем мы располагаем, – это несколько газетных статей.

– Ладно, нам не впервой.

Поднявшись, Пендергаст вышел из-под деревьев, пересек узкую полоску травы и остановился у края галечной отмели. Вдали, за утесами,

возвышалась архаичная церковь Вилля. Ее длинный шпиль торчал из-за деревьев, словно клык, верхние окна светились тусклым желтым светом.

– Здесь, – сказал Пендергаст, останавливаясь.

Д’Агоста оглядел каменистый берег:

– Не может быть. Кто будет хоронить покойника на таком открытом месте?

– Здесь легче копать. А сто лет назад на той стороне еще не было никаких домов.

– Прекрасно. И как же мы будем его откапывать на глазах у всех?

– Как можно быстрее.

Вздохнув, д’Агоста открыл мешок и вынул оттуда лопату и кирку. Пендергаст привинтил к металлоискателю ручку, надел наушники и, включив устройство, стал водить им по земле.

– Здесь полно металла, – объявил он.

Спецагент медленно пошел вперед, обшаривая землю металлоискателем. Прочесав футов пять, он повернулся и пошел назад:

– Я слышу отчетливый сигнал вот здесь. На глубине двух футов.

– Двух? Не слишком-то глубоко.

– Рен говорил мне, что с момента погребения эрозия почвы в этом районе составила около четырех футов.

Отложив металлоискатель, Пендергаст снял пиджак и повесил его на ближайшее дерево. Потом взял кирку и с неожиданной резвостью стал долбить землю. Д’Агоста надел рукавицы и стал отгребать грязь и гальку.

Приглушенный рокот возвестил о возвращении полицейского катера. На берег упал луч прожектора. Д’Агоста растянулся на земле, рядом рухнул Пендергаст. Когда катер прошел, он поспешил подняться.

– Вот уж некстати, – посетовал он, отряхиваясь и снова берясь за кирку.

Прямоугольная яма становилась все глубже – двенадцать дюймов, восемнадцать. Отбросив в сторону кирку, Пендергаст встал на колени и стал работать небольшой лопаткой, отгребая землю, которую д’Агоста потом отбрасывал лопатой. Из ямы шел резкий запах соленой морской воды и перегноя.

Когда было раскопано дюймов двадцать, Пендергаст опустил туда металлоискатель.

– Мы почти у цели.

Через пять минут усердного копания лопатка наткнулась на какой-то полый предмет. Пендергаст быстро отгреб землю, обнажив заднюю часть человеческого черепа. Потом показалась лопаточная кость и конец деревянной ручки.

– Похоже, нашего друга похоронили лицом вниз, – заметил Пендергаст.

Он стал очищать от земли деревянную ручку, пока не показалось ржавое лезвие.

– Да к тому же с ножом в спине.

– Я думал, его ударили в грудь, – отозвался д’Агоста.

Сквозь облака проглянула луна. В ее неверном свете лицо Пендергаста казалось мрачным и усталым.

Они стали осторожно раскапывать труп, пока не показалась вся спина. Одежда истлела, уцелели только сморщенные ботинки, гнилой ремень, старомодные запонки и пряжка. Обкопав скелет со всех сторон, они стали очищать от земли коричневые кости.

Потом д’Агоста поднялся и, тревожно поглядывая на реку, осветил место раскопок. Скелет лежал лицом вниз, руки его были протянуты вдоль тела, ноги аккуратно уложены носками внутрь. Пендергаст поднял несколько полуистлевших обрывков одежды, приставших к костям, и положил их в ящик. Нож, всаженный в спину по самую рукоятку, прошел через левую лопатку прямо над сердцем. Присмотревшись, д’Агоста увидел глубокую вмятину у основания черепа.

Наклонившись над могилой, Пендергаст сфотографировал скелет с разных точек.

– Теперь давайте вытаскивать, – сказал он, поднимаясь.

Д’Агоста держал фонарь, а Пендергаст кончиком лопаты осторожно извлекал из земли кости, вручая их д’Агосте, который складывал их в ящик. Добравшись до груди, спецагент медленно вытащил из земли нож и тоже передал д’Агосте.

– А вот это видите, Винсент?

Д’Агоста осветил длинный чугунный костыль, прижимавший к земле плечевую кость. Его длинный стержень уходил глубоко в землю.

– Беднягу прямо-таки пригвоздили к могиле.

Таких костылей оказалось несколько, и, вытащив все, Пендергаст сложил их рядом с останками.

– Любопытно. А теперь посмотрите сюда.

Направив свет на шею скелета, д’Агоста увидел тонкий пеньковый шпагат, обвившийся вокруг позвонков.

– Здорово затянули. Чуть голову не оторвали.

– Вы правы. Подъязычная кость практически раздроблена, – заметил Пендергаст, возвращаясь к своему малоприятному занятию.

Вскоре от скелета не осталось ничего, кроме черепа, зарывшегося лицом в землю. Пендергаст подсунул под него перочинный нож, слегка раскачал и вытащил наружу. Потом перевернул, чуть поддев лезвием ножа.

– О черт, – пробормотал д’Агоста, отступая назад.

Рот у черепа был закрыт, но вся ротовая полость была забита какой-то беловато-зеленой массой, похожей на мел. К зубам прицепилась тонкая спутанная бечевка.

Спецагент поднял ее и, рассмотрев, положил в пробирку. Потом осторожно наклонился, понюхал череп, взял немного беловатого вещества и растер между пальцами:

– Мышьяк. Им заполнили рот трупа, а потом зашили.

– Господи Исусе. Какое же это самоубийство, если его задушили, воткнули в спину нож и затолкали в рот мышьяк? Те, кто его хоронил, не могли этого не заметить.

– Изначально тело лежало по-другому. Никто не хоронит своих родных лицом вниз. Но после похорон кто-то – скорее всего те, кто его раньше «реанимировал», – пришел и выкопал тело, чтобы произвести все эти манипуляции.

– Но зачем?

– Это известный ритуал обеа. Мертвеца убивают вторично.

– Какого черта это нужно?

– Чтобы убить наверняка, – объяснил Пендергаст, поднимаясь на ноги. – Как вы справедливо заметили, Винсент, это было не самоубийство. Теперь, когда мы видим, что он был убит дважды, причем во второй раз с помощью ножа и мышьяка, в этом нет никакого сомнения. После первых похорон этого человека выкопали – выкопали с определенной целью, – и когда эта цель была достигнута, его снова похоронили, на этот раз лицом вниз. Это тот самый преступник –

реанимированный труп по версии «Нью-Йорк сан», – который в тысяча девятьсот первом году совершил все эти убийства в Инвудском лесу.

– Вы хотите сказать, что его похитили или обратили в свою веру обитатели Вилля, а потом превратили в зомби и заставили убить ландшафтного архитектора и паркового чиновника, чтобы спасти свою церковь от уничтожения?

– Ecce signum[32], – коротко ответил Пендергаст, махнув рукой в сторону трупа.

Глава 44

Д'Агоста отхлебнул большой глоток кофе и поморщился. Это была уже пятая чашка за утро. Привычка пить «Старбакс» стала разорительной, и он переключился на тот деготь, который производила старая кофеварка, стоявшая в комнате отдыха. Поставив чашку, он посмотрел на Пендергаста, сидевшего в углу. Сложив пальцы домиком, тот над чем-то усиленно размышлял. Приключения прошлой ночи никак не отразились на его облике.

Внезапно из коридора донеслись звуки словесной перепалки – кто-то пытался пройти к д'Агосте. Голос показался ему знакомым. Поднявшись, он высунулся в коридор. Человек в вельветовом пиджаке спорил с одним из секретарей.

Увидев д'Агосту, секретарь пожаловался:

– Лейтенант, я пытаюсь объяснить этому человеку, что он должен подать заявление сержанту.

Человек обернулся:

– А, вот вы где!

Это был продюсер-благотворитель Эстебан. На лбу у него белела повязка.

– Сэр, лейтенант должен был назначить вам...

– Я приму его, Шелли. Спасибо, – перебил секретаря д'Агоста.

Он вернулся в кабинет. Эстебан последовал за ним. Увидев Пендергаста, посетитель нахмурился. При первой встрече в поместье Эстебана на Лонг-Айленде они не слишком понравились друг другу.

Д'Агоста сел за стол, Эстебан расположился против него на стуле. Лейтенант сразу же почувствовал к нему антипатию. Самодовольный хлыщ.

– Так в чем дело? – спросил он.

– На меня напали, – сообщил Эстебан. – Вот, видите? Меня ударили ножом!

– Вы сообщили об этом в полицию?

– А что я сейчас, по-вашему, делаю?

– Мистер Эстебан, я лейтенант подразделения, которое занимается расследованием убийств. Могу направить вас к следователю…

– Это покушение на убийство. На меня напал зомби.

Д’Агоста поперхнулся. Пендергаст медленно поднял голову:

– Простите, как вы сказали – зомби?

– Да, именно так я и сказал. Или кто-то похожий на зомби.

Д’Агоста нажал кнопку внутренней связи:

– Шелли? Пригласите ко мне следователя. Нужно будет принять заявление.

– Есть, лейтенант.

Эстебан попытался продолжить, но д’Агоста остановил его жестом. Через минуту вошел полицейский с цифровым диктофоном. Д’Агоста кивнул на единственный свободный стул.

Когда следователь включил диктофон, д’Агоста опустил руку:

– Теперь, мистер Эстебан, мы готовы выслушать вас.

– Вчера я допоздна сидел в своем офисе.

– Адрес?

– Западная Тридцать пятая улица, пятьсот тридцать три. Это рядом с конференц-центром Джевитса. Около часа я вышел на улицу. В этой части города ночью довольно безлюдно. Я пошел по Тридцать пятой в восточном направлении. И вдруг почувствовал, что за мной кто-то идет. Оглянувшись, я увидел какого-то оборванца, который был явно пьян или под кайфом. Сначала я не придал этому значения. Но когда подошел к Десятой авеню, сзади послышался топот. Я опять оглянулся, и тут меня ударили ножом в голову. К счастью, нож прошел по косой. Человек – или существо – попытался нанести второй удар, но я, как видите, нахожусь в прекрасной физической форме, к тому же в свое время занимался боксом в колледже, так что я отбился и дал ему сдачи. Довольно сильно. Он снова бросился на меня, но я уже был к этому готов и сбил его с ног. Он поднялся, подобрал свой нож и, пошатываясь, пошел прочь.

– Вы можете описать нападавшего? – подал голос Пендергаст.

– Конечно. У него было одутловатое, распухшее лицо и рваная одежда, вся в каких-то пятнах, похожих на кровь. Волосы темные, спутанные и как-то дико торчащие. И он издавал звуки, похожие… – Эстебан замолчал, как бы раздумывая. – Такие звуки издает вода, когда всасывается в водослив. Высокий, худой, угловатый, неуклюжий. На вид лет тридцать пять. Руки запачканы чем-то похожим на засохшую кровь.

«Колин Феринг, – подумал д’Агоста. – А может быть, Смитбек».

– Когда именно это случилось?

– Я тогда посмотрел на часы. Было одиннадцать минут второго.

– А свидетели были?

– Нет. Послушайте, лейтенант, я точно знаю, кто за этим стоит.

Д’Агоста молча ждал.

– С тех пор как я поднял вопрос о жертвоприношениях животных, Вилль преследует меня постоянно. У меня брал интервью этот журналист, Смитбек, – и вскоре его убили. Зомби или кто-то, его изображающий. Потом со мной беседовала другая журналистка, Кейтлин Кидд, – и ее тоже убивает так называемый зомби. Теперь они взялись за меня!

– Значит, за вами охотятся зомби, – бесстрастно повторил д’Агоста.

– Я не знаю, настоящие они или фальшивые. Главное, что ниточка тянется в Вилль. Надо немедленно что-то делать. Эти люди совершенно бесконтрольны, они режут ни в чем не повинных животных, а потом устраивают маскарад, чтобы расправиться с людьми, которые протестуют против их ритуалов. А городские власти допускают, чтобы на общественной территории незаконно обосновались потенциальные убийцы!

Пендергаст, молча слушавший эти тирады, подошел к Эстебану.

– Сожалею, что вы пострадали, – сказал он, участливо склоняясь к нему. – Можно, я посмотрю? – И стал отклеивать пластырь.

– Мне бы не хотелось, чтобы вы трогали рану.

Но повязка уже была снята. Под ней оказался двухдюймовый разрез с полудюжиной швов. Пендергаст понимающе кивнул:

– Ваше счастье, что нож был острый и в рану не попала грязь. Смазывайте ее неоспорином, и у вас не останется даже шрама.

– Счастье? Эта тварь чуть не убила меня!

Вернув повязку на место, Пендергаст отступил за стол.

– Неудивительно, что на меня напали именно сейчас, – продолжал Эстебан. – Я планировал провести марш протеста против жертвоприношений в Вилле. Мне удалось получить разрешение, и сегодня днем мы собирались устроить демонстрацию. Об этом сообщалось в газетах.

– Я в курсе, – бросил д’Агоста.

– Совершенно очевидно, что они пытались обезвредить меня.

Д’Агоста наклонился над столом:

– У вас есть какие-то прямые доказательства причастности Вилля?

– Любому дураку ясно, что все указывает на Вилль! Сначала Смитбек, потом Кидд и вот теперь я.

– Боюсь, все не так очевидно, как вам кажется, – вмешался Пендергаст.

– Что вы имеете в виду?

– Я несколько удивлен, почему они не расправились сначала с вами.

Эстебан бросил на него неприязненный взгляд:

– С какой стати?

– Вы же были главным зачинщиком. Я бы на их месте прежде всего убил вас.

– Хотите казаться умнее всех?

– Ни в коем случае. Просто указываю на очевидное.

– Тогда позвольте и мне указать на очевидное: в Инвуде заправляет банда убийц, а городские власти и копы сидят сложа руки. Ну что ж, они еще пожалеют, что со мной связались. Приходите сегодня на демонстрацию – и увидите сами. Мы такой шум поднимем, что вам все равно придется растрястись.

Он поднялся со стула.

– Прочитайте и подпишите протокол, – сказал д’Агоста.

Раздраженно фыркнув, Эстебан остался ждать, пока распечатают протокол. Быстро пробежав текст, он нацарапал свою подпись. Потом пошел к двери, но на полпути остановился и, обернувшись, предостерегающе поднял дрожащий от негодования палец:

– С сегодняшнего дня все пойдет по-другому. Я уже устал от вашего бездействия, как и все жители Нью-Йорка.

Улыбнувшись, Пендергаст приложил палец ко лбу:

– Неоспорин, два раза в день. Прекрасно помогает.

Глава 45

Стоя на углу Двести четырнадцатой улицы и Симен-авеню, д'Агоста с Пендергастом наблюдали, как движется шествие. Оно было довольно жидким – д'Агоста насчитал от силы человек сто. Поначалу здесь находился и Гарри Числетт, заместитель районного начальника полиции, но, убедившись в малочисленности толпы, быстро уехал. Демонстрация выглядела мирной и спокойной, почти сонной. Никаких выкриков, конфликтов с полицией, летящих камней и бутылок.

– Похоже на картинку из каталога «Л. Л. Бин», – заметил д'Агоста, щурясь на ярком осеннем солнце.

Пендергаст стоял у фонарного столба, сложив на груди руки.

– «Л. Л. Бин»? Не знаю такой марки.

Размахивая плакатами и скандируя лозунги, толпа завернула за угол и направилась в сторону Инвудского парка. Возглавлял шествие Александр Эстебан в паре с каким-то человеком. Его лоб по-прежнему украшала повязка.

– А что это за парень рядом с Эстебаном? – поинтересовался д'Агоста.

– Ричард Плок. Исполнительный директор организации «Люди на защите животных».

Д'Агоста с любопытством посмотрел на него. Простоватый белый парень лет тридцати, страдающий от излишнего веса. Он браво шагал вперед, перебирая короткими ножками и размахивая толстенькими ручками, так что кисти болтались при каждом махе. На лице его была написана решимость. Несмотря на холодный осенний воздух и рубашку с короткими рукавами, он обливался потом. В отличие от Эстебана, обладавшего определенной харизмой, у этого парня она отсутствовала начисто. Тем не менее д'Агосте он показался человеком твердых убеждений – было видно, что он свято верит в правоту своего дела.

За лидерами шла шеренга людей с огромным плакатом «Долой Вилль!».

Похоже, в этой толпе у каждого имелась своя повестка дня. Было много плакатов, обвинявших Вилль в убийстве Смитбека и Кидд. Помимо этого, здесь был представлен самый широкий спектр защитников живой природы: вегетарианцы, борцы с меховыми шубами, люди,

выступающие против испытаний лекарств на животных, религиозные экстремисты, ополчившиеся на вуду и зомби, и даже несколько пацифистов. В воздухе трепетали лозунги: «Есть мясо – значит быть убийцей», «Они наши друзья, а не еда», «Мех – это труп», «Мучить животных – грех перед Богом». Некоторые держали в руках увеличенные фотографии Смитбека и Кидд с надписью: «Зверски убиты».

Д'Агоста отвернулся и посмотрел на часы. Было уже около часа. В животе у него урчало.

– Похоже, здесь не на что больше смотреть.

Пендергаст продолжал молча разглядывать толпу.

– Может, пообедаем?

– Я бы предпочел остаться.

– Здесь уже ничего не случится. Эти ребята вряд ли захотят ввязываться в драку и мять свои фирменные шмотки.

Пендергаст не отрывал глаз от проходящей толпы:

– И все же нам лучше остаться здесь, пока не закончится вся их говорильня.

«Он же у нас святым духом питается», – съязвил про себя д'Агоста. Он и вправду не мог припомнить ни одного случая, когда бы они ели вместе где-нибудь, кроме особняка на Риверсайд-драйв. Не стоило и заикаться.

– Пойдемте за толпой до Индиан-роуд, – предложил Пендергаст.

«Это не толпа, а воскресное собрание в церкви», – возразил про себя д'Агоста. Но все же последовал за спецагентом, всем своим видом выражая недовольство. Шествие остановилось на поле за бейсбольными площадками, рядом с дорогой, ведущей к Виллю. Пока все шло в соответствии с заявкой. Полицейские расположились рядом, лениво наблюдая за происходящим. Средства подавления беспорядков, баллончики со слезоточивым газом и полицейские дубинки были убраны обратно в машины. Из двух дюжин патрульных машин, съехавшихся к началу демонстрации, осталось меньше половины. Остальные вернулись к своему обычному патрулированию.

Пока демонстранты ходили по кругу, скандируя лозунги и размахивая плакатами, Плок взобрался на открытую трибуну одной из бейсбольных площадок. Эстебан расположился за ним, почтительно сложив на груди руки.

– Уважаемые друзья животных! Позвольте мне приветствовать вас на нашем собрании! – прокричал Плок.

Он обходился без мегафона, но его высокий пронзительный голос был хорошо слышен отовсюду.

Толпа притихла. Д’Агоста подумал, что на этом сборище яппи и жителей Верхнего Уэстсайда беспорядки столь же маловероятны, как на чаепитии колониальных дам Америки[33]. А вот ему сейчас действительно не помешала бы чашка кофе с хорошим чизбургером.

– Я – Рич Плок, исполнительный директор организации «Люди на защите животных», имею честь представить вам нашего представителя Александра Эстебана!

Толпа воодушевилась, и когда Эстебан ступил на трибуну, его приветствовали громкими криками и аплодисментами. Он с улыбкой наблюдал это ликование, бросая пламенные взгляды на немногочисленную аудиторию. Наконец он поднял руку, призывая всех к тишине.

– Друзья мои, – произнес Эстебан низким звучным голосом, который являл полную противоположность тонкому фальцету Плока. – Я не буду произносить перед вами речь. У меня есть для вас кое-что другое. Можете назвать это когнитивным перевоплощением, если хотите.

По толпе пробежал ропот недовольства – они пришли сюда протестовать, а не выслушивать лекции.

Д’Агоста ухмыльнулся: «Когнитивное перевоплощение. Так теперь называются беспорядки».

– Я прошу вас всех закрыть глаза и на какое-то время забыть, что вы люди.

Толпа затихла.

– Представьте себе, что вы маленький ягненок.

В толпе снова зашумели.

– Вы родились весной на севере штата Нью-Йорк – светит солнышко, вокруг зеленеет трава. Рядом ваша мать, вы под надежной защитой своего стада. Каждый день вы беззаботно скачете по полям вместе со своими братиками и сестричками, а ночью возвращаетесь под гостеприимный кров своей фермы. Вы счастливы, потому что живете той жизнью, которую предназначил для вас Господь. Именно это называется счастьем. Нет страха, нет горя, нет боли. Вы даже не подозреваете, что все это существует на свете. Потом на ферму приезжает фургон – огромный, шумный, страшный. Вас насильно

отрывают от матери. Такое просто невозможно пережить. Вас палкой загоняют в фургон. Дверь захлопывается. Внутри темно, пахнет навозом и страхом. Фургон с ревом срывается с места. Вы можете себе представить, какой ужас испытывает крошечное беззащитное существо?

Замолчав, Эстебан оглядел толпу. Стояла полная тишина.

– Вы жалобно блеете, зовете свою мать, но она не приходит. И не придет. Вы ее больше никогда не увидите.

Еще одна пауза.

– Наконец фургон останавливается. Всех ягнят забирают – кроме вас. Вы не станете едой, для вас уготована участь пострашнее. Фургон движется дальше. Теперь вы в полном одиночестве и цепенеете от ужаса. Одиночество – фактор биологический. Ягненок, отбившийся от стада, всегда погибает. И вы это чувствуете. Вас охватывает смертельная тоска. Фургон снова останавливается. В него влезает человек и набрасывает вам на шею вонючую цепь, всю в засохшей крови. Вас тащат куда-то в темноту. Это церковь или какое-то подобие ее, но вы этого, конечно, не знаете. Она полна людей, и там стоит невыносимый запах. Вы почти ничего не видите в темноте. Люди что-то поют и бьют в барабаны. Из темноты выступают странные лица. Слышатся выкрики, шипение, стук колотушек, топот ног. Ваш ужас поистине безграничен. Вас привязывают к столбу. Вокруг грохот барабанов, топот ног, запах смерти. Вы отчаянно блеете, призывая свою мать. У вас еще остается надежда, что она придет и заберет вас отсюда. К вам приближается какая-то фигура. Это высокий уродливый человек в маске. В руках у него что-то длинное и блестящее. Он становится рядом с вами. Вы пытаетесь убежать, но в горло вам впивается цепь. Человек хватает вас и бросает на землю. Пение становится все громче и быстрее. Вы пронзительно кричите и пытаетесь подняться. Человек хватает вас за шерсть и откидывает назад вашу голову, открывая нежное незащищенное горло. В тусклом свете сверкает блестящий предмет. Вы чувствуете, как он касается вашего горла…

Эстебан опять остановился, дожидаясь тишины.

– Я снова прошу вас закрыть глаза и представить себя на месте этого беспомощного ягненка.

Полная тишина.

– Блестящий предмет впивается вам в горло. Вы чувствуете жуткую боль. Вы даже не догадывались, что бывает так больно. Вы захлебываетесь горячей кровью. Ваш ум отказывается понимать подобную жестокость. Вы пытаетесь издать последний жалобный крик, призывая свою мать, своих потерянных сородичей, гуляющих по

зеленым полям вашего детства, своих убитых братьев и сестер… Но из перерезанного горла вылетает лишь предсмертный хрип. Ваша жизнь кончается на грязном полу, покрытом залитой кровью соломой. Вы не чувствуете ни ненависти, ни злобы, ни даже страха. Лишь один вопрос проносится в вашем угасающем сознании: «За что?» Потом наступает конец.

Эстебан замолчал. Толпа безмолвствовала. Даже у д’Агосты к горлу подступил комок. Конечно, все это было слезливой чушью, но, надо признать, било наповал.

Рич Плок не стал комментировать это выступление и призывать собравшихся к действию. Он просто молча сошел с трибуны и с решительным видом зашагал по полю.

Демонстранты в растерянности смотрели на удаляющегося Плока. Эстебан тоже выглядел несколько озадаченным – он явно не ожидал такого поворота событий.

В конце концов толпа устремилась за Плоком. Толстяк уже успел пересечь поле и вышел на дорогу, ведущую к Виллю, после чего зашагал по ней в сторону поселка, неуклонно наращивая скорость.

– О-го-го, – протянул д’Агоста.

– На Вилль! – прокричал кто-то в толпе.

– На Вилль! На Вилль! – подхватил целый хор голосов.

Вскоре ропот толпы превратился в настоящий рев.

– На Вилль! Остановим убийц!

Д’Агоста посмотрел вокруг. Копы все еще находились в оцепенении. Никто не ожидал такого взрыва. Толпа мгновенно наэлектризовалась и пришла в движение. Намерения у нее были самые серьезные.

– На Вилль!

– Разгромим Вилль!

– Отомстим за Смитбека!

Д’Агоста вытащил рацию.

– Это лейтенант д’Агоста. Просыпайтесь, ребята. Шевелите задницей! Демонстрантам не разрешено приближаться к Виллю.

Однако толпа продолжала двигаться по дороге – медленно и неотвратимо, как морской прилив. К ней наконец присоединился и

Эстебан, который стал с озабоченным видом проталкиваться вперед, чтобы возглавить шествие.

– Остановим убийц!

– Если они доберутся до Вилля, дерьма не оберешься. Там уж точно будет мордобой.

В рации послышался шум голосов. Полицейские наконец спохватились и стали лихорадочно экипироваться и разворачивать ряды, чтобы остановить толпу. Но д’Агоста видел, что время упущено, да к тому же стражей порядка было слишком мало. Ситуация застала их врасплох. Сейчас уже было не важно, сколько людей здесь собралось – сто или сто тысяч. Толпа жаждала крови. Своим выступлением Эстебан распалил их до крайности. Шествие уже перекрыло дорогу, не давая полицейским машинам проехать вперед.

– Винсент, пойдемте скорей, – бросил Пендергаст и рысью припустил через бейсбольные площадки к лесу.

Д’Агоста сразу разгадал его план – пройти коротким путем через лес и опередить толпу, движущуюся по дороге.

– Жаль, что кто-то свалил ворота на дороге… правда, Винсент?

– Кончайте прикалываться, Пендергаст. Нашли время.

До них уже доносились крики демонстрантов.

Через несколько минут они вышли на дорогу, немного обогнав толпу. Слева начиналась сеточная ограда, ворота все еще лежали на земле. Толпа быстро приближалась. Во главе ее по-прежнему шагал Плок. Эстебана нигде не было видно. Полицейские сильно отстали, не имея возможности объехать шествие на патрульных машинах. Зато пресса была представлена во всей красе. Полдюжины репортеров с видеокамерами и фотоаппаратами бодро шагали в рядах протестующих. Не было сомнения, что грядущая катастрофа будет достойно представлена в вечерних новостях.

– Похоже, надо действовать, – сказал д’Агоста.

Сделав глубокий вдох, он развернулся лицом к толпе и вынул свой значок. Пендергаст встал рядом. Толпа надвигалась, как стадо разъяренных быков.

– Внимание! – прокричал д’Агоста. – Я лейтенант д’Агоста из департамента полиции Нью-Йорка. Вы не имеете права идти дальше!

Толпа продолжала двигаться.

– На Вилль!

– Мистер Плок, не делайте этого! Это незаконно. Вы будете арестованы.

– С дороги! Убирайтесь отсюда!

– Еще один шаг, и вы будете арестованы!

Д’Агоста попытался схватить Плока, но тот не оказал никакого сопротивления, и эффектный жест пропал даром. Их окружила толпа. Арестовать сразу сотню людей не представлялось никакой возможности.

– Стойте на своем, – тихо сказал Пендергаст.

Д’Агоста заскрипел зубами.

И тут, как по мановению волшебной палочки, словно из-под земли вырос Эстебан.

– Друзья мои! – закричал он, обращаясь к напирающей толпе. – Мои дорогие единомышленники!

Демонстранты дрогнули и замедлили шаг.

– На Вилль!

Эстебан вдруг обнял Плока, потом повернулся к толпе и поднял руки.

– Нет! Друзья мои, ваше мужество растрогало меня до глубины души! Но умоляю вас, остановитесь! – Понизив голос, он обратился к Плоку: – Рич, мне нужна твоя помощь. Пока рано туда идти, ты сам это знаешь.

Плок, нахмурившись, взглянул на Эстебана. Увидев, что между лидерами возникли разногласия, толпа притормозила.

– Благодарю вас за ваши добрые сердца! – снова начал выкрикивать Эстебан. – Спасибо. Но пожалуйста, выслушайте меня. Всему свое время. Мы с Ричем решили, что сейчас не стоит нападать на Вилль! Вы поняли меня? Мы высказали свое мнение, продемонстрировали свою решимость. Мы показали городу свое справедливое негодование! Мы устыдили бюрократов и предупредили политиков! Мы сделали все, что могли! Но мы не хотим насилия. Прошу вас, никакого насилия.

Плок молчал, мрачнея лицом.

– Мы пришли сюда остановить убийства, а не болтать! – выкрикнул кто-то в толпе.

– И мы их остановим! – пообещал Эстебан. – К чему приведет открытая конфронтация? Не будьте наивными, эти люди окажут нам ожесточенное сопротивление. Они могут быть вооружены. Вы готовы к этому? Нас ведь так мало. Друзья мои, скоро эти мучители животных

будут выселены отсюда. И убийствам ягнят и телят, не говоря уже о журналистах, придет конец. Но не торопитесь. Еще не пришло время!

Он замолчал. В воздухе повисла тишина.

– Мои дорогие, – продолжал Эстебан. – Вы показали силу своих убеждений. Сейчас мы развернемся и пойдем обратно на место нашего сбора. Там мы будем выступать, произносить речи, чтобы весь город узнал, что здесь происходит. Мы восстановим справедливость для тех, кто не может сам за себя постоять!

Толпа ждала, что Плок поддержит Эстебана. В конце концов он медленно и как бы неохотно поднял руки.

– Наша цель достигнута, – произнес он. – Мы возвращаемся назад – но ненадолго!

Пресса рванула вперед, застрекотали камеры вечерних новостей, потянулись вверх микрофоны. Однако Эстебан жестом остановил репортеров. Д’Агоста с изумлением увидел, как толпа развернулась и, следуя призывам Эстебана, мирно потекла по дороге назад. Некоторые демонстранты даже подбирали плакаты, которые они побросали во время своего блицкрига на Вилль. Д’Агоста был потрясен произошедшей метаморфозой. Эстебан распалил толпу, привел ее в движение, а потом, в самый последний момент, обрушил из нее ушат холодной воды.

– Что стряслось с Эстебаном? – обратился он к Пендергасту. – Похоже, он в последний момент струсил и дал задний ход?

– Нет, – пробормотал спецагент, глядя в спину удалявшегося Эстебана. – Как странно, что при этом наш друг не брезгует мясом. И в частности, мясом молодых барашков.

Глава 46

Когда д’Агоста показался в кабинете у Марти Вартека, тот, взглянув на мрачную физиономию лейтенанта, оказал ему самый радушный прием: помог снять пальто, проводил до дивана и принес чашку чуть теплого кофе. После чего вернулся за свой стол.

– Чем могу быть вам полезен, лейтенант? – спросил он тоненьким голосом. – Вы хорошо себя чувствуете?

Вообще-то, д’Агоста чувствовал себя не очень хорошо. Особенно его развезло после завтрака – все тело ломило и кидало в жар. Похоже, он заразился гриппом. Он старался не думать о плохом самочувствии Бертена и о том, что инспектор службы защиты животных Пальчинский накануне рано ушел с работы, жалуясь на слабость и озноб. Происки

Шарьера здесь, конечно, ни при чем… об этом даже говорить не стоит. Однако он пришел сюда не для того, чтобы обсуждать свое самочувствие.

– Вы знаете, что случилось вчера на демонстрации?

– Я читал в газетах.

Д’Агоста заметил на столе у чиновника «Ньюс», «Пост» и «Уэстсайдер», прикрытые папками с официальными документами. Похоже, исполняющий обязанности заместителя директора внимательно следил за тем, что происходило в Вилле.

– Я был там. Дело чуть не закончилось беспорядками. И ведь бузили не леваки, мистер Вартек. Там собрались обычные законопослушные граждане.

– Мне звонили из мэрии, – фальцетом сообщил Вартек. – Мэр очень озабочен взрывоопасной ситуацией в Инвудском парке.

Д’Агоста слегка смягчился. Похоже, Вартек наконец проникся – или по крайней мере понял, чего от него хотят. Рот у чиновника был плотно сжат, порезанные бритвой щеки слегка дрожали. Он выглядел как ученик, только что получивший хорошую взбучку.

– Ну и что вы намерены предпринять?

Кивнув по-птичьи головой, Вартек вынул из стола листок бумаги:

– Мы консультировались со своими юристами, рассматривали прецеденты и обсуждали этот вопрос на вышестоящем уровне. В результате мы пришли к выводу, что в данном случае сервитут не может быть применен, поскольку это нанесет ущерб общественному благополучию. Наша позиция подкреплена наличием документов, подтверждающих тот факт, что жители города возражали против занятия общественной территории еще сто сорок лет назад.

Д’Агоста с облегчением откинулся на спинку дивана. Похоже, звонок мэра сделал свое дело.

– Рад это слышать.

– У нас нет точных сведений, когда там появилось это поселение. По приблизительной оценке, это произошло перед Гражданской войной. Поэтому первые протесты горожан вполне укладываются в правовые рамки.

– Значит, больше нет никаких проблем? Их выселят оттуда.

Юридические разглагольствования чиновника только напускали лишнего туману.

– Обязательно. У нас еще есть запасной вариант: даже если они и приобрели какие-то права на землю, мы со своей стороны можем применить суверенное право государства на принудительное отчуждение частной собственности. Общественное благо имеет приоритет над личными интересами.

– Что?

– Общественное благо. Благополучие общества.

– Так какой у нас график?

– График?

– Да. Когда их выселят?

Вартек заерзал на стуле.

– Наши юристы подготовят все необходимые документы и передадут дело в суд в соответствии с установленной процедурой.

– Сколько времени это займет?

– Учитывая подготовительный этап и суд с последующей апелляцией – ведь эти люди могут обжаловать решение суда, – мы, вероятно, сможем уложиться в три года.

Последовало долгое молчание.

– Три года?

– Возможно, два, если мы сильно поднажмем, – с уклончивой улыбкой пообещал Вартек.

Д'Агоста резко поднялся с дивана. Невероятно. Он что, издевается?

– Мистер Вартек, у нас нет и трех недель.

Чиновник пожал плечами:

– Такова процедура. Я уже говорил мэру, что за общественным порядком должна следить полиция, а не жилищные службы. В Нью-Йорке не так-то просто выселить людей из их дома – это длительный и дорогостоящий процесс. Впрочем, так и должно быть.

Д'Агоста почувствовал, как у него напряглось все тело и застучало в висках. Он с трудом сдерживал себя. У него чуть не вырвалось: «Это добром не кончится», но потом он решил, что угрозами здесь не поможешь. Вместо этого он круто повернулся и вышел из кабинета.

Вдогонку ему прозвучало:

– Лейтенант, завтра мы устраиваем пресс-конференцию, на которой расскажем о наших планах в отношении Вилля. Возможно, это несколько успокоит публику.

– Вряд ли, – пробурчал д’Агоста.

Глава 47

Лора Хейворд стояла в дамском туалете на тридцать втором этаже полицейского управления, внимательно разглядывая себя в зеркале: умное серьезное лицо, безупречный костюм, тщательно уложенные иссиня-черные волосы.

За исключением года, проведенного в Нью-Йоркском университете, чтобы получить степень магистра, она всю свою жизнь прослужила в полиции – сначала в транспортной, потом в департаменте полиции Нью-Йорка. В свои тридцать семь она была самым молодым капитаном и единственной женщиной в департаменте, имеющей такое звание. Неудивительно, что за ее спиной ходило много разговоров. Некоторые считали, что она облизывает начальство. Другие утверждали, что причиной столь быстрой карьеры был именно ее пол – она так высоко взлетела, потому что начальству требовался красивый рекламный плакат, наглядно демонстрирующий, что полиция идет в ногу со временем. Все эти домыслы не слишком ее волновали. Карьера не была для нее самоцелью. Она просто любила свою работу.

Оторвавшись от зеркала, Хейворд посмотрела на часы. Без пяти двенадцать. В полдень она должна быть у комиссара Рокера.

Лора улыбнулась. Жизнь такая полосатая – то сплошной геморрой, а то вдруг раз – и ты в шоколаде. Похоже, ее ждет именно второе.

Выйдя из туалета, Хейворд пошла по коридору. Ее никогда не волновало движение по карьерной лестнице, но на этот раз все выглядело несколько иначе. Подразделение быстрого реагирования, которое создавал мэр, было реальной силой, а не бутафорией, созданной специально для средств массовой информации. Между комиссариатом полиции и мэрией никогда не существовало настоящего взаимодействия, они не слишком доверяли друг другу. Новое подразделение, как ей сказали на самом высоком уровне, решит эту проблему. Оно позволит повысить эффективность полиции и покончить с бюрократической волокитой. Лично для нее это будет поистине головокружительный карьерный взлет – оттуда прямая дорожка к инспектору полиции. Хотя карьера здесь не главное. Гораздо важнее то, что у нее будет по-настоящему интересная работа.

Войдя в приемную комиссара, она представилась секретарю. Почти мгновенно появился его помощник и повел ее мимо кабинетов и конференц-залов в святая святых департамента. Рокер сидел за огромным столом красного дерева и подписывал бумаги. Он, как обычно, выглядел изможденным: под глазами залегли черные тени, которые сегодня казались особенно болезненными.

– Привет, Лора. Присаживайтесь.

Хейворд с удивлением села на стул. Рокер придавал большое значение формальностям и никогда не называл сотрудников по имени.

Комиссар посмотрел на нее через стол. Выражение его лица заставило Хейворд насторожиться.

– Мне нелегко говорить об этом, – начал он. – Поэтому сразу перейду к делу. Я не намерен переводить вас в подразделение быстрого реагирования.

Сначала Хейворд решила, что ослышалась. Она хотела что-то сказать, но слова не шли с языка. С трудом сглотнув, она судорожно втянула ртом воздух.

– Я… – начала было она и запнулась.

Она была так потрясена, что не могла произнести даже простого предложения.

– Мне очень жаль, – продолжал Рокер. – Я знаю, как вы надеялись на это место.

Хейворд глубоко вздохнула. Ее вдруг бросило в жар. Только сейчас, когда новая работа так неожиданно уплыла из ее рук, Лора осознала, как важна она была для нее.

– Кого вы назначили вместо меня?

Рокер отвел взгляд. На лице его было написано несвойственное ему смущение.

– Санчеса.

– Санчес – хороший парень.

Лоре казалось, что все происходит во сне и кто-то другой произносит за нее слова.

Рокер кивнул.

Хейворд почувствовала, что у нее онемели руки. Посмотрев вниз, она увидела, что изо всех сил вцепилась в ручки кресла. Она попыталась

расслабиться и обрести обычное хладнокровие, но из этого ничего не вышло.

– Я что-то не так сделала? – выдавила из себя она.

– Нет-нет, конечно нет. Об этом даже речи не идет.

– Я вас в чем-то подвела? Плохо работала?

– Вы образцовый работник, и я всегда гордился вами.

– Тогда почему? Вы считаете, что у меня мало опыта?

– Я считаю, что ваша степень магистра социологии как нельзя лучше соответствует этой должности. Но дело в том, что подобное назначение должно учитывать служебную иерархию. И в этом смысле Санчес имеет преимущество как старший по званию.

Хейворд не нашлась что ответить. Она никак не думала, что звание может стать решающим фактором. Ей казалось, что на такие должности назначают по каким-то другим критериям.

Рокер поерзал на стуле:

– Мне бы не хотелось, чтобы вы думали, что я недоволен вами.

– Но вы же знали о моем звании, когда дали мне повод надеяться, – тихо произнесла Хейворд.

Рокер развел руками:

– Оказалось, что звание имеет решающее значение. Я совершил ошибку. Извините.

Хейворд не ответила.

– У вас будут другие возможности. Для капитана вашего уровня это не проблема. Будьте уверены, ваш труд и преданность делу не останутся незамеченными.

– Добродетель сама по себе уже награда. Так ведь говорят, правда?

Хейворд встала и, видя по лицу Рокера, что прием окончен, медленно пошла к двери на негнущихся ногах.

Когда двери лифта открылись, выпуская Лору в вестибюль, она уже полностью взяла себя в руки. Внизу было шумно и царила обеденная суета. Миновав КПП, Хейворд толкнула крутящуюся дверь и вышла на лестницу. У нее не было определенной цели – просто требовалось пройтись. Немного погулять и отвлечься.

Из задумчивости ее вывело неожиданное столкновение. Подняв глаза, она увидела худого моложавого мужчину с прыщавым лицом.

– Извините, – бросил он на ходу.

Но потом остановился и приблизился к Лоре.

– Капитан Хейворд?

– Да, – нахмурившись, ответила она.

– Какое совпадение!

Лора посмотрела на мужчину повнимательнее. Его улыбка как-то не вязалась с черными холодными глазами. Она быстро перебрала в памяти знакомых, коллег, преступников и пришла к выводу, что его не знает.

– Кто вы?

– Моя фамилия Клайн. Лукас Клайн.

– О каком совпадении вы говорили?

– Я как раз иду туда, откуда вы только что вышли.

– Да? И что это за место?

– Кабинет комиссара полиции. Видите ли, он хочет поблагодарить меня. Персонально.

Прежде чем Лора успела ответить, Клайн вытащил из кармана конверт и развернул лежавший там листок бумаги.

Хейворд протянула к нему руку, но Клайн быстро отступил назад.

– Нет, нет. Не трогайте.

Хейворд прищурила на него глаза. Но потом все же посмотрела на листок. Это было официальное письмо от комиссара Рокера, датированное вчерашним днем, в котором он благодарил главу компании «Цифровая точность» Лукаса Клайна за перевод пяти миллионов долларов в Фонд Дайсона. Этот глубоко почитаемый в полиции фонд был назван именем Грега Дайсона, тайного полицейского агента, десять лет назад убитого наркоторговцами. Он был учрежден для оказания финансовой помощи и моральной поддержки семьям нью-йоркских полицейских, убитых при исполнении служебных обязанностей.

Хейворд снова взглянула на Клайна. Мимо них текли ручейки людей, выходящих из здания. Мужчина по-прежнему улыбался.

– Я рада за вас. Но какое отношение это имеет ко мне?

– Самое непосредственное.

Хейворд покачала головой:

– Вы ставите меня в тупик.

– Вы неглупая женщина и сами все поймете.

Клайн отвернулся и направился к дверям, но потом остановился и, оглянувшись, сказал:

– Могу посоветовать, с чего начать.

Хейворд молча ждала.

– Спросите у своего дружка Винни.

Когда Клайн отвернулся снова, на лице у него уже не было улыбки.

Глава 48

Нора Келли открыла глаза. Она не сразу поняла, где находится, но запах спирта и плохой еды, писк аппаратов, голоса врачей и отдаленный вой сирен быстро напомнили ей, что она опять в больнице.

Голова у нее отчаянно болела. Капельница, стоявшая рядом с кроватью, раскачивалась в лунном свете, слегка поскрипывая, как ржавая вывеска на ветру. Неужели это она толкнула ее? Нет, это, наверное, медсестра задела штатив, когда заходила в палату, чтобы принести очередную порцию успокоительного, которое Нора отказывалась принимать. Или это заглянул полицейский, который охранял ее палату. Она посмотрела на дверь. Та была закрыта.

Капельница продолжала раскачиваться и скрипеть.

Нору вдруг охватила какая-то странная отрешенность. Вероятно, это следствие усталости. Или побочный эффект второго сотрясения мозга.

Сотрясение мозга. Ей не хотелось думать об этом. В памяти невольно вставали картины недавнего прошлого: темная квартира, открытое окно и…

Нора чуть тряхнула головой, зажмурилась и стала ровно дышать. Через некоторое время она успокоилась и открыла глаза. Вокруг нее была все та же палата, в которой она провела уже три дня. Ее кровать находилась рядом с окном. Жалюзи были опущены, соседняя кровать, стоящая у двери, задернута шторками.

Нора внимательно посмотрела в ту сторону. За шторками в неярком свете, падавшем из ванной, виднелся силуэт лежащего человека. Или

это только казалось? Ведь когда она засыпала, соседняя кровать была пуста. Она провела в палате уже три дня – доктора утверждали, что ей необходимо медицинское наблюдение и обещали выписать завтра, – и все это время она лежала одна.

Казалось, все повторяется с ужасающей точностью. Прислушавшись, Нора различила слабое прерывистое дыхание. Она снова осмотрелась. Комната выглядела как-то странно – ее углы казались изломанными, темный экран телевизора, установленного над кроватью, причудливо искривился, как в фильме немецких экспрессионистов.

«Наверно, мне это снится, – подумала Нора. – Просто сон, и больше ничего».

Ее охватило сонное оцепенение, приятно убаюкивающее все чувства.

Силуэт на кровати зашевелился. Оттуда послышался вздох, сменившийся булькающим звуком. Потом на фоне шторки медленно возникла рука. Сжавшись от ужаса, Нора вцепилась в простыню. По телу разлилась предательская слабость…

Шторка медленно поехала в сторону, звякая кольцами о стальную штангу. Не в силах пошевельнуться, Нора со страхом смотрела, как с кровати поднимается страшная фигура, перемещаясь из темноты в луч лунного света.

Билл.

То же раздувшееся лицо, спутанные волосы, ввалившиеся глаза, землистые губы. Та же высохшая кровь и заскорузлая грязь. Нора застыла, молча наблюдая, как развертывается кошмар, который положит конец всем ее мучениям.

Фигура встала с кровати, глядя в ее сторону. Это был Билл… и все же не он… живой мертвец. Он сделал шаг вперед. В зияющей дыре рта копошились черви. К ней потянулась рука с длинными потрескавшимися ногтями. Голова медленно склонялась вниз, готовясь ее поцеловать…

Нора с криком села на кровати.

Какое-то время она сидела неподвижно, вся трясясь от ужаса. В конце концов до нее дошло, что это был лишь сон, и она почувствовала невероятное облегчение. Такой же сон, как и в прошлый раз, только гораздо страшнее.

Нора лежала на кровати вся в поту, слушая, как постепенно замедляется бешеное биение сердца. Ночной кошмар отступил, как морской прилив. Капельница не качалась, телевизор обрел нормальную форму. В комнате

было темно, луна больше не светила в окно. Шторки вокруг соседней кровати были плотно задернуты. Оттуда не раздавалось никаких звуков, кровать была пуста.

Или все же нет?

Нора посмотрела на чуть колеблющуюся материю. Она была непрозрачной, и за ней ничего не проглядывалось.

Нора попыталась себя успокоить. Конечно же, там никого нет. Ей все приснилось. Ведь д’Агоста заверил ее, что в палату больше никого не положат. Она закрыла глаза, но сон все не шел, да она и не хотела засыпать. Вдруг опять приснится какой-нибудь ужас?

Глупо, конечно. Все это время она почти не спала. Ей отчаянно требовался отдых.

Нора закрыла глаза, но ей настолько не хотелось спать, что веки отказывались смыкаться. Прошла минута, потом другая.

Раздраженно вздохнув, она открыла глаза. Взгляд невольно обратился к соседней кровати. Шторки чуть заметно шевелились.

Нора вздохнула. Не стоит давать волю воображению. Хотя чему тут удивляться после таких-то кошмаров.

А разве шторки были задернуты, когда она спала?

Нора никак не могла вспомнить. Но, поразмыслив, решила, что все-таки нет. Хотя после сотрясения мозга трудно полагаться на свою память. Отвернувшись, она стала смотреть в стенку, потом опять прикрыла глаза.

Но взгляд все возвращался к этим проклятым шторкам, которые не переставали колыхаться. Вероятно, это работала вентиляция.

Но почему они задернуты? Разве кровать была отгорожена, когда она засыпала?

Нора резко села, не обращая внимания на боль в голове. Какой толк изводиться, когда можно решить все разом. Свесив ноги с кровати, она осторожно встала, стараясь не задеть капельницу. Сделав два быстрых шага, она взялась за шторку – и остановилась. Сердце вдруг зашлось от страха.

– Нора, не будь такой трусихой, – громко произнесла она и резко отдернула шторку.

На кровати неподвижно лежал мужчина в форме санитара, позой напоминавший мумию. Руки его были сложены на груди, ноги вытянуты, широко раскрытые глаза игриво смотрели на Нору.

Она застыла от неожиданности. По-кошачьи соскользнув на пол, мужчина зажал Норе рот и повалил ее на кровать.

Она отчаянно брыкалась, пыталась кричать, но он с силой придавил ее к кровати, лишив возможности двигаться. Мужчина повернул ее голову набок, и она увидела у него в руке большой стеклянный шприц с иглой, на кончике которой дрожала капля жидкости. Одно быстрое движение, и Нора почувствовала, как игла вонзилась ей в бедро.

Больше она не сопротивлялась – ее словно парализовало, но теперь это был не сон, а безжалостная действительность, навалившаяся на нее со всех сторон. А потом она стала падать в бездонный колодец, который становился уже и уже, пока все не поглотила непроглядная тьма.

Глава 49

Положив потные руки на край трибуны, Марти Вартек оглядел толпу, собравшуюся на площади перед зданием Управления жилищного строительства Нью-Йорка. Он впервые проводил пресс-конференцию и поэтому сильно волновался. Рядом стояли его подчиненные, которых он срочно мобилизовал, чтобы придать мероприятию больше солидности, и парочка полицейских в форме. Трибуна была установлена на нижних ступенях здания, и от нее вверх тянулись провода.

На краю площади толклась кучка протестующих, контролируемая внедренными в нее полицейскими. Его оппоненты что-то скандировали, но делали это столь вяло, что у Вартека были все основания думать, что они быстро заткнутся, когда он начнет говорить.

Он прочистил горло и с удовольствием убедился, что звук этот, усиленный микрофоном, громко разнесся над площадью. Толпа несколько притихла.

– Добрый день, – начал чиновник. – Леди и джентльмены, представители прессы, позвольте мне зачитать официальное заявление.

Вартек начал читать, и на площади установилась тишина. Он разъяснил публике, что ведется юридическая разработка проблемы. Любые действия против Вилля могут быть предприняты только при наличии соответствующих полномочий. Ничьи права не будут ущемлены. Все будет происходить в установленном порядке. Необходимо проявить терпение и соблюдать спокойствие.

Он монотонно читал текст, потчуя банальностями изнывавших от скуки журналистов. Обращение занимало не больше страницы и было

отлакировано полудюжиной юристов. Его главным достоинством было то, что оно ничего не значило, не содержало никакой информации, не давало никаких обещаний и в то же время касалось всех насущных вопросов. Во всяком случае, так было задумано.

Когда Вартек добрался до середины своей бумаги, из толпы демонстрантов донесся не совсем приличный звук, усиленный мегафоном. Но чиновник продолжал вещать, даже не взглянув в ту сторону. Звук раздался снова.

– Хватит вздор молоть!

Вартек возвысил голос, стараясь перекричать толпу.

– А как насчет животных?

– А что вы думаете об убийстве Смитбека?

– Остановите убийц!

Вартек продолжал бубнить текст, не отрывая глаза от листка. Его лысая голова низко склонилась над трибуной.

– Одна болтовня! Мы хотим действий!

Уголком глаза он заметил, что микрофоны и камеры перемещаются в сторону демонстрантов. Раздалось еще несколько выкриков, затем возникло препирательство, и полицейский сбил один из плакатов, которым демонстрант размахивал, как флагом. На этом беспорядки закончились. Демонстранты были обезврежены. Их было слишком мало, чтобы зажечь толпу.

Вартек закончил читать, сложил листок и наконец поднял глаза:

– А теперь я отвечу на вопросы.

Камеры и микрофоны возвратились к трибуне. Вопросы задавались редко и неохотно. Журналисты были разочарованы. Демонстранты по-прежнему теснились в углу, размахивая плакатами и скандируя лозунги, но их голоса заглушались шумом транспорта, долетавшим с Чамберс-стрит.

Вопросы были предсказуемы, и Вартек успешно справился со всеми. Да, они намерены предпринять меры против Вилля. Нет, это будет не завтра, необходимо соблюдать определенные юридические процедуры. Да, ему известно, что жители Вилля подозреваются в убийствах. Нет, доказательств не найдено, но следствие ведется. Обвинение пока никому не предъявлено. Да, у жителей Вилля нет никаких документов, подтверждающих право собственности на землю. По мнению городской прокуратуры, они не имеют права на сервитут.

Вопросы стали иссякать. Вартек посмотрел на часы – они показывали без четверти час. Кивнув своим соратникам, он в последний раз кинул взгляд на журналистов.

– Благодарю вас, леди и джентльмены. Пресс-конференция окончена.

В ответ раздались выкрики демонстрантов:

– Одна болтовня, никакого дела! Одна болтовня, никакого дела!

Довольный собой, Вартек убрал листок в карман пиджака и стал подниматься по ступеням. Все прошло, как и ожидалось. Он уже видел выпуск вечерних новостей: несколько цитат из его выступления, пара ответов на вопросы, несколько кадров с демонстрантами – и все. Он забил шары во все лузы, бросил всем собакам по кости и продемонстрировал взвешенное отношение городских властей к проблеме. Что касается демонстрантов, они выглядели довольно хило. Жалкая группка, отколовшаяся от основной массы. Он, конечно, знал, что готовится второй марш протеста, гораздо более внушительный, чем первый, но, благодарение Богу, это произойдет не в его песочнице. Пусть протестуют сколько хотят, лишь бы его не трогали. А если и пожгут этот Вилль, так это только всем на пользу. Одной проблемой меньше.

Поднявшись по лестнице, Вартек, сопровождаемый подчиненными, устремился к крутящейся двери. Был час обеда, и из здания изливались потоки муниципальных служащих, растекаясь вниз по лестнице. Вартеку казалось, что он плывет против течения.

Вдруг кто-то сильно ударил его плечом.

– Простите!

Вартек недовольно обернулся и в тот же момент почувствовал какое-то неприятное ощущение в боку. Он отшатнулся, инстинктивно прижав руки к талии, и с удивлением увидел, как из его тела извлекают длинный нож, который скользит между его сжатыми пальцами. Его одновременно бросило в жар и в холод. Холод пронизал все внутренности, а жар стал изливаться наружу и стекать вниз. Подняв глаза, он увидел грязное распухшее лицо, слипшиеся волосы и потрескавшиеся губы, чуть прикрывающие частокол гнилых зубов.

А потом фигура исчезла.

Зажав рану руками, Вартек пошатнулся и попытался шагнуть вперед. Проходившие мимо люди стали останавливаться. Вокруг собралась толпа.

Громко закричала женщина.

Вартек, который так и не понял, что произошло, сделал еще один неуверенный шаг.

– Ой, – тихо сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Послышался еще один крик, потом зазвучал целый хор голосов, который перешел в рев, по силе не уступающий шуму Ниагарского водопада. Ноги у Вартека стали подгибаться. Вокруг по-прежнему галдели, сквозь толпу отчаянно продирались полицейские. На лестнице царил настоящий хаос; люди бегали вверх и вниз, беспорядочно мелькая перед глазами.

Собрав последние силы, Вартек шагнул вперед и сложился пополам. Его заботливо подхватили и уложили на площадку. Крики не утихали, и среди них все настойчивее звучали одни и те же слова:

– «Скорую помощь»! Доктора! Зарезали! Кровотечение!

Лежа на полу, Марти Вартек удивлялся, откуда вся эта суета. Он смертельно устал, а вокруг так шумят и не дают спать.

Глава 50

Нора медленно дрейфовала между сном и явью. Дремала, просыпалась и снова забывалась тревожным сном. Наконец она очнулась. Вокруг было темно, пахло плесенью и мокрым камнем. Она не сразу поняла, что с ней. Но потом все вспомнила и застонала от ужаса. Ее руки нащупали мокрую солому, разбросанную на холодном бетонном полу. Она попыталась сесть, но перед глазами все поплыло, к горлу подступила тошнота, и ей пришлось остаться лежать.

Хотелось кричать и звать на помощь, но она подавила в себе это желание. Потом снова стала подниматься – очень медленно, – и на этот раз ей это удалось. Господи, какая слабость. Ее обступала непроглядная тьма. На руке больше не было повязки, и место, где раньше находилась игла от капельницы, сильно болело.

Стало ясно, что ее похитили из больницы. Но кто? Мужчина в форме санитара был ей незнаком. И куда делся коп, дежуривший у палаты?

Нора с трудом встала. Вытянув руки и осторожно переставляя ноги, она двинулась вперед, но вскоре пальцы коснулись влажной липкой стены, сложенной из крупных, слегка крошащихся камней. Вероятно, это был подвал.

Она стала обходить помещение, держась за стену. Ей не встретилось никаких препятствий, кроме пучков соломы, валявшихся на полу. Добравшись до угла, Нора двинулась дальше, считая шаги. Еще десять

шагов, и она оказалась у ниши, в которой угадывалась дверь. Она ощупала ее руками. Дерево, обитое железом, и заклепки.

Сквозь щель в двери пробивался чуть заметный лучик света. Нора попыталась заглянуть в нее, но шпунты не давали возможности что-либо увидеть.

Она подняла руку и, чуть поколебавшись, со всей силы ударила кулаком в дверь – один раз, второй. Дверь гулко загрохотала. После долгой тишины послышался звук приближающихся шагов. Она приложила ухо к двери.

Неожиданно у нее над головой что-то заскрежетало. Взглянув наверх, она зажмурилась от яркого света, закрыла лицо руками, отступила назад. Потом отвернулась и прищурилась. Через какое-то время глаза привыкли к свету. Она повернулась к двери и хрипло произнесла:

– Помогите.

Ответа не последовало.

– Чего вы хотите?

Снова молчание. Потом тишину нарушил тихий стрекочущий звук. Вглядевшись в сияющее пятно, она обнаружила небольшую прямоугольную прорезь в верхней части двери. Свет шел оттуда. Но там был не только свет. На нее был направлен массивный объектив видеокамеры.

– Кто вы?

Камера исчезла. Стрекотание прекратилось. И низкий вкрадчивый голос проговорил:

– Какая вам разница? Все равно вы скоро умрете.

Свет погас, окошко в двери захлопнулось, и Нора снова оказалась в темноте.

Глава 51

Кенни Ройбал, выпускник средней школы, сидел на бейсбольной площадке и занимался очисткой конопли. Прочесав ее, он стряхнул семена и свернул толстый косяк. Поднеся к нему огонь, жадно затянулся и передал курево своему дружку Роки Мартинелли.

– На следующий год будем собирать уже там, – сказал Мартинелли, кивнув в сторону поля.

– Ага, – согласился Ройбал, резко выдыхая дым. – Классная трава.

– Обалденная.

– Это точно, брат.

Ройбал снова затянулся, передал косяк другу и шумно выдохнул. Он терпеливо ждал, пока затянется Мартинелли. Косячок слегка затрещал, его кончик вспыхнул, отбросив на длинное полусонное лицо Мартинелли тусклый оранжевый отблеск. Ройбал забрал сигарету назад, осторожно стряхнул пепел и поправил кончик. Он уже собрался зажечь ее снова, как вдруг увидел, что на парковочную площадку проскользнула патрульная машина, похожая на акулу, шныряющую в сгущающихся сумерках.

– Легавые. Валим отсюда.

Ройбал быстро нырнул за трибуну, за ним поспешил Мартинелли. Сквозь металлические и деревянные опоры отлично проглядывалась местность. Патрульная машина остановилась и стала шарить прожектором по бейсбольным площадкам.

– Чего это он делает?

– А хрен его знает.

Ребята пригнулись к земле, стараясь не попасть в луч прожектора, медленно скользивший по трибунам. Он остановился как раз на том месте, где они скрывались.

– Не двигайся, – прошептал Ройбал.

– А я что делаю?

Луч пополз дальше, но потом вернулся назад. Свет слепил глаза даже под трибуной. Неужели копы их засекли? Ройбалу казалось, что здесь они в безопасности, но легавые явно что-то заподозрили.

И тут Мартинелли не выдержал. Испустив нечленораздельный вопль, этот проклятый осел выскочил из-под трибуны и помчался через поле в сторону леса. Его тут же настиг луч прожектора.

– Блин! – завопил Ройбал, припускаясь вслед за товарищем.

Теперь прожектор переключился на него. Ройбал несся так, словно хотел настигнуть собственную тень. Перемахнув через низкую проволочную изгородь, он потрусил по полю, пытаясь догнать маячившего впереди Мартинелли.

Они бежали, пока не иссякли силы. Наконец Мартинелли спекся и, тяжело дыша, опустился на поваленный ствол. Ройбал рухнул рядом, судорожно хватая ртом воздух.

– Они у нас на хвосте? – выдохнул Мартинелли.

– А на фиг вообще было линять? Если бы ты не дернулся, все бы обошлось.

– Они нас видели.

Ройбал всмотрелся в чащу, но ничего не увидел. Мартинелли успел ускакать довольно далеко. Он пошарил в кармане рубашки. Там было пусто.

– Из-за тебя косяк потерял.

– Да говорю тебе, они нас застукали.

Ройбал сплюнул. Спорить бесполезно. Выудив из кармана два листочка папиросной бумаги, он склеил их и насыпал внутрь немного марихуаны.

– Ни черта не видно.

Однако тусклого лунного света, пробивавшегося сквозь деревья, оказалось вполне достаточно, чтобы вытащить пару семян, скрутить косяк, зажечь его и закурить. Ройбал с наслаждением затянулся, выпустил дым, сделал еще одну затяжку, чуть глубже, выдохнул и передал сигарету приятелю. Потом хрипло рассмеялся:

– Ну ты и задал стрекоча! Как будто за тобой собаки гнались.

– Ты, братан, я вижу, не врубаешься. Копы нас видели, – повторил Мартинелли, оглядываясь вокруг. – Здесь где-то рядом этот паскудный Вилль.

– Да нет, он подальше, в устье.

– А вот и нет. Он тут рядом, у реки.

– Ну и что? Опять побежишь, что ли? У-у-у-у-у-у, вон зомби топает! – завыл Ройбал, махая руками над головой. – Мозги! Где мои мозги-и-и-и-и!

– Кончай придуриваться.

Они молча передавали друг другу косяк, пока Ройбал не загасил наконец окурок и не спрятал его в металлическую коробочку из-под пастилок. Внезапно в темноте послышалась мелодия песенки «Детка, лови кайф».

– Это твоя мамаша, – ухмыльнулся Ройбал.

Мартинелли вытащил из кармана сотовый.

– Не отвечай.

– Да она с ума сойдет, если я не отвечу.

– Зря ты это.

– Алло! Да. Привет.

Ройбал с кислой миной слушал разговор. У него уже была своя хата, а Мартинелли все еще жил с мамочкой.

– Нет, я в библиотеке. Мы с Кенни готовимся к контрольной по тригонометрии… Хорошо, я буду осторожен… Да нет здесь никаких грабителей… Я слышу, мам… Но сейчас только одиннадцать!

Он захлопнул трубку.

– Надо двигать домой.

– Остынь, парень. Еще двенадцати нет.

Но Мартинелли уже поднялся на ноги. Ройбал последовал его примеру. После этой дурацкой пробежки у него ныло все тело. Мартинелли быстро пошел через лес. Его долговязая фигура растворилась в темноте. Но вскоре он остановился.

– Что-то я не помню это поваленное дерево, – проговорил он.

– А что ты вообще можешь помнить? Несся как угорелый.

– Но я бы запомнил, если бы через него перескакивал.

– Ладно, пошли, – бросил Ройбал, ткнув приятеля в спину.

Вскоре они наткнулись еще на одно поваленное дерево. Мартинелли снова остановился.

– Теперь я точно знаю, что мы здесь не проходили.

– Давай двигай дальше.

Но Мартинелли не стронулся с места.

– Что это за вонь? Эй, братан, это ты дал залп из всех орудий?

Ройбал громко втянул носом воздух. Потом огляделся, но из-за темноты местность не просматривалась.

– Я пойду вперед.

Он перешагнул через бревно и наступил на что-то мягкое.

– Что за черт?

Убрав ногу, Ройбал наклонился над землей.

– Блин! – ахнул он, шарахаясь в сторону. – Там человек! Черт, я наступил на тело!

Они посмотрели вниз. Луна осветила человеческое лицо – бледное, разбитое, залитое кровью. Остекленевшие глаза незряче уставились в небо.

Мартинелли поперхнулся:

– О господи!

– Звони девять-одиннадцать.

Мартинелли дрожащими руками вытащил телефон и стал судорожно набирать номер.

– Только трупа нам не хватало.

– Алло! Алл…

Неожиданно Мартинелли согнулся, и его вырвало на трубку.

– Э, чтоб тебя…

Уронив телефон на землю, Мартинелли продолжал сотрясаться от приступов рвоты.

– Давай звони!

Никакой реакции.

Ройбал отступил назад. Из трубки послышался тоненький голосок:

– Кто это? Это ты, Роки? Роки! С тобой все в порядке?

Мартинелли продолжало корежить. Ройбал посмотрел на тело, лежавшее на боку. Рука трупа была вскинута вверх, рукав разорван в клочья. Его явно укокошили. Ройбал повернулся и бросился бежать в лес, подальше от этого жуткого места…

Глава 52

В четыре утра д'Агоста с Пендергастом стояли в приемном покое морга. Их уже ждал доктор Бекштейн, который выглядел необычайно бодро для этого времени суток. Возможно, он привык коротать в морге ночи. Д'Агоста же чувствовал себя отвратно. У него было одно желание – отправиться домой и рухнуть на кровать.

Но этой мечте не суждено было сбыться. События разворачивались так стремительно, что он совершенно потерял над ними контроль. Самым печальным из них, во всяком случае для д'Агосты, было похищение Норы Келли. Она бесследно исчезла. Полицейского, дежурившего у ее

палаты, усыпили, подсыпав в кофе какую-то гадость, и заперли в ванной комнате. Получалось, что д'Агоста опять все прозевал.

А теперь еще это.

– Ну так вот, джентльмены, – приветствовал их Бекштейн, натягивая перчатки. – Загадки множатся. Прошу вас, одевайтесь.

Он кивнул в сторону пластикового ящика.

Д'Агоста облачился в балахон и штаны, закрыл лицо маской, нахлобучил шапочку и надел перчатки. Ему предстояло тяжелое испытание. Вид покойников всегда вызывал в нем ужас, даже если выглядели они вполне прилично. Холодная мертвая плоть, больничный свет и блеск стального оборудования – все это вместе оказывало самое негативное влияние на его желудок. А что же будет сейчас, когда одно лишь описание этого ходячего мертвеца вызывало рвотный рефлекс? Д'Агоста взглянул на Пендергаста, который в своем бело-зеленом одеянии выглядел как завсегдатай этого заведения. Он-то чувствовал себя как дома.

– Доктор, прежде чем мы туда пойдем, я хотел бы кое-что выяснить, – сказал д'Агоста, стараясь не выдать своего волнения.

– К вашим услугам, – ответил Бекштейн, останавливаясь.

– Тело было найдено в Инвудском парке? Неподалеку от Вилля?

Бекштейн утвердительно кивнул:

– Его обнаружили два подростка.

– А вы уверены, что это труп Колина Феринга?

– Вполне. Его опознал портье, а он вполне надежный свидетель. Двое жильцов, хорошо его знавших, тоже подтвердили, что это он. На теле имеется характерная татуировка и родимое пятно. Для верности мы заказали генетическую экспертизу, но я голову на отсечение даю, что это Колин Феринг.

– А как же первый труп – самоубийца, который сиганул с моста? Как получилось, что доктор Хеффлер опознал в нем Феринга?

Бекштейн коротко хмыкнул:

– Похоже, доктор Хеффлер просто ошибся. При сложившихся обстоятельствах это вполне простительно, – торопливо заверил он д'Агосту. – Ведь труп опознала сестра, и это имело решающее значение. Я бы тоже так посчитал.

– Весьма интригует, – пробормотал Пендергаст.

– Что именно? – поинтересовался д’Агоста.

– Возникает вопрос: а чье же тело вскрывал доктор Хеффлер?

– Да-а.

– Ошибки при опознании случаются не так уж редко. Я неоднократно сталкивался с этим. Если учесть состояние родных, а также неизбежные изменения, которые происходят с телом после смерти – особенно если оно пролежало в воде или на солнце…

– Конечно, конечно, – поспешно согласился д’Агоста. – Если только улики не указывают на намеренный обман. И вдобавок доктор Хеффлер не удосужился убедиться, что это действительно сестра Феринга.

– Все мы совершаем ошибки, – неуверенно произнес Бекштейн.

– Я нахожу, что самонадеянность, на отсутствие которой доктор Хеффлер уж никак не может пожаловаться, отлично унавоживает почву, на которой произрастают ошибки, – нараспев произнес Пендергаст.

Пока д’Агоста размышлял над последней фразой, доктор Бекштейн жестом пригласил их в прозекторскую. Там на каталке, под ярким светом, лежало тело Феринга. Увидев, что оно закрыто белой пластиковой пленкой, д’Агоста с облегчением вздохнул.

– Я еще с ним не работал, – сообщил Бекштейн. – Мы ждали патологоанатома и препаратора. Прошу прощения за задержку.

– Ничего страшного, – поспешил успокоить его д’Агоста. – Мы и так вам благодарны за оперативность. Ведь труп привезли около полуночи?

– Да. Я успел его осмотреть и нашел кое-что любопытное, – сообщил Бекштейн, берясь за край пленки. – Можно начинать?

«Любопытное. Могу себе представить, что это за гадость», – подумал д’Агоста.

– Давайте…

– Ждем с нетерпением! – просиял Пендергаст.

Д’Агоста собрал волю в кулак, задышал ртом и прищурил глаза, чтобы картинка была не в фокусе. Его ожидало жуткое зрелище: почерневший раздутый труп, мясо отваливается от костей, что-то сочится и течет… Господи, как же он ненавидел этих покойников!

Бекштейн рывком откинул пленку.

– Вот, пожалуйста.

Д’Агоста заставил себя посмотреть. И был несказанно удивлен.

Перед ним лежал обыкновенный человек – опрятный, без единого пятнышка и такой свежий, словно он только что заснул. Лицо чисто выбрито, волосы расчесаны и намазаны гелем. О смерти говорило лишь отверстие от пули над правым ухом и несколько веточек и листьев, приставших к затылку.

Взглянув на Пендергаста, д’Агоста заметил, что тот озадачен не меньше его.

– Все, Пендергаст, накрылись ваши зомби и разгуливающие мертвецы, – с облегчением произнес он. – Я всегда говорил, что это маскарад, устроенный Виллем. А этого парня явно укокошил грабитель, когда он шлялся ночью.

Пендергаст ничего не ответил. Его серебристые глаза с интересом изучали труп.

Д’Агоста повернулся к Бекштейну:

– Вы определили время смерти?

– Анальный замер температуры показывает, что он умер за два с половиной часа до того, как тело обнаружили в Инвудском парке. Это случилось приблизительно в одиннадцать вечера, значит смерть наступила около половины девятого.

– Причина смерти?

– Скорее всего, огнестрельное ранение над правым ухом.

Д’Агоста скосил глаза на труп:

– Выходного отверстия нет. Похоже, это двадцать второй калибр.

– Согласен. Но точно сказать я смогу только после вскрытия. На основе осмотра можно сделать заключение, что стреляли сзади в упор. Никаких следов борьбы или насилия. Ни синяков, ни царапин, ни следов от веревок.

– Ну, что скажете, Пендергаст? – повернулся д’Агоста к спецагенту. – Никакого вуду и обеа, его просто застрелили, как это на каждом шагу происходит в Нью-Йорке. Доктор Бекштейн, его убили там, где нашли, или тело было перенесено?

– У меня нет никаких сведений, лейтенант. Его сразу же отвезли в больницу. Он был еще теплый, и никаких предположений пока не делалось.

– Да, конечно. Мы свяжемся со следственной бригадой, когда они все закончат. Теперь уже ясно, что все это мумбо-юмбо – дело рук сукиных

сынов из Вилля, которые хотят нагнать на народ страху, – заявил д’Агоста, не скрывая своего торжества.

– Вы, кажется, говорили, что обнаружили кое-что любопытное? – промолвил Пендергаст, обращаясь к Бекштейну.

– Да. Первое вам уже знакомо.

Взяв из банки шпатель, Бекштейн открыл рот трупа. К его языку был приколот крохотный пучок волос и перьев. Точно такой же был обнаружен во рту у Смитбека.

Д’Агоста не верил своим глазам.

– Но здесь есть и кое-что еще. Только нужно перевернуть труп. Лейтенант, вы мне поможете?

Д’Агоста с неохотой откликнулся на просьбу. На спине трупа, между лопатками, фломастером был нарисован замысловатый узор – две змеи в окружении звезд, крестов, стрелок и гробов. Ниже, на пояснице, по-паучьи раскинуло ветки загадочное растение.

Д’Агоста нервно сглотнул. Он узнал эти рисунки.

– Веве, – прошептал Пендергаст. – Такие же, как в квартире у Смитбека. Странно…

Он замолчал.

– Что странно? – быстро спросил д’Агоста.

Пендергаст медленно покачал головой.

– Надо бы показать их месье Бертену, – тихо проговорил он и, выпрямившись, обратился к лейтенанту: – Дорогой Винсент, не думаю, что этого джентльмена «укокошил грабитель», как вы изволили выразиться. Это намеренное убийство, совершенное с определенной целью.

Задумчиво посмотрев на спецагента, д’Агоста устремил взгляд на тело, лежащее на столе.

Глава 53

Александр Эстебан сел в конце большого стола в обшарпанном офисе общества «Люди на защите животных», занимавшего помещение на Западной Четырнадцатой улице. За окном светило яркое осеннее солнце, но единственное грязное окошко, выходившее на вентиляционную шахту, почти не пропускало его лучей. Сложив на груди руки, Эстебан смотрел, как члены совета, приветствуя друг друга и скрипя стульями, занимают свои места. Когда пришедшие поставили

перед собой кружки с готовым к употреблению кофе «Старбакс», в воздухе распространился запах сладкого латте с корицей и фрапучино со сливками и тыквенным сиропом.

Последним пришел Рич Плок в сопровождении троих незнакомцев. Заняв место во главе стола, он сложил руки, как бы прикрывая огромный живот, выпиравший из-под плохо сшитого костюма. На его красном потном лице красовались огромные квадратные очки. Не теряя времени, он тотчас же начал вещать своим исполненным важности фальцетом:

– Леди и джентльмены, уважаемые члены совета, я рад представить вам наших почетных гостей. Майлс Монделло – президент «Зеленой бригады», Люсинда Лонг-Пирсон – председатель «Армии вегетарианцев», и Моррис Вайленд – директор «Амнистии животных».

Вся троица встала. Они являли собой классический тип защитников животных: фанатичные идеалисты, готовые на что угодно ради своих идей и абсолютно уверенные в своей правоте.

– Эти организации спонсируют сегодняшнюю демонстрацию совместно с ЛЗЖ.

Аплодисменты.

– Прошу садиться. Внеочередное собрание совета ЛЗЖ объявляется открытым.

Зашуршала бумага, задвигались кофейные чашки, раскрылись блокноты и ноутбуки. Последовала перекличка в целях выяснения наличия кворума. Эстебан терпеливо ждал.

– В повестке дня у нас только один вопрос: сегодняшний марш протеста. Помимо основных организаторов, в нем собирается участвовать еще двадцать одно объединение. Да, дамы и господа, вы не ослышались – еще двадцать одно! – просиял Плок, торжествующе оглядывая собрание. – Реакция общественности превзошла все ожидания. Мы рассчитываем на три тысячи участников, но вполне вероятно, что народу будет больше, гораздо больше. Мне до сих пор звонят заинтересованные лица. – Вынув из папки пачку листиков, он стал раздавать их присутствующим. – Здесь план наших действий. На бейсбольной площадке соберется небольшая отвлекающая группа. Все остальные – там имеется список – сгруппируются на футбольном поле, в парке на Западной Двести восемнадцатой улице, на береговой аллее и еще в нескольких местах по соседству. Как вы знаете, мне удалось получить разрешение. Иначе бы нас не подпустили к Виллю.

Все зашумели и одобрительно закивали.

– Но городские власти не имеют ни малейшего представления о количестве людей, которое там соберется. Я постарался, чтобы они остались в неведении.

Послышались сдержанные смешки.

– А все потому, леди и джентльмены, что ситуация сложилась чрезвычайная! Эти гнусные фанатики, незаконно проживающие в нашем городе, убивают не только животных. Теперь уже нет сомнения, что они причастны к зверскому убийству Мартина Вартека. Еще на их совести убийство двух журналистов и похищение жены Смитбека. А как реагируют городские власти? Да никак. Они бездействуют! Поэтому за дело должны взяться мы. Сегодня в шесть вечера начнется наше наступление. Мы положим конец этим безобразиям. Раз и навсегда!

Плок обильно потел и выглядел весьма непрезентабельно, однако его искренняя убежденность, неподдельный энтузиазм и бесстрашие создавали ему ореол подвижника. Эстебан был поражен.

– Я раздал вам детальный план демонстрации. Будьте осторожны – если он попадет в руки полиции, нас ждет провал. Идите домой и начинайте собирать людей по телефону и электронной почте. Занимайтесь организационной работой! Времени у нас мало. В шесть мы должны собраться. В шесть тридцать выступаем. – Он оглядел собравшихся. – Вопросы есть?

Вопросов не было. Эстебан откашлялся и поднял палец.

– Да, Александр?

– Я несколько смущен. Вы планируете поход на Вилль?

– Совершенно верно. Мы собираемся положить этому конец – здесь и сейчас.

Эстебан задумчиво склонил голову.

– И что вы будете делать, когда придете туда?

– Мы намерены захватить поселение, освободить всех животных и выставить оттуда незаконных жильцов. Все это указано в плане действий.

– Понимаю. Конечно, они мучают и убивают животных, причем делают это уже много лет. Но ведь они могут быть вооружены. Подумайте об этом. Они уже убили по крайней мере троих.

– Если они прибегнут к насилию, мы готовы достойно им ответить.

– Вы собираетесь взять с собой оружие?

Плок скрестил руки на груди:

– Скажем так: каждый имеет право на самооборону и может принести с собой любое орудие самозащиты.

– Другими словами, вы рекомендуете прихватить с собой оружие.

– Я ничего не рекомендую, Александр. Я просто констатирую факт: возможно, нам придется столкнуться с насилием, поэтому люди имеют право на самооборону.

– Понятно. А полиция? Как вы намерены ей противостоять?

– Поэтому мы и собираемся в нескольких местах и пойдем разными маршрутами. Наше шествие будет напоминать осьминога. Их сметут, прежде чем они сумеют сообразить, что происходит. Тысячи людей двинутся через лес. Как они смогут нас остановить? Там ведь не построишь баррикады и не перекроешь пути. Подъехать можно только по единственной дороге, а она будет полностью блокирована демонстрантами.

Эстебан поерзал на стуле:

– Поймите меня правильно: я с самого начала был настроен против Вилля. Там живут низкие, бесчеловечные люди. Возьмите хотя бы эту историю с беднягой Ферингом. Его заставили совершить убийства, а потом застрелили, когда он попытался спрятаться у этих садистов, которые сделали из него зомби. Раз они проделали все это с Ферингом, значит их жертвой может стать каждый. Если вы пойдете туда без всякой охраны, могут пострадать люди. Возможны даже жертвы. Вы об этом подумали?

– Жертвы уже были. Не говоря о животных – сотням, может быть, даже тысячам из них перерезали горло самым изуверским способом. Нет, сэр, мы положим этому конец. Сегодня же вечером.

– Я не уверен, что готов к этому, – проговорил Эстебан. – Это слишком радикальная мера.

– Александр, мы были счастливы, когда вы вступили в нашу организацию и проявили живейший интерес к нашей работе. Мы с радостью ввели вас в наш совет. Мы благодарны вам за щедрую финансовую помощь и активное участие в работе. Но я лично считаю, что сейчас наступило время, когда каждый человек должен сделать выбор. Разговоры закончились. Пора действовать.

– А что вы будете делать после того, как ворветесь в Вилль и освободите животных?

– Я уже сказал. Выгоним оттуда этих живодеров. Пусть убираются куда хотят.

– А потом?

– А потом мы сожжем это место, чтобы они не смогли вернуться.

Эстебан медленно покачал головой:

– Вокруг Вилля и в нем самом соберутся тысячи демонстрантов. При пожаре могут погибнуть десятки людей. Пожарные туда добраться не смогут. Это место станет ловушкой. Вы погубите своих же собственных активистов.

Наступило неловкое молчание.

– Я категорически против поджога. Наоборот, я бы поручил добровольцам следить, чтобы этого не произошло. А что, если жители Вилля такие же психи, как в Вако, и подожгут свои постройки, когда вы будете внутри?

Последовала еще одна пауза.

– Благодарю вас, Александр, – отозвался Плок. – Должен признать справедливость вашего замечания. Беру назад свои слова о поджоге. Мы просто сровняем это место с землей голыми руками. Ведь наша главная цель – сделать его непригодным для проживания.

Послышались одобрительные возгласы.

Эстебан нахмурился и покачал головой:

– В любом случае я против насилия. Я слишком известная фигура, и мне необходимо заботиться о своей репутации. Извините, но я не могу участвовать в подобном мероприятии.

Аудитория задвигала стульями и стала перешептываться.

– Это ваше право, Александр, – холодно произнес Плок. – Должен сказать, что после ушата холодной воды, который вы вылили на нас на последней демонстрации, меня это нисколько не удивляет. Кто еще хочет устраниться?

Эстебан посмотрел на сидящих за столом. Никто не шевельнулся. В глазах борцов за права животных читалось откровенное презрение.

Он встал и вышел из комнаты.

Глава 54

В окно вливалось утреннее солнце. Д’Агоста неподвижно сидел за компьютером, положив руки на клавиатуру и устремив взгляд на экран.

В этом положении он пребывал уже минут десять. Его ожидала куча дел, но он никак не мог освободиться от оцепенения. Это было похоже на нахождение в эпицентре урагана: вокруг все вращается и несется с бешеной скоростью, а здесь, в самом сердце бури, тихо и ничего не происходит.

Вдруг дверь в его кабинет распахнулась, и на пороге показалась Лора Хейворд. Д'Агоста вскочил со стула.

– Лора!

Прикрыв за собой дверь, она подошла к столу. Увидев ее ледяные глаза, д'Агоста почувствовал, как внутри у него все оборвалось.

– Винни, ты ведешь себя как подлый эгоист, – тихо сказала Лора.

– А в чем дело?

– В чем дело? Мое назначение уплыло от меня в самый последний момент. И все из-за тебя.

Д'Агоста вытаращил глаза. Но потом вспомнил о разговоре, произошедшем в коридоре компании «Цифровая точность», и об угрозах ее владельца.

– Клайн, – выпалил он, ударив рукой по столу.

– Да, Клайн, черт бы тебя подрал.

Кинув взгляд на Лору, д'Агоста виновато опустил глаза:

– А что он сделал?

– Пожертвовал пять миллионов в Фонд Дайсона. На том условии, что меня не возьмут в службу быстрого реагирования.

– Он не имеет права. Это взятка. Это противозаконно.

– Я тебя умоляю. Ты что, не знаешь, как здесь делаются дела?

Д'Агоста вздохнул. По идее он должен был впасть в благородное негодование, даже в ярость, но на самом деле чувствовал лишь безмерную усталость.

– Рокер не дурак, – с горечью сказала Хейворд. – Он знает, что его четвертуют, если он откажется от такой суммы, особенно если она предназначена для такой священной коровы, как Фонд Дайсона. А я всего лишь козел отпущения.

– Лора… Мне очень жаль. Я никак не думал, что он отыграется на тебе. Но ведь я исполнял свой долг. А что мне было делать – отпустить его на

все четыре стороны? Он ведь подозреваемый. Этот тип угрожал Смитбеку.

– Ты должен был действовать профессионально. После смерти Смитбека ты как с цепи сорвался. Мне известно, какой погром ты учинил у Клайна, да еще унижал его при всех. Ты же знал, что он заводится с полоборота, и зачем-то провоцировал его. А он выместил все на мне.

– Верно, я нарочно провоцировал его, чтобы он выдал себя. Такие парни не выносят, когда их возят мордой об стол. Если бы я знал, чем это кончится, ни за что не стал бы с ним связываться. – Опустив голову, д’Агоста стал тереть виски. – Ну что я еще могу сказать?

– Я так мечтала получить эту работу.

Она замолчала. Д’Агоста медленно поднял глаза и встретился с ней взглядом.

В это время в дверь тихо постучали. На пороге возник дежурный сержант:

– Извините, сэр. Включите, пожалуйста, второй канал.

Д’Агоста молча подошел к телевизору, висевшему высоко на стене, и нажал кнопку включения. На экране появилось любительское видео. Изображение подрагивало и было нечетким, но он сразу узнал Нору Келли. Она была в больничном халате, бледная и растрепанная. Похоже, ее заточили в подземелье – стены из грубоколотого камня, солома на бетонном полу. Нора неуверенно шагнула навстречу камере.

– Помогите, – слабым голосом произнесла она.

Изображение пропало.

Д’Агоста повернулся к сержанту:

– Что за черт?

– Пришло к нам пятнадцать минут назад. Сейчас определяем источник.

– Пусть этим займутся лучшие специалисты. И немедленно. Вы поняли? Каким образом это передали?

– По электронной почте.

– Найдите отправителя.

– Да, сэр.

Сержант исчез.

Рухнув на стул, д’Агоста схватился за голову и закрыл глаза. Через минуту он уже взял себя в руки. Облизнув губы, тихо сказал:

– Я ее найду. Даже если меня потом вышвырнут из полиции. Ни перед чем не остановлюсь – ни перед чем, – лишь бы спасти ее от смерти. Тот, кто похитил Нору Келли, дорого заплатит за это.

– Опять ты за свое, – укоризненно сказала Хейворд. – Именно об этом я все время и говорю. Если хочешь спасти Нору, держи свои эмоции под контролем. И действуй как профессионал. Иначе плохо придется уже не только мне.

С этими словами она повернулась и вышла из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

Глава 55

Когда утреннее солнце осветило кремовые стены и высокие терракотовые арки «Дакоты», перед ее фасадом, выходящим на Семьдесят вторую улицу, появилась странная процессия. Из черных чугунных ворот вышли два носильщика с шестью чемоданами. За ними из темной глубины двора вынырнула женщина в белом халате, занявшая выжидательную позицию рядом с будкой портье. Потом показался Проктор, который подошел к «роллс-ройсу», стоявшему у тротуара, открыл заднюю дверь и стал рядом. Через какое-то время из ворот выехало кресло-каталка, на котором полулежал маленький человечек. Кресло толкала перед собой еще одна медсестра. Несмотря на теплоту бабьего лета, человечек в кресле был погребен под кучей одеял, муфт и шарфов, полностью скрывавших фигуру и затруднявших определение его половой принадлежности. Лицо закрывала широкополая белая шляпа. Из-под темных очков торчал перламутровый мундштук.

Медсестра подкатила инвалида к ожидавшему Проктору. В этот момент из ворот вышел Пендергаст и, сунув руки в карманы, легким шагом направился к «роллс-ройсу».

– Может быть, мне удастся убедить вас погостить еще, maître? – спросил он у странной фигуры.

Человек в кресле громко чихнул.

– Я не останусь здесь ни минуты, даже если меня попросит сам святой Христофор! – раздраженно бросил он.

– Позвольте вам помочь, месье Бертен, – предложил Проктор.

– Минуточку.

Из-под одеяла высунулась бледная ручка с аэрозолем от насморка. Бертен приложил пузырек к трепещущей ноздре, прыснул себе в нос и убрал руку под одеяло. Потом снял очки и засунул их в сумку авиационной компании BOAC, с которой он, похоже, никогда не расставался.

– Можете продолжать. Duocement, pour l’amour du ciel – doucement![34]

Проктор с медсестрой подняли Бертена с кресла и, осыпаемые градом ругательств, усадили его на заднее сиденье машины. Пендергаст наклонился к окну.

– Надеюсь, вам лучше? – спросил он.

– Нет, и вряд ли мне полегчает, пока я не вернусь к себе на болота. Если вообще вернусь, – отрезал Бертен, выглянув из своего кокона. Крепко сжимая трость, он гневно сверкал бусинками глаз. – Тебе тоже нужна медицинская помощь, Алоизий. У этого унгана очень древние и мощные заклинания.

– Несомненно.

– Как ты себя чувствует?

– Неплохо.

– Вот видишь! – произнес Бертен с ноткой торжества в голосе. Вынув руку из-под одеяла, он покопался в потрепанной сумке и вытащил маленький запечатанный пакетик. – Растворить в шести унциях аралиевой настойки и добавить немного льняного масла. Принимать два раза в день.

Пендергаст спрятал пакетик в карман:

– Благодарю вас, maître. Извините, что доставил вам столько беспокойства.

Блестящие черные глазки немного смягчились.

– Фу ты господи! Да я сам рад, что мы увиделись через столько лет. Но теперь будем встречаться только в Новом Орлеане – сюда меня больше не заманишь! – Он передернул плечами. – Желаю тебе удачи. Эти лоа из Вилля – очень злые духи. Настоящие демоны.

– Вы не хотите мне что-нибудь сказать, прежде чем уедете?

– Нет. Да! – Старичок чихнул и закашлялся. – Чуть не забыл из-за моих недомоганий. Этот маленький гробик, который ты мне показал на складе, выглядел очень странно.

– Тот, что нашли в склепе Феринга? Который вы… э-э… повредили?

Бертен кивнул:

– Я долго над этим думал. Расположение черепов и костей на крышке… – Он покачал головой. – Их соотношение весьма необычно и неестественно. Вообще-то, оно всегда неизменно и составляет два к пяти. Здесь же это соотношение нарушено, правда незначительно, но все же это отступление от нормы. Этот гробик не соответствует другим символам. – Он пренебрежительно щелкнул пальцами. – Топорная работа, что довольно странно.

– Я проверил серый порошок, который был внутри. Это просто древесная зола.

Еще один презрительный щелчок.

– Вот видишь! Он не соответствует амулетам обеа, которые мы нашли у Шарьера в Вилле. Те гораздо опаснее. Почему этот так отличается от них – для меня загадка.

– Благодарю вас, maître. – Пендергаст выпрямился с задумчивым выражением на лице.

– Не стоит благодарности. А теперь adieu[35], мой дорогой Алоизий, adieu! Не забудь: растворить в шести унциях аралиевой настойки и пить два раза в день.

Бертен постучал тростью в потолок машины:

– Поехали, любезный! И умоляю вас, не жалейте лошадей!

Глава 56

Мультимедийная служба департамента полиции напоминала д’Агосте отсек управления подводной лодки: набитое электроникой помещение, где было жарко и пахло человеческими телами. В комнате с низким потолком у терминалов и рабочих станций сидело десятка два сотрудников. Кто-то уже приступил к обеду, и в воздухе распространился терпкий запах карри.

Д’Агоста остановился в дверях и огляделся. Самая большая группа базировалась в конце зала, где сидел Джон Лоудер, главный технический эксперт. Лейтенант стал пробираться туда. Когда он увидел в этой группе Числетта, настроение у него совсем упало. Заместитель комиссара оглянулся, но, увидев д’Агосту, молча отвернулся.

Лоудер сидел у своей цифровой рабочей станции, состоявшей из огромного процессора и двух тридцатидюймовых плоских мониторов. Не поддавшись натиску д’Агосты, эксперт настоял, чтобы ему дали по крайней мере два часа, чтобы обработать видео. Прошло уже полтора.

– Что удалось выяснить? – спросил д’Агоста, подходя ближе.

Лоудер оторвался от монитора:

– Это файл в формате MPEG-4, присланный по электронной почте в отдел интернет-новостей.

– Откуда?

Лоудер покачал головой:

– Тот, кто его послал, использовал переадресацию через Казахстан.

– Хорошо, а что с видео?

Эксперт указал на экраны:

– Оно сейчас в видеоанализаторе.

– И на это потребовалось полтора часа?

Лоудер нахмурился:

– Я ввел временной код, выровнял поле записи, провел усреднение по кадрам, убрал помехи и высветлил каждый кадр, стабилизировал цифровое изображение.

– А вишенку сверху не забыли положить?

– Лейтенант, очистка файла не только позволяет получить более четкое изображение, но также устраняет помехи и дает возможность увидеть улики, которые иначе могли остаться незамеченными.

Д’Агоста хотел сказать, что на кону человеческая жизнь и дорога каждая минута, но решил воздержаться.

– Все ясно. Теперь давайте посмотрим.

Лоудер повернул регулятор – черный диск величиной с хоккейную шайбу, и на левом мониторе появилось изображение. Оно стало гораздо отчетливее, чем вначале. Послышался стук, потом темноту прорезал луч света, и появилась Нора. Она растерянно смотрела в камеру. Лицо ее было похоже на призрак, парящий в темноте. За ее спиной д’Агоста разглядел стены, сложенные из необработанного камня, и пучки соломы на бетонном полу.

– Помогите, – тихо сказала Нора.

Камера дрогнула, изображение расплылось и сфокусировалось вновь.

– Чего вы хотите? – спросила Нора.

В ответ не прозвучало ни звука. Потом послышалось что-то похожее на приглушенный скрежет или скрип. Свет погас, стало темно, и видеоролик кончился.

– Значит, вы не можете определить, откуда его прислали? – спросил д’Агоста, стараясь говорить спокойно. – А что еще вы можете сказать об этом фильме? Хоть что-нибудь.

– Он не мультиплексный.

– Что это значит?

– Снимали не телекамерой. Скорее всего, использовалась цифровая портативная видеокамера со встроенным видеомагнитофоном, и, судя по тому, как прыгает изображение, это старая ручная модель.

– На электронную почту ничего не поступало? Требования выкупа или какие-нибудь сообщения?

Лоудер покачал головой.

– Пожалуйста, покажите еще раз.

Д’Агоста внимательно вглядывался в экран, стараясь найти хоть какую-нибудь малость, позволяющую узнать помещение.

– Вы можете дать крупный план этой стены?

Вращая регулятор, Лоудер поколдовал над изображением – выделил участок стены рядом с Норой и сильно увеличил его.

– Слишком мутно.

– Сейчас я увеличу резкость.

Лоудер немного поработал мышью, и стена проступила гораздо отчетливее. Она была сложена из плоских камней, скрепленных цементом.

– Подвал старого дома, – определил д’Агоста.

– К сожалению, это все, что мы можем сказать, – подал голос Числетт.

– А как насчет происхождения камней?

– Их невозможно точно идентифицировать, – ответил Лоудер. – Это может быть и сланец, и базальт.

– Покажите еще раз.

Все молча смотрели на экран. Д’Агоста почувствовал, как в нем закипает гнев. Сколько можно сдерживаться, когда эти сволочи похитили Нору?

– А этот звук, – продолжал он. – Вы можете сказать, что это такое?

Лоудер сдвинул регулятор вбок:

– Мы уже работали над этим. Сейчас запущу программу усиления.

На втором экране появилось узкое длинное окно с неровной волнообразной полосой, похожей на синусоиду, накачанную стероидами.

– Потише, пожалуйста, – попросил Лоудер.

В комнате установилась тишина, и он начал нажимать на кнопку в нижней части окна.

Полоса начала двигаться в окне, словно пленка в магнитофоне. Д'Агоста услышал шаги человека с камерой, потом раздался тихий щелчок, когда включили свет, и легкий скрежет, когда камеру на что-то поставили или просунули объектив сквозь прутья решетки или в отверстие. Дважды прозвучал голос Норы, а потом послышался какой-то звук. Скрип? Скрежет? Разобрать было трудно – мешали фоновые помехи, да и сам шорох был слишком слаб.

– Его можно усилить? – спросил д'Агоста. – Или как-нибудь выделить?

– Сейчас я подрегулирую частоту прохождения сигнала.

Открылось еще несколько окон, и на звуковую волну наложились какие-то сложные графики. Лоудер снова проиграл запись. На этот раз звук был более четким, но по-прежнему неразборчивым.

– Попробую отфильтровать нижние частоты, чтобы убрать шумы.

После очередных манипуляций с мышью Лоудер еще раз воспроизвел таинственный звук.

– Это крик животного, которому перерезают горло, – заявил д'Агоста.

– Я ничего подобного не слышу, – возразил Числетт.

– Разве? А вы? – повернулся д'Агоста к Лоудеру.

Эксперт нервно почесал щеку.

– Трудно сказать, – задумчиво произнес он, открывая еще одно окно. – Анализ спектра показывает, что здесь имеется набор высоких частот, некоторые из которых недоступны для человеческого уха. На мой взгляд, это скрип ржавых дверных петель.

– Вздор!

– При всем моем уважении… – начал Лоудер.

– При всем вашем уважении это крик животного. Плюс старый каменный фундамент. Это было снято в Вилле. Мы должны обыскать это место. Немедленно. – Он повернулся к Числетту. – Вы согласны, шеф?

– Лейтенант, вы только усугубляете ситуацию, – спокойно и рассудительно произнес Числетт. – На этой записи нет ничего – абсолютно ничего, – что указывало бы на ее источник. Этот звук может иметь несметное количество значений.

«Вы только усугубляете ситуацию. Несметное количество значений». Этот надутый индюк любой разговор превращает в упражнение по изящной словесности. Д’Агоста попытался взять себя в руки.

– Шеф, вы ведь знаете, что сегодня вечером будет демонстрация протеста против Вилля.

– У них есть разрешение, так что все абсолютно законно. На этот раз там будет достаточно наших людей, чтобы держать ситуацию под контролем.

– Да? Разве мы можем быть в этом уверены? Если демонстранты станут неуправляемыми, они могут спровоцировать жителей Вилля, и те убьют Нору. Мы должны провести рейд немедленно, еще до демонстрации. Использовать эффект неожиданности, ворваться туда и освободить женщину.

– Лейтенант, разве вы не слышали, что я сказал? Где улики? Ни один судья не даст разрешения на рейд, основываясь только на одном звуке – даже если его издало животное. Вы сами прекрасно это знаете. Тем более после вашего бесцеремонного обыска в офисе у Клайна, – пренебрежительно фыркнул Числетт.

Д’Агоста почувствовал, что его терпению пришел конец. Дамбу прорвало, и весь его гнев и возмущение выплеснулись наружу. Но теперь ему было наплевать.

– Вы только посмотрите на них, – громко произнес он. – Сидят тут со своим железом.

Все оторвались от мониторов и уставились на лейтенанта.

– Пока вы играете в игрушки, они похитили женщину и убили двоих журналистов и городского служащего. На этих подонков нужно напустить спецназ. Необходима срочная операция по освобождению заложника.

– Лейтенант, вам следует держать свои эмоции под контролем, – предостерег его Числетт. – Мы прекрасно знаем, что поставлено на кон, и делаем все, что в наших силах.

– Нет, мне не следует, и ничего вы не знаете.

С этими словами д’Агоста повернулся и вышел из комнаты с высоко поднятой головой.

Глава 57

Пендергаст сидел в пухлом кожаном кресле в своей гостиной, положив ногу на ногу и опустив подбородок на сплетенные пальцы. В таком же кресле напротив утопал в складках красной кожи крохотный Рен. Между ними на турецком ковре стоял стол, на котором разместились чайник с изысканным китайским чаем, корзинка с бриошами, масленка и вазочки с мармеладом и крыжовенным джемом.

– Чему я обязан столь неожиданным и ранним визитом? – поинтересовался Пендергаст. – Должно быть, случилось что-то из ряда вон выходящее, если вы выбрались из своей берлоги в такой неурочный час.

Рен коротко кивнул:

– Вы правы, я не очень-то люблю дневное время. Но мне удалось выяснить кое-что такое, о чем вы должны знать.

– К счастью, у меня дома редко бывает дневной свет.

Пендергаст налил чай и поставил чашку перед гостем. Но Рен не притронулся к чаю.

– Я давно хотел вас спросить: как поживает очаровательная Констанс?

– Я регулярно получаю сообщения с Тибета. Все идет по плану, насколько это возможно в таких случаях. В ближайшем будущем собираюсь туда наведаться, – сообщил Пендергаст, поднося к губам чашку. – Вы сказали, вам удалось что-то обнаружить. Расскажите, пожалуйста.

– Изучая историю Вилля и его обитателей, я, естественно, просмотрел множество сообщений, газетных статей, обзоров, рукописей, старых книг и других источников. И обнаружил кое-что любопытное.

– И что же это такое?

Рен наклонился вперед:

– Я не первый, кто заинтересовался этим местом.

Пендергаст поставил чашку на стол:

– В самом деле?

– Всем, кто заказывает редкие книги или исторические документы, библиотека присваивает идентификационный номер. Я стал замечать, что интересующие меня документы уже просматривались одним и тем же абонентом. Сначала я подумал, что это просто совпадение. Но после множества таких совпадений я решил проверить базу доступа. И оказалось, что все документы, касающиеся Вилля и его истории, а также теперешних и прежних обитателей и особенно основателей, уже были просмотрены этим неизвестным исследователем. Он провел большую и кропотливую работу и даже догадался просмотреть те несколько документов, которые ускользнули от моего внимания. – Рен сокрушенно покачал головой.

– И кто же этот таинственный исследователь?

– Вся штука в том, что его файл в библиотечной базе оказался стертым. Словно он не хотел, чтобы о его посещениях стало известно. Остались только следы его пребывания. Это был профессиональный ученый – об этом свидетельствует приставка к его номеру. Мне кажется, он работал по чьему-то заказу, а не для себя. Все было сделано очень быстро и четко. Не похоже на хобби или научные изыскания.

– Понятно, – проговорил Пендергаст, возвращаясь к чаю. – А когда все это происходило?

– Он начал свои исследования около восьми месяцев назад, причем заказывал документы каждую неделю. А два месяца назад все прекратилось.

Пендергаст взглянул на архивариуса:

– Он завершил свое исследование?

– Очевидно. Но есть и другая вероятность.

– Несомненно. И какая же?

– Он что-то искал – что-то очень конкретное. И столь резкое окончание работы говорит о том, что он это нашел.

После того как гость ушел, Пендергаст поднялся с кресла и, выйдя из гостиной, пошел по центральному коридору в свою маленькую и довольно старомодную лабораторию. Сняв пиджак, он повесил его на крючок за дверью. Большую часть помещения занимал лабораторный стол из стеатита, на котором стояло химическое оборудование и бунзеновская горелка. По стенам стояли старые дубовые шкафы,

заставленные стеклянными пузырьками вперемешку с зачитанными журналами и потрепанными справочниками.

Вытащив из кармана ключ, Пендергаст открыл один из шкафов и достал оттуда несколько предметов: пару латексных перчаток, ящик для инструментов из полированного грецкого ореха, штатив, в котором стояли пробирки с пробками и этикетками, увеличительное стекло в латунной оправе. Все это он аккуратно расставил на столе. Надев перчатки, он открыл другой шкаф. Через мгновение в руках у него оказался череп – тот самый, который они с д'Агостой выкопали из могилы на берегу реки. В глазницах и челюстях чернела земля. Осторожно поставив череп на стол, Пендергаст вытащил из ящика зубоврачебные инструменты девятнадцатого века с ручками из слоновой кости. Очень осторожно он очистил череп, удалив с него землю, которую поместил в пробирки с номерами. Также по пробиркам были разложены образцы беловатого порошка, приставшего к челюстям с внутренней стороны, и фрагменты кожи, волос и трупного воска.

Покончив с этой процедурой, спецагент поставил череп на стол и стал внимательно смотреть на него. Прошло несколько минут. В комнате висела тишина. Потом Пендергаст медленно выпрямился. В его глазах зажегся огонек. Взяв лупу, он стал осматривать череп, сосредоточившись в конце концов на правой глазнице. Положив лупу, он взял череп в руки и стал изучать глазницу, поворачивая ее под разными углами. На ее внутренней части виднелись тонкие извилистые царапины, и такие же бороздки были прочерчены на задней стенке черепной коробки.

Положив череп на стол, Пендергаст открыл третий шкаф. Оттуда он вынул странное орудие, похищенное с алтаря в Вилле: острую изогнутую металлическую проволоку на деревянной ручке, похожую на большой растянутый штопор. Он поставил ее рядом с черепом и, облокотившись на стол, долго смотрел на эти два предмета, переводя взгляд с одного на другой.

Наконец он сел за стол и взял череп в правую руку. Левой он поднял странное орудие и стал поочередно рассматривать свои находки. А потом очень медленно приблизил их друг к другу и запустил изогнутый конец крюка в глазницу. Медленно, осторожно он провел острием вдоль царапин, повернув его так, чтобы вставить в верхнюю глазничную щель – зазор в задней части глазницы. Кончик инструмента точно вошел в отверстие. Словно совмещая элементы головоломки, Пендергаст продвигал крючок вглубь черепной коробки, следуя направлению царапин, пока метка на металле не совпала с краем глазницы.

Чуть-чуть повернув ручку, Пендергаст заставил кончик инструмента описать небольшую дугу внутри черепа. Он поворачивал ручку, и острый конец крючка двигался по выверенной кривой.

Лицо спецагента Пендергаста озарила невеселая улыбка, и он тихо произнес единственное слово:

– Брока[36].

Глава 58

Нора Келли лежала в темноте, прислушиваясь. В подвале было тихо как в могиле. Сюда не проникало никаких звуков из внешнего мира – ни гула машин, ни людских голосов, ни шагов или шелеста деревьев. Даже мыши и крысы никак не выдавали своего присутствия.

Когда Нора пришла в себя и немного оправилась от испуга, она тщательно исследовала свою тюрьму, обойдя ее несколько раз. На это ушло какое-то время. Ей пришлось действовать на ощупь. Нора видела подвал только единожды, когда ее снимали на камеру, но тогда она была слишком ошеломлена, чтобы запомнить обстановку.

Тем не менее осязание дало ей довольно точное представление о месте ее заточения – к сожалению. Влажный бетонный пол был усыпан соломой. Размер подвала, который она измерила шагами, составлял приблизительно десять на шестнадцать футов. Стены были сложены из дикого камня, похожего на гранит, и не имели никаких отверстий, кроме массивной деревянной двери, обитой железом (что она определила на вкус). Похоже, дверь была новой, и ее специально изготовили для этого подвала, поскольку проем был слишком мал для обычной двери. Низкий сводчатый потолок был сложен из кирпича. Из стен и потолка торчало множество ржавых крюков, что говорило о том, что здесь когда-то разделывали туши.

Подвал был практически пуст. Нора обнаружила только помойное ведро в углу и пластиковую бутыль с водой. За все время ей ни разу не принесли еды. В темноте было трудно следить за временем, но Нора могла с уверенностью сказать, что находится здесь не менее суток. Она была даже рада, что ей не дают есть. Голод обострял восприятие.

«Какая вам разница? Все равно вы скоро умрете». Это все, что Нора услышала от своего похитителя, но ей сразу стало ясно, что он не шутит. Здесь не было ничего, что могло бы поддержать ее жизнь: ни еды, ни свежего воздуха. Никто не заботился, чтобы она вернулась в мир живых в нормальном физическом состоянии. Более того, он сказал это таким будничным голосом и в то же время с такой уверенностью, что она нутром почувствовала, что обречена.

Ее вряд ли спасут. Договориться с похитителем тоже не получится – это все равно что заключать сделку с собственной смертью. Значит, надо сбежать отсюда.

С той же методичностью, с какой она сортировала черепки, Нора рассмотрела все возможные способы побега. Сделать подкоп через потрескавшийся бетонный пол? Но пластиковое ведро и бутыль вряд ли здесь помогут. На ней не было ни туфель, ни пояса. Только больничный халат. Крюки прочно сидели в каменной кладке. У нее не было ничего, кроме собственных ногтей и зубов, а с таким «инструментом» подкоп не сделать.

Потом Нора изучила возможность проникновения сквозь стены. Она скрупулезно исследовала каждый камень, пробуя на прочность связывающий их раствор. Опять неудача. Камни плотно прилегали друг к другу, и ни один из них не шатался. Похоже, кладку стен и потолка недавно подновляли, и в ней не было ни единой трещины, за которую можно было бы зацепиться ногтем.

Дверь тоже была безнадежна – слишком массивная и прочная. Внутри не было ни замка, ни замочной скважины. Вероятно, она запиралась на засов с внешней стороны. В двери было прорезано небольшое оконце, забранное изнутри решеткой и наглухо закрытое металлическим ставнем. В подвале всегда стояла мертвая тишина, – вероятно, он был надежно изолирован от внешнего мира.

Оставалось только одно: напасть на тюремщика, когда тот появится вновь. Но для этого надо иметь план действий и оружие.

Сначала Нора подумала о крюках, вбитых в стены и потолок, но они были слишком массивны, чтобы раскачать их или вырвать из кладки. Даже у ведра не было ручки. Ее единственное оружие – собственные руки, ноги, ногти и зубы. И она ими воспользуется.

Она нужна ему живой, во всяком случае пока. Но зачем? Ему нужно продемонстрировать, что она жива. Ради выкупа? Возможно. Или она здесь в качестве заложницы? Можно только гадать. Единственное, что она знала наверняка, так это то, что, получив желаемое, он сразу же убьет свою жертву.

Все очень просто.

Нора удивилась своему спокойствию. Куда девался страх? Ответ был так же прост. После смерти Билла ей нечего было бояться. Самое страшное уже произошло.

Она приподнялась и села на полу. Потом сделала еще тридцать таких упражнений, чтобы размяться и разогнать кровь. От подобной физкультуры, да еще на голодный желудок, у нее моментально закружилась голова. Но когда головокружение прошло, она почувствовала неожиданный прилив бодрости.

План. Может быть, притвориться больной, заманить его в подвал, разыграть обморок, а потом напасть? Нет, это шито белыми нитками, и вряд ли он клюнет на эту удочку.

В следующий раз он может прийти для того, чтобы убить ее. Надо сделать так, чтобы он не смог выстрелить через прорезь в двери. Она спрячется, и ему придется открыть дверь и войти внутрь. Лучше всего притаиться за дверью. Темнота будет ей союзником. Когда он войдет, она использует свой единственный шанс. Соберет все силы и набросится на него. Будет метить в глаза. Этот человек убил ее мужа – теперь она в этом не сомневалась. Ненависть к нему придавала ей силы.

Нора мысленно представила, как все будет происходить. Открывается дверь, она кидается на похитителя, вцепляется ему в глаза, он падает. А потом она поднимает ружье и убивает его…

Ее мысли нарушил какой-то негромкий звук. Она, как кошка, скользнула к двери и присела на корточки, выставив вперед ногу, словно бегун, готовящийся к старту. Было слышно, как пришедший отпирает замок и отодвигает тяжелый засов. Дверь слегка приоткрылась, и на пол упал луч света. Открыться шире ей помешала Норина нога.

– А вот и я, – произнес мужской голос. – Пора на съемку.

Включенный прожектор камеры наполнил подвал ослепительным белым сиянием. Нора ждала, пока глаза привыкнут к свету.

И вдруг свет, обогнув дверь, ударил ей прямо в лицо. Она бросилась на похитителя, выставив вперед большие пальцы. Но яркий свет ослепил ее, и мужчина, бросив камеру, сумел перехватить ее руки, сжав их, как в тисках. Бросив Нору на пол, он со всей силой ударил ее ногой в живот. Потом, подняв камеру, отошел на пару шагов.

Нора лежала на полу, судорожно ловя ртом воздух. Мужчина, скрытый в темноте, направил на нее объектив камеры.

Ее опять залил свет. В голове промелькнула мысль: «Это он убил моего мужа».

С неимоверным усилием Нора поднялась на ноги и снова кинулась на невидимую фигуру, но теперь мужчина был к этому готов. Он нанес ей удар в висок, отбросив на бетонный пол. В ушах у нее зазвенело, перед глазами заплясали светящиеся точки.

Свет камеры погас, мужчина отступил к выходу и стал закрывать дверь. Ощущая обморочную слабость, Нора поднялась на колени. Но прежде, чем она смогла встать, засов был водворен на место. Вцепившись в дверь, она с трудом поднялась на ноги.

– Тебе конец, – выкрикнула она, стукнув кулаком в дверь. – Я тебя все равно убью.

– Все будет наоборот, маленькая сучка, – послышалось из-за двери. – Жди, я скоро вернусь.

Глава 59

Д’Агоста стоял у стены, скрестив на груди руки, и слушал, как Гарри Числетт важно инструктирует полицейских о предстоящей «процессии» в окрестностях Вилля – именно так выразился этот напыщенный осел. «Процессия, елки-палки», – саркастически произнес про себя д’Агоста. То, что Эстебан с Плоком получили разрешение на демонстрацию, совсем не означает, что они промаршируют мимо Вилля, распевая «Дайте миру шанс». Ведь прошлый раз толпа моментально пришла в возбуждение. Д’Агоста это видел, а Числетт – нет. Он уехал еще до того, как начался этот проклятый марш протеста. А теперь полюбуйтесь, стоит и величественно тычет в схемы на доске, распространяется о необходимой защите, контроле толпы и различных тактических нюансах так невозмутимо, словно устраивает бал с котильоном для «Дочерей американской революции»[37].

Слушая эти разглагольствования, д’Агоста невольно сжимал кулаки. Он уже пытался объяснить Числетту, что Нору, возможно, похитили обитатели Вилля и любые насильственные действия со стороны демонстрантов могут спровоцировать ее убийство. А это гораздо серьезнее, чем материально-техническое обеспечение демонстрации. Любая толпа склонна к агрессии и насилию. Жизнь Норы Келли висит на волоске. Но заместитель комиссара придерживался другого мнения. «Бремя ответственности ляжет на ваши плечи, – напыщенно произнес он. – Где доказательства, что Нора Келли находится в Вилле?» Тогда д’Агоста с трудом сдержался, чтобы не врезать ему под дых.

– У нас три контрольные точки – здесь, здесь и здесь, – вещал Числетт, водя указкой по схеме. – Две в центральных узловых пунктах и одна у входа в Инвудский парк. Из них будут поступать команды на передовые позиции.

– Раз-два левой, направо равняйсь, – пробурчал д’Агоста себе под нос.

– Похоже, заместитель комиссара Числетт не слишком верно оценивает обстановку, – произнес знакомый голос за его плечом.

Д’Агоста повернулся и увидел стоящего рядом Пендергаста.

– Добрый день, Винсент, – растягивая слова, произнес спецагент.

– Что вы здесь делаете? – удивился д’Агоста.

– Я пришел к вам.

– А где ваш дружок Бертен?

– Он отступил в надежный тыл орлеанских болот. Мы опять остались одни.

В сердце д’Агосты затеплилась надежда – первый раз за последнее время. Пендергаст по крайней мере понимает всю серьезность положения.

– Надеюсь, вы понимаете, что нельзя ждать ни минуты. Мы должны немедленно отправиться туда и спасти Нору.

– Полностью с вами согласен.

– Если демонстранты нападут на Вилль, ее могут убить.

– Опять же согласен, при условии, что она находится в Вилле.

– При условии? А где еще ей быть? Мы проанализировали звуковую дорожку пленки.

– Мне это известно, – сообщил Пендергаст. – Однако эксперты не разделяют вашего мнения, что это кричало животное.

– Да пошли они к черту. Не могу я больше ждать. Пора наконец действовать.

Пендергаст согласно кивнул:

– Отлично. Но, Винсент, мы не должны распылять свои силы. Вилль, конечно, имеет к этому отношение. Но какое? Вот в чем загадка. Там что-то происходит, но я пока не понял, что именно. Во всяком случае, что-то нехорошее.

– Да, черт возьми, нехорошее. Нору Келли собираются убить.

Спецагент покачал головой:

– Я не это имел в виду. Винсент, вы даете мне слово, что мы будем действовать сообща?

Д’Агоста посмотрел на него:

– Даю.

– Вот и отлично. Моя машина ждет нас внизу.

Глава 60

Ричард Плок стоял напротив сортировочной станции метро на Двести седьмой улице, глядя на тесные ряды поездов, освещенных

послеполуденным солнцем. На станции было тихо и малолюдно, между вагонами мелькнул рабочий и исчез в кузнечном цеху, инженер медленно перегнал состав на площадку рядом с контрольным депо.

Плок посмотрел на улицу за забором. Западная Двести пятнадцатая была пуста. Удовлетворенно хмыкнув, он взглянул на часы: они показывали шесть пятнадцать.

В кармане пиджака зазвонил один из сотовых телефонов, закодированных по цветам. Вытащив его, Плок увидел, что звонит красный. Значит, это Траум от Клойстерса[38].

Плок открыл трубку:

– Сообщите мне об обстановке.

– Они собираются уже двадцать минут.

– И сколько там сейчас?

– Сотни две, может, две с половиной.

– Отлично. Не давайте им толпиться, пусть выглядят как неорганизованная группа. Мы не должны раньше времени раскрывать свои планы.

– Понял.

– Держите меня в курсе. Мы выступаем через пятнадцать минут.

Осторожно захлопнув трубку, Плок спрятал ее в карман. Пора было присоединяться к своей группе, которая собиралась на южной стороне станции.

Плок прекрасно понимал, что ему не хватает харизмы и он не может претендовать на роль прирожденного лидера. Но у него была страстная убежденность, а это гораздо важнее. Его всю жизнь недооценивали. Да и сегодня от него многого не ждали.

Но Рич Плок покажет, на что он способен.

После первой демонстрации, окончившейся ничем, Плок неустанно трудился, входя в контакт с организациями по всему городу и даже стране, чтобы собрать для сегодняшней акции самых активных борцов. И сейчас он пожинал плоды своих усилий. В Уэстсайде собрались посланники от двух с лишним десятков организаций: «Люди на защите животных», «Армия вегетарианцев», «Амнистия без границ», «Зеленые бригады». И это были не просто вегетарианцы или защитники животных: убийство двух журналистов, чиновника и похищение Норы Келли по-настоящему всколыхнули людей. Поэтому Плоку удалось

мобилизовать несколько периферийных групп с серьезными программами. Некоторые из них относились друг к другу с недоверием – например, «Глобальное оружие» или «Возрождение Америки», но благодаря зажигательной риторике Плока все они обрели общего врага в лице Вилля.

Плок не хотел рисковать. Он все тщательно продумал. Чтобы копы не разогнали и не блокировали демонстрантов, они собирались в разных местах: на Венском стадионе, у дома Дикмана, в Хайбриджском парке. Небольшие группы не привлекут слишком пристального внимания… до тех пор, пока Плок не даст команду и они все не сольются в одну мощную демонстрацию. И тогда их уже ничто не остановит. На этот раз никакого отступления не будет.

Вспоминая первую демонстрацию, Плок неизменно мрачнел. Даже к лучшему, что Эстебан слинял. От него больше не было толку. Этот господин уже сделал все, что мог: повысил статус их организации, сыграв роль декоративного президента, и оказал финансовую помощь, которая позволила Плоку мобилизовать силы для выполнения главной задачи. Останься Эстебан с ними, он стал бы призывать всех к осторожности и бесконечно напоминать об отсутствии доказательств, будь то причастность Вилля к убийствам или похищение заложника.

Слабонервность Эстебана сорвала их последнюю акцию – но больше этого не произойдет. Вилль будет обезврежен раз и навсегда. Пора положить конец беспричинной жестокости, измывательствам над беззащитными животными и убийствам честных журналистов.

Плок вырос на ферме в северном Нью-Гемпшире. Когда наступало время резать овец и свиней, мальчику становилось по-настоящему плохо. Его отец никогда не мог этого понять. Когда Плок пытался уклониться от участия в жуткой процедуре, он колотил его и называл лодырем и маменькиным сынком. Он не мог забыть, как отец на его глазах отрубил курице голову, а потом смеялся, глядя, как несчастная птица мечется в проулке, заливая землю бьющей из шеи кровью. Потом он часто видел это во сне. Отец требовал, чтобы семья жила на собственном обеспечении, и следил, чтобы на столе всегда было мясо. Когда зарезали любимую свинку Плока, отец заставил его съесть ее жареные ребрышки. После этого мальчик выскочил из-за стола, и его долго рвало за сараем. На следующий день Плок ушел из дома. Он даже не стал собирать вещи, только взял с собой несколько книг – «О дивный новый мир», «Атлант расправил плечи», «1984» – и ушел на юг.

Он больше никогда не бывал в родном доме. От отца он не получил ни любви, ни поддержки, ни образования – ничего.

Нет, не совсем так. Отец научил его лишь одному – ненависти.

Зазвонил еще один мобильный телефон, на этот раз синий – Макмолтри от университета Йешива. Когда Плок собирался ответить, он увидел нечто любопытное: по Десятой авеню, отчаянно сигналя, мчался «линкольн-таун-кар», машина «скорой помощи». Но телефон продолжал звонить, и Плок лишь мельком взглянул ей вслед. Тихо кашлянув, Плок открыл трубку и заговорщицки приложил ее к уху.

Глава 61

«Роллс-ройс» припарковался в конце Западной Двести восемнадцатой улицы, втиснувшись между потрепанным грузовым фургоном и джипом последней модели. Слева тянулась шеренга малоэтажных кооперативных домов, справа зеленел овал футбольного поля Колумбийского университета. Вокруг стадиона и бейсбольных площадок бесцельно слонялись сотни две людей, но д'Агоста сразу понял, что они были частью предстоящего марша протеста. Он уже видел такие же подозрительные группки, когда они проезжали Инвуд. Этот растяпа Числетт скоро растеряет всю свою спесь.

– Мы пойдем в обход, через Ишам-парк, – сказал Пендергаст, доставая с заднего сиденья рюкзак.

Они пошли через бейсбольные площадки и ухоженные лужайки, а потом резко свернули в Инвудский парк. Стена деревьев закрывала от них Вилль. Пендергаст заранее выбрал маршрут, дававший возможность проскользнуть незамеченными. Д'Агоста прислушался: с юга доносились гул мегафонов и еле слышные крики людей. Тот, кто организовал эту демонстрацию, действовал весьма грамотно – в то время, когда одна шумная группа отвлекала внимание полиции, другие могли объединиться и выступить сообща. Если они не освободят Нору до того, как демонстранты ворвутся в Вилль…

Шедший впереди Пендергаст остановился и, опустив рюкзак на землю, вытащил из него два коричневых балахона. Д'Агоста, уже вспотевший под пуленепробиваемым жилетом, мысленно поблагодарил провидение за холодную погоду. Взяв у спецагента балахон, он быстро натянул его и набросил на голову капюшон. Последовав его примеру, Пендергаст посмотрелся в карманное зеркальце, после чего передал его д'Агосте. Взглянув на себя, лейтенант остался доволен: если натянуть поглубже капюшон и не поднимать голову, получается вполне правдоподобно. Вынув из рюкзака еще несколько предметов – маленький фонарик с запасными батарейками, нож, молоток и ручное зубило, набор отмычек, – спецагент переложил их в набедренный мешок и спрятал под балахоном. Похлопав себя по талии, д'Агоста убедился, что его «глок» с запасными обоймами тоже находится в зоне досягаемости.

Засунув пустой рюкзак под поваленное дерево, Пендергаст присыпал его листьями и кивнул д'Агосте, приглашая того следовать за ним к насыпи.

Забравшись наверх, они осторожно выглянули на ту сторону. Сетка находилась всего в двадцати ярдах, причем в этом месте она была особенно ржавой и дырявой. За ней на расстоянии пятидесяти ярдов начиналось бесформенное скопление построек, над которыми возвышалось здание церкви.

Д'Агоста вспомнил, как в прошлый раз схлопотал здесь по голове. Он вынул «глок» и зажал его в руке. Больше этот номер у них не пройдет.

Следуя за Пендергастом, он подбежал к проволочной сетке, пролез в дыру и на четвереньках пополз к внутренней ограде Вилля. Они двигались вдоль ограды, пока не наткнулись на маленькую подгнившую калитку, запертую на висячий замок. Одного удара зубила вполне хватило, чтобы петли вместе с замком оказались на земле. Агент распахнул калитку – за ней они увидели узкий замусоренный проход, над которым нависали крыши построек, лепившихся к стене церкви. Пендергаст нырнул внутрь, д'Агоста быстро последовал за ним, захлопнув за собой калитку. Пендергаст приложил ухо к стене церкви, и то же самое сделал д'Агоста. Внутри слышалось монотонное чтение нараспев со сменой высоких и низких тонов. Вибрирующий голос проповедника звучал назидательно и угрожающе, но был слишком приглушен, чтобы различить слова – при условии, что он говорил по-английски. Периодически к нему присоединялся нестройный хор, словно отвечающий на его призывы, а потом снова звучал безумный речитатив.

С ним сливалось тоненькое ржание испуганного жеребенка.

Д'Агоста постарался не думать о том ужасном, что сейчас произойдет, и сосредоточился на выполнении главной задачи. Он двинулся по проходу за Пендергастом, стараясь не поднимать голову и не показывать лицо. Вокруг было пусто – вероятно, все сектанты собрались в церкви. Проход круто спустился вниз, к кучке старых, ветхих домишек, затем повернул к большой пристройке, похожей на дом приходского священника.

Первая дверь пристройки оказалась заперта, но Пендергаст открыл ее за пять секунд. Войдя внутрь, они оказались в темном душном помещении. Когда глаза привыкли к темноте, д'Агоста увидел, что это столовая, в которой стояли старый дубовый стол, стулья и множество подсвечников с оплывшими свечами. Единственный свет падал с монитора допотопного компьютера, который на фоне старинной мебели выглядел несколько чужеродно. Три двери вели в еще более темные помещения.

Здесь причитания проповедника были слышнее, но определить, откуда они доносились, было довольно сложно.

Найти Нору в этом нагромождении построек вдруг показалось непосильной задачей. Но д’Агоста немедленно отогнал эту мысль. Рано еще паниковать.

– В старых домах из кухни обычно есть вход в подвал, – прошептал Пендергаст.

Он наугад выбрал дверь – восточную – и исчез за ней. Д’Агоста поспешил следом. Они оказались в кладовой, заваленной мешками с зерном. В конце помещения виднелся старинный грузовой лифт. Подойдя к нему, д’Агоста открыл дверь, включил свет и заглянул вниз – глубоко вниз.

Вдруг у них за спиной послышался громкий резкий окрик:

– Эй! Вы что здесь делаете?

Глава 62

Заместитель комиссара Гарри Числетт вылез с заднего сиденья «краун-виктории» и подошел к своему помощнику инспектору Минерве, который следил за толпой в бинокль.

Впрочем, назвать это сборище толпой было бы явным преувеличением. На бейсбольной площадке у входа в парк собрались две, от силы две с половиной сотни человек, которые размахивали плакатами и что-то скандировали. По виду это были те же защитники природы, что топтались здесь в прошлый раз. До Числетта донеслись нестройные восклицания, которые быстро оборвались.

– А тот бородатый тоже здесь? – спросил он. – Режиссер, который остановил их в прошлый раз?

Минерва обвел площадку биноклем:

– Его нет.

– Как наши контрольные точки и передовые позиции?

– У нас все люди наготове.

– Превосходно.

Опять послышались ленивые возгласы. Числетту демонстранты показались какими-то апатичными, не то что в прошлый раз. Без их прежнего оратора, который заводил толпу с полуоборота, они быстро скиснут. Во всяком случае, полиция готова к любому повороту событий.

– Сэр.

Обернувшись, Числетт с удивлением увидел маленькую черноволосую женщину с капитанскими нашивками на воротничке. В ее холодном самоуверенном взгляде было что-то вызывающее. Она работала не в его подразделении, но он сразу же ее узнал: Лора Хейворд. Самый молодой капитан полиции женского пола. И подружка лейтенанта д'Агосты, впрочем, по слухам, уже бывшая. Ни в одном из этих качеств симпатий она у Числетта не вызывала.

– Да, капитан? – отрывисто произнес он.

– Я была сегодня на вашем брифинге. Хотела поговорить, но вы сразу же уехали.

– И что?

– При всем моем уважении к вашему плану операции, сэр, я не уверена, что у вас достаточно сил, чтобы контролировать эту толпу.

– Сил? Толпу? Посмотрите сами, капитан, – махнул Числетт в сторону бейсбольной площадки. – Вы видите, как они малочисленны? Эти люди разбегутся, как зайцы, от первого же копа, который на них шикнет.

Инспектор Минерва ухмыльнулся:

– Мне кажется, их гораздо больше. Просто не все еще подошли.

– А откуда они подойдут?

– Здесь по соседству полно мест, где они могут собраться, – возразила Хейворд. – Я уже видела несколько подозрительных групп, гуляющих неподалеку, а ведь сегодня будний осенний день.

– Именно для этого мы и держим своих людей на передовых позициях. Это даст нам возможность действовать быстро и эффективно, – объяснил Числетт, стараясь не выдать своего раздражения.

– Я видела ваши схемы, сэр. На этих передовых позициях всего по полудюжине полицейских. Демонстранты могут прорвать вашу линию обороны и пойти приступом на Вилль. И если сектанты взяли Нору Келли в заложницы – а это вполне вероятно, – они могут испугаться и совершить непоправимое. Ее жизнь в опасности.

Ту же самую чушь порол д'Агоста. Возможно, это он ее подослал.

– Я принял к сведению ваши опасения, – ответил Числетт, уже не стараясь скрывать сарказма. – Хотя желал бы заметить: судья отказался выдать ордер на обыск Вилля, мотивируя это полным отсутствием доказательств, что Нора Келли находится именно там. А теперь, капитан, потрудитесь объяснить, как вы здесь оказались? Насколько мне известно, Инвудский парк не входит в сферу ваших полномочий.

Хейворд не ответила. Она смотрела на что-то за его плечом.

Числетт обернулся. С востока двигалась еще одна группа демонстрантов. Они не несли никаких плакатов, но очень быстро и деловито шагали к бейсбольной площадке, плотно сомкнув ряды. Это была довольно пестрая компания, выглядевшая намного решительнее, чем те, что собрались здесь раньше.

– Позвольте бинокль, – обратился Числетт к Минерве.

Направив бинокль на подходившую группу, Числетт увидел, что ее возглавляет толстый парень, который верховодил здесь в прошлый раз. Глядя на его волевое лицо и мрачную решимость его соратников, заместитель комиссара почувствовал легкое беспокойство.

Однако оно быстро прошло. Какое значение имеет лишняя сотня людей? У полиции достаточно сил, чтобы справиться с четырьмя сотнями демонстрантов. Его план сдерживания является образцом экономной маневренности.

Числетт отдал бинокль Минерве.

– Передайте по рации, – скомандовал он, не обращая внимания на Хейворд. – Мы приступаем к окончательному развертыванию сил. Пусть передовые позиции придут в боевую готовность.

– Есть, сэр, – ответил Минерва, доставая рацию.

Глава 63

Д'Агоста похолодел. Пендергаст что-то пробормотал и, пряча лицо под капюшоном, двинулся навстречу незнакомцу, шаркая ногами и пошатываясь, как немощный старик.

– Что вы здесь делаете? – повторил свой вопрос мужчина с каким-то экзотическим акцентом.

– Va t'en, sale bête[39], – скрипучим голосом ответил Пендергаст.

Мужчина сделал шаг назад.

– Но вы… вы не должны здесь находиться.

Подойдя к нему вплотную, Пендергаст сделал д'Агосте знак глазами.

– Я старый человек… – захрипел он, поднимая трясущуюся руку. – Ты мне не поможешь…

Мужчина наклонился, чтобы лучше слышать, и в этот момент д'Агоста ударил его рукояткой пистолета в висок. Тот сразу обмяк и стал сползать на пол.

– Отличный удар, – заметил Пендергаст, проворно подхватывая падающее тело.

В соседнем помещении послышались голоса. Похоже, в церкви собрались далеко не все. Из кладовой не было второго выхода, это был тупик, где их неминуемо застигнут с бесчувственным телом.

– В лифт его, – прошептал Пендергаст.

Они втащили мужчину в лифт и, захлопнув дверь, опустили его в подвал. Почти сразу же у входа в кладовую появились трое мужчин.

– Морведре, что ты здесь делаешь? – спросил один из них. – Идем с нами. И ты тоже.

Они пошли дальше. Д'Агоста с Пендергастом последовали за ними, стараясь ступать так же медленно и бесшумно. Д'Агоста занервничал. Рано или поздно их обман раскроется. Надо скорее бежать отсюда и начинать обыскивать подвал. Время не ждет.

Мужчины свернули в длинный узкий коридор, прошли через несколько двойных дверей и вошли в церковь. Там пахло свечным воском и благовониями. Толпа сектантов невнятно причитала, волнуясь как море в такт каденциям верховного жреца Шарьера, стоявшего впереди. Два ряда свечей освещали четырех мужчин, которые что-то делали с большим плоским камнем в полу. За ними, в мутной мгле, стояли сектанты в капюшонах, из-под которых, словно жемчужины, сверкали белки глаз. В стороне царственно воздвигнулся во весь свой огромный рост Боссон, с непроницаемым лицом наблюдавший за церемонией.

Четверо мужчин продели веревки в железные кольца по углам каменной плиты, завязали их узлом и, положив на каменный пол, встали рядом. В церкви воцарилась тишина. Вперед вышел верховный жрец. В одной руке он держал маленький подсвечник, в другой – трещотку. Облаченная в грубый коричневый балахон фигура медленно двигалась на цыпочках, переставляя босые ноги по одной линии, пока не оказалась в центре плиты.

Там жрец начал греметь трещоткой, медленно поворачиваясь вокруг своей оси. Воск со свечи стекал ему на руку и капал на камень. Опустив руку в карман балахона, он вытащил оттуда небольшой пучок перьев и бросил его на пол. Потом последовал еще один взмах трещоткой и медленный поворот. После этого Шарьер высоко поднял босую ногу и звонко топнул по плите.

Снизу донесся слабый звук, похожий на тяжелый вздох.

В церкви установилась гробовая тишина.

Жрец чуть громче загремел трещоткой и прокрутился еще один раз. Потом снова топнул ногой по камню.

Внизу раздался скорбный стон:

– А-а-а-а-а-в-в-в-у-у-у-у-у-у…

У д’Агосты заколотилось сердце. Он выразительно посмотрел на Пендергаста, но спецагент, скрытый под клобуком, был поглощен созерцанием обряда.

Теперь жрец начал неторопливо танцевать по кругу, обводя серой ступней пучок перьев, лежавший на полу. Время от времени он громко топал ногой, и в ответ из подземелья раздавался стон. Постепенно пляска убыстрялась, топот учащался, а ответные стоны становились все громче и продолжительнее. Существо, сидевшее внизу, было явно обеспокоено стуком, раздававшимся сверху. Эти звуки показались д’Агосте до боли знакомыми.

– А-а-а-а-а-и-и-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у, – жалобно причитало существо, вторя танцевальным па жреца. – А-а-а-и-и-у-у-у-у-у… а-а-а-и-и-у-у-у-у…

Вопли становились все энергичнее и короче, совершенно не подчиняясь ритму танца. Когда они стали достаточно громкими, собравшаяся толпа начала им вторить. Сначала это было лишь тихое бормотание, но постепенно оно переросло в громкие отчетливые крики:

– Envoie! Envoie! Envoie![40]

Пляска все убыстрялась. Теперь ноги жреца мелькали без остановки, а топот стал частым, как барабанная дробь.

– А-и-и-у-у-у-у-у-у! – ревело существо из-под пола.

– Envoie! – отвечали ему прихожане.

Внезапно Шарьер замолчал. Голоса в церкви тоже затихли. Но внизу кто-то продолжал тяжело дышать, стонать и шаркать ногами.

Д’Агоста, затаив дыхание, не отрывал глаза от камня.

– Envoie! – выкрикнул жрец, сходя с плиты. – Envoie!

Четверо мужчин, стоявших по углам плиты, подняли веревки и, перекинув их через плечо, стали тянуть. Плита дрогнула, накренилась и со скрежетом оторвалась от пола.

– Envoie! – снова завопил жрец, поднимая вверх раскрытые ладони.

Мужчины оттащили плиту в сторону и бросили веревки. Под ней открылась темная дыра в полу. Сектанты сгрудились вокруг в

молчаливом ожидании. Боссон, не двигаясь с места, не сводил с них внимательного взгляда. Из дыры повеяло запахом склепа.

Теперь оттуда доносилась целая гамма звуков: кто-то суетливо шаркал ногами, скребся и нетерпеливо причмокивал.

А потом из темного провала появилась рука и вцепилась в край каменной плиты. Бледная костистая рука с похожими на веревки сухожилиями. За ней появилась и вторая, после чего показалась голова – влажные спутанные волосы и ничего не выражающее одноглазое лицо. Второй глаз был скрыт под запекшейся кровью и гноем. Подтянувшись на руках, существо с трудом вылезло из ямы и повалилось на пол церкви, царапая ногтями пол. Толпа восхищенно застыла, послышалось несколько одобрительных возгласов.

Д’Агоста в ужасе наблюдал за происходящим. Перед ним был человек или по крайней мере бывший человек, который неделю назад напал на него около Вилля. В этом он был абсолютно уверен. Но это был не Феринг и уж никак не Смитбек. Живой? Или его воскресили из мертвых? У д’Агосты мурашки бегали по телу, когда он смотрел на это жуткое существо. Одутловатое, изможденное лицо, тело, разрисованное кругами, завитушками и крестами, которые проглядывали из-под грязных лохмотьев, служивших ему одеждой. Но, приглядевшись, д’Агоста заметил, что это не просто лохмотья, а остатки старинного одеяния из шелка или атласа, истлевшие от времени и заскорузлые от крови и грязи.

Сектанты с благоговением взирали на существо, которое неуверенно топталось на месте, поглядывая на верховного жреца, словно в ожидании приказа. Изо рта у него текла слюна, хриплое дыхание было похоже на звук, с которым воздух вырывается из мокрого пакета, когда его резко сожмут. Единственный зрячий глаз казался безжизненным.

Из складок своего балахона Шарьер извлек небольшую латунную чашу. Окунув в нее пальцы, он окропил голову и плечи покачивающегося существа чем-то похожим на масло. Потом, к безмерному удивлению д’Агосты, жрец опустился на колени и низко ему поклонился. Все остальные сделали то же самое. Пендергаст дернул лейтенанта за балахон, чтобы тот последовал их примеру. Д’Агоста встал на колени, вытянув руки в сторону зомби, как это сделали все присутствующие.

– Мы кланяемся нашему защитнику! – провозгласил жрец. – Он наш меч, наша скала, все мы приветствуем его!

Сектанты с готовностью подхватили.

Дальше Шарьер заговорил на каком-то незнакомом языке, и то же сделала его паства.

Д’Агоста посмотрел вокруг. Боссон куда-то исчез.

– Как боги укрепляют нас с небес, так и мы укрепим тебя сейчас! – провозгласил жрец, снова переходя на английский.

Как бы в ответ послышалось тоненькое ржание. Обернувшись, д’Агоста увидел маленького гнедого жеребенка, не старше недели, которого подводили к деревянному столбу. Он звонко стучал копытцами, пытаясь удержаться на длинных шатких ножках, и жалобно ржал, поводя большими испуганными глазами. Мужчина привязал его к столбу и отошел в сторону.

Жрец поднялся с колен. Раскачиваясь и пританцовывая, он поднял блестящий нож, похожий на те, что полицейские изъяли во время обыска.

«О господи, нет», – подумал д’Агоста.

Все стояли, повернувшись лицом к жрецу. Церемония приближалась к кульминации. Шарьер начал исступленную пляску, продвигаясь все ближе к жеребенку. Толпа раскачивалась в такт его движениям, сверкающий нож поднимался все выше. Жеребенок испуганно бил копытцами, жалобно ржал и мотал головой, пытаясь освободиться.

Жрец подошел к нему вплотную.

Д’Агоста отвернулся. Жеребенок пронзительно заржал, толпа ахнула – а потом послышался предсмертный вопль.

Сектанты затянули очередное песнопение, и д’Агоста повернулся обратно. Жрец поднял на руки умирающего жеребенка, судорожно дергавшего ногами. Толпа расступилась, и он пошел по нефу, возвращаясь к тому месту, где стояло человекообразное существо. С громким криком жрец бросил жеребенка к его ногам. Сектанты повалились на колени, и д’Агоста с Пендергастом поспешили последовать их примеру.

Взревев, зомби бросился на мертвое тело и вцепился в него зубами. Разорвав жеребенку брюхо, он вырвал из него внутренности и с довольным урчанием стал запихивать себе в рот.

Толпа начала скандировать:

– Накормим защитника! Envoie! Envoie!

Д’Агоста в ужасе смотрел на чудовище. Все его существо потряс какой-то первобытный страх. Он взглянул на Пендергаста. Тот метнул быстрый взгляд на приоткрытую боковую дверь, которая вела в темный пустой коридор. Д’Агоста сразу все понял. Это путь к их спасению.

– Envoie! Envoie!

Существо с дикой жадностью пожирало жеребенка. Наконец оно насытилось и поднялось на ноги, как бы ожидая приказаний. Сектанты тоже разом вскочили с колен.

Жрец махнул рукой, и толпа расступилась, образовав живой коридор. В дальнем конце церкви со скрипом открылась железная дверь. В церкви повеяло свежестью, в прямоугольнике дверного проема загорелась ночная звезда.

Положив руку на плечо зомби, Шарьер указал длинным костистым пальцем на открытую дверь.

– Envoie! – хрипло прошептал он. – Envoie!

Фигура медленно зашаркала к двери и исчезла в темноте. Дверь с гулким стуком захлопнулась.

Сектанты несколько ослабили свой религиозный экстаз и задвигались. Жрец стал убирать останки жеребенка в ящик, похожий на гроб. Ужасное действо подходило к концу.

Пендергаст стал медленно перемещаться к выходу. Д’Агоста последовал за ним, стараясь придать походке самый непринужденный характер. Через минуту Пендергаст уже взялся за ручку двери.

– Постойте!

Их заметил один из сектантов, стоявших рядом.

– Никто не смеет уходить, пока не закончится служба – разве вы не знаете!

Отвернув лицо, Пендергаст указал на д’Агосту:

– Моему другу плохо.

– Никаких отговорок. – Подойдя к ним, мужчина попытался заглянуть Пендергасту в лицо. – Кто ты, друг?

Пендергаст наклонил голову, но мужчина уже успел разглядеть его.

– Здесь чужой! – закричал он, стаскивая со спецагента капюшон.

Наступила тишина.

– Чужой!

Шарьер распахнул входную дверь.

– Чужой! – крикнул он в темноту. – Хватай его! Быстрее!

В проеме появилась уже знакомая страшная фигура. Какое-то время она стояла неподвижно, чуть раскачиваясь, а потом двинулась к пришельцам.

– Envoie! – завизжал жрец, указывая на них.

Д'Агоста решил действовать на опережение и мощным ударом свалил бдительного сектанта на пол. Перескочив через его поверженное тело, Пендергаст распахнул боковую дверь и, пропустив вперед д'Агосту, выскочил из церкви и запер дверь снаружи.

Глава 64

Очутившись в сумрачном коридоре, они на минуту остановились, чтобы перевести дух. Но громкий стук в только что запертую дверь заставил их поторопиться. Они устремились к двери в конце коридора, но она тоже была заперта. Д'Агоста уже приготовился вышибить ее, но Пендергаст его остановил:

– Подождите.

Спецагент поковырял отмычкой в замке, и через мгновение путь был свободен. Они выбежали за дверь, которую Пендергаст тут же запер за собой.

Они оказались на площадке с лестницей, уходившей куда-то вниз. Пендергаст включил фонарик в виде ручки и направил луч в темноту.

– А этот… этот человек… – тяжело дыша, начал д'Агоста. – Какого дьявола они с ним возятся? Он у них вроде божка?

– Сейчас не лучшее время для рассуждений, – заметил Пендергаст.

– Одно могу сказать: это он напал на меня в лесу.

В конце коридора послышался громкий стук и треск разбиваемого дерева.

– После вас, – сказал Пендергаст, указывая на ступеньки.

Д'Агоста сморщил нос:

– А по-другому нельзя?

– Увы, нет.

Они спустились по старым ступенькам, громко скрипевшим у них под ногами. Лестница закончилась небольшой площадкой, после которой начинался следующий пролет, каменные ступени которого винтообразно уходили в темноту. Когда они наконец достигли пола, перед ними открылся кирпичный коридор, весь в паутине и плесени.

Пахло землей и сыростью. Сверху слышались приглушенные крики и грохот кулаков, барабанящих в дверь.

Д'Агоста вытащил фонарик.

– Нам нужно найти кладку, которая была на видео, – сказал Пендергаст, освещая мокрые стены.

Он быстро пошел вперед, подметая балахоном пол.

– Эти ублюдки скоро будут здесь, – проронил д'Агоста.

– Я бы больше опасался его, – пробормотал Пендергаст.

Пройдя через несколько арок, они вышли к каменной лестнице, ведущей наверх. За ней коридор раздваивался, и после недолгого раздумья Пендергаст выбрал левый ход. Через минуту они оказались в большом круглом помещении с нишами, расположенными по всему периметру. В каждой нише, как дрова, были сложены человеческие кости, на выступающих концах которых висели черепа. На многих еще сохранились клочки волос, торчавшие из обрывков иссохшей кожи.

– Ну и пейзаж, – пробормотал д'Агоста.

Вдруг Пендергаст застыл на месте.

Д'Агоста сразу понял, что его остановило: из темноты донеслось тяжелое шарканье. Потом раздался громкий свистящий звук, словно кто-то принюхивался. Шарканье возобновилось, становясь все быстрее и отчетливее. Казалось, кто-то шел по проходу за стеной склепа. До них донесся слабый запах конского мяса.

– Вы чувствуете?

– Даже очень.

Пендергаст осветил арку, из которой шел запах.

Преодолевая острое чувство страха, Д'Агоста вытащил «глок»:

– Эта гадина уже здесь. Становитесь слева, а я встану справа.

Пендергаст извлек из балахона револьвер, и они встали по обеим сторонам арки.

– Вперед! – крикнул д'Агоста.

Они выскочили в коридор, но там было пусто. Д'Агоста осветил кирпичные стены, покрытые влажной испариной. Никого. Пендергаст указал на цепочку кровавых следов, исчезавших в темноте. Присев, д'Агоста потрогал пол. Кровь была совсем свежей, она даже не успела свернуться.

Лейтенант поднялся на ноги:

– Чертовщина какая-то.

– Мы только зря теряем время. Надо двигаться дальше.

Они вернулись в склеп и побежали к проходу на другой его стороне. Он привел их в подземелье, стены которого были сложены из грубых каменных глыб. Войдя, они стали шарить по ним фонариками.

– Стены здесь совсем не такие, как на видео, – вполголоса произнес Пендергаст. – Это сланец, а не гранит, и высечены они по-другому.

– Какой-то сплошной лабиринт.

Пендергаст кивнул в сторону низкой арки:

– Пойдем туда.

Они нырнули в низкий туннель.

– Господи, ну и запашок, – бросил д’Агоста.

В воздухе стоял густой запах лошадиной крови, слегка отдававший железом. Он был совсем свежий, и от этого становилось страшно. Временами к нему примешивался свежий воздух, проникавший снаружи. Вдалеке раздавались крики сектантов, которые, судя по всему, тоже спустились в подвал и сейчас прочесывали помещения.

Друзья двинулись по туннелю. Пендергаст несся с такой скоростью, что д’Агосте приходилось бежать, поминутно попадая в лужи. На мокрых, покрытых паутиной стенах были видны пятна селитры. В трещинах кладки притаились большие белые пауки. На границе темноты и света посверкивали красными глазками крысы.

Когда они достигли пересечения с другим туннелем, д’Агоста почувствовал над собой какое-то движение. Он успел упасть и откатиться в сторону как раз в тот момент, когда на него обрушился зомби. Его живописные лохмотья трепались вокруг узловатых конечностей, словно рваные паруса на морском ветру. Д’Агоста спустил курок, но существо сумело увернуться. Оно бросилось ему навстречу, мелькнув в свете фонарика, и когда д’Агоста упал на землю, чтобы избежать столкновения, в его мозгу запечатлелся ужасающе нелепый образ: вытаращенный глаз, причудливые узоры веве, нарисованные на серой коже, мокрые губы, кривящиеся в бесшабашной усмешке. Но в движениях этого существа не было ничего забавного, и его намерения не вызывали никаких сомнений: оно пришло, чтобы их убить.

Глава 65

Д’Агоста снова выстрелил, но толку от этого было мало: существо успело скрыться в темноте. Лежа на полу с пистолетом в руках, лейтенант светил вокруг себя фонариком.

– Пендергаст?

Спецагент появился из темного проема, двумя руками держа перед собой «кольт».

Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь звуком капающей воды.

– Он все еще здесь, – тихо сказал д’Агоста, садясь на корточки.

Ведя пистолетом вокруг, он напряженно всматривался в темноту.

– Несомненно. Мне кажется, он не уйдет, пока не убьет нас – или мы его.

Прошло несколько долгих минут.

Наконец д’Агоста встал и опустил «глок»:

– У нас нет времени играть в эти игры, Пендергаст. Пора идти…

Зомби выскочил откуда-то сбоку и паучьей лапой выбил фонарик из рук д’Агосты. Тот выстрелил, но существо опять исчезло в темноте. Одновременно прозвучало два выстрела из пендергастовского «кольта», а потом и его фонарик разлетелся на куски, разбившись о стену.

Коридор погрузился во мрак, и сразу же после этого послышались звуки отчаянной борьбы.

Д’Агоста бросился туда, убирая в кобуру пистолет и вытаскивая нож. В ближнем бою, да еще в темноте, с ним было как-то сподручнее и меньше шансов задеть Пендергаста, который сошелся в смертельной схватке с зомби. Налетев на грузную фигуру, лейтенант ударил ее ножом, но, несмотря на явную неуклюжесть при ходьбе, существо обладало поразительной силой и быстротой реакции. Оно обернулось и, как пантера, бросилось на д’Агосту, обдав его волной зловония. Нож был вырван у него из рук, и ему пришлось идти с этой тварью врукопашную, колотя его кулаками по чему попало и одновременно пытаясь освободиться от жилистых рук, которые вцепились в него мертвой хваткой. Темнота и балахон мешали ему бороться, мерзкое существо, наоборот, чувствовало себя в своей стихии – несмотря на все старания д’Агосты, оно сохраняло тактическое преимущество, подкрепляемое осклизлостью кожи, залитой потом, кровью и маслом.

Куда делся Пендергаст, черт бы его побрал?

Вокруг шеи лейтенанта обвилась рука, сдавившая горло, как стальным тросом. Кашляя и задыхаясь, д’Агоста рванулся в сторону, стараясь

сбросить нападавшего и одновременно нащупывая пистолет. Но у этого увертливого существа мускулы были как железо – одной рукой оно крепко держало д’Агосту за горло, а другой обездвижило руку, державшую пистолет. Раздался победный вопль, похожий на завывание демона, предвещающего смерть: «О-а-а-у-у-у-о-о-о-о-о-о-о-о!»

У д’Агосты перед глазами поплыли круги. Он понял, что жить ему осталось недолго. Последним отчаянным усилием лейтенант высвободил правую руку, выхватил пистолет и выстрелил. Вспышка осветила похожий на гробницу туннель, звук выстрела громко раскатился под землей.

Зомби вскрикнул и со всей силой стукнул д’Агосту по голове. У того из глаз посыпались искры. Тварь стиснула его руку и стала колотить ею об пол, чтобы выбить пистолет.

– И-и-и-и-и-и! – снова завизжала она.

Д’Агоста был уверен, что попал в существо. Не зря же оно так вопило. Но слабее от этого не стало и продолжало драться с какой-то нечеловеческой яростью. Оно наступило ему на руку, и он услышал, как хрустнули кости. Над запястьем разлилась невыносимая боль, пистолет отлетел в сторону, и на его шее сомкнулись уже две руки.

Извиваясь и колотя зомби свободной рукой, д’Агоста пытался освободиться, но силы быстро оставляли его.

– Пендергаст! – задыхаясь, прокричал он.

Стальные пальцы еще сильнее стиснули ему горло. Лейтенант продолжал сопротивляться, но без возможности дышать эту битву можно было считать проигранной. В ушах у него зазвенело, тело охватила предательская дрожь. Он стал шарить по земле в надежде найти нож, но вместо этого наткнулся на большой кусок кирпича. Схватив его, он из последних сил треснул зомби по голове.

– И-и-и-и-а-а-а-а-а-а-а-а! – пронзительно закричал тот, отшатнувшись.

Д’Агоста хватанул ртом воздух и, размахнувшись, еще раз врезал зомби. Вскрикнув, чудовище отскочило.

Задыхаясь и кашляя, д’Агоста вскочил на ноги и бросился бежать по коридору. И почти сразу же услышал за собой топот босых ног по каменному полу.

Глава 66

Заняв стратегическую позицию у широкой прорехи в металлической сетке, Рич Плок с холодным торжеством следил за текущей мимо толпой. Десять инициативных групп, в каждой из которых было человек

по двести, образовали ударную силу в две тысячи человек – несколько меньше, чем планировалось, но их решимость превосходила все ожидания. По нью-йоркским меркам, это была довольно скромная демонстрация, но она качественно отличалась от других. Собравшиеся были фанатично преданы идее. Это были крепкие орешки. Слабонервные и малодушные, экскурсанты и любители прогулок на свежем воздухе, такие как Эстебан, на этот раз остались дома. И слава богу. Сюда пришли закаленные бойцы, решительные и целеустремленные, которые не спасуют перед любыми враждебными действиями и даже насилием. Хотя серьезного насилия явно не предвидится – жителей Вилля раз в десять меньше, чем демонстрантов. Они, конечно, немного посопротивляются, но их быстро сметут.

Все работало как часы. Полицию удалось обвести вокруг пальца. Маскировочная группа демонстрантов, прикинувшаяся сборищем безобидных болтунов, усыпила бдительность копов, заставив их думать, что они имеют дело с очередным беспомощным протестом, весь пар от которого уйдет в гудок. А потом в течение нескольких минут со всех сторон подошли другие группы и сразу же, как и предполагалось, в едином порыве двинулись через поля по направлению к Виллю. Полицейские просто не успели преградить им путь, арестовать лидеров, рассеять передовые отряды или вызвать подкрепление. Они лишь кричали в мегафоны, тщетно призывая к порядку, да еще над головами кружил полицейский вертолет, с которого неслись какие-то невразумительные предупреждения. До Плока доносился вой сирен и грохот мегафонов, но это были лишь запоздалые попытки остановить толпу и не дать ей войти в Вилль.

Конечно, они уже вызвали подкрепление. С нью-йоркской полицией шутки плохи. Но к тому времени, когда они подоспеют, Плок со своей командой будет уже в Вилле на пути к своей главной цели – обезвредить убийц и найти похищенную женщину, Нору Келли.

Толпа влилась в ворота и собралась на поле перед главным входом в Вилль, образовав некое подобие ударных частей. Расступившись, люди пропустили Плока вперед, чтобы он обратился к ним с напутственной речью. Перед ними в вечерних сумерках безмолвно возвышался Вилль, где единственным признаком жизни служили несколько освещенных окон под крышей церкви. Входные ворота были закрыты на засов, но для толпы это не было серьезным препятствием.

Впереди уже выстроились мужчины с таранами, готовые выступить по первому приказу.

Плок поднял руку, и толпа затихла.

– Дорогие друзья, – негромко начал он. В толпе демонстрантов установилась мертвая тишина. – Зачем мы пришли сюда? – Он сделал паузу. – Мы должны четко себе это представлять. Зачем мы здесь?

Он оглядел толпу.

– Мы пришли сюда, чтобы сломать эти ворота и выдворить отсюда убийц и мучителей животных. Мы сделаем это, опираясь на наше численное преимущество и в силу наших непреклонных убеждений. Мы вынудим их уйти из этих мест. Мы освободим животных из этого ада.

Над толпой кружил полицейский вертолет, по-прежнему посылая невнятные призывы. Но Плок не обращал на него внимания.

– Хочу обратить ваше внимание на следующее обстоятельство. Мы не убийцы. Мы придерживаемся высоких моральных принципов. Но мы и не пацифисты, и если они окажут сопротивление, мы ответим им тем же. Мы способны защитить себя и этих несчастных животных.

Плок глубоко вздохнул. Он знал, что оратор он неважный, но его сила убеждения вполне могла зарядить толпу.

На дороге появились полицейские, но их было так смехотворно мало, что Плок проигнорировал их. Демонстранты будут внутри Вилля еще до того, как копы успеют перегруппироваться.

– Вы готовы? – прокричал он.

– Готовы! – отозвалась толпа.

– Тогда вперед! – провозгласил Плок, поднимая указующий перст.

С воинственным криком толпа устремилась к воротам. Они носили следы недавней починки и были дополнительно укреплены. Мужчины с таранами бросились на приступ, с размаху всаживая свои орудия в дерево. Доски раскололись, и через минуту ворота были пробиты, и толпа ринулась внутрь, круша их остатки. Плок присоединился к штурмующим, и толпа повалила по узкому темному проходу между покосившимися деревянными хибарками. Вокруг было пусто, все жители куда-то разбежались. С ревом вырвавшись из прохода, толпа сгрудилась перед старинной церковью.

И тут люди остановились в нерешительности. Средневековая церковь, чем-то напоминавшая причудливые фантазии Босха, выглядела угрожающе. Она как бы ощетинилась массивными контрфорсами, под углом уходящими в землю. Вход был закрыт толстой деревянной дверью, обитой железом.

Однако толпа сомневалась недолго. Над ней снова взметнулся крик, и мужчины с таранами, встав по обе стороны двери, стали поочередно

колотить в створки: бум-бум! бум-бум! бум-бум! Громкий треск оповестил о том, что дубовые доски начинают сдавать позиции. Церковная дверь была гораздо прочнее входных ворот, но в конце концов сдалась и она – под звон отлетающих заклепок доски пошли трещинами и раскололись. Прогнувшись внутрь, они с грохотом рухнули под тяжестью собственного веса…

За дверью, преграждая вход в церковь, стояли двое мужчин. Один из них, одетый в длинный коричневый балахон с откинутым капюшоном, был высок ростом и обладал весьма примечательной внешностью. Черные глаза под густыми нависшими бровями, высокие скулы, белеющая в лунном свете кожа, тонкий крючковатый нос, похожий на кривое лезвие ножа. Второй, невысокий и коренастый, был одет в причудливое ритуальное одеяние, украшенное загадочными рисунками. Это был явно служитель культа. Он уставился на непрошеных гостей, злобно сверкая глазами.

В высоком чувствовалась такая внутренняя сила, что толпа сразу же застыла на месте. Подняв руку, он произнес:

– Остановитесь.

Тихий заупокойный голос с легким акцентом обладал поистине магическим воздействием.

Плок решительно выступил вперед.

– Кто вы?

– Меня зовут Боссон. Это моя община, и вы оскорбляете ее своим присутствием.

Плок выпрямился во весь рост. Но даже так он был на голову ниже своего оппонента и вдвое шире его. Тем не менее в голосе его звучала несгибаемая уверенность.

– Мы собираемся войти, и вы нас не остановите. Вы – вивисектор и вообще не имеете права здесь находиться.

Мужчина стоял неподвижно, а за его спиной, в красноватом сумраке церкви, Плок, к своему удивлению, разглядел не менее сотни людей.

– Мы не делаем ничего дурного, – продолжал Боссон. – Оставьте нас в покое.

– Ничего дурного? Это так вы называете убийство ни в чем не повинных животных?

– Это жертвоприношение, основной догмат нашей религии…

– Вздор! А как насчет похищенной женщины? Где она? И где животные? Где вы их держите? Признавайтесь!

– Я не знаю ни о какой женщине.

– Лжец!

Тут жрец поднял трещотку и странный пучок перьев и начал что-то быстро лопотать на незнакомом языке, словно обрушивая проклятия на головы пришедших.

Плок шагнул вперед и выбил перья из его руки:

– Нечего совать мне всякое мумбо-юмбо! Отойди или мы тебя отшвырнем!

Жрец молча смотрел на обидчика. Плок сделал шаг вперед, словно хотел пройти сквозь него. Толпа зашумела и стала напирать, толкая Плока в спину. Он налетел на жреца, и через мгновение тот уже лежал на полу, а толпа обтекала его, вливаясь под темные своды церкви. Боссона грубо оттолкнули в сторону. Увидев поверженного жреца, сектанты застыли в нерешительности. Потом послышались крики ярости и возмущения.

– Скорее к животным! – призывал Плок. – Ищите животных! Освобождайте животных!

Глава 67

Одежда Пендергаста была изорвана и пропитана кровью, а в ушах стоял непрекращающийся звон. Он с трудом поднялся на ноги. После столкновения с существом он на некоторое время потерял сознание и очнулся уже в полной темноте. Вынув из кармана пиджака крошечный светодиодный фонарик, который он носил на случай чрезвычайных обстоятельств, он посветил вокруг. Медленно и методично он обшарил пол в поисках пистолета, но не нашел ничего, кроме следов борьбы и отпечатков ног убегавшего д’Агосты и преследовавшей его босой твари.

Пендергаст выключил фонарик и стал думать. Он взвесил все «за» и «против» и пришел к однозначному решению. Это существо, зомби, было создано для ужасной цели – убийства людей. Будучи на свободе, оно представляет серьезную опасность для них обоих. И все же Пендергаст верил в д’Агосту. Лейтенант из тех людей, которые могут за себя постоять.

А вот Нора – ей действительно требуется помощь.

Спецагент снова включил фонарик и осмотрел соседнее помещение. Это был настоящий некрополь, заполненный деревянными гробами, стоявшими один на другом по две-три штуки на высоких каменных цоколях. Многие из них прогнили, и их содержимое вывалилось наружу.

Похоже, подвальные помещения Вилля, первоначально предназначенные совсем для других целей, со временем были превращены в хранилища мертвецов.

Но когда Пендергаст собрался уходить, чтобы возобновить поиски Норы, он увидел в дальнем конце помещения необычную гробницу. Что-то в ней сразу же привлекло его внимание. Он решил ее осмотреть.

Это был толстостенный свинцовый гроб. Но в отличие от всех других гробов в этом помещении он находился в углублении в полу, так что на поверхности оставалась только крышка. Причем крышка эта была сдвинута, и, судя по всему, совсем недавно.

Пендергаст внимательно изучил гробницу. В давние времена именитых покойников часто хоронили в свинцовых гробах, потому что тела там хорошо сохранялись. Осветив гроб фонариком, спецагент заметил, что изначально он был тщательно запаян. Но кто-то вскрыл его, изрубив топором шов и сдвинув крышку набок, так что под ней зияла темная дыра с рваными краями. Сделано это было совсем недавно и в большой спешке. На мягком металле сверкали свежие отметины, еще не успевшие окислиться и потускнеть.

Пендергаст заглянул внутрь. Тело, превратившееся в мумию, было осквернено – из скрюченных пальцев вырвали какой-то предмет, причем так грубо, что окостеневшие пальцы рассыпались в прах, а одна рука оказалась отломана.

Опустив в гроб руку, Пендергаст пощупал тело. Оно было абсолютно сухим. Значит, гроб вскрыли так недавно, что влажный воздух еще не успел проникнуть внутрь. Меньше получаса назад.

Совпадение? Вряд ли.

Спецагент стал изучать тело. Это был прекрасно сохранившийся труп старика с седой бородой и длинными седыми волосами. На глазах у него лежали две золотые гинеи. Лицо было морщинистым, как печеное яблоко, под усохшими губами обнажились зубы, кожа потемнела и приобрела цвет старой слоновой кости. Одет он был в простую одежду, которую носили квакеры: неброский сюртук, рубашка, коричневый жилет и светлые брюки. На груди одежда была разорвана и приведена в беспорядок, вокруг валялись оторванные пуговицы и клочки ткани. Похоже, труп лихорадочно обыскивали. На сюртуке остался вдавленный квадратик, похожий на след от шкатулки.

Картина была ясна – грабитель вырвал шкатулку из иссохших рук трупа.

На полу за гробом Пендергаст заметил обломки того, что когда-то было шкатулкой. Подгнившая крышка была оторвана. Наклонившись, он

внимательно рассмотрел ее и даже понюхал. Слабый запах пергамента подтвердил его догадку, что в шкатулке хранился какой-то документ.

Пендергаст медленно обошел гроб. На крышке была выбита надпись, почти скрытая под беловатым налетом окислившегося металла. Стерев рукавом налет, спецагент прочитал:

ЭЛИА ЭСТЕБАН,

ушедший в мир иной 22 ноября 1745 года

на 55-м году жизни.

Безжалостной судьбой

Ему был нанесен удар смертельный.

Живущие, придите посмотреть на землю ту,

Где вскоре упокоитесь и вы.

Пендергаст долго смотрел на имя покойника. А потом все вдруг встало на свои места, и он потемнел лицом, осознав свою роковую ошибку.

Ограбление гробницы не было случайным совпадением или незначительным инцидентом – именно здесь лежал ключ к разгадке.

Глава 68

Существо куда-то пропало, – видимо, д’Агоста сумел убежать от него или оно прекратило преследование. Хотя последнее маловероятно: эта тварь хоть и шаркала ногами, но хватка у нее была как у питбуля. Возможно, ее отсутствие как-то связано с суетой наверху. Там явно происходили какие-то массовые перемещения. Лейтенант сполз по мокрой стене на землю, почти теряя сознание и ловя ртом воздух. Гул в голове постепенно затих. Из церкви по-прежнему доносились шум и гам.

Д’Агоста приподнялся и сел. Острая боль пронзила правую руку. Он осторожно ощупал ее левой и почувствовал, как кости трутся друг о друга. Рука была явно сломана.

– Пендергаст! – произнес он в темноту.

Ни звука.

Он попробовал сориентироваться в неразберихе подземных ходов, но было слишком темно, да к тому же, спасаясь от зомби, он окончательно запутался в сложном лабиринте. Он совершенно не представлял себе, как далеко убежал и где вообще находится. Вскрикивая от боли, он сунул сломанную руку за пазуху и застегнул рубашку. Потом пополз по земле, пока не наткнулся на кирпичную стену. С трудом поднялся на ноги,

чувствуя, как на него наваливается дурнота. Наверху все так же шумели, но теперь к этому шуму примешивался другой, гораздо более близкий, – в подвале начали раздаваться голоса, которые приближались к нему с угрожающей скоростью.

Значит, на него продолжают охотиться.

– Пендергаст! – изо всех сил крикнул он.

Молчание.

Фонарик лейтенант потерял, но в кармане у него осталась зажигалка, которую он всегда носил с собой еще с тех времен, когда курил сигары. Д’Агоста вынул ее и зажег. Огонек осветил небольшое помещение с арочным проемом, за которым начинался подземный ход. Медленно подойдя к проему, он прислонился к стене и посмотрел вокруг. Перед ним открылось несколько кирпичных ходов, разбегавшихся в разных направлениях.

Огонь зажигалки стал обжигать палец, и д’Агоста загасил ее. Надо вернуться назад, поискать пистолет и фонарик и обнаружить наконец Пендергаста. И еще надо найти Нору.

Громко выругавшись, д’Агоста снова зажег зажигалку. Стараясь не обращать внимания на острую боль в руке, он по стенке двинулся к главному туннелю. Но как его узнать? Все они выглядели совершенно одинаково.

Лейтенант, пошатываясь, двигался вперед. Кажется, они уже были здесь? В неверном свете зажигалки он разглядел свежие следы на грязном полу, но кому они принадлежали? Потом он увидел большой расплывчатый отпечаток босой ноги и содрогнулся.

Шум наверху усилился. Послышались крики, рев мегафона, звуки ударов. Это была явно не церковная служба. Похоже, сюда явились демонстранты.

Наверное, поэтому существо исчезло? Другого объяснения он не находил.

– Пендергаст!

Вдруг д’Агоста увидел впереди свет, и из-за поворота появились сектанты в балахонах. Часть из них держала факелы и фонарики, у остальных в руках было оружие, лопаты и вилы. Всего их было человек двадцать – двадцать пять.

Сглотнув, д’Агоста отступил назад, надеясь, что его не заметили.

Издав дружный крик, сектанты бросились к нему.

Д’Агоста пустился наутек, прижимая к груди сломанную руку. Он бежал по темным туннелям, освещая себе путь мигающим огоньком зажигалки. В конце концов она погасла, и ему пришлось остановиться, чтобы снова ее зажечь. Завернув за угол, он очутился в мрачном подземелье, заваленном полусгнившими досками. В противоположной стене виднелась дверь. Вбежав в соседнее помещение, он захлопнул за собой дверь и, тяжело дыша, прислонился к ней. От боли в руке у него кружилась голова. Пока он бежал, язычок пламени опять погас. Еще раз чиркнув зажигалкой, д’Агоста опять увидел перед собой склад. Взглянув на пол, он похолодел.

Всего в пяти футах от его ног отвесно уходил вниз старый каменный колодец. Осторожно приблизившись, д’Агоста осветил его влажные стенки, сложенные из грубо отесанных камней. Провал колодца казался бездонным. Вокруг него были свалены старинная мебель, битая керамическая плитка, заплесневелые книги и другой хлам.

Д’Агоста огляделся, пытаясь найти место, где спрятаться. Таких мест было предостаточно, но ни одно из них не спасет, если эти придурки начнут обыскивать каждый закоулок. Обойдя колодец, он побежал дальше, пока не застрял ногой в старом плетеном стуле. Яростно стряхнув его, он нырнул под арку в дальнем конце склада и оказался в большом зале, похожем на склеп, с крестовыми сводами и древними каменными колоннами. Посветив вокруг, д’Агоста понял, что это действительно склеп, но несколько отличающийся от тех, что он видел раньше. Его стены и пол были выложены мраморными плитами с датами рождения и смерти, на которых были вырезаны кресты, плакучие ивы и черепа. На полу стояли ряды деревянных саркофагов. В помещении царило полное запустение: все было покрыто толстым слоем пыли, стены покосились и начали крошиться. Судя по всему, склеп этот был очень древним и возник задолго до того, как в поселке появились теперешние его обитатели. Шум наверху усилился – похоже, там начались настоящие беспорядки.

Потом послышался звук распахиваемой двери и топот множества ног.

Заметив в дальнем конце склепа арочный проход, д’Агоста устремился к нему, пробежал по всей его длине до пересечения с другими туннелями, наугад повернул в один из них, потом в другой. Этот последний, видимо, относился к более позднему времени и напоминал катакомбы, вырытые в земле. Своды поддерживала старая деревянная крепь, в глиняных стенах чернели ниши. Здесь царствовала символика вуду, повсюду были видны изъеденные молью мешочки, пучки гниющих перьев, странные конструкции и надписи на стенах. Помимо прочего, здесь покоилось несколько причудливых саркофагов.

Проползя на четвереньках через низкую арку, д’Агоста оказался в камере, все стены которой были заняты нишами. В каждой лежали скелеты. Не раздумывая, д’Агоста вполз в самую большую нишу и ногой сгреб кости в кучу, чтобы замаскировать свое присутствие.

Потом стал ждать.

Преследователи были уже совсем близко – он слышал их голоса, гулко раздававшиеся под землей. Было ясно, что они не успокоятся, пока не найдут его. Осветив нишу зажигалкой, д’Агоста обнаружил, что она уходит в глубину. Извиваясь, как червь, он протиснулся дальше, сгребая за собой разбросанные кости. К счастью, внутри было сыро, иначе поднявшаяся пыль неминуемо выдала бы его присутствие. В нише стоял запах плесени и гниения. На некоторых скелетах сохранились обрывки одежды, клочки волос, пряжки, пуговицы и сморщенные ботинки. Похоже, жители Вилля просто клали трупы в ниши, сдвигая внутрь останки тех, кто был похоронен раньше.

Скользкие стены позволили продвинуться далеко в глубь ниши, которая шла немного под уклон.

Затаившись, д’Агоста слушал голоса преследователей, неумолимо приближавшихся к его убежищу. Наконец они зазвучали совсем рядом – сектанты вошли в камеру.

Д’Агоста заполз достаточно глубоко, и луч фонарика его не достигал. Он услышал, как они начали тыкать шестом во все ниши, пытаясь обнаружить беглеца. В следующий момент шест оказался в его нише, но он был слишком короток, чтобы достать до глубоко законспирированного д’Агосты. Потыкав в стенки и разбросав кости, искавший вытащил шест и занялся другими нишами. Потом голоса зазвучали громче и взволнованнее. Послышался звук удаляющихся шагов, и голоса затихли вдали.

Наступила тишина.

Может быть, их позвали наверх, чтобы защищать Вилль? Это было единственное логичное объяснение.

Подождав пару минут, д’Агоста попытался выползти из ниши. Но все усилия были напрасны: в панике он слишком далеко заполз и теперь застрял. Довольно плотно. Его охватил цепенящий страх замкнутого пространства, но усилием воли эту слабость удалось преодолеть. Лейтенант снова попытался освободиться, но земля держала крепко. Его снова охватила паника.

Но такое просто невозможно. Если он сумел сюда залезть, значит можно выползти назад.

Согнув ноги, лейтенант уперся в пол и потолок и, действуя ими как рычагом, стал отталкиваться от земли здоровой рукой. Ничего не получалось. Ниша была слишком скользкой да к тому же шла под уклон. Д'Агоста отчаянно боролся, рыча и цепляясь рукой за влажную стену. Стараясь не поддаваться панике, он вцепился ногтями в землю и, ломая их один за другим, попытался продвинуться вперед.

«Господи, сам себя заживо похоронил», – подумал он, с трудом удерживаясь от звериного крика отчаяния.

Глава 69

Проплутав по подземным лабиринтам минут десять, спецагент Пендергаст наконец вышел к грузовому лифту, ведущему в кладовую. Вытащив оттуда стонущего, еле живого мужчину, он залез внутрь и, дергая за канаты, смог подняться из подвала. Когда лифт остановился наверху, Пендергаст открыл дверь и выскочил наружу. Из церкви доносился шум. Там явно происходила баталия, в которой, судя по всему, принимало участие все дееспособное население Вилля. Это открывало путь к отступлению. Пробежав через темные залы, Пендергаст выскочил в боковую дверь и припустился по проходу между лачугами. Через пять минут он уже был в лесу. Стащив с себя балахон, он вытащил сотовый телефон и набрал номер.

– Хейворд слушает, – раздался в трубке спокойный голос.

– Это Пендергаст.

– У вас какой-то странный голос. Что-то случилось?

– Вы далеко от Инвудского парка?

– Я здесь с Числеттом и его людьми.

– Ах да, Числетт. Живое подтверждение полной неэффективности высшего образования. А теперь слушайте: д'Агоста находится в Вилле, в подвале церкви. Похоже, он в опасности.

Последовала пауза.

– Винни? В Вилле? Какого черта его туда понесло?

– Нетрудно догадаться: он ищет Нору Келли. Но я только что понял, что она в другом месте. А здесь назревает конфликт…

– Он не назревает, он уже происходит и…

Пендергаст перебил ее:

– Мне кажется, Винсенту нужна ваша помощь, очень нужна.

Молчание.

– Что вы имеете в виду?

– У нас нет времени на разговоры. Дорога каждая минута. Слушайте внимательно: в Вилле есть нечто созданное его жителями. Оно напало на нас.

– Неужели зомби? – саркастически спросила Хейворд.

– Человек или существо, которое раньше было человеком, а теперь превращено в нечто очень страшное. Повторяю: Винсенту нужна помощь. Его жизнь может быть в опасности. Будьте осторожны.

Не дожидаясь ответа, Пендергаст захлопнул телефон. Сквозь деревья просвечивала сияющая в лунном свете вода. Послышался шум мотора, и темноту прорезал луч прожектора – полицейский катер курсировал вверх и вниз по реке, запоздало контролируя передвижение демонстрантов. Пендергаст бросился через лес к реке. Добежав до опушки, он замедлил шаг, оправил свой порванный костюм и только после этого медленно вышел на берег. Там он помахал рукой катеру и, вытащив значок агента ФБР, осветил его своим крошечным фонариком.

Катер замедлил ход, развернулся и вошел в небольшую бухту, остановившись у кромки воды. Это был скоростной патрульный катер самой последней модели. В нем находились сержант полиции и речной инспектор.

– Кто вы? – спросил сержант, бросая в воду окурок.

У него была короткая стрижка «ежик», толстощекое лицо со следами от прыщей, пухлые губы, двойной подбородок и маленькие треугольные пальцы. Его напарник, управлявший катером, производил впечатление человека, не вылезающего из спортивного зала. Мускулы у него на шее напоминали канаты Бруклинского моста.

– Парень, похоже, тебя только что вынули из-под пресса.

Пендергаст опустил значок в карман пиджака:

– Спецагент Пендергаст.

– Да ну? ФБР? Вот так всегда, Чарли, – обратился сержант к своему напарнику. – ФБР вечно является не вовремя и невпопад. Как вам это удается, ребята?

– Позвольте, сержант?

Пендергаст вошел в воду и положил руку на планшир.

– Ну вот, ботиночки испортил, – сказал сержант, криво усмехаясь.

Пендергаст посмотрел на его значок:

– Сержант Малвейни, боюсь, что мне потребуется ваш катер.

Сержант взглянул на спецагента, стоящего по колено в воде, и широко улыбнулся.

– Ты боишься, что тебе потребуется этот катер? – растягивая слова, повторил он. – А я боюсь, что мне потребуется разрешение. Потому что я не собираюсь за просто так отдавать кому-то собственность полиции, будь он хоть самим Эдгаром Гувером[41].

Его крепкий напарник фыркнул и заиграл мускулами.

– Поверьте, сержант, случай чрезвычайный. Я действую в соответствии со статьей триста два-бэ-два «Единого кодекса»…

– А, у нас тут юрист объявился! Чрезвычайный случай. И что же в нем чрезвычайного?

Поправив пояс и висевшие на нем наручники с ключами, Малвейни склонил набок голову, как бы приготовившись слушать.

– Жизнь человека в опасности. Мы, конечно, очень мило беседуем, но боюсь, сержант, у меня больше нет времени обмениваться репликами. Это мое первое и последнее предупреждение.

– Слушай, у меня, вообще-то, приказ. Следить за подходами к Виллю с воды. И я не собираюсь отдавать катер только потому, что ты этого хочешь.

Сложив на груди похожие на окорока руки, сержант с высоты своего положения улыбнулся Пендергасту.

– Мистер Малвейни!

Пендергаст наклонился над планширом, словно хотел сказать сержанту что-то на ухо. Тот согнулся, чтобы лучше слышать, и в тот же момент Пендергаст ударил его кулаком в солнечное сплетение. Громко ахнув, Малвейни перегнулся через планшир, и Пендергаст резким движением сбросил его в воду, взметнувшуюся фонтаном брызг.

– Какого черта…

Инспектор потянулся за пистолетом.

Пендергаст рывком поставил мокрого сержанта на ноги и, вытащив его пистолет, направил его на инспектора:

– Бросайте оружие!

– Как вы смеете…

Выстрел заставил инспектора подскочить.

– Ладно, ладно. О господи. – Он вытащил пистолет и бросил его на берег. – Ну и замашки у ФБР.

– Предоставьте мне заботу о протоколе, – парировал Пендергаст, не выпуская хрипящего Малвейни. – От вас требуется лишь покинуть катер. Немедленно.

Напарник сержанта осторожно спустился в воду. Пендергаст одним махом взлетел на кокпит и, заведя мотор, отчалил от берега.

– Извините за доставленные неудобства, джентльмены, – крикнул он, выруливая на середину реки.

Мотор взревел, и катер исчез за поворотом.

Глава 70

Собрав волю в кулак, д’Агоста восстановил дыхание и сосредоточился на своей миссии. Он должен освободить Нору. Перестав думать о своем заточении, он немного успокоился. Проблема была не в том, что он застрял, а в слишком скользких стенках ниши. Он просто не мог найти точку опоры, тем более одной рукой. Он обломал ногти, пытаясь сдвинуться, вместо того чтобы найти острый и прочный предмет, который поможет ему зацепиться за стены и вытолкнуть себя из ловушки.

Зацепиться… вцепиться…

Недалеко от его руки лежала человеческая челюсть с торчащими зубами. С трудом выгнувшись, д’Агоста сумел протянуть руку и схватить челюсть. Потом, чуть отодвинувшись от стенки, он вонзил челюсть в трещину на верхнем своде ниши и, извиваясь и проталкиваясь вперед, смог наконец освободиться.

Выбравшись из ниши, он, тяжело дыша, поднялся на ноги. Вокруг было тихо. Видимо, зомби и его преследователи поднялись наверх, чтобы выяснить отношения с демонстрантами.

Вернувшись в главный туннель, он осторожно исследовал его, освещая зажигалкой. Проход кончался тупиком. По обе его стороны располагались земляные некрополи с деревянной крепью, но ни один из них не был похож на каменное подземелье, запечатленное на видео. Он вообще не встретил здесь ничего похожего – даже камни были совсем другие. Надо искать дальше.

Возвращаясь назад по собственным следам, д’Агоста обошел колодец и снова очутился в усыпальнице со сводами. В ее стенах было множество

низких железных дверей, которые вели в семейные склепы. Он проверил их все, но Нору нигде не обнаружил.

Все больше впадая в отчаяние, он пошел назад, постоянно теряя и находя свой след, и наконец вернулся в центральную усыпальницу. Там он остановился, пытаясь представить себе схему расположения помещений, через которые прошел. В усыпальнице было четыре двери: одна вела в катакомбы, вторая – в туннель, заканчивающийся тупиком, из которого он только что вышел. Оставались еще две.

Он наугад выбрал одну из них.

За ней тоже начинался проход, который сулил кое-какие перспективы – стены его были сложены из камней, скрепленных цементом. Не совсем таких, какие были на видео, но довольно похожих.

Пахло здесь преотвратно. Д’Агоста на мгновение зажег огонь, стараясь экономить бензин в зажигалке. Заплесневелые стены были заляпаны грязью. Под ногами скользила какая-то мерзкая жижа.

Вдруг из темноты донесся слабый сдавленный крик – короткий, пронзительный и полный ужаса…

– Нора?

Держа в вытянутой руке зажигалку, д’Агоста бросился в проход.

Глава 71

Плок возглавил прорыв демонстрантов, и они устремились в церковь, переворачивая алтари и украшенные фетишами святыни. Когда жрец упал, сектанты в растерянности отступили вглубь помещения, смущенные численным превосходством нападавших. Плок понял, что преимущество на их стороне, и решил немедленно им воспользоваться. Толпа повалила к главному алтарю. Там стоял окровавленный столб, у которого приносились в жертву животные. Рядом с ним растеклась лужа крови, вызвавшая у демонстрантов взрыв ярости.

– Уничтожим эту бойню! – закричал Плок.

Люди начали карабкаться на помост, где стоял алтарь и загон для жертвенных животных. Повалив столб, они принялись опрокидывать ящики и корзинки, вываливая из них священные реликвии.

– Осквернители! – прогремел голос Боссона.

Он стоял над телом поверженного жреца, которого затоптала толпа. Боссон тоже пострадал: когда он шел по проходу, по его лбу стекала струйка крови.

Голос Боссона произвел на местную братию магическое действие. Она прекратила отступление и на минуту застыла, готовая дать отпор. Кое у кого в руках засверкали ножи.

– Мясник! – крикнул какой-то демонстрант Боссону.

Плок понял, что пора выводить народ на улицу. Оставаться в церкви становилось опасно.

Один из сектантов вдруг с криком набросился на демонстранта, угрожающе размахивая ножом. Завязалась короткая яростная борьба, закончившаяся всеобщей потасовкой. Поднялся отчаянный крик, кто-то был ранен.

– Убийцы!

– Бандиты!

По церкви метался клубок людей, в котором мелькали коричневые балахоны, хлопковые блузы и куртки цвета хаки. В этом было что-то сюрреалистическое. Через несколько мгновений на каменном полу уже лежали окровавленные жертвы.

– Животные! – вдруг завопил Плок.

Он услышал звуки и ощутил запах тайной преисподней за дверью позади алтаря.

– Сюда! Ищите и освобождайте животных!

Он бросился к двери и стал молотить в нее кулаками.

Толпа навалилась на дверь, снова появились деревянные тараны. Дверь с треском отлетела, и демонстранты ввалились в помещение, перегороженное массивной чугунной решеткой. Перед ними предстало поистине ужасное зрелище: десятки звериных детенышей – ягнята, козлята, жеребята, даже щенки и котята – были заперты в огромной каменной темнице с устланным соломой полом. Увидев людей, животные жалобно заголосили: ягнята блеяли, щенки скулили.

Плок в ужасе застыл. Такого он не мог себе даже представить.

– Открывайте решетку! – завопил он. – Освобождайте животных!

– Не смейте! – закричал Боссон, пытаясь пробиться к стойлу.

Но его грубо оттолкнули и сбили с ног.

В ход опять пошли тараны, но железная решетка оказалась куда прочнее деревянных дверей. При каждом ударе животные испуганно шарахались в стороны и громко кричали.

– Ключ! Нужен ключ! – скомандовал Плок. – У него наверняка есть ключ!

Он указал на Боссона, который уже успел подняться и сошелся врукопашную с несколькими демонстрантами.

Толпа набросилась на него, и он исчез в водовороте тел. Слышался лишь звук разрываемой одежды.

– Вот они! – закричал один из демонстрантов, поднимая кольцо с ключами.

Его быстро передали вперед, и Плок один за другим стал вставлять старинные ключи в замок. Наконец ключ подошел, и решетчатые ворота распахнулись.

– Свобода! – вскричал Плок.

Те, кто стоял впереди, ворвались в стойло и выгнали животных наружу, стараясь держать их вместе. Но, оказавшись на свободе, те в страхе разбежались кто куда. Их испуганные крики гулко раздавались под высокими сводами.

В следующую минуту церковь превратилась в арену яростной борьбы, причем демонстранты явно одерживали верх. Сектанты пытались хватать бегущих по проходу животных, но те, ловко уворачиваясь, шмыгали к дверям и вырывались наружу.

– Час настал! – надрывался Плок. – Гоните прочь этих вивисекторов! Вон отсюда! И немедленно!

Глава 72

Полицейский катер обогнул северную оконечность Манхэттена и со скоростью пятьдесят узлов устремился к югу. По пути он миновал несколько мостов – мост Западной Двести седьмой улицы, Джорджа Вашингтона, Александра Гамильтона, Хайбридж, Макомбс-Дэм, мост Сто сорок пятой улицы и, наконец, мост Уиллис-авеню. Здесь, у слияния с Ист-Ривер, река Гарлем превращается в залив. Но вместо того, чтобы направить катер в Ист-Ривер, Пендергаст резко свернул в Бронкс-Килл, узкий грязный пролив, отделяющий Бронкс от Рэндел-Айленда.

Сбросив скорость до тридцати узлов, он поплыл по этому сомнительному водному пути, больше похожему на сточную канаву и свалку мусора. Над темно-коричневой водой поднимался запах метана и нечистот. Впереди возник темный железнодорожный мост, отозвавшийся гулким эхом на шум приближающегося катера. Постепенно унылый пейзаж поглотила темнота, и Пендергаст взялся за ручку прожектора, освещая ярким лучом фарватер, петлявший между

полузатонувшими старыми баржами, гниющими опорами давно исчезнувших мостов и ржавыми остовами старых вагонов подземки.

Внезапно Бронкс-Килл превратился в широкий залив, переходящий в Хелл-Гейт и северную часть Ист-Ривер. Впереди маячил тюремный комплекс на Рикер-Айленде с его бетонными башнями, освещенными безжалостным светом натриевых ламп.

Пендергаст прибавил скорость, и через минуту Манхэттен остался позади, а силуэты Мидтауна на фоне неба значительно уменьшились в размерах. Поднявшись по Ист-Ривер и проскочив мимо маяка Степпинг-Стоунс, катер описал дугу и вошел в пролив Лонг-Айленд. Там Пендергаст дал самый полный вперед. Маленькое суденышко ракетой понеслось по волнам, раскачиваясь и взметая фонтаны брызг. Только ветер свистел за кормой да полная луна дрожала и рассыпалась в воде. Пролив был практически пуст, лишь изредка попадались одинокие катера. Болотистые берега поблескивали в свете луны.

Дорога каждая минута. Возможно, он уже опоздал.

Когда показался маяк Сэндс-Пойнт, Пендергаст повернул катер к Глен-Коуву, где на берегу широкой бухты раскинулись богатые поместья. Увидев длинный причал, спецагент направил катер к нему. За причалом темнел прямоугольник газона, над которым возвышались башенки большого особняка.

Пендергаст на полной скорости подрулил к причалу, лишь в последний момент заглушив мотор, так что катер развернуло в сторону пролива. Не дожидаясь полной остановки, он выскочил на берег и побежал к темному дому. Оставшийся без капитана катер, работающий на холостом ходу, с пыхтением отошел от причала и вскоре исчез на просторах Лонг-Айленда, помигав на прощание красно-зелеными сигнальными огнями.

Глава 73

Капитан Лора Хейворд мрачно смотрела на разбитые ворота. Из темной утробы Вилля доносился шум беспорядков. Протестная акция была спланирована блестяще. Все ее опасения оправдались. Вместо очередного бестолкового сборища они получили организованную группу людей, которая действовала по плану и была настроена весьма решительно. Числетта провели, как мальчишку. Потерпев столь сокрушительное поражение, он совершенно растерялся. Когда неизвестно откуда появилась огромная толпа, он оцепенел и минут пять стоял неподвижно, с недоуменным видом наблюдая за передвижением людей. И время было потеряно – те драгоценные минуты, когда полиция еще могла затормозить демонстрантов или хотя бы отсечь их авангард. Придя наконец в себя, Числетт начал отдавать

взаимоисключающие приказы, которые лишь усугубили общую сумятицу. Хейворд заметила, что полицейские, стоявшие на передовых позициях, взяли инициативу в свои руки и, вооружившись слезоточивым газом и средствами разгона толпы, побежали к Виллю. Но время было упущено. Демонстранты уже проникли внутрь, создав исключительно сложную тактическую ситуацию.

Но сейчас Хейворд это не слишком волновало. Ее мысли были заняты телефонным звонком Пендергаста. Он сказал, что Винни грозит смертельная опасность, а Пендергаст не из тех, кто склонен к преувеличениям.

Она помрачнела. Уже не первый раз их совместные авантюры кончаются катастрофой – для Винни, конечно. Пендергаст вечно выходит сухим из воды. Вот и на этот раз он как-то выкрутился, бросив Винни на произвол судьбы.

Хейворд постаралась не горячиться. Она еще успеет высказать все Пендергасту. Сейчас надо действовать.

Она подошла к воротам, размышляя, как избежать столкновения с беснующейся толпой. Дверь в церковь была широко распахнута, внутри горел тусклый свет. В этот момент в поселок вошли полицейские с дубинками и электрошокерами. Вынув пистолет, Хейворд быстро последовала за ними. От ворот шел узкий проход, по обе стороны которого теснились ветхие деревянные постройки. Она вместе с полицейскими прошла мимо темных дверных проемов и закрытых ставнями окон. Впереди раздавался многоголосый гул.

Проход свернул влево и вывел их на вымощенную камнем площадь, посреди которой возвышалась громадная церковь. И тут перед Хейворд предстала картина, которая заставила ее застыть на месте. На площади царил настоящий содом, ночной кошмар в стиле Феллини: из церкви с криками и стонами выбегали люди в залитых кровью коричневых балахонах. Демонстранты тем временем громили церковь, разбивая окна и ломая все, что попадалось под руку. В церкви стоял неописуемый шум. По площади, попадая под ноги бегущим, носились обезумевшие животные и куры, и их отчаянные крики вплетались в общий нестройный хор. Посреди всего этого стояли растерянные полицейские, так и не получившие никакого внятного приказа или плана действий.

Ситуация совсем не радовала. Однако нужно было срочно попасть в подвал, где Винни разыскивал Нору Келли.

Оторвавшись от безумного зрелища, Хейворд побежала по темному проходу между домами, толкаясь во все двери. Большинство из них было заперто, но одна подалась, пропуская Лору в какую-то мастерскую, похожую на сыромятню. Быстрый осмотр показал: входа в подвал здесь

нет. Выйдя на улицу, она продолжила свои поиски, пока не нашла еще одну открытую дверь. Проскользнув внутрь, Лора быстро прикрыла ее за собой. Шум потасовки сразу затих.

В помещении никого не было. По-видимому, это была мясная лавка. Пройдя мимо стеклянных витрин в заднюю комнату, Хейворд обнаружила там лестницу, ведущую в подвал. Вынув из кармана фонарик, она спустилась вниз. Там оказался холодный погреб с оцинкованными стенами. С потолка свешивались окорока, ребра, жирные колбасы и полутуши. Водя фонариком по полу и стенам, женщина осторожно пошла вперед, слегка задев пару деликатесов. В дальнем конце погреба она обнаружила дверь на каменную лестницу, уходившую в темноту. Оттуда поднимался затхлый запах подземелья. Хейворд в нерешительности остановилась. Она вспомнила слова Пендергаста: «Человек или существо, которое раньше было человеком, а теперь превращено в нечто очень страшное. Повторяю: Винсенту нужна помощь. Его жизнь может быть в опасности».

Его жизнь может быть в опасности…

Оставив сомнения, Хейворд осветила лестницу фонариком и с пистолетом в руках стала спускаться в темноту.

Глава 74

Александр Эстебан свернул с Понд-роуд и, проехав через автоматические ворота, покатил к своему поместью по аккуратной гравийной дорожке, петлявшей между старыми дубами. Он ехал медленно, наслаждаясь возвращением домой. Рядом с ним на сиденье лежал подписанный, скрепленный печатью и заверенный документ, имевший пуленепробиваемую юридическую силу.

Документ, который после некоторой суеты сделает его одним из самых богатых людей в мире.

Было уже поздно, около девяти, но торопиться было некуда. Больше не надо планировать, режиссировать, сочинять сценарии и играть роли. Он полностью посвятил себя этому проекту и многие месяцы не занимался ничем другим. И вот все позади. Представление имело оглушительный успех, и теперь оставалось только раскланиваться и принимать цветы. Правда, одна мизансцена осталась незавершенной, и ее следовало доиграть.

Когда машина остановилась перед амбаром, Эстебан почувствовал, как завибрировал его смартфон. Раздраженно присвистнув, он посмотрел на экран: сработала сигнализация на кухонной двери. Он похолодел. Да нет, это ложная тревога – в его большом особняке такое случалось нередко. Сложные системы сигнализации неизбежно дают сбои. И все

же надо проверить. Эстебан вытащил из бардачка свой любимый «браунинг» с тангенциальным прицелом и убедился, что в магазине находится полный комплект из тринадцати боевых патронов. Сунув пистолет в карман, он вышел из машины в благоухающую темноту вечера. На ровном полотне гравия не было видно никаких следов. Пересекая бескрайнее пространство газона, Эстебан бросил взгляд на пустынный причал – все было тихо, лишь по ту сторону залива мирно мигали огоньки. Держа пистолет наготове, он миновал оранжерею, прошел через огороженный сад и бесшумно приблизился к задней двери кухни, где сработала сигнализация. Подергав за ручку, он убедился, что дверь заперта. На латунной замочной скважине не было видно никаких следов взлома – ни царапин, ни повреждений.

Ложная тревога.

Эстебан выпрямился и посмотрел на часы. Он с нетерпением ожидал того, что должно было произойти. Конечно, это извращение, но какое приятное. Получать удовольствие от убийства – порок, старый как мир. Это сидит в человеческих генах. Ему уже не раз приходилось убивать, и он находил, что в этом есть что-то очистительное. Возможно, не стань он режиссером, из него получился бы отличный серийный убийца.

Улыбнувшись этой мысли, он вынул ключ, отпер дверь и набрал код, отключающий сигнализацию. Но, проходя через кухню к двери, ведущей в подвал, он вдруг засомневался. Почему сбой произошел именно сейчас? Обычно это случалось во время грозы или сильного ветра. А сейчас безоблачно и тихо. Может быть, короткое замыкание или случайный статический разряд? Его охватило беспокойство, а этому чувству он привык доверять.

Передумав спускаться в подвал, Эстебан вышел из кухни и, пройдя темными коридорами, добрался до своего кабинета. Там он включил компьютер, ввел пароль и зашел на сайт управления видеокамерами. Чтобы попасть в кухню, надо пройти через газон за старой оранжереей, а это место просматривается камерой. В дом вообще невозможно войти незамеченным – контроль практически стопроцентный. Но вход со стороны кухни – самое уязвимое место, потому что сад и полуразрушенная оранжерея значительно затрудняют обзор. Эстебан ввел еще один пароль, и на экране появились изображения с камер. Смартфон зафиксировал сигнал тревоги в 20.41. Режиссер набрал время 20.36, выбрал камеру и стал просматривать запись.

Солнце уже село, но ночное видение еще не включилось, и изображение было довольно темным. Постукав по клавишам, Эстебан сделал его максимально отчетливым. Опять он перестраховывается. Прямо паранойя какая-то. Иронично усмехнувшись, он подумал, что такую

дотошность можно расценивать как достоинство и недостаток одновременно. И все же его не покидало чувство тревоги...

А потом он увидел, как в углу экрана мелькнуло что-то черное.

Эстебан остановил запись, прокрутил ее назад и стал снова просматривать в замедленном режиме. Вот опять: фигура в черном молниеносно проносится у самой кромки экрана. Эстебан почувствовал, как по спине пробежал холодок. Неплохо придумано. Он сам бы выбрал такой вариант, если бы решил незаметно проникнуть в дом.

Режиссер стал просматривать кадр за кадром. Бегущий человек был виден только на шести из них, меньше одной пятой секунды, но высокая четкость изображения позволяла хорошо его рассмотреть. На одном из кадров отчетливо запечатлелись бледное лицо и белые руки.

Эстебан резко поднялся на ноги, опрокинув стул. Агент ФБР, который был у него неделю назад. В груди у режиссера что-то оборвалось, он был близок к панике. Все шло так отлично, и вот на тебе. Как он догадался? Как?

Огромным усилием воли он подавил панику. Одной из его сильных сторон было умение соображать в экстремальных обстоятельствах. Этому он научился в кинобизнесе. Когда во время съемок случалось что-то непредвиденное и все собирались вокруг него в надежде, что он сейчас все исправит, ему волей-неволей приходилось принимать молниеносные и точные решения, ведь с каждой минутой простоя в трубу вылетало не меньше тысячи долларов.

Пендергаст. Так его, кажется, зовут. Сегодня он здесь один, без своего здоровяка-подручного с итальянской фамилией. Почему? Это означает, что он что-то заподозрил и явился по собственной инициативе. Будь у него серьезные доказательства, он вломился бы сюда со спецназом. Это во-первых.

Во-вторых, Пендергаст не знает, что его засекли. Возможно, он видел подъезжающую машину или ожидал приезда хозяина. Но он не догадывается, что хозяин уже знает о его присутствии. Это дает неоспоримые преимущества.

В-третьих, Пендергаст не знает плана усадьбы, в особенности ее запутанных подземелий. А Эстебан может пройти по ним с закрытыми глазами.

Он напряженно думал. Нет никакого сомнения, что Пендергаст нацелился на подвал. Он будет искать женщину. Скорее всего, он уже спустился туда из кухни. Значит, сейчас он находится где-то в южной стороне дома и блуждает среди старых декораций. Чтобы пробиться

через весь этот хлам и выйти к подземному ходу, ведущему к амбару, ему потребуется не меньше пятнадцати минут.

К счастью, дамочка сидит не под домом, а в подвале амбара. Но к несчастью, между этими двумя подземельями есть ход.

Наконец Эстебан принял решение. Заткнув за пояс пистолет, он вышел через главный вход и направился к амбару. Когда он переходил дорогу, на лице у него заиграла улыбка. План действий был готов. Бедняга не догадывается, во что он влип. Эта короткая драма будет иметь чудный конец. Очень эффектный. Почти такой же, как в его фильме «Побег из Синг-Синга». Жаль, что финал нельзя будет заснять.

Глава 75

Рич Плок стоял посреди хаоса, где крики сектантов и демонстрантов сливались с воплями животных, шумом трещоток и барабанной дробью. После недолгого сопротивления сектанты стали отступать – они поспешно выбегали через боковые двери и рассеивались в закоулках Вилля.

Плок был несколько обескуражен таким поворотом событий. Животных они, конечно, освободили, но что с ними делать дальше, пока неясно – девать их было некуда, и они в панике носились по церкви, выбегая через разбитые двери во двор. С жителями Вилля тоже вышла промашка. Их намечалось выдворить из Вилля, а они вместо этого разбежались кто куда и исчезли из виду. Рич никак не ожидал найти здесь такой лабиринт построек и запутанных ходов и не думал, что обитатели Вилля разбегутся по закоулкам, вместо того чтобы отражать нападение и под напором демонстрантов отступить из поселка. А эти сектанты предпочли не сражаться, а вероломно скрыться в неизвестном направлении, как это делали индейцы в стародавние времена.

Их надо было выдворить. И одновременно найти похищенную женщину.

До Плока стало доходить, что если они ее не спасут, то вторжение в Вилль ничем не будет оправдано, а это грозит очень большими неприятностями. Им надо было сначала очистить Вилль, вымести оттуда всех его обитателей, так чтобы эти мясники не смогли попрятаться, и одновременно спасти эту женщину. В этом случае общественное мнение было бы однозначно на их стороне. А так…

В разбитые двери церкви продолжали вливаться демонстранты, заполняя ее до отказа. Все жители Вилля разбежались. В церкви остался лишь их предводитель Боссон, мрачно наблюдавший за происходящим. Он стоял неподвижно, как изваяние, не стирая кровь, струившуюся со лба.

Когда все демонстранты собрались в церкви, Плок взобрался на постамент.

– Люди! – вскричал он, поднимая руки.

Толпа затихла.

– Мы не должны расходиться! – начал Плок, стараясь не обращать внимания на зловещее присутствие Боссона. – Эти изуверы ушли в подземелье. Мы должны найти их и выкурить оттуда! И главное, мы должны спасти женщину!

– Это наш дом, – вдруг послышалось из угла, где стоял Боссон.

Плок повернул к нему искаженное яростью лицо:

– Ваш дом! Эта камера пыток? Вы не заслуживаете дома!

– Это наш дом, – тихо повторил Боссон. – Так мы поклоняемся своим богам.

Плок чуть не задохнулся от негодования:

– А как вы им поклоняетесь? Режете бедных животных? Похищаете и убиваете людей?

– Уходите. Уходите, пока не поздно.

– Ой, напугал. Так где же женщина? Где вы ее заперли?

Толпа возмущенно загудела.

– Мы чтим животных и приносим их в жертву, чтобы накормить нашего защитника. С благословения наших богов мы…

– Довольно чушь молоть! – завопил Плок, трясясь от негодования. – Скажи своим людям, чтобы убирались отсюда. Иначе мы вышвырнем их вон! Понял? Идите куда хотите со своей паскудной религией!

– Боюсь, что тебе конец, – спокойно произнес Боссон, указывая пальцем на Плока.

– Сейчас умру от страха, – усмехнулся Плок и приветственно развел руки. – Покарайте меня, боги живодеров! Давайте, я жду!

Тотчас же в одном из темных приделов церкви возникло какое-то движение и шум. Потом кто-то вскрикнул, и толпа расступилась, как отхлынувшая от берега волна, пропуская жуткую фигуру, появившуюся из темноты. Поперхнувшись, Плок в ужасе уставился на страшное существо, в котором с трудом угадывался человек. Широкое плоское лицо, покрытые струпьями губы, гнилые зубы и бледное мускулистое тело под грязными лохмотьями, которое распространяло невыносимую

вонь. В руке существо держало окровавленный нож. Закинув голову назад, оно мычало, как теленок под ножом мясника. Единственный мутный глаз, пошарив в толпе, уставился на Плока.

Тяжело передвигая ноги, существо направилось к нему. Плок молча застыл на месте, не в силах оторвать глаз от зловещей фигуры.

В наступившей тишине послышался шорох. Это Боссон встал на колени и, склонив голову, молитвенно воздел руки.

– Envoie, – тихо и печально произнес он.

Существо крабьей походкой проковыляло к постаменту и, взобравшись на него, бросилось на Плока.

Тот наконец обрел дар речи и попытался крикнуть, но существо схватило его за горло, и он испустил последний вздох молча.

Все кончилось очень быстро.

Глава 76

Пендергаст пытался осветить своим крошечным фонариком подвал. В узком луче возникали самые причудливые предметы, но он, не глядя на них, сосредоточил все свое внимание на стенах, сложенных из сцементированных гранитных блоков.

Он сразу же узнал их.

Потом спецагент перешел к осмотру хлама, которым был набит подвал. Прямо перед ним возвышался гипсовый египетский обелиск, покрытый трещинами и затянутый паутиной плесени. Рядом с ним стояла усеченная башня средневекового замка из трухлявой фанеры с амбразурами и навесными бойницами в одну десятую реальной величины. По соседству располагались разбитые гипсовые статуи, сложенные, как дрова в поленнице. Среди них Пендергаст узнал уменьшенные копии Давида, крылатой Ники и Лаокоона с увечными руками и ногами. Рядом на бетонном полу валялись их отломанные пальцы. Потом в луче фонарика появились акула из стекловолокна, несколько пластиковых скелетов, пенопластовые ритуальные предметы диких племен и резиновый человеческий мозг со следами укусов.

Эта свалка затрудняла передвижение и мешала ориентироваться в огромном подвале. Блуждая между старыми декорациями, Пендергаст старался производить как можно меньше шума и не поднимал луч фонарика от пола. Несмотря на страшное запустение, царившее внизу, на декорациях почти не было пыли, что свидетельствовало о живом интересе к ним со стороны хозяина.

Освещая себе дорогу, Пендергаст все дальше углублялся в голливудские дебри. Перед ним открывались причудливые лабиринты помещений, набитых старыми декорациями в различной стадии обветшания, большинство которых осталось после грандиозных исторических эпопей, которыми прославился Эстебан. Подвал уже казался бесконечным. Вероятно, он остался от старого огромного дома, на месте которого Эстебан выстроил свой особняк.

Эстебан. Он должен скоро вернуться, если уже не явился. А время уходит, драгоценное время, которое Пендергаст просто не имеет права терять.

Он пробрался в следующее помещение, – похоже, здесь когда-то была коптильня, но сейчас тут находился стул, на котором ведьм погружали в воду, виселица, набор колодок и на редкость реалистичная гильотина времен Французской революции с приведенным в готовность ножом и корзинкой, полной отрубленных восковых голов с вытаращенными глазами и разверстыми в крике ртами.

Пендергаст двинулся дальше.

В конце последнего хранилища он увидел ржавую железную дверь, которая была слегка приоткрыта. Распахнув ее, он удивился, как легко она ходит на смазанных петлях. В темноту уходил длинный узкий ход, на первый взгляд вырытый в земле. Но, дотронувшись до его стены, Пендергаст обнаружил, что это штукатурка, раскрашенная под землю. Еще одна декорация, установленная в старом туннеле. По его направлению Пендергаст догадался, что он ведет в амбар. В девятнадцатом веке амбары на фермах часто соединялись с домом подземными ходами.

Он осветил фонариком темный проход. Местами штукатурка отвалилась, обнажив гранитные глыбы, из которых был сложен подвал. Именно на таком фоне и была снята Нора.

Пендергаст осторожно пошел по проходу, прикрывая рукой фонарик. Если Нора находится в поместье – а он в этом не сомневался, – то, скорее всего, она сидит в подвале под амбаром.

Открыв боковую дверь, Эстебан осторожно вошел в огромное помещение амбара, где стоял запах сена и старой штукатурки. Вокруг громоздились декорации из его многочисленных фильмов, которые он упорно собирал и хранил, несмотря на то что это требовало определенных затрат. Делал он это из какого-то сентиментального чувства, которое не мог объяснить. Как любые другие декорации, они изготавливались в спешке, склеивались и скреплялись на скорую руку, лишь бы дотянуть до конца съемок. Потом они быстро приходили в

негодность. Тем не менее он чувствовал к ним нежную привязанность и был не в силах расстаться с этим хламом. Для него была невыносима мысль, что их сломают и вывезут на свалку. Эстебан провел здесь не один упоительный вечер, бродя между декорациями со стаканом коньяка в руке, прикасаясь к ним, восхищаясь их красотой и с умилением вспоминая о своей былой славе.

Сейчас они тоже сослужили ему неплохую службу – задержали этого агента, заставили его блуждать, в то время как Эстебан мог спрятаться за ними и незаметно пробраться вперед.

Пройдя в дальний конец амбара, он отпер железную дверь. За ней была лестница, спускавшаяся в холодную темноту подвала. В прошлом на месте теперешнего особняка была гостиница, и здесь хранились фрукты и овощи, вызревали сыры, солилось мясо и находились винные погреба. Теперь же все подвалы были забиты декорациями. Он расчистил только мясной погреб, чтобы посадить туда дамочку.

Эстебан лавировал между декорациями с легкостью слепого, изучившего свой дом до мельчайших деталей. В этой кромешной темноте ему не требовалось никакого освещения. Вскоре он вышел к началу подземного хода, который соединял амбар с домом. Здесь он включил небольшой светодиодный фонарик. Его голубоватый луч высветил покрытые штукатуркой стены и деревянную крепь, оставшуюся после съемок «Побега из Синг-Синга», где декорацией служил этот самый подземный ход, что позволило сэкономить приличную сумму. На расстоянии двадцати футов от начала туннеля к стене была прикреплена фанерная панель, из которой торчал небольшой коленчатый рычаг. Бегло осмотрев его, Эстебан убедился, что он находится в рабочем состоянии. Это был несложный механизм, не требующий для работы электричества и использующий только силу тяжести – в кинопроизводстве любые приспособления должны быть надежными и простыми в обращении, поскольку хорошо известно: то, что может сломаться, обязательно сломается, причем именно в тот момент, когда работает кинокамера, а кинозвезда наконец протрезвела. Год назад он опробовал это собственное изобретение и убедился, что оно функционирует ничуть не хуже, чем в тот день, когда он снимал знаменитую сцену побега из фильма, который чуть не принес ему награду Американской академии искусств. Но увы, недотянул.

Вспыхнув от досады при мысли о потерянном «Оскаре», Эстебан выключил фонарик и прислушался. Так и есть. Вдали послышались шаги приближающегося агента. Сейчас ему предстоит сделать ужасное открытие. При всем своем уме и дьявольской сообразительности бедняга вряд ли догадается, что его ждет.

Глава 77

Гарри Р. Числетт, заместитель начальника полиции района Вашингтон-Хайтс, стоял на центральном контрольном пункте на Индиан-роуд с двумя рациями в руках. Столкнувшись с беспрецедентным и совершенно неожиданным поворотом событий, он тем не менее – так ему казалось – сумел быстро и четко среагировать. Кто мог предвидеть, что здесь так быстро соберется огромное количество демонстрантов, одержимых общей идеей? И все же он, Числетт, не растерялся. Но вся трагедия в том, что он окружен некомпетентными и неумелыми людьми. Его приказы были неверно истолкованы, плохо выполнялись и даже игнорировались. Да, это была именно трагедия, другого слова не подберешь.

Подняв полевой бинокль, Числетт направил его на входные ворота Вилля. Демонстранты сумели прорваться внутрь, и его людям пришлось последовать за ними. Их сообщения были крайне беспорядочными и противоречили друг другу. Одному богу известно, что там на самом деле происходит. Он бы и сам туда пошел, но командир не имеет права подвергать себя опасности. Там могут быть случаи насилия или даже убийства. Во всем виноваты полицейские, которые должны были следить за порядком. Так, во всяком случае, будет написано в его отчете.

Числетт поднял рацию, зажатую в правой руке.

– Передовая позиция альфа, – гаркнул он. – Передовая позиция альфа. Займите оборонительную позицию.

Рация потрескивала и искрила.

– Передовая позиция альфа, вы слышите меня?

– Позиция альфа, вас понял. Прошу уточнить последний приказ.

– Я сказал, займите оборонительную позицию. Буду вам очень признателен, если впредь вы будете выполнять мои приказы, а не просить их повторять.

– Я просто хотел удостовериться, сэр. Потому что две минуты назад вы приказали нам отступать и…

– Выполняйте!

От стайки полицейских, бесцельно слонявшихся по бейсбольной площадке, отделилась фигура в темном костюме и зашагала в сторону Числетта. Инспектор Минерва.

– Я слушаю вас, инспектор, – произнес Числетт голосом заслуженного отца-командира.

– Из Вилля поступают донесения, сэр.

– Продолжайте.

– Между демонстрантами и жителями Вилля произошло серьезное столкновение. Имеются раненые. Некоторые довольно серьезно. В церкви был устроен погром. Жители разбежались по поселку.

– Ничего удивительного.

Минерва замялся.

– В чем дело, инспектор?

– Сэр, я бы рекомендовал предпринять более серьезные меры.

Числетт удивленно посмотрел на него:

– Более серьезные меры? Что, черт возьми, вы имеете в виду?

– При всем моем глубоком уважении, сэр… когда демонстранты двинулись к Виллю, я уже рекомендовал вам немедленно вызвать подкрепление. Нас слишком мало.

– У нас достаточно людских ресурсов, – раздраженно ответил Числетт.

– Я также рекомендовал, чтобы наши люди перекрыли дорогу к Виллю и остановили демонстрантов.

– Именно это я и приказал.

Минерва нерешительно кашлянул.

– Сэр… вы приказали, чтобы все подразделения оставались на своих местах.

– Такого приказа я не давал!

– Но нам еще не поздно…

– У вас есть приказ, – оборвал его Числетт. – Прошу его выполнять.

Не выдержав его стального взгляда, Минерва опустил глаза и, пробормотав: «Есть, сэр», медленно пошел к толпившимся на площадке полицейским.

Да, все вокруг проявляют полную некомпетентность, даже те, на кого Числетт больше всего рассчитывал.

Он опять поднял бинокль. На этот раз картинка была интереснее. Он увидел, что демонстранты бегут из Вилля с искаженными от страха лицами. Значит, его люди сумели навести там порядок. Среди защитников животных мелькали балахоны местных жителей. Все они в панике покидали поселок, толкаясь и сбивая друг друга с ног.

Превосходно.

Опустив бинокль, Числетт поднял рацию:

– Вызываю передовую позицию дельта.

Через мгновение рация отозвалась:

– Передовая позиция дельта. Вегман слушает.

– Демонстранты начинают рассредоточиваться, – официальным тоном сообщил Числетт. – Теперь очевидно, что моя тактика возымела должный эффект. Ваши люди должны оттеснить демонстрантов на бейсбольную площадку и улицу, чтобы они мирно разошлись.

– Но, сэр, мы в данный момент рассредоточены по парку в соответствии с вашим приказом...

– Выполняйте.

Числетт решительно пресек протесты полицейского, нажав на кнопку отбоя. Все они слабаки. Во всей истории подавления беспорядков не найдется ни одного командира, у которого было бы такое вопиюще некомпетентное окружение.

Он с тяжелым вздохом опустил рацию и стал наблюдать, как поток людей, бегущих из Вилля, превращается в полноводную реку, которая выходит из берегов и заливает все вокруг.

Глава 78

Пендергаст шел по подземному ходу, придерживаясь левой стены и прикрывая рукой тонкий лучик фонарика. На повороте он увидел, что на земле лежит какой-то длинный светлый предмет.

Он осторожно приблизился к нему. Это был тяжелый пластиковый мешок с молнией, весь в грязи и прилипшей траве, словно его тащили по земле. На боковой стороне виднелась надпись «Нью-йоркский морг» и был указан номер.

Опустившись на колени, Пендергаст потянул за молнию, стараясь производить как можно меньше шума. В ноздри ему ударил резкий запах формалина, спирта и разлагающейся плоти. Раскрыв мешок до середины, Пендергаст взялся за его края и раздвинул пластик, чтобы открыть лицо.

Уильям Смитбек-младший.

Пендергаст долго смотрел на труп. Потом с благоговейной осторожностью потянул молнию вниз, открывая все тело. Оно уже совсем разложилось. После вскрытия тело Смитбека было приведено в

порядок, чтобы его можно было передать семье. Все органы были возвращены на место, огромный разрез зашит, верхняя часть черепа скреплена с нижней, лицо подреставрировано, все пустоты заполнены. Это была довольно грубая работа, но от патологоанатома нельзя ожидать ювелирной отделки. Во всяком случае, труп был в целости, и хороший гробовщик вполне мог привести его в пристойный вид.

Только вот в похоронное бюро попасть ему было не суждено. Его похитили, и он оказался здесь.

Внезапно Пендергаст что-то заметил. Вынув из кармана пиджака пинцет, он собрал кусочки белого латекса, прилипшие к лицу трупа: один вынул из ноздрей, другой снял с мочки уха. Внимательно рассмотрев свою находку в свете фонарика, он осторожно положил ее в карман.

Осветив ближайшее пространство, Пендергаст заметил еще одно тело в черном похоронном костюме. Лицо ему было незнакомо, но ростом и телосложением этот человек походил на Феринга.

При виде этих трупов Пендергаст наконец понял, в чем состоял план Эстебана. Он был весьма хитроумен. Оставался только один вопрос: что за документ Эстебан похитил из саркофага? Вероятно, это что-то из ряда вон выходящее, что-то неимоверно ценное, если он пошел на такой риск. Пендергаст медленно закрыл молнию. Сложность и дерзость этого плана потрясли его. Такое мог осуществить только человек, обладающий незаурядными дарованиями, терпением, талантом стратега и отчаянной смелостью. Причем осуществить так, как сделал это он. Если бы Пендергаст не наткнулся в Вилле на вскрытую гробницу и не сопоставил это обстоятельство с оберткой от баранины, найденной в поместье Эстебана, тот с легкостью довел бы свой замысел до конца.

Стоя в зловонной темноте, Пендергаст усиленно размышлял. Кинувшись сломя голову спасать Нору, он совсем не подумал об Эстебане. Теперь он понял, что недооценил этого человека, а это был грозный противник. Сейчас он уже наверняка вернулся домой. И скорее всего, знает, что в его дом проник посторонний. Такой человек вряд ли растеряется. Он, видимо, уже разработал план действий и поджидает непрошеного гостя. Надо перехитрить его и напасть, в буквальном смысле слова, с неожиданной стороны.

Пендергаст повернулся и бесшумно зашагал назад.

Стоя рядом с рычагом, Эстебан напряженно прислушивался. Агент вел себя на удивление тихо. Но в этом огромном подземелье каждый звук отдавался громким эхом, поэтому Эстебан с легкостью следил за каждым его шагом. Сначала послышался звук открываемой молнии,

потом зашелестел пластик. Несколько минут тишины – и вот опять заскрипела молния. Потом мелькнул слабый отблеск фонарика. Эстебан терпеливо ждал.

Забавно, что те два трупа обнаружил агент ФБР. Вот это был удар. Интересно, о чем он уже успел догадаться? Увидев трупы, он, вероятно, многое понял, ведь этот парень дьявольски умен. Возможно, он уже знает все. Кроме одного – что за документ забрал Эстебан из могилы своего предка.

Хорошо уже то, что у него пока лишь подозрения без каких-либо доказательств, иначе он явился бы сюда не один, а со спецназом.

При мысли о документе Эстебан похолодел. Он не забрал его с собой. Где он мог его оставить? Да в машине, конечно. Эта проклятая сигнализация сбила его с толку. А что, если его украли? Машина-то открыта. А если его нашел Пендергаст? Нет, это все глупости. Ворота в поместье заперты, а Пендергаст находится в подвале. При первой же возможности он заберет документ, а сейчас у него более неотложное дело.

В туннеле было абсолютно тихо. Затаив дыхание, Эстебан прислушивался и ждал.

Он ждал, но далекий свет фонарика оставался неподвижен. Время шло, и постепенно до Эстебана стало доходить: что-то здесь не так.

Вдруг позади него послышался приятный голос:

– Мистер Эстебан? Будьте любезны, не двигайтесь и выпустите из рук оружие, чтобы оно упало на землю. Хочу предупредить вас, что малейшее движение, даже если это нервный тик, приведет к вашей немедленной смерти.

Глава 79

Эстебан выпустил пистолет, и он со стуком упал на землю.

– А теперь медленно поднимите руки, сделайте два шага назад и прислонитесь к стене.

Эстебан в точности исполнил приказание. Наклонившись, Пендергаст поднял «браунинг» и опустил его в карман пиджака. Потом обыскал Эстебана и вытащил его фонарик. Немного отступив, он включил его.

– Послушайте… – начал Эстебан.

– Никаких разговоров, пожалуйста. Отвечайте только на мои вопросы. Сейчас вы отведете меня к Норе Келли. Кивните, если вы поняли.

Эстебан кивнул. Еще не все потеряно… Его можно переиграть. Он медленно двинулся по направлению к дому.

– Она не там, – остановил его Пендергаст. – Там я уже все осмотрел. Считайте, что вы использовали свой единственный шанс. Если вы опять попытаетесь смошенничать, я сочту вас бесполезным и убью без всякого предупреждения, а мисс Келли найду и без вашей помощи. Кивните, если вы поняли.

Эстебан кивнул.

– Она в подвале амбара?

Эстебан покачал головой.

– Тогда где? Можете говорить.

– Она в помещении, которое находится за стеной подземного хода. Вход замаскирован штукатуркой. Недалеко от тела Смитбека.

– Там не было свежей штукатурки.

– Дверь находится под старой гипсокартонной плитой, которую можно сдвинуть.

Пендергаст задумался. Потом махнул пистолетом.

– Идите вперед. И помните, что случится, если вы окажетесь бесполезным.

Эстебан снова пошел в сторону дома, придерживаясь правой стены. Пендергаст следовал за ним на расстоянии десяти футов. Эстебан перешагнул через крошечный фонарик, лежавший на полу туннеля. Он явно принадлежал агенту. Проходя мимо торчащей из стены ручки, он сделал вид, что споткнулся, и, падая, нажал на рычаг.

Немедленно прозвучал выстрел, но пуля пролетела слишком высоко, задев лишь волосы Эстебана. Механизм сработал, с грохотом обрушив потолок. Конечно, это был не настоящий обвал. Вниз полетели пенопластовые глыбы, обломки фальшивой крепи из крашеной фанеры, песок и гравий, смешанные с крашеным попкорном. Не такие тяжелые, как камни и земля, но все же достаточно увесистые. Пендергаст отскочил в сторону, но, несмотря на всю свою ловкость, не смог избежать столкновения с тонной мусора, свалившегося ему на голову. Лавина полистирола, деревяшек и попкорна сбила его с ног и похоронила под собой. Край этой лавины чуть не задел самого Эстебана, который еле успел отползти.

Вокруг было темно – фонарь засыпало вместе с Пендергастом. Услышав, как падают последние кусочки гравия, Эстебан расхохотался. Это была

кульминационная сцена из его фильма «Побег из Синг-Синга», когда тюремщики, преследующие главного героя, попадают под обвал и тот вырывается на свободу. Сейчас он воспроизвел этот эпизод в натуре.

Пендергаст явно не ходил в кино. Иначе он узнал бы этот туннель и догадался, что может произойти. Тем хуже для него.

Эстебан стал раскидывать ногами завал, чтобы откопать Пендергаста. Минут через пять среди мусора засветился фонарик и показалось окровавленное тело агента, покрытое толстым слоем пыли. Рядом лежал «браунинг», отобранный у Эстебана. Свой собственный пистолет Пендергаст все еще держал в руке. Его сотовый валялся неподалеку. Агента здорово оглушило, возможно, он был убит, но в таком деле нельзя полагаться на случай. Эстебан поднял оба пистолета. Потом наступил ногой на сотовый и раздавил его. Подняв «браунинг», он проверил магазин и, прицелившись в грудь агента, сделал три выстрела в сердце – два подряд, а потом третий для верности. При каждом попадании тело Пендергаста дергалось, и с его груди и плеч слетала пыль.

На земле растеклось пятно крови.

Эстебан чуть заметно улыбнулся. Жаль, что эта сцена не попадет на экран. А сейчас наступает заключительная сцена его личной эпопеи – убийство женщины и избавление от тел. Всех четырех.

Глава 80

Лора Хейворд осторожно пробиралась по подземным лабиринтам Вилля. Доносившиеся сверху крики внезапно прекратились: либо потасовка выплеснулась на улицу, либо она находилась слишком глубоко под землей. Подземелье это занимало несколько уровней и изобиловало разнообразными архитектурными решениями – от грубо вырубленных гротов до тщательно отделанных подземных палат с изящными крестовыми сводами. Похоже, каждое новое поколение поселенцев вносило свою лепту в расширение подземного пространства исходя из собственных нужд и строительных талантов.

Взглянув на часы, Хейворд увидела, что исследует подвал уже пятнадцать минут. Четверть часа блуждания по бесконечным ходам и тупикам самого ужасного вида. Интересно, как далеко тянется этот лабиринт? И как здесь найти Винсента? Она все время порывалась его окликнуть, но каждый раз какое-то шестое чувство удерживало ее. Рация тоже молчала.

Наконец Хейворд остановилась на пересечении четырех коротких ходов, каждый из которых оканчивался железной дверью. Повернув в один из них, она немного постояла у двери, прислушиваясь, потом резко

открыла ее. За дверью оказался грязный вонючий туннель, заросший плесенью и паутиной. С мокрого каменного потолка непрерывно капало, и Хейворд, идя по коридору, брезгливо стряхивала с себя грязную жидкость.

Ярдов через двадцать туннель разделился на два хода. Хейворд пошла по правому, поскольку он, как ей казалось вел к церкви. Воздух здесь был не такой зловонный, стены сложены из грубо обтесанных камней. Она посветила на них фонариком и, наклонившись, стала внимательно рассматривать. Стена выглядела совсем не так, как на видеоролике с Норой Келли.

Внезапно тишину нарушил какой-то звук. Чей-то крик?

Хейворд застыла в темноте, прислушиваясь. Но крик больше не повторялся. Возможно, ей показалось.

Она пошла дальше. Каменный коридор закончился массивной сводчатой аркой. За ней оказалась похожая на пещеру усыпальница с вырытыми в стенах нишами, в каждой из которых стояло по гниющему гробу. Везде были разбросаны амулеты и талисманы: кожаные мешочки, украшенные блестками, нелепые куклы с огромными головами, дощечки и шкуры с замысловатыми узорами из спиралей и сеток. Очевидно, это был подземный храм, где хоронили умерших главарей Вилля. Или не совсем умерших? Гробы выглядели несколько странно – их стягивали железные полосы, скрепленные замками, словно для того, чтобы удержать там мертвецов. Некоторые гробы были проткнуты насквозь огромными острыми штырями. Хейворд невольно содрогнулась, вспомнив впечатляющие детали красочных рассказов своих бывших коллег из полиции Нового Орлеана.

...Звук раздался снова, и на этот раз у нее не было сомнений: из темноты слышался тихий женский плач.

Нора Келли? Вынув пистолет, Хейворд двинулась через вудуистскую усыпальницу, прикрывая свет от фонарика. Голос звучал где-то совсем рядом, возможно, в соседнем помещении или чуть дальше. Усыпальница закончилась двумя коридорами. Плач раздавался из левого, и Хейворд пошла туда. Если это Нора, то ее, скорее всего, охраняют. Сюда наверняка кого-то послали, когда началась вся эта заварушка.

Сделав резкий поворот, коридор вывел ее в огромный склеп со сводчатым потолком и массивными колоннами. Все пространство было уставлено рядами деревянных саркофагов, которые тянулись до противоположной стены. Там она увидела три человеческие фигуры, освещенные мигающим светом, похожим на огонь зажигалки. Две женщины и мужчина. Одна из женщин плакала, а мужчина что-то

негромко говорил. Он стоял спиной к Хейворд, но по его тону и жестам было видно, что он пытается их успокоить.

Сердце у нее забилось. Она сделала шаг вперед, потом еще один. Сомнений не было: это Винсент д’Агоста.

– Винни!

Он удивленно обернулся. На лице его появилась облегченная улыбка.

– Лора! Что ты здесь делаешь?

Она быстро пошла вперед, уже не пряча фонарик. Женщины с испугом смотрели на нее.

Правая рука д’Агосты покоилась на некоем подобии перевязи, расцарапанное лицо было в грязи, костюм измят и порван. Но Лора была так рада видеть его, что едва обратила на это внимание.

Она торопливо обняла его, стараясь не задеть поврежденную руку. Потом внимательно оглядела.

– Винни, тебя словно протащили по земле на буксире.

– Именно так я себя и чувствую. Я здесь нашел пару людей, которым нужна помощь. На них напал один из обитателей Вилля, они попытались убежать и заблудились. – Он помолчал. – Ты тоже ищешь Нору?

– Нет, я искала тебя.

– Меня? Зачем? – недовольно спросил д’Агоста.

– Пендергаст сказал, что ты здесь и находишься в опасности.

– Я искал Нору. Ты разговаривала с Пендергастом?

– Когда он выбрался отсюда, то позвонил мне. Он отправился освобождать Нору. Сказал мне, что она не здесь.

– Что? А где же она?

– Не знаю. Он только сказал, что на вас напало какое-то странное существо.

– Это правда. Лора, если Норы здесь нет, нам надо уходить отсюда. Немедленно.

Вдруг он замолчал. Через мгновение Хейворд услышала тяжелое шлепанье, словно кто-то большими руками отбивал такт на холодном камне. Звук был довольно слабый, но он приближался. Через минуту к

нему прибавилось слюнявое причмокивание и тихий вой, похожий на звук, который издают проткнутые кузнечные мехи: а-а-а-а-у-у-у-у-у-у…

Одна из женщин ахнула и испуганно отступила назад.

Д'Агоста вздрогнул:

– Поздно. Оно возвращается.

Глава 81

Нора ждала в затхлой темноте подземелья. Голова у нее раскалывалась от боли. При любом движении виски словно пронзал раскаленный вертел. Удар, который она получила от своего тюремщика, вызвал еще одно сотрясение мозга. Несмотря на боль, ей приходилось бороться с апатией, которая временами охватывала ее. Сколько она здесь провела? Сутки? Или больше? Удивительно, как темнота меняет представление о времени.

Нора лежала у двери, прислонившись к стене. Ожидая возвращения своего мучителя, она размышляла, хватит ли у нее сил напасть на него. Затея казалась ей безнадежной – если у нее не вышло в первый раз, то вряд ли получится во второй. Но иного выхода не было. Если она сядет в любом другом месте, он просто застрелит ее из двери. Теперь уже ясно, что освобождать ее никто не собирается. Ее держат здесь для каких-то непонятных целей и, как только цели эти будут достигнуты, немедленно убьют.

Мысли беспорядочно блуждали в голове. Норе вспомнился черный лимузин на пристани городка Пейдж в Аризоне. Вдали возвышались красные скалы озера Пауэлл, над головой сияло ослепительно-синее небо. Над стоянкой поднимались волны горячего воздуха. Дверь лимузина открылась, и из него неуклюже выбрался худой мужчина. Стряхнув с себя пыль, он выпрямился и огляделся по сторонам. На голове у него красовался смешной козырек, из-под которого во все стороны торчали вихры. Он слегка сутулился, словно стесняясь своего высокого роста. Нора вспомнила его орлиный нос, длинное худое лицо, застенчивую манеру поведения, которая каким-то непонятным образом уживалась в нем с внутренней уверенностью в себе. Так она впервые встретила человека, который впоследствии стал ее мужем. Он был включен в состав археологической экспедиции в район каньонов штата Юта для освещения их работы в прессе. При первой встрече Билл показался ей полным ослом, и только позже она поняла, что лучшие свои качества он предпочитал скрывать, словно тяготился ими.

В памяти проплывали их первые дни в Юте: Билл, называющий ее «мадам председатель», Билл, с проклятиями взбирающийся на своего коня Урагана, который танцует и машет головой. Потом воспоминания

возвратились к их совместной жизни в Нью-Йорке: Билл проливает коньячный соус на свой новый костюм в «Кафе художников». Билл под видом бродяги проникает на строительную площадку, где обнаружили тридцать шесть трупов. Билл лежит на больничной койке после спасения от Ленга.

...Эти образы, возникавшие сами собой, приносили Норе странное утешение. Не имея больше сил им противиться, она, балансируя между сном и явью, обреченно смотрела, как они проплывали у нее перед глазами. Сейчас, когда ее собственная жизнь могла кончиться в любую минуту, она наконец смирилась с потерей.

Приглушенный грохот, от которого затряслись стены, возвратил ее к действительности. Она привстала, на время забыв про боль. Через некоторое время грохот затих, и наступила тишина. Потом раздались два выстрела подряд, за которыми вскоре последовал третий.

После долгой тишины этот шум подействовал на нее как наркотик. Что-то явно случилось, и надо воспользоваться этим шансом. Она стала прислушиваться. За стеной что-то волокли по полу. Сначала звук был чуть слышен, потом стал раздаваться отчетливее. Кряхтенье, пауза, снова поволокли. Тишина. Потом открылось окошко в двери, и голос тюремщика произнес:

– К вам гости.

Нора не пошевелилась. В окошке показался свет, и на стене появилась тень от решетки. Нора продолжала выжидать. Пусть войдет – и тогда она бросится на него.

Она услышала, как в замке повернулся ключ. Дверь приоткрылась, но вместо того, чтобы войти, ее тюремщик бросил на пол чье-то тело и тотчас же захлопнул дверь. В свете, падавшем через окошко, Нора разглядела точеное лицо с высокими скулами, мраморную кожу, густые волосы. Из-под прикрытых век виднелись белки закатившихся глаз, на волосах запеклась кровь, черный костюм был разорван и запылен, на рубашке расплылось кровавое пятно.

Пендергаст. Убит.

Нора в ужасе вскрикнула.

– Ваш дружок? – донесся из-за решетки насмешливый голос.

Потом звякнул замок, и в подземелье снова стало темно.

Глава 82

Александр Эстебан быстро прошел через подвал, где ему был известен каждый камень, и, перепрыгивая через две ступеньки, поднялся наверх.

Через минуту он был уже на улице. Стояла холодная осенняя ночь, на бархатном небе сверкали звезды. Он подбежал к машине, рывком открыл дверь и – какое счастье! – схватил конверт, лежавший на пассажирском сиденье. Вынув пергаментные листки, он просмотрел их и неторопливо вложил обратно в конверт.

Потом, тяжело дыша, прислонился к машине. Глупо было так паниковать. Куда ему деться, этому документу. Ведь, кроме него, он вряд ли кому-нибудь нужен. Мало кто вообще сможет его понять. Но все равно, сознавать, что он остался в незакрытой машине, было невыносимо. Он так тщательно разработал план действий, искал нужных людей, потратил целое состояние, обманывал, подкупал, запугивал, убивал – и все это ради двух листочков пергамента. Мысль, что они лежат без присмотра и могут стать добычей какого-нибудь случайного вора или пострадать от капризов лонг-айлендской погоды, причиняла ему почти физическую боль. Но все хорошо, что хорошо кончается. Теперь, когда документ снова у него в руках, не грех и посмеяться над своими страхами.

Грустно улыбнувшись, Эстебан пошел к дому. Пройдя темными коридорами, он вошел в кабинет и открыл сейф. Положив туда документ, он какое-то время нежно смотрел на него. Теперь можно расслабиться. Осталось только пойти в подвал и завершить начатое дело. Пендергаст убит, дело за женщиной. Их тела будут погребены в подвале – он уже присмотрел место, – и больше их никто не увидит.

Закрыв массивную стальную дверцу, Эстебан набрал код. Слушая, как щелкает запирающее устройство, он думал о своем будущем и улыбался. Конечно, ему предстоит нелегкая борьба, но, когда она завершится, он будет очень, очень богат.

Выйдя из дома, он зашагал по газону, держа в руке пистолет, найденный рядом с телом агента ФБР. Это было полицейское оружие, идеально подходящее для его цели. Устранив женщину, он избавится и от него.

Женщина. Он удивлялся ее стойкости и выносливости. К тому же люди бывают весьма изобретательны на пороге смерти. Это тоже нужно учесть. Хотя она нездорова и провела много времени взаперти, от нее можно ожидать всякого. Надо быть осторожнее – было бы непростительно оступиться в самый последний момент, когда он наконец поймал удачу за хвост.

Войдя в амбар, он включил фонарик и стал спускаться в подвал. Интересно, она опять будет сидеть у двери, как в прошлый раз? Это может усложнить дело. Нет, вряд ли. Мертвое тело, брошенное к ней в камеру, наверняка повергнет ее в истерику. Она, скорее всего, будет плакать, умолять, попытается его уговорить. Не надо давать ей этого шанса.

Подойдя к двери камеры, он открыл зарешеченное окошко и направил внутрь луч фонарика. Вот она. Лежит на соломе посередине камеры и рыдает, закрыв лицо руками. Больше никаких мыслей о сопротивлении. В ее спину очень удобно целиться. Справа валяется этот фэбээровский агент в распотрошенной одежде. Возможно, она искала его пистолет и, не найдя, окончательно потеряла надежду.

Эстебан вдруг почувствовал угрызения совести. Очень уж грязная работа. Убить Феринга и Кидд – совсем другое дело. За пачку баксов эти продажные ничтожества были готовы на все, что угодно. И все же женщину придется убрать, это неизбежно. Прищурившись, он прицелился в верхнюю часть спины, туда, где было сердце, и выстрелил из «кольта». Она дернулась в сторону и коротко вскрикнула. Вторая пуля попала ниже, как раз над почками, заставив ее дернуться снова. На этот раз она не закричала.

Все было кончено.

Но все-таки нужна полная уверенность. Пуля в голову для каждого – и быстро похоронить. Вместе со Смитбеком и ученым. Муж и жена в одной могиле – все как полагается.

Держа пистолет наготове, он отпер замок и открыл дверь.

Глава 83

Д'Агоста повернулся к испуганным демонстранткам. В готической усыпальнице их кашемировые свитера и спортивные туфли выглядели довольно дико.

– Спрячьтесь за этим саркофагом, – сказал он, указывая на ближайшую мраморную гробницу. – Пригнитесь, чтобы вас не было видно. Быстрее.

Он повернулся к Хейворд. Сломанная рука немедленно отозвалась на резкое движение.

– Дай мне твой фонарик.

Она отдала ему фонарик, и он быстро прикрыл его рукой:

– Лора, я безоружен. От него не спрячешься и не убежишь. Когда он войдет, сразу стреляй.

– Когда кто войдет?

– Увидишь. Он не чувствует боли и ничего не боится. Выглядит как человек, но человеческого в нем мало. У него потрясающая реакция. Я направлю на него свет. Если ты замешкаешься, нам конец.

Кивнув, Хейворд проверила затвор.

Сунув фонарик в карман, д’Агоста скрылся за большим мраморным саркофагом и жестом показал Хейворд, чтобы она спряталась за соседним. Они стали ждать. С минуту д’Агоста слышал лишь частое дыхание Лоры, тихий плач одной из демонстранток и биение своего сердца. Потом послышался топот босых ног по каменному полу. Сейчас он раздавался чуть дальше, чем вначале. Под низкими сводами разнесся протяжный голодный вой: «А-а-а-а-а-у-у-у-у-у…»

Демонстрантка зарыдала во весь голос.

– Тихо! – прошептал д’Агоста.

Шаги затихли. У д’Агосты заколотилось сердце. Он полез в карман за фонариком и в этот момент нащупал иконку святого архангела Михаила, покровителя полицейских. Ее дала ему мать, когда он стал служить в полиции. Каждое утро д’Агоста привычно клал иконку в карман. Хотя он никогда не молился и не был в церкви уже лет десять, сейчас он вдруг обратился к Богу: «В дни скорби моей ищу Господа…»

«А-а-а-а-и-и-и-у…» Вой зазвучал уже ближе.

«…Избавь меня от врагов моих, защити меня от восстающих на меня, смири их злобные сердца. Святой архангел Михаил, будь нам помощник в битве нашей…»

В дальнем конце склепа возникло какое-то движение. Кто-то крался между саркофагами, припадая к земле. Д’Агоста вытащил из кармана фонарик.

– Готова? – прошептал он.

Хейворд двумя руками подняла пистолет.

Направив фонарик на арку, д’Агоста включил свет.

Луч осветил бледную согнутую фигуру. Одной рукой она опиралась о каменный пол, другую прижимала к боку, где на лохмотьях расплылось кровавое пятно. Единственный глаз дико уставился на свет, на месте второго запеклась вытекшая кровь. Нижняя челюсть отвисла и раскачивалась при каждом движении, с темного распухшего языка стекала струйка слюны. Существо было ранено и истекало кровью, но это никак не отражалось на его агрессивности. Издав голодное рычание, оно бросилось на свет.

Раздались выстрелы. Бах! Бах! Бах!

Д’Агоста выключил фонарик, чтобы не привлекать внимание. В ушах у него звенело от выстрелов и вскриков демонстранток.

В коридорах раскатилось громкое эхо, и наступила тишина.

– О боже, – выдохнула Хейворд. – О боже.

– Ты попала?

– Похоже, да.

Д’Агоста, пригнувшись, терпеливо ждал, когда пройдет звон в ушах. Крики за его спиной сменились душераздирающими рыданиями. Потом все стихло, кроме прерывистого дыхания Хейворд.

Неужели она его убила?

Д’Агоста подождал еще пару минут. Потом включил фонарик и пошарил лучом по залу. Никого.

Но умер этот монстр или нет, они по-прежнему находились на вражеской территории, и надо было уносить ноги.

– Пошли, – скомандовал он. – Надо скорей убираться отсюда.

Д’Агоста сгреб в охапку демонстранток и силой поставил их на ноги. Они побежали сквозь лес саркофагов к арке в дальней стене усыпальницы. Лейтенант посветил на пол. Там лишь краснели капли крови. Войдя в арку, за которой находилось огромное хранилище, он поманил за собой женщин.

– Осторожно! Здесь посередине большой колодец. Держитесь ближе к стенам.

Когда они пробирались среди старой полусгнившей мебели и наваленных в кучи книг в кожаных переплетах, из темноты послышался резкий свист. Повернувшись в ту сторону, д’Агоста поднял фонарик, который осветил подбегающее к ним существо. Рот его был широко раскрыт, руки с черными поломанными ногтями были готовы вцепиться в жертву, чтобы терзать ее и рвать на части. Хейворд подняла пистолет, но было уже поздно. Существо метнулось вперед, свалив ее на пол. Пистолет, вращаясь, отлетел в сторону. Забыв про боль в сломанной руке, д’Агоста бросился на чудовище и стал лупить его по чему попало. Но оно, не замечая ударов, неумолимо сжимало шею пытавшейся освободиться Хейворд, издавая плотоядное рычание.

Внезапно хранилище осветил яркий оранжевый свет. Оглянувшись, д’Агоста увидел Боссона, стоявшего на пороге с пылающим факелом в руке. Лицо его было окровавлено, но это никак не повлияло на грозный, почти царственный вид главы общины.

– Arrêt![42] – закричал он, и его низкий голос эхом разнесся по подземелью.

Существо послушно отпустило Хейворд и недовольно подняло на Боссона вытаращенный глаз.

Д'Агоста заметил, что пистолет Хейворд лежит всего в нескольких дюймах от ног Боссона. Он потянулся к нему, но Боссон быстро поднял оружие и направил на пришельцев.

– Боссон! Прогони его! – крикнул лейтенант.

Глава вилльской общины молчал, не опуская пистолет.

– Так вот чему вы поклоняетесь? Этому чудовищу?

– Это чудовище нас защищает, – бросил Боссон.

– Ничего себе защита – убить полицейского, находящегося при исполнении служебных обязанностей.

Боссон посмотрел на д'Агосту, потом перевел взгляд на зомби и Хейворд и снова взглянул на лейтенанта.

– Она ничего вам не сделала! Прогони его!

– Она вторглась в наше жилище и осквернила нашу церковь.

– Она пришла сюда, чтобы спасти меня и всех остальных, – возразил д'Агоста, пристально глядя на Боссона. – Я всегда считал, что ты кровожадный сектант, убивающий животных для собственного низменного удовольствия. Давай, Боссон, докажи, что я не прав. Сейчас как раз подходящий случай. Докажи, что ты чего-то стоишь. Защити свою веру.

Какое-то время Боссон стоял неподвижно. Потом выпрямился во весь свой огромный рост и повернулся к зомби.

– C'est suffice! – крикнул он. – N'est-ce envoi pas![43]

Что-то промычав, существо уставилось на Боссона. Изо рта у него текла слюна. Потом оно ослабило свою хватку, и Хейворд, задыхаясь и кашляя, вырвалась из его лап. Д'Агоста помог ей подняться на ноги, и они отступили назад.

– Этому пора положить конец, – сказал Боссон. – Насилие должно прекратиться.

Существо нерешительно топталось на месте, переводя взгляд с Хейворд на Боссона. Потом в нем возобладал дикий инстинкт, и оно снова бросилось на женщину.

Раздался оглушительный выстрел. Существо крутанулось в воздухе и рухнуло на землю, но сразу же с яростным рычанием поднялось на

четвереньки и, обливаясь кровью, зашлепало в сторону Боссона. Следующая пуля попала ему в живот, и оно, захрипев, согнулось пополам. Кровь хлестала из ран и текла изо рта, но оно все еще пыталось двигаться дальше. Третья пуля угодила ему в грудь, свалив на землю. Корчась и извиваясь от боли, оно стало кататься по каменному полу.

Д'Агоста попытался поймать его, но было уже поздно – с громким стоном существо сорвалось в колодец. Послышался дикий крик, который через несколько долгих секунд сменился чуть слышным всплеском.

Боссон медленно опустил пистолет.

– Все кончилось, как и началось, – во тьме, – подвел черту он.

Глава 84

Эстебан вошел в камеру и остановился. Кого сначала? Однако он был не из тех, кто долго размышляет над подобными проблемами. Переступив через женщину, он подошел к окровавленному телу агента. Этот тип вполне заслужил свою смерть. Впрочем, он и так уже умер или близок к этому. Сейчас наверняка брызнет кровь и заложит уши от выстрела. Перезаряжая пистолет, он думал о том, что ему предстоит. Вместе с телами придется похоронить оружие и свою одежду. В наши дни кровь нельзя смыть – с современными химикатами эксперты обнаружат любые ее следы. Но помещение можно замуровать так, что никто не догадается о его существовании. Сюда можно сложить все тела. Фэбээровцы, конечно, будут разыскивать своего коллегу. Возможно, он даже сказал, куда идет. Но здесь нет никаких следов его пребывания – ни машины, ни катера, ничего.

Вставив магазин, Эстебан сделал пробный выстрел и, осветив фонариком тело, поднял пистолет.

Вдруг сзади его ударили по голове, и в следующую секунду чьи-то руки вцепились ему в лицо, раздирая ногтями кожу. Он почувствовал, как в глаз ему вонзился палец. Вскрикнув от страшной боли, Эстебан завертелся на месте, стараясь стряхнуть с себя нападавшего. Он хватал воздух у себя за спиной и отчаянно палил из пистолета. Фонарик упал на пол и разбился. Все поглотила темнота.

Режиссер был так ошарашен, что не сразу понял, кто на него напал. Потом до него дошло – это женщина. Он кричал и сопротивлялся, пытаясь схватить ее свободной рукой, но ее пальцы все глубже уходили под глазное яблоко.

Вдруг он с ужасом почувствовал, как глаз с влажным хлюпаньем выскакивает из глазницы. Боль была такая, что на мгновение он потерял всякую способность соображать.

Эстебан со стоном повалился на пол. От удара она выпустила его лицо. Но когда он перевернулся и поднял пистолет, подоспел еще один противник – очевидно, этот агент ФБР – и ногой выбил оружие у него из рук. Энергично заработав кулаками, Эстебан сумел отбиться, вскочил на ноги и побежал. Налетев со всего маху на стену, он стал ощупью пробираться вдоль нее, в ужасе прислушиваясь к дыханию своих преследователей.

...Дверь! Спотыкаясь, Эстебан выскочил из камеры и в панике стал блуждать в темноте, натыкаясь на декорации и стены. От боли и ужаса он полностью потерял способность ориентироваться. В отчаянных попытках найти выход он метался среди хлама, круша все на своем пути. Эта женщина и агент – как им удалось выжить? Ответ напрашивался сам собой – во всем виновата его потрясающая глупость. Он совершил колоссальную ошибку. Ускорив шаг, он почувствовал, как болтается глаз, висящий на зрительном нерве. Каждое движение причиняло мучительную боль.

«Браунинг»! Он совсем забыл о своем втором оружии. Вытащив его из-за пояса, он повернулся и несколько раз пальнул по своим преследователям. В ответ немедленно громыхнул выстрел из «кольта», и пуля, просвистев у него над ухом, впилась в стоящую рядом декорацию, засыпав его щепками.

Господи, да они совсем рядом. Эстебан бросился бежать, отчаянно пытаясь сориентироваться на этой свалке старья. Погоня приближалась. Стрелять в темноту было опасно. Так он только обнаружит свое присутствие.

Наткнувшись на какую-то декорацию, он понял, что совсем заблудился. Где, черт возьми, он находится? И что это за штука? Массивная стена из гипсокартона, отделанная под кирпич. Это, наверное, башня замка. Да, это она! Сунув пистолет за пояс, Эстебан стал карабкаться наверх, к бойницам. Еще немного, еще одно усилие... Он перелез через зубцы и спрыгнул вниз, приземлившись на что-то вроде пандуса. Что за черт? Он думал, что окажется рядом с бутафорским саркофагом египетского фараона Ранеба, но это было нечто иное. Значит, он опять шел не туда? Эстебан напряг память, пытаясь вспомнить расположение декораций. Но боль не давала ему сосредоточиться. Он пошел вверх по пандусу, но споткнулся и упал на деревянный помост. Если он затаится, они вряд ли его найдут. Нет, это глупо. Они обязательно придут сюда, и тогда... Надо бежать.

В следующий момент Эстебан услышал, как они ходят вдоль бойниц, пытаясь обнаружить его присутствие.

Он был раздавлен крушением всех своих надежд. Ему оставалось только бежать. В Мексику или Индонезию, может быть, в Сомали. Но сначала

надо выбраться из этой мрачной тюрьмы и обратиться за помощью к врачу. Он сел и почувствовал, как лица его коснулась свисающая сверху веревка. Ухватившись за нее, он попытался подняться на ноги, но веревка неожиданно ослабла, и сверху послышался какой-то странный шуршащий звук. За оставшуюся долю секунды он успел понять, что это за веревка, но было уже поздно, и короткий, резкий удар навсегда оборвал его жизнь.

Нора услышала какой-то шорох, потом что-то засвистело, и подвал осветился колеблющимся желтым огнем. Пендергаст держал в руке горящий жгут, скрученный из газеты. На бетонном полу лежала открытая гильза, из которой он вытряхнул порох, чтобы зажечь огонь.

– Пойдем посмотрим, – слабым голосом сказал агент.

Нора взяла его под руку. Все тело ныло от боли, словно у нее были переломаны ребра, в висках мучительно пульсировала кровь. Пуленепробиваемый жилет Пендергаста, который тот передал ей в камере, неподъемной тяжестью висел на плечах под больничным халатом. Обойдя фрагмент ограды средневекового замка, она увидела гильотину с упавшим топором и тело, распростертое на помосте. В корзине лежала отрубленная голова. Голова ее похитителя. Один глаз был изумленно вытаращен, другой был вырван и висел на ниточке нерва.

– О господи… – прошептала Нора, прикрывая рот рукой.

– Неплохое зрелище, – произнес Пендергаст. – Этот человек заказал убийство вашего мужа и Кейтлин Кидд. Убил Колина Феринга и Мартина Вартека и пытался убить нас с вами.

– Но зачем?

– Это прекрасно поставленный, точнее сказать, срежиссированный спектакль. Зачем он был поставлен, мы узнаем, когда найдем некий документ.

Пендергаст говорил так тихо, что Нора с трудом различала слова.

– А сейчас нам надо вызвать «скорую». Как только… как только вы покончите с этим.

Глядя на эту сцену из фильма ужасов, Нора почувствовала, как сквозь пелену боли прорастает ощущение какого-то мрачного катарсиса. Она отвернулась.

– Достаточно?

Она кивнула:

– Нам надо скорее выбираться отсюда. У вас сильное кровотечение.

– От третьей пули жилет не защитил. Похоже, она попала в легкое.

Пендергаст закашлялся, и на губах его показалась кровь.

Освещая себе дорогу самодельным факелом, они проделали медленный и мучительный путь наверх, пересекли лужайку и вошли в дом. Там, в темной гостиной, Пендергаст уложил Нору на диван и набрал 911.

Потом он потерял сознание и, упав на пол, застыл в растекающейся луже крови.

Глава 85

С наступлением ночи на седьмом этаже университетской больницы Северного побережья наступила тишина. Затих скрип больничных колясок и каталок, из комнаты медсестер больше не доносились сигналы и голоса. Остались лишь звуки, которые никогда не затихают в больницах: свист аппаратов искусственного дыхания, храп и бормотание больных, попискивание мониторов.

Но д’Агоста ничего этого не слышал. Последние восемнадцать часов он провел, сидя у кровати, стоящей в отдельной палате. Он смотрел в пол, автоматически сжимая и разжимая пальцы здоровой руки.

Краешком глаза он уловил какое-то движение. В дверном проеме показалась Нора Келли. Голова у нее была забинтована, ребра под больничным халатом обмотаны эластичной лентой. Она подошла к кровати.

– Как он?

– Все так же, – вздохнул д’Агоста. – А вы как?

– Гораздо лучше. А как у вас дела?

Д’Агоста покачал опущенной головой.

– Лейтенант, я хочу поблагодарить вас. За то, что вы поддерживали меня все это время. За ваше доверие. За все.

Д’Агоста почувствовал, что краснеет.

– Я ничего особенного не сделал.

– Нет, сделали. Правда.

Погладив его по плечу, она вышла из палаты.

Через два часа он опять поднял глаза. На этот раз в дверях стояла Лора Хейворд. Увидев д'Агосту, она быстро подошла к нему и поцеловала в щеку. Потом села рядом.

– Ты должен поесть, – сказала она. – Не сидеть же здесь вечно.

– Я не голоден.

Она наклонилась к нему:

– Винни, ты мне не нравишься. Когда Пендергаст позвонил мне и сказал, что ты в подземелье, я… – Она замолчала и взяла его за руку. – Я вдруг поняла, что просто не могу потерять тебя. Послушай, перестань во всем винить себя.

– Я слишком распсиховался. Если бы я держал себя в руках, его бы не подстрелили. В этом все дело, и ты это прекрасно знаешь.

– Ничего подобного. Кто знает, чем бы кончилось это дело, сложись все по-другому? Мы ведь охраняем порядок, а не гадаем на картах. Ты слышал, что сказал доктор? Кризис уже миновал. Пендергаст потерял много крови, но он выкарабкается.

Тело на кровати чуть шевельнулось. Парочка впилась в него взглядом. Агент Пендергаст чуть приоткрыл веки. Он был бледен как смерть, а болезненная худоба лишь усугубляла его сходство с бестелесным призраком.

Агент смотрел на них застывшим взглядом немигающих серебристо-серых глаз. На какое-то страшное мгновение д'Агосте показалось, что он умер. Но тут губы Пендергаста шевельнулись. Д'Агоста и Хейворд наклонились к нему.

– Я рад, что вы оба прекрасно выглядите, – проговорил агент.

– Вы тоже, – ответил д'Агоста, пытаясь изобразить улыбку. – Как вы себя чувствуете?

– Я много размышлял и радовался вашему участию. Что у вас с рукой, Винсент?

– Сломал локтевую кость. Ничего страшного.

Пендергаст закрыл глаза, но через мгновение открыл их вновь.

– Что там было? – спросил он.

– Где?

– В сейфе Эстебана.

– Старое завещание и свидетельство.

– Ага, – прошептал Пендергаст. – Завещание Элии Эстебана?

– Откуда вы знаете? – удивился д’Агоста.

– Я нашел могилу Элии Эстебана в подземелье Вилля. За несколько минут до этого она была вскрыта и ограблена. Видимо, ради этих самых документов. Полагаю, это свидетельство о праве собственности?

– Да. На ферму с участком земли в двадцать акров.

Агент медленно кивнул.

– Фермы, видимо, уже не существует?

– Давно. Сейчас это двадцать акров элитной недвижимости между Таймс-сквер и Мэдисон-авеню, в районе Сороковых улиц. Завещание было составлено таким образом, что Эстебан вполне мог претендовать на наследство.

– Он, конечно, не собирался завладеть землей. Используя этот документ, он мог вчинить иск, по которому получил бы несколько миллиардов компенсации. Ради этого стоит кое-кого убить, а, Винсент?

– Может, и стоит, да только не для меня.

Пендергаст высвободил из-под одеяла руки и аккуратно разгладил необычайно тонкое белье, оказавшееся здесь стараниями Проктора.

– Там, где сейчас находится Вилль, когда-то жила очень специфическая община. Рен рассказал мне, что, когда она распалась, ее основатель стал владельцем фермы в Южном Манхэттене. Этот фермер и Элия Эстебан – одно и то же лицо. После смерти он был похоронен в подземелье основанного им поселения вместе с этими пресловутыми документами – завещанием и свидетельством.

– Похоже на правду, – согласился д’Агоста. – А как Александр Эстебан пронюхал об этом?

– Когда он отошел от дел, у него объявилась страсть к изучению своего генеалогического древа. Он нанял ученого, чтобы тот покопался в его родословной. Тот и сделал это сенсационное открытие – за что поплатился жизнью. Кстати, это его тело находилось в подвале у Эстебана.

– Мы нашли его, – подала голос Хейворд.

– Труп этот весьма пригодился. Это его сбросили в реку Гарлем, после чего наш общий друг Уэйн Хеффлер вместе с так называемой сестрой опознал в нем Феринга.

– Значит, Колин Феринг был жив, когда убивал Смитбека, – заметил д’Агоста.

Пендергаст кивнул:

– Театральный грим творит чудеса. Не зря же Эстебан был режиссером.

– Мне кажется, агент Пендергаст нуждается в отдыхе, – вмешалась Хейворд.

Пендергаст слабо махнул рукой:

– Чепуха. Разговор проясняет сознание.

– И все же я пока не понимаю, – проговорил д’Агоста.

– Сейчас объясню.

Закрыв глаза, Пендергаст сложил руки на одеяле:

– Итак, Эстебан узнал о существовании документа, который мог сделать его баснословно богатым. К несчастью, он был спрятан в саркофаге, который находился в подземелье теперешнего Вилля, где жили сектанты, исповедовавшие тайную религию и весьма недружелюбно относящиеся к пришельцам. Секта эта была столь замкнутой, что ее членами могли быть не более ста сорока четырех человек. Новый сектант мог появиться только после смерти старого. Так что у Эстебана не было никаких шансов туда проникнуть. Тогда он решил воззвать к общественному мнению и заставить городские власти выселить незаконных жильцов. Для этого он и вступил в общество защиты животных и привлек на свою сторону Смитбека, который напечатал статью в «Таймс».

– Теперь понятно, – протянул д’Агоста. – Но одних жертвоприношений было недостаточно. И Эстебан подлил масла в огонь – убил Смитбека и свалил все на Вилль, разыграв этот спектакль с зомби и всякой вудуистской мишурой.

Пендергаст чуть заметно кивнул:

– Но он несколько ошибся с ритуалами вуду. К примеру, с этим крошечным гробиком в саркофаге Феринга. Поэтому мой друг Бертен и был так озадачен. К сожалению, тогда я не придал этому значения. Тем более что в Вилле практиковали не вуду, а собственный извращенный культ, сложившийся за годы вынужденной изоляции. – Агент помолчал. – Для реализации своего плана он нанял Колина Феринга и Кейтлин Кидд.

– Кидд? – удивился д’Агоста. – Эту журналистку?

– Совершенно верно. Она была частью интриги. Эстебан составил перечень необходимых качеств и стал подыскивать соответствующих людей. Вероятно, он рассуждал так. Феринг – безработный актер с сомнительной репутацией, который остро нуждается в деньгах. Живет в одном доме со Смитбеком и имеет почти такой же рост и вес. Идеальная кандидатура. Кейтлин Кидд – неразборчивая в средствах журналистка, которая отчаянно хочет продвинуться. – Пендергаст взглянул на Хейворд. – Похоже, вы ничуть не удивлены.

Она ответила не сразу:

– Я запросила подробные сведения на каждого фигуранта этого дела. Материалы на Кидд поступили только что. У нее криминальное прошлое. Она тщательно скрывала, что сидела в тюрьме за мошенничество. Афера с вымогательством денег у пожилых людей.

Д’Агоста потрясенно посмотрел на нее.

Пендергаст лишь кивнул:

– Думаю, Эстебан нашел ее в связи с судимостью. В любом случае он посулил ей немалые деньги за исполнение главной роли. Наш режиссер написал сценарий, где Феринг инсценирует собственную смерть, воспользовавшись трупом ученого. Кейтлин Кидд сыграла роль его сестры, опознавшей тело, а вечно занятый доктор Хеффлер довершил дело. Когда все поверили, что Феринг мертв, Эстебан придумал соответствующий грим – для кинорежиссера это не проблема. И Феринг сыграл себя самого, но только в виде восставшего из мертвых зомби. В этом обличье он убил Смитбека, а потом уже в его обличье напал на Нору Келли.

Д’Агоста удрученно покачал головой:

– Все ясно как день. И как это я раньше не догадался.

– Вспомните, как Феринг посмотрел в камеру, когда уходил из дома Смитбека. Он сделал все, чтобы соседи его узнали. Тогда мне это показалось странным, но сейчас ясно, зачем он так старался. План Эстебана строился именно на том, чтобы Феринга увидели и узнали. Причем это был ключевой момент.

Последовала долгая пауза. Пендергаст наконец открыл глаза:

– Потом начался второй акт эстебановской пьесы. Кейтлин Кидд явилась к убитой горем Норе и заставила ее поверить, что убийство Билла – дело рук обитателей Вилля. Это было ее первым заданием: сблизиться с Норой и незаметно убедить ту, что идея причастности Вилля к убийству родилась в ее собственной голове. На Нору оказывалось психологическое давление. Именно с этой целью Феринг

преследовал ее в музее и других местах. Потом Эстебан похитил из морга тело Смитбека, чтобы создать иллюзию, что тот тоже восстал из мертвых и превратился в зомби. Но была и другая, более важная причина – сделать с его лица слепок, чтобы изготовить маску для Феринга. Я обнаружил на лице Смитбека кусочки латекса, которые остались после этой процедуры. В этой маске Феринг убил Кидд на глазах у журналистов, которые знали Смитбека в лицо.

– Но зачем было убивать Кидд? – продолжал недоумевать д’Агоста.

– Она блестяще справилась со своей ролью, и ее услуги больше не требовались. Пора было расплачиваться. Проще убить, чем платить, тем более что от сообщников принято избавляться. Ферингу стоило об этом задуматься. Помните, как Кидд назвала имя Смитбека перед смертью? Вероятно, Эстебан сказал ей, что Феринг в обличье мертвого Смитбека убьет на церемонии кого-то другого. Ее роль, вернее, последнее выступление сводилось к тому, чтобы в ужасе выкрикнуть имя Смитбека, дабы у всех присутствующих не осталось сомнения, что это именно он. Только вот получила она совсем не то, на что рассчитывала.

– А потом Эстебан заставил Феринга убить Вартека, как только тот начал катить на сектантов бочки.

Пендергаст еще раз кивнул.

– И похитил Нору, чтобы все думали, что за этим стоит Вилль.

– Совершенно верно. Необходимо было накалить обстановку. Эстебан не собирался ждать, пока закончится затяжная процедура выселения. Он знал цену времени, как и полагается опытному режиссеру. Когда он снял Нору в своем подвале, все подумали, что это подземелье Вилля. Это было началом третьего акта постановки. Дело приближалось к развязке.

– Значит, Феринга убил сам Эстебан? – подала голос Хейворд.

– Думаю, да. Надо было убрать второго сообщника. Кроме того, тело обнаружили рядом с Виллем, а это бросало лишнее подозрение на его жителей.

– Одного я не понимаю, – начал д’Агоста. – На первой демонстрации Эстебан завел толпу, а потом вдруг остановил людей. Зачем? Разве не проще было ворваться в Вилль с первого захода?

Пендергаст ответил не сразу:

– Я тоже вначале был удивлен. Но потом пришел к выводу, что ему мало было просто прорваться туда. Чтобы ограбить гробницу, ему требовались беспорядки, причем очень серьезные, чтобы он мог незаметно проникнуть в подземелье, схватить приз и ретироваться.

Первая демонстрация была репетицией. Поэтому Эстебан и отказался от участия во втором, главном мероприятии. Он подготовил его, а потом сделал вид, что испугался. Он был в Вилле практически одновременно с нами, Винсент. Мы вполне могли встретиться. Когда нас атаковало это существо, он уже исчез.

Хейворд нахмурилась:

– А что это было за существо?

– Человек. Во всяком случае, он им когда-то был. Но особый ритуал превратил его в нечто иное.

– Какой ритуал? – спросил д’Агоста.

– Помните эти странные инструменты, которые мы видели у них на алтаре? С костяными ручками и длинными изогнутыми проволоками с маленьким лезвием на конце? Они служат для той же цели, что и старый хирургический инструмент под названием лейкотом.

– Лейкотом? – переспросил д’Агоста.

– Инструмент, с помощью которого производится лоботомия, в данном случае трансорбитальная лоботомия, при которой в мозг проникают через глазницу. Члены вилльской общины знали, что разрушение участка мозга в районе так называемой зоны Брока превращает несчастную жертву в существо, не чувствующее боли, лишенное моральных и этических понятий, чрезвычайно агрессивное и одновременно послушное своим хозяевам. Что-то среднее между животным и человеком.

– Вы хотите сказать, что сектанты делали это намеренно?

– Вне всякого сомнения. Выбирался человек, которого приносили в жертву ради интересов общины. За это они поклонялись ему и всячески боготворили его. Возможно, это было особой честью, к которой стремились многие. По сути, это существо было главной частью их религиозного обряда. Его создание, кормление, натаскивание и отправление на улицу было своего рода ритуалом. Он охранял общину от вторжения враждебного мира, а они за это кормили его и поклонялись, как святому. В некоторых обществах отдельным индивидам позволяется совершать дурные поступки. Возможно, сектанты делали людям лоботомию, чтобы спасти их души. Они охраняли Вилль и убивали его врагов бессознательно и, таким образом, не совершали греха.

– Но как операция может превратить человека в такое чудовище? – удивилась Хейворд.

– Она совсем несложная. Еще много лет назад врач по имени Уолтер Фримен мог производить лоботомию с помощью ножа для колки льда буквально за несколько минут. Вводил его внутрь, быстро двигал взад-вперед – и нужная часть мозга разрушена. А заодно и личность пациента, его душа и самосознание. Вилльские сектанты просто пошли чуть дальше.

– А те убийства, о которых упоминал Рен? Их, наверное, совершали такие же зомби? – предположил д’Агоста.

– Абсолютно точно. Убийства, совершенные рукотворным зомби, нагнали на всех такого страху, что Исидор Штраус отказался от своего намерения расчистить Инвудский парк. Похоже, управляющий Штрауса был обращен в вилльскую религию, а потом удостоился высшей чести и стал тем самым зомби.

Хейворд вздрогнула:

– Какой кошмар.

– Воистину. Ситуация довольно парадоксальная: Эстебан заставил Феринга изображать зомби, чтобы убедить публику, что это дело рук обитателей Вилля. А они и в самом деле производили зомби, хотя совсем для других целей. Кстати, что стало с Виллем?

– Похоже, его обитателей оставили в покое. Они пообещали прекратить жертвоприношения.

– Будем надеяться, что с зомби они тоже покончат. Не удивлюсь, если в будущем Боссон одумается и станет оказывать благотворное влияние на своих подопечных. Мне показалось, что у них со жрецом какие-то трения.

– Это Боссон застрелил зомби, когда тот чуть не убил нас.

– В самом деле? Это обнадеживает. Истинный фанатик веры вряд ли убьет живое воплощение своего божества. – Пендергаст взглянул на Хейворд. – Кстати, капитан, я был весьма огорчен, когда узнал, что вас не назначили в группу быстрого реагирования при мэре.

– Не стоит расстраиваться, – усмехнулась Хейворд, тряхнув черными волосами. – На самом деле мне повезло, что меня не взяли. По последним сведениям, эта группа – очередной бюрократический кошмар, хотя все клянутся, что это не так. Кстати, вы помните нашего друга Клайна, этого успешного программиста? Похоже, ему придется пожалеть, что он надавил на комиссара полиции. Я только что узнала, что ФБР прослушивало его телефон в связи с подозрением в мошенничестве и записало их разговор, когда он шантажировал комиссара. Оба здорово погорели. Клайну конец.

– Жаль Рокера. Он был неплохой парень.

Хейворд кивнула:

– Он сделал это из лучших побуждений – ради Фонда Дайсона. Для него это трагедия. Но для меня есть кое-какой положительный эффект. Я больше не буду работать у комиссара и возвращаюсь в отдел расследования убийств.

В палате повисла тишина.

Потом торопливо заговорил д’Агоста:

– Послушайте, Пендергаст, простите меня за мою чертову глупость – за то, что потащил вас в Вилль, за то, что вас ранили и мы чуть не потеряли Нору. Случалось, я и раньше вел себя как последний идиот, но это превзошло все.

– Мой дорогой Винсент, – тихо произнес Пендергаст. – Если бы мы не пошли в Вилль, я бы никогда не обнаружил тот саркофаг и не узнал, что он принадлежит предку Эстебана… И что бы мы имели сейчас? Нора была бы убита, а Эстебан стал новым Дональдом Трампом. Так что ваша так называемая глупость помогла нам раскрыть преступление.

Д’Агоста не нашелся что ответить.

– А сейчас, Винсент, я бы немного отдохнул, если вы не возражаете.

Когда они вышли из палаты, д’Агоста повернулся к Хейворд:

– Как понимать твою проверку всех причастных к делу?

Хейворд выглядела непривычно смущенной.

– Я не могла допустить, чтобы Пендергаст втягивал тебя во всякие авантюры. Поэтому… начала сама интересоваться этим делом. Слегка.

Д’Агоста почувствовал, как его охватывают противоречивые чувства: к легкому раздражению по поводу непрошеной помощи примешивалась радость от сознания, что он небезразличен Лоре, раз она решила заняться этим делом.

– Вечно ты обо мне заботишься, – проворчал он.

Вместо ответа она взяла его под руку:

– Какие планы на ужин?

– Да вот хочу пригласить тебя в ресторан.

– Куда?

– Как насчет «Цирка»?

Хейворд удивленно посмотрела на него:

– Ну и ну! Второй раз за год. По какому случаю?

– Ни по какому. Просто хочу провести время с потрясающей женщиной.

В коридоре их остановил пожилой мужчина. Д'Агоста с изумлением воззрился на него. Коротенький толстяк был одет так, как одевались в Лондоне во времена короля Эдуарда: черная визитка, белая гвоздика в петлице, на голове шляпа-котелок.

– Простите, вы только что вышли из палаты, где лежит Алоизий Пендергаст? – вежливо спросил он.

– Да, – подтвердил д'Агоста. – А в чем дело?

– Я должен вручить ему письмо.

Мужчина действительно держал в руке конверт из дорогой бумаги кремового цвета, по виду изготовленной вручную. На конверте размашистым почерком было написано имя Пендергаста.

– Вам придется прийти в другой раз. Пендергаст сейчас отдыхает.

– Уверяю вас, это письмо он захочет увидеть немедленно.

С этими словами мужчина попытался пройти к двери.

Д'Агоста остановил его, взяв за плечо:

– Кто вы такой?

– Я Огилби, адвокат семьи Пендергаст. А теперь, с вашего позволения…

Сняв руку д'Агосты со своего плеча, он поклонился, приподнял шляпу и вошел в палату, где лежал Пендергаст.

Эпилог

Маленький катер мчался по сверкающей поверхности озера Пауэлл. В этот холодный и ясный апрельский день аризонский воздух был чист и, казалось, похрустывал, как свежевыстиранное белье. Над скалами Большой террасы сверкало желто-красное утреннее солнце. Вскоре из-за поворота показался край плато Кайпарович. Дикое и неприступное, оно грозно возвышалось вдали, багровея в лучах восходящего светила.

Нора Келли стояла у руля, и ветер трепал ее короткие волосы. Пролетая мимо таинственного мира камней, катер со свистом рассекал воду, будоража шумом мотора окрестные утесы. Воздух был напоен запахом

кедров и теплого песчаника. Вокруг было торжественно и тихо, как в соборе, и только над каньоном с тихим криком парил золотой орел.

Нора сбросила скорость, и катер медленно заскользил по воде. После очередного поворота показалось устье водного каньона Серпантин – узкая полоска зеленой воды между отвесными скалами из красного песчаника.

Нора повернула катер в каньон. В замкнутом пространстве шум мотора стал раскатываться дробнее. Оправдывая свое название, каньон извивался, как проселочная дорога. Там было довольно прохладно, и изо рта у Норы стали вырываться клубочки пара. Пройдя около мили, катер достиг на редкость живописного места, где вода прорезала скалу и низвергалась вниз крошечным водопадом, создавая вокруг себя целый мир папоротников и мхов, среди которых торчали стволы небольших искривленных сосен, растущих из расселины в скале. Нора заглушила мотор и стала дрейфовать, наслаждаясь плеском водопада и свежим запахом зелени и воды.

Она тотчас же узнала это волшебное место, словно видела его только вчера. Пять лет назад, во время экспедиции в Квивиру, они уже были здесь. Билл Смитбек, с которым она познакомилась накануне, стоя у борта катера, махнул ей рукой. «Посмотрите, Нора, – с улыбкой сказал он, чуть подтолкнув ее локтем. – Здесь эльфы моют свои прозрачные крылышки. Это душ для эльфов».

Так в первый раз ей открылась романтичность его натуры, юмор и умение видеть красоту. Это заставило ее забыть о первом впечатлении и посмотреть на него другими глазами. Возможно, именно тогда она влюбилась в него.

Две недели назад Нора вернулась в Нью-Мехико после того, как ей предложили должность куратора в Археологическом институте Санта-Фе. Приехав туда с братом Скипом, она всю последнюю неделю обсуждала свою будущую работу с директором и членами правления музея. Для нее было особенно важно обговорить условия летней экспедиции в Юту. Скип, как мог, помогал ей, пытаясь отблагодарить за ту поддержку, которую Нора оказала ему в прошлом, когда его собственная жизнь полетела под откос.

Но у Норы была еще одна, личная причина для этой поездки. Она уже отчасти примирилась с ужасной смертью Билла. Нью-Йорк с их любимыми парками и ресторанами и даже та роковая квартира больше не вселяли в нее ужас. Но их прошлое – это что-то иное. Она не могла представить, что почувствует, вернувшись в край каньонов. Пейдж, штат Аризона, где они впервые встретились, озеро Пауэлл или затерянная страна, где они искали полумистический город Квивиру. Она ощущала

потребность посетить эти места вновь, чтобы успокоить демонов, терзавших ее душу. Катер тихо скользил по воде, и в памяти Норы всплывали картины прошлого, как бы затянутые дымкой времени, от которой они становились не столь мучительными, а горечь утраты чуть смягчалась сладостью воспоминаний. Вот Билл громко возмущается, после того как его сбросил на землю ураган. Билл закрывает ее собственным телом от ливневого паводка. Билл берет ее за руку под сверкающими ночными звездами. Нора мысленно поблагодарила эту чудесную землю, подарившую ей столько счастливых воспоминаний.

Катер замедлил ход и застыл на зеркальной воде. Достав маленькую бронзовую урну, Нора сорвала с нее бумажную ленту и открыла крышку. Наклонившись над водой, она высыпала в нее пепел и долго смотрела, как он погружается в нефритовую глубину. Когда серебристый завиток окончательно исчез в темноте, она тихо произнесла:

– Прощай, мой милый друг.

Благодарности

Мы бы хотели выразить признательность всем тем, кто оказал нам всестороннюю помощь при создании этой книги: Джейми Левин, Джейми Рааб, Ким Хоффман, Кэли Шимек, Марико Кага, Джону Каучу, Клаудии Рюльке, Эрику Симоноффу, Мэтью Снайдеру, а также сотрудникам издательства «Гранд сентрал паблишинг», которые доносят наши книги до читателей.

Особую благодарность мы бы хотели выразить тем, кто помогал создавать веб-сайт Пендергаста в Интернете, и прежде всего Кармен Эллиотт, Надин Уодделл, Черил Диринг, Офелии Джулиен, Саре Хенли, Кэтлин Манч, Керри Опел, Морин Шоки и Лью Лэшмитт. Позвольте поднять стаканы с виски «Лагавулин» двадцатиоднолетней выдержки за ваш исключительный талант и литературный вкус.

Читатели, знакомые с Верхним Манхэттеном, могут заметить, что мы позволили себе некоторые вольности при описании парка Инвуд-Хилл.

Все персонажи, места действия, общественные и частные институты, корпоративные и официальные организации, а также религиозные сообщества, описанные на этих страницах, либо являются вымышленными, либо используются в вымышленных целях. В частности, верования и ритуалы, которые упоминаются в романе, полностью вымышлены, и любое их сходство с существующими религиями и вероучениями является непреднамеренным и случайным.

Примечания

1

Качина – дух предков в верованиях индейцев Северной Америки, а также его изображение в виде деревянной куклы.

2

«*Дакота*» – одно из старейших жилых зданий Нью-Йорка, построенное в 1880 г.

3

Джордж Штейнбреннер – знаменитый американский миллиардер, владелец известной бейсбольной команды «Янки».

4

Переменчивая толпа (*лат.*).

5

Обеаман – колдун, практикующий обеа.

6

Разумеется (*фр.*).

7

Отправленная смерть (*фр.*).

8

Пари Паскаля – аргумент для демонстрации рациональной религиозной веры, предложенный французским математиком и философом Блезом Паскалем в его работе «Мысли».

9

Вольный перевод греческой пословицы, упоминаемой в «Эссе» Ральфа Уолдо Эмерсона, американского поэта и философа XIX века.

10

Лицемерный читатель (*фр.*). Выражение из вступления к стихотворному сборнику Шарля Бодлера «Цветы зла» (1857).

11

«*Аркам*» – американское издательство, специализирующееся в основном на фантастической и мистической литературе.

12

Каджуны – франкоязычные жители штата Луизиана.

13

Шекеры – американская секта, отколовшаяся от квакеров.

14

Зиккурат – ступенчатая культовая башня в архитектуре Древней Месопотамии.

15

«*Лендсенд*» – сеть магазинов одежды.

16

Сесиль Де Миль – американский кинорежиссер и продюсер.

17

Какая радость! (*фр.*)

18

Учитель (*фр.*).

19

Худу – разновидность вуду.

20

Призрак (*фр.*).

21

Очень хорошо (*фр.*).

22

Доктор Сьюз – псевдоним Теодора Сьюза Гейзеля, американского писателя и мультипликатора.

23

Лоа – невидимые духи, осуществляющие посредничество между Богом и людьми.

24

Унган – жрец вуду.

25

Святилище (*креол.*).

26

Педераст (*креол.*).

27

Порча (*креол.*).

28

Веве – ритуальные рисунки.

29

В виде порошка (*фр.*).

30

Мой друг (*фр.*).

31

Успокойтесь, успокойтесь, учитель (*фр.*).

32

Вот доказательство (лат.).

33

Национальное общество колониальных дам Америки – общественная организация, объединяющая женщин, чьи предки прибыли в Америку до 1750 г.

34

Осторожнее, ради всего святого, осторожнее! (*фр.*)

35

Прощай (*фр.*).

36

Поль Брока (1824–1880) – известный французский хирург, этнограф, анатом и антрополог.

37

«Дочери американской революции» – женская общественная организация, объединяющая потомков участников войны за независимость. Создана в 1890 г.

38

Клойстерс – музей средневекового искусства в Северном Манхэттене.

39

Катись отсюда, грязная скотина (*фр*.).

40

Давай! (*фр*.)

41

Эдгар Гувер – директор ФБР, возглавлявший эту службу с 1924 по 1972 г.

42

Стой! (*фр*.)

43

Довольно! Немедленно прекрати! (*фр*.)